

ББК 81
С 47

Редакционная коллегия:

доктора филологических наук
С.Б. Бернштейн (ответственный редактор), Е.И. Демина,
Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Попова (ответственный секретарь),
Л.Н. Смирнов, академик Н.И. Толстой,
кандидат филологических наук Т.В. Цивьян

Рецензенты:

доктора филологических наук *А.И. Багмут, В.Н. Топоров*

Славянское и балканское языкознание: Просодия: Сб. статей/
С 47 : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; Отв. ред. Р.В. Бу-
латова, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, Т.М. Николаева. —М.: Наука,
1989. — 251 с.

ISBN 5-02-010963-0

В сборнике славянская акцентуация рассматривается на широком фоне индоевропейской акцентуации и просодии. В работу включены общетеоретические и экспериментально-фонетические исследования. Представлены все акцентно-просодические уровни: слог, словесное ударение, фразовое ударение и фразовая интонация, синтаксическая акцентология и метрика.

Для фонетистов широкого профиля, историков-компаративистов, акцентологов.

С 4602000000-063 387-89, кн. 1
042(02)-89

ББК 81

ISBN 5-02-010963-0

© Издательство "Наука", 1989

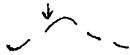
Т.М. НИКОЛАЕВА

ОБ ОДНОМ СХОДСТВЕ СЛАВЯНСКОЙ И ФИННО-УГОРСКОЙ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ

1. Разнообразные исследования по типологическому изучению интонации высказывания показывают, что восходящая мелодика и ее функциональные варианты в гораздо большей степени дифференцируют языки, чем нисходящая мелодика¹. Тип различия восходящей мелодики оказался значимым и для семьи близко родственных языков². Так, для славянских языков особенно явно противопоставленными оказались две доминантных фигуры восходящей мелодики; они как бы разбивают славянские языки на две группы: западную и восточно-южную. Первая фигура характеризуется низким положением тона на ударном гласном и повышением тона на заударном (заударных) вплоть до самого последнего слога:

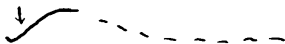

Вторая фигура — это резкий подъем на ударном слоге (или его повышенное положение) с последующим падением тона, начинающимся на этом же ударном или на заударных слогах:

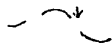

Для передачи общего вопроса в западнославянских языках в основном используется первая фигура, вторая же передает переспрос и сопоставительный вопрос с *А*. Напротив, в южнославянских (и особенно — в восточнославянских языках) ситуация противоположная: вторая фигура передает общий вопрос, а первая — переспрос и сопоставительный вопрос с *А*. По нотации Е.А. Брызгуновой, первая фигура может быть обозначена как ИК-4, а вторая — как ИК-3³. Разумеется, речь идет о количественном преобладании типа фигур, поскольку обе фигуры известны всем славянским языкам, на функциональном же уровне известны промежуточные случаи.

В группе восточнославянских языков в максимальной степени тип общего вопроса с терминальным падением тона представлен в русском языке. Употребление этого типа становится все более частотным (на очень интересных, по нашему мнению, причинах его распространения мы не останавливаемся, чтобы не отвлекаться от чисто типологических проблем). Еще одно свойство интонации русского высказывания — легкость перенесения интонационного центра, точнее, интонационного максимума, на начало фразы, ее второй сильный участок, сочетаясь с фигурой ИК-3 в общем вопросе, способствует в целом тому, что интонация общего вопроса напоминает по графической репрезентации повествовательную: *Были вчера на концерте?*:

Именно такой тип русского вопроса часто воспринимается носителями тех языков, где восходящая мелодика идет в общем вопросе до конца, как тип повествовательного высказывания, а не вопросительного, что создает хорошо известные и описанные сложности в общении и в обучении русской интонации. В восточнославянской системе это совпадение контуров мелодики вопроса и повествования компенсируется очень высоким положением главноударного слога, так что вопрос—ответ отличаются не конфигурацией, а уровнем: *Гуляли?*

и *Гуляли*.

Интересно, что именно такое регистровое противопоставление для интонации вопроса-ответа в севернорусских говорах описывает Р.Ф. Пауфошима в статье, публикуемой в настоящем сборнике⁴. К ее положениям мы еще вернемся.

Анализ типологии мелодических фигур славянского ареала заканчивался в нашей книге 1977 года сопоставлением фактов славянской интонации и фактов интонации неславянского окружения славян. Выяснилось, что фигура мелодики общего вопроса с заударенным падением (ИК—3) объединяет восточнославянские языки с финноугорскими, тогда как, что существенно, не только западные языки Европы, но и тюркские языки употребляют при общем вопросе тип мелодики с конечным повышением. Эти типологические результаты тогда показались неожиданными, однако, работы других исследователей, после 1977 г., подтвердили эти выводы⁵.

2. Вместе с тем несомненно, что подобные типологические сопоставления должны быть верифицированы посредством новых, специально проведенных экспериментальных наблюдений. Важны и соображения универсальной и типологической интонологии в целом.

Выше говорилось о том, что русское вопросительное предложение с падающим мелодическим исходом и начальным интонационным центром может по слуховому восприятию и по рисунку контура напоминать повествовательное⁶. Поэтому, строго говоря, вывод о том, что вопросительные предложения со значением общего вопроса в финноугорских языках кончаются мелодическим понижением, еще не свидетельствует о том, что в этих языках вообще существует интонационное различие вопроса и утверждения. Именно на такой негативной позиции стоит А. Ивонен, обследовавший интонацию общего вопроса в финском языке и пришедший к выводу о том, что в этом языке вопрос и утверждение интонационно совпадают⁷. См. также подобную точку зрения на типы интонации в эстонском языке: "В эстонском языке интонация слова и всякого предложения всегда нисходящая. В русском же языке употребляется и восходящая интонация в некоторых особых случаях"⁸.

Априорным свидетельством в пользу важности не только контура, но и регистровых противопоставлений явились опубликованные в последнее время интересные работы по интонации вопроса-утверждения

в универсальном человеческом аспекте. На универсальности языкового разделения общего вопроса и интонации повествования неоднократно настаивал Д. Болинджер⁹. В одной из своих последних работ, обследуя множество языков самой различной генетической принадлежности, он еще раз приходит к выводу, что восходящая интонация при вопросе обязательна. В его интонологическом мировоззрении восходящая интонация — это подъем мелодики. И однако очень интересным оказалось его же собственное мимолетное замечание о том, что "долго живущие за границей русские заменяют свое "подъем — падение" (rise — fall) простым конечным подъемом"¹⁰. Как видим, Д. Болинджер не повсюду наблюдал универсальный конечный подъем при вопросе, с одной стороны; с другой стороны, неслучайно это замечание относится именно к русскому вопросу.

Более широко функциональная дистрибуция восходящего и нисходящего тонов обсуждается в последних работах известного фонетиста Дж. Охала¹¹, который связывает низкий тон с уверенностью, независимостью, высокий — с подчиненностью, слабостью и неуверенностью.

Поэтому высок голос самок, поэтому на высоком тоне реализуются слова с семантикой "маленький", поэтому же, априори, и должен быть высоким тон вопроса: говорящий не уверен в себе и поэтому спрашивает.

Как же можно сочетать в непротиворечивом единстве эти три утверждения: 1) концепцию универсальности восходящего тона при общем вопросе; 2) несомненность наличия в славянском мелодики общего вопроса не с восходящим, а с падающим конечным исходом; 3) утверждение А. Ивонена об отсутствии общего вопроса как мелодемы в финском языке?

Представляется, что на самом деле эти три положения никак не противоречат друг другу. Как это часто бывает, внимательное пространство как будто бы контрадикторных положений обнаруживает некоторую сначала безобидную подмену терминологии, из которой уже далее следует очень существенная подмена реалий. Да, действительно, вопрос и утверждение интонационно различаются по оппозиции: высокий — низкий. Однако конкретные языковые формы реализации этой оппозиции могут быть различными: интонация, как и другие уровни языка, подлежит структурированию. Поэтому *Гуляли?* — *Гуляли* по интонации различаются, и различаются точно по указанной оппозиции: высокий — низкий, но форма этой русской реализации отличается не только, например, от германских языков, но и от языков западнославянских. В русском варианте высокий — низкий есть в первую очередь (на других особенностях мы сейчас не останавливаемся) не реализация терминального контура, а реализация положения ударного слога — носителя фразового ударения: высокое в вопросе и низкое в ответе. Таким образом, высокий — низкий есть понятие более общее, чем восходящий — нисходящий. Последнее не есть синоним первого, но только одно из его воплощений.

Таким образом, славянские факты полностью укладываются в провозглашенную концепцию универсальности интонационного противопоставления вопроса и утверждения.

Обратимся в этом плане к финноугорской интонации. Здесь значимым и доказательным является не "падающий конец", а то, различаются ли вопрос и ответ хотя бы регистром, т.е., в частности, положением главноударного слога. Именно это различие демонстрируют работы К. Венде по восприятию синтезированных высказываний эстонского языка: "... утверждение выражается понижением тона со среднего уровня голоса... вопрос и восклицание выражаются высоким подъемом тона в начале слога"¹².

Таким образом, вопрос и утверждение в эстонском различаются именно положением главноударного слога, который во многих финноугорских языках начальный, поэтому перцептивно это регистровое различие может не реализоваться. Э. Фолди¹³ сравнивает фразовый контур польского и венгерского языков, однако ее анализ направлен лишь на терминальный участок контура и потому может свидетельствовать лишь о том, что терминальные контуры в этих двух языках различаются, но не о том, что в одном из них общий вопрос вообще просодически не выражен.

3. С целью проверить указанные выше типологические схождения славянской и финноугорской вопросительной интонации нами был проведен эксперимент на специально подобранном лингвистическом материале. Были составлены дифференцирующие типы вопросов, интонационные фигуры которых в русском языке различаются. За основу была взята классификация вопросительных предложений и их интонационных типов, предложенная С.В. Кодзасовым¹⁴:

1 а. Общий вопрос с однозначно трактуемым семантическим центром:

Вы эстонец?

1 б. Общий вопрос с неоднозначно трактуемым семантическим центром:

Вы были раньше в Сыктывкаре?

Вам нравится здесь?

1 в. Общий сопоставительный вопрос:

Вам нравится здесь. А в Москве?

1 г. Общий уточняющий вопрос:

Говорите по-фински? Или по-эстонски?

2. Альтернативный вопрос:

Говорите по-фински или по-эстонски?

3. Специальный вопрос:

Откуда Вы приехали?

Какой язык Вы изучаете?

4. Переспрос:

Откуда?

На основании вопросов составлен небольшой квазисвязный текст:

Вы были раньше в Сыктывкаре? — Да, был. — А в Москве?

Откуда Вы приехали? Откуда?

Вы эстонец?

Какой язык Вы изучаете?

Говорите по-фински или по-эстонски? ...

Говорите по-фински?

Или по-эстонски?

Вам нравится здесь?

Этот текст был прочитан (перевод был выполнен носителями соответствующих языков) на эстонском, финском, саамском, горномарийском, эрзямордовском, удмуртском и коми языках на VI Международном конгрессе финноугроведов (г. Сыктывкар, 24—30 июля 1985 г.). Все дикторы, кроме коми, были филологами — участниками конгресса. Чтение на языке коми осуществлялось артистами Коми республиканского драматического театра им. Виктора Савина (мужской и женский голос). Для более точного сравнения с русским языком была проведена запись русского текста в чтении трех дикторов — участников конгресса. На основе магнитофонной записи в Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР были сделаны осциллограммы с эталонной частотой 500 мм сек и отметчиком времени 0,02 мсек. Была также сделана осциллографическая запись финского, эстонского и коми языков в Лаборатории экспериментальной фонетики Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (скорость 250 мм/сек и отметчик времени 0,02 мсек). Там же была осуществлена в студийных условиях интонаграфическая запись русского текста в чтении женского голоса¹⁵.

По данным осциллографического анализа были сделаны графики движения основного тона (F_0).

Обработка и интерпретация указанных данных должна была служить ответом на следующие вопросы:

1. Какие интонационные фигуры реализуются в вопросительных предложениях финноугорских языков?
2. Какова дистрибуция этих фигур?
3. Единообразна ли эта дистрибуция у всех анализировавшихся финноугорских языков?
4. Совпадает ли инвентарь этих фигур с инвентарем интонационных фигур славянских языков?
5. Совпадает ли дистрибуция фигур финноугорского и славянского?

Необходимо при этом отметить, что в имплицированном виде ответы на эти вопросы заключают в себе ответы на другие, конкретные, но не менее важные для наших целей вопросы. Например, за вопросом N 1 (Каков набор интонационных фигур в вопросительных предложениях) скрывается следующая проблема: известна ли финноугорским языкам только одна интонационная фигура вопроса (с падающим концом), как утверждалось рядом исследователей, цитировавшихся выше, или известны интонационные фигуры вопроса с идущим до конца восхождением тона. Только в последнем случае мы имеем право говорить о парадигматическом наборе вопросительных мелодик.

Полученные результаты.

Общий вопрос с однозначным центром: 'Вы эстонец? Коми: *Ti эстонец?*; Удмуртский: *Ti эстон пи-а?*; Саамский: *Ляк тонн эстонка?*; Мордовский: *Ты эстонец?*; Марийский: *Те мари улыда?*; Венгерский: *On észti?*; Финский: *Oletteko virolainen?* Эстонский: *Olete eestlane?*

Реализация этого типа осуществлялась тремя мелодическими фигурами:

1) вершиной мелодического пика является ударный слог слова со значением "эстонец"; до него осуществляется подъем, после него — резкое

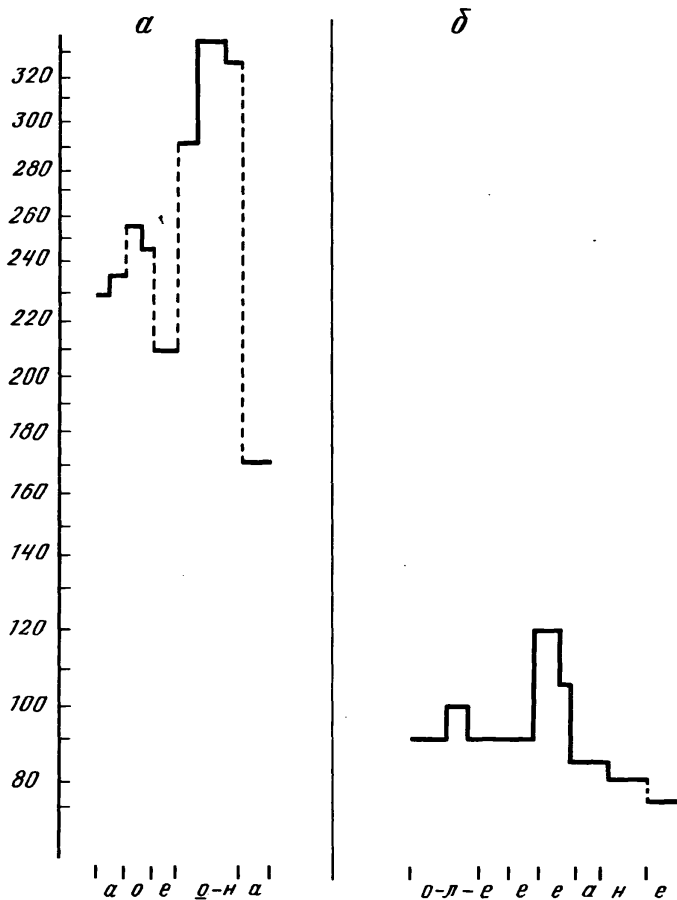
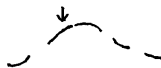

Рис. 1. а) Саамский — *Ляк тонн эстонка?*
 б) Эстонский — *Olete eestlane?*

понижение тона. Фигура:

Именно этот тип мелодики характерен для русского языка. В удмуртском языке этим центром являлась фонетически примыкающая к этому слову частица *а* 'ли';

2) ударный слог начинает восхождение к пику, в предшествующем до него слоге осуществляется падение тона, второе понижение представлено после пика. Фигура:

(См. рис. 1. Саамский: *Ляк тонн эстонка?* и эстонский: *Olete eestlane?*). Этот тип мелодики представлен в саамском, мордовском, коми (женский голос), финском, эстонском и удмуртском языках. Эту фигуру

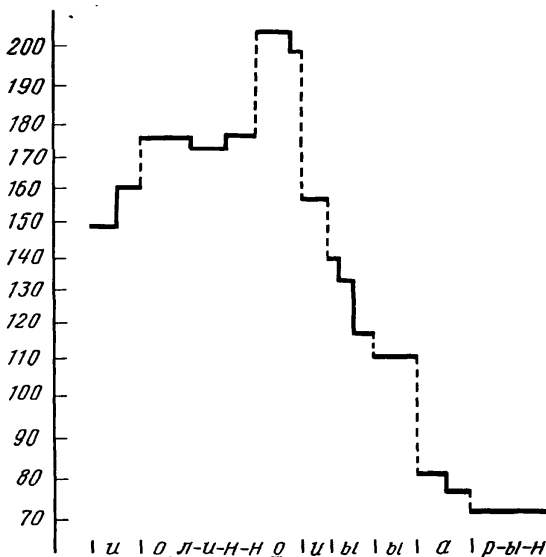
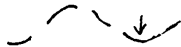

Рис. 2. Коми (мужской голос) — *Ты волинныд Сыктывкарын?*

можно характеризовать как двугорбую, двувершинную. Русскому общему вопросу эта двувершинность мелодики несвойственна. Именно это отличие мелодики русского общего вопроса отмечает и В.И. Петрянкина, говоря о двувершинности мелодики общего вопроса с нетональных языках Африки¹⁶.

3) ударный слог является последним, на нем осуществляется повышение, без завершающего понижения. Фигура:

Представлено в венгерском и марийском языках.

Общий вопрос с неоднозначно трактуемым семантическим центром: 'Вы были раньше в Сыктывкаре?'

Коми: *Ті вóлiнныд водзин Сыктывкарын?*; Удмуртский: *Азьвыл Сыктывкарын вал-а?*; Мордовский: *Ульниде седе икела Сыктывкарсо?*; Саамский: *Лийек тонн эвтэль Сыдктыфкарэсьт?* Марийский: *Сыктывкарыште ончыч лийында?*; Эстонский: *Olete te varem Sõktõvkaris käinud?*; Финский: *Oletteko ollut aikasemmin Syktyvkarsa?*

Семантическими центрами являлись в разном прочтении слова 'раньше', 'были', 'Сыктывкар'. Мелодическое воплощение было единообразным: резкий подъем осуществлялся к ударному слогу слова — семантического центра, после чего следовало столь же резкое падение тона. (См. рис. 2. Коми: *Ті вóлiнныд водзин Сыктывкарын?*). 'Вам нравится здесь?'

Коми *Тiяны кажитчó тани?*; Удмуртский: *Тунсыко-а тиледлы татын?*; Саамский: *Милясьт тоннэ тысти?*; Мордовский: *Тон мельс тезз тусь?*; Марийский: *Кузе вара немпа?*; Венгерский: *Jól érzi magát itt?*; Эстонский: *Kas Tesle meeldib siin olla?*; Финский: *Onko teista täällä mielenkiintoista?*

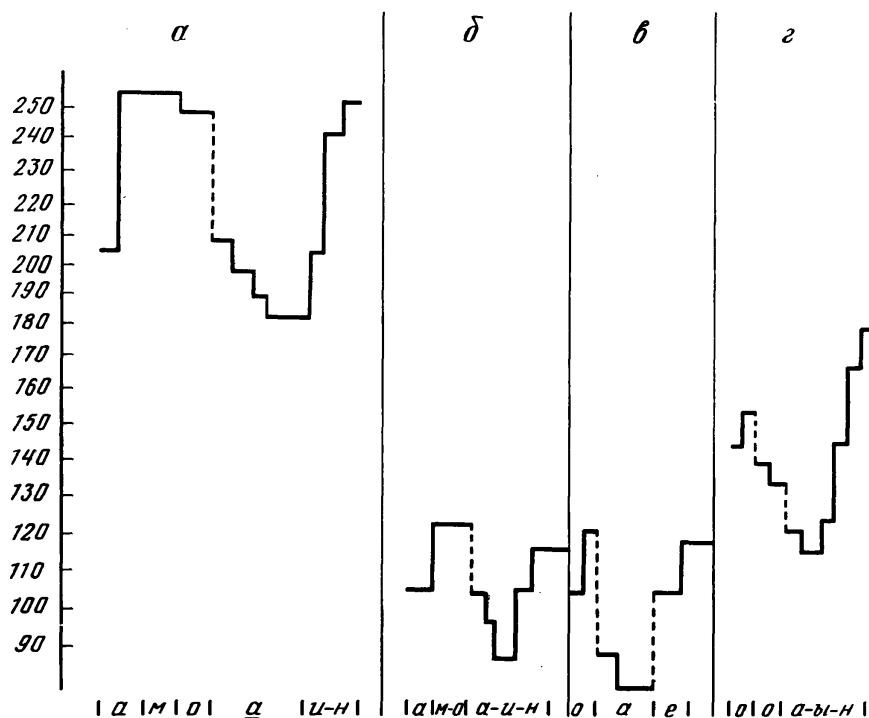

Рис. 3. а) Коми (мужской голос) — *А Москваин?*
 б) Коми (мужской голос) — *А Москваин?*
 в) Марийский — *Москваште?*
 г) Удмуртский — *Нош Москваин?*

В этом случае представлена точно такая же, как и в предыдущем примере, мелодическая конфигурация, центрами были — от диктора к диктору — слова 'здесь' и 'нравится'.

Общий сопоставительный вопрос.

'А в Москве?'

Коми: *А Москваин?*; Марийский: *Москваште?*; Удмуртский: *Нош Москваин?*; Мордовский: *А Московсо?*; Саамский: *А Москвасьт?*; Финский: *Oletteko ollut Moskovassakin?*; Венгерский: *És Moszkvaban?*; Эстонский: *Aga Moskvas?*

Этот тип вопроса (как указывалось в начале, типологически важный) был представлен двумя фигурами. Первая фигура — это мелодика общего вопроса, т.е. различия не было. Вторая — это фигура с низким начальным положением ударного слога и дальнейшим последовательным повышением (см. рис. 3, где эта фигура реализуется в коми, марийском, удмуртском). Обнаружение этого типа мелодики важно по двум причинам. Во-первых, тем самым обнаруживается наличие в финноугорских языках восходящей вопросительной мелодики, что ранее отрицалось. Во-вторых, именно такая модель считается нормативной и для русского

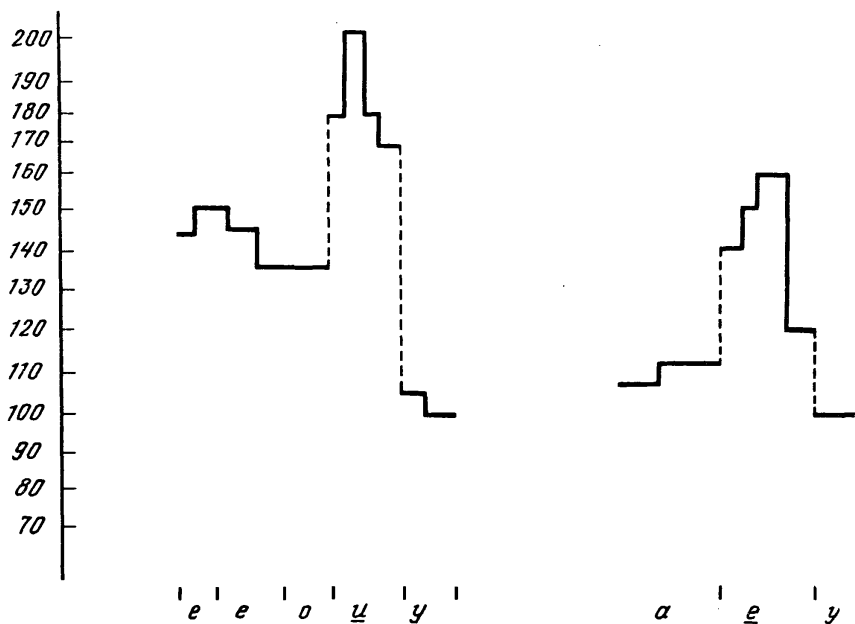

Рис. 4. Венгерский *Beszél on finnul? Hat észtul?*

сопоставительного вопроса (ИК-4, по Е.А. Брызгуновой. Тип *A Наташа?*).

Общий уточняющий вопрос.

'Говорите по-фински? Или по-эстонски?'

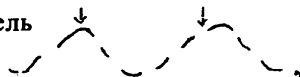
Коми: *Сернитанныд финской кывион? Голико эстонской кыв вылын?*;

Мордовский: *Коранань финнэс кельсэ? Эни эстонецкс кельсэ?*; Удмуртский: *Финн сямен вераськиськоды? Эстон сямен вераськиськоды?*;

Марийский: *Финла ойледа? Але эстонла ойледа?*; Саамский: *Сарньнак тонн руцас? Эле эстонскас?*; Венгерский: *Beszél (on) finnul? Hat észtul?*;

Эстонский: *Kas te säägite soome keeles? Vol eestir?*; Финский: *Suomeako? Vai viroa?*

Во всех языках анализа была выражена модель

где как бы два двоянных общих вопроса, нерезкое падение в конце осуществлено было только в коми (оба диктора). Мелодическое сходство с русским типом общего уточняющего вопроса несомненно, особенно наглядно это видно в венгерском примере (см. рис. 4). Данные венгерского языка особенно важны, так как в данном случае исключается русское влияние.

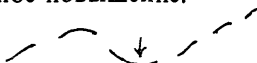
Альтернативный вопрос:

'Говорите по-фински или по-эстонски?'

Коми: *Сернитанныд финской кывион али эстонской кыв вылын?*; Удм.: *Вераськиськоды-а три финн яке эстон кылын?*; Морд.: *Кортасато*

эстонецко эли финнэн кельсэ?; Саам.: *Сарньнак тонн рукас эле эстон-кас?*; Венг.: *Beszél (on) észtul nagy finnul?*; Эст.: *Kas te säägite soome kas eësti keeles?*; Финский: *Puhutteko suomea vai viroa?*

Первый интонационный центр общего альтернативного вопроса произносился во всех случаях по общей модели ИК-3. Произнесение второго центра осуществлялось в двух вариантах. В первом случае мелодика второго центра повторяла по рисунку мелодике первого, так что получилась двувёршинная кривая, при этом второй центр мог быть ниже первого, быть выше его или располагаться с ним на одной высоте. Эта модель реализовалась в венгерском, удмуртском, эстонском, мордовском языках. Она же была представлена в чтении русских дикторов. Во втором случае на втором центре мелодика понижается, а далее идет постоянное повышение:

т.е. это та же модель, что и в сопоставительном вопросе с А. Это прочтение было в коми, финском и саамском языках.

Специальный вопрос:

‘Откуда Вы приехали?’

Коми: *Кысь тйь воынныд?*; Марийский: *Ты кушеч толын улыда?*; Удмуртский: *Кытысь ты вунды?*; Саамский: *Кассьт ляк тонн пуадтма?*; Мордовский: *Косто тезэнь согде?*; Венгерский: *Honnan jött?*; Финский: *Mista olette tullut?*; Эстонский: *Kust te tulite?*

Во всех языках мелодика специального вопроса была понижающейся, начало отмечено подъемом к ударному слогу вопросительного слова. Однако сглаженность ударных слогов и общая компактность мелодической конструкции была меньшей, чем в русском языке. Таким образом специальный вопрос в финноугорских языках оказался ближе к контуру повествовательного предложения, отличаясь от него высоким положением начальной части.

‘Какой язык Вы исследуете?’

Предложение читалось по указанной выше мелодической модели. Реальная вариативность контура определялась тем, было ли выделяемой составляющей слово ‘какой’ или группа ‘какой язык’.

Переспрос:

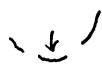

Мелодика переспроса изучалась на основе повторения вопросительного слова ‘Откуда’ (Марийский: *Кушеч?*; Удмуртский: *Кытысь?*; Саамский: *Кассьт?*; Коми: *Кытысь?*; Мордовский: *Косто?*; Венгерский: *Honnan?*; Финский: *Mista?*; Эстонский: *Kust?*).

В восточнославянских языках этот тип вопроса всегда выражается последовательно повышающимся контуром мелодики.

В анализируемых финноугорских языках переспрос был представлен тремя интонационными фигурами.

Фигура, аналогичная восточнославянской. Была произнесена в марийском, удмуртском, саамском, коми, венгерском языках.

Таблица 1

Мелодическая фигура	Общий вопрос	Сопоставительный вопрос	Общий уточняющий вопрос	Альтернативный вопрос	Переспрос
	коми, удмуртский, эстонский, финский, мордовский, саамский	эстонский, венгерский, мордовский	удмуртский, марийский, финский, саамский, коми, мордовский, эстонский, венгерский	венгерский, удмуртский, эстонский, мордовский	финский, эстонский, мордовский
	марийский, венгерский	коми, марийский, удмуртский, финский		коми, финский, саамский, марийский	
		саамский			марийский, саамский, коми, венгерский

Фигура общего вопроса с повышением на ударном и понижением. (ИК—3). Была произнесена в мордовском и финском языках.

Фигура с мелодическим понижением, близкая по форме к специальному вопросу. Была представлена в эстонском языке.

4. Полученные данные явились основой для построения таблицы дистрибуции типов вопросительной мелодики для финноугорских языков, проанализированных в нашей работе. Единообразно реализованный специальный вопрос целесообразно было исключить из рассмотрения, хотя в связи с этим встает интересный вопрос о почти универсальном тяготении языков всех генетических групп именно к такой форме мелодики специального вопроса.

Рассматривалась дистрибуция трех мелодических фигур.

1. Ударный слог расположен высоко, на заударных осуществляется падение тона:

2. Ударный слог занимает низкое положение, после него начинается повышение тона:

3. Ударный слог является центром последовательного повышения мелодики:

(см. табл. 1).

Судя по данным таблицы, анализировавшиеся финноугорские языки делятся на две группы: 1) те языки, для которых ни для одного типа вопроса не засвидетельствована восходящая мелодика в конце. Это

эстонский и мордовский. Обнаруженное отсутствие восходящего тона в эстонском языке соответствует тем исследованиям, на которые были сделаны ссылки выше; относительно мордовского языка необходимы дальнейшие уточнения; 2) языки с двумя типами терминального контура в вопросительных предложениях: нисходящим и восходящим: коми, удмуртский, финский, саамский, марийский, венгерский.

Существенным является вывод о том, что большинству финноугорских языков известен восходящий терминальный контур в вопросах. Какова же дистрибуция этих двух мелодических типов по типам вопросов? Насколько можно видеть из таблицы, она близка к восточнославянскому распределению типов мелодики: конечное падение ударных тяготеет к общему вопросу, конечное повышение — к сопоставительному вопросу и переспросу. Однако общая картина представляется гораздо более пестрой, что объясняется двумя обстоятельствами. Одно из них — чисто языковое: в анализированных языках возможна синонимия интонационных форм и их свободное варьирование. Второе обстоятельство — лингвистическое: финноугорские языки рассматривались нами как некое целое, что возможно только для начального этапа исследования, каковым наша работа и является.

Но и на этом этапе сходство с русской (восточнославянской?) интонационной системой несомненно.

5. Гораздо более сложными представляются пути к интерпретации этого сходства. Типов этой интерпретации, как представляется, может быть три (причем они не исключают друг друга): 1) генетическое; 2) интерференционное; 3) типологически-фонетическое.

Отсутствие необходимой компаративистской подготовки не дает нам возможности обращаться всерьез к интерпретации первого типа. Вторая попытка объяснения осложнена лингвистически не всегда ясной историей взаимовлияния и контакта русского и финноугорских языков. Финноугорские языки связаны с русским большим числом еще не полностью выявленных сходжений¹⁷. Однако и русский язык оказывал сильное влияние на контактные финноугорские. Сложнее всего то, что в данном случае эти взаимовлияния могли быть циклическими. Поскольку описанная интонация общего вопроса отмечается и для венгерского, и для финского, и для эстонского, говорить об исключительном русском влиянии не приходится. Но не приходится говорить и об однонаправленном влиянии финноугорских языков. Так, обращаясь к таблице, мы видим как бы две модели (или два варианта) для саамского: в одном из них явно тяготение к восходящему мелодическому концу. Нечто подобное отмечено Р.Ф. Пауфосимой для севернорусских говоров¹⁸, соседствующих с финноугорскими: наблюдается терминальное повышение, не ИК-3, а ИК-4, или произнесение в повышенном регистре.

Фонетическое объяснение связывает интонацию фразы с типом просодии слова. Безусловно, тип с высоким ударным и падающими заударными может реализоваться только в том случае, если ударный гласный слова-носителя фразового ударения отмечен усиленной длительностью. Иначе интонационная фигура этого "циркумфлексного" типа просто не успеет реализоваться. Это продление ударного сло-

га, судя по ряду уже бесспорных данных, характеризует русское ударение. И именно длительность, как показал ряд экспериментальных исследований¹⁹, отличает ударный слог слова у финноугорских языков Поволжья. Вообще квантитативная система слова нигде не представлена в такой многоступенчатой и фонологически значимой реализации, как в финноугорских языках (анализировать здесь все работы об эстонской и финской длительности и ее фонетической и фонологической сути не представляется необходимым).

Второй существенный фактор, формирующий русское слово и позволяющий ярко реализовать указанную мелодику общего вопроса, — это редукция неударных гласных, делающая ударный слог все подавляющим центром слова²⁰. Эта просодическая черта русского слова в свою очередь неотделима от общего решения вопроса о русском "аканье"; что в свою очередь возвращает к многократно обсуждавшейся проблеме финноугорского субстрата.

Итак, вопрос о чисто структурных сходствах мелодем вопроса в финноугорских и славянских языках, а также сходства их дистрибуции может быть пока решен в чисто описательном плане. Корни подлинного решения — в обсуждении вопроса о контактах этих семей на различных этапах как языковой, так и этнической истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, широкая гамма типологического разнообразия представлена мелодикой общего вопроса в интонации языков Африки (*Петрякина В.И. Функциональный аспект интонации и типология языков // Просодия слога — слова — фразы. М., 1981.*)

² См.: *Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.*

³ *Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.*

⁴ См. статью *Р.Ф. Пауфошмы* в наст. сборнике.

⁵ *Gósy M. Acoustic parameters and linguistic function in the perception of speech melody and stress // Hungarian papers in phonetics. 1979. N 4; Földi E. Intonational means of expressing questionhood in Hungarian and Polish // Hungarian papers in phonetics. 1980. N 5; Gósy M. The perception of intonation from a confrontative point of view // Ibidem; Vende K. Intonation of question and answer in Estonian // Estonian papers in phonetics. 1980—1981.*

⁶ В этой связи важно и другое наблюдение *Р.Ф. Пауфошмы* относительно просодии слова и фразы в севернорусских говорах. Она пишет о тенденции "не усиливать конец фразы замедлением темпа и не нагружать его фразовым ударением", этой тенденции, возможно, "отвечает характерное для севернорусских говоров размещение в конце фразы семантически "пустых" слов — частиц, союзов" (*Пауфошма Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах М., 1984. С. 18*),

⁷ *Iivonen A. Is there interrogative intonation in Finnish? // Nordic prosody. Lund, 1978. Lund, 1978.*

⁸ Высказывание *П. Аристэ. Цит. по: Ваараск П.К. Тонические средства речи. Таллин, 1969. Т. 2. С. 13.*

⁹ *Bolinger D.L. Intonation as a universal // Proceedings of 9-th congress of linguists. The Hague: Paris. 1964; Bolinger D. Intonation across languages // Human language. Standford, 1978.*

¹⁰ *Bolinger D.L. Intonation across languages. P. 502.*

¹¹ *Ohala J.J. Cross-language use of pitch: ethological view // Phonetica. 1983. N 1; Ohala J.J. An ethological perspective on common cross-language utilization of F⁰ of voice // Phonetica. 1984. N 1.*

¹² *Vende K. Op. cit. P. 107.*

¹³ *Földi E. Intonational means of expressing questionhood in Hungarian and Polish // Hungarian papers in phonetics. 1980. N 5.*

- ¹⁴ *Кодзасов С.В.* Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
- ¹⁵ Пользуюсь случаем выразить самую искреннюю признательность за помощь и предоставление возможности получения соответствующих данных Р.Ф. Пауфощиме и В.И. Петрянкиной.
- ¹⁶ *Петрянкина В.И.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Kiparsky V.* Gibt es ein Finnoougrisches Substrat in Slavischen? Helsinki, 1969.
- ¹⁸ *Пауфощима Р.Ф.* Фонетика фразы и слова в севернорусских говорах.
- ¹⁹ См., в частности: *Денисов В.Н.* Фонетическая характеристика ударения в современном удмуртском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- ²⁰ См.: *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Щербакова Л.П.* Об определении места ударения в слове // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз. 1973. Вып. 3.

Л.В. БОНДАРКО, Е.С. МАСЛОВА
**СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА
 И ИНФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОГА**

Любой звучащий текст организован как последовательность слогов, которая является базой его просодической организации. Образно говоря, именно эта слоговая последовательность служит своеобразной канвой, на которую наносится сложный узор интонационного оформления, зависящий от смысловой организации высказывания. Среди других славянских языков русский язык занимает в этом отношении особое место, поскольку приметы фонетической цельнооформленности слова, как и весь его фонетический облик, оказываются в нем наименее устойчивыми: Т.М. Николаева, говоря о различных видах включенности слова во фразовую интонацию, пишет, что среди славянских языков русский язык ближе всего к такой ситуации, когда "слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им" (Николаева. 1977, с. 261). Этому способствуют не только изменения временных, динамических и мелодических характеристик слова, происходящие под влиянием фразовой интонации, но и тенденция к образованию открытых слогов, о которой пишут многие исследователи русской фонетики. Реализация этой тенденции приводит к тому, что слоговая граница может проходить не только внутри односложного слова — "дом у меня хороший" = ДО — МУ — МЕ — НЯ — ХО — РО — ШИЙ, но и довольно серьезно модифицировать звуковую и слоговую организацию словоформы, имеющей клитики: "из лесу" = И — ЗЛЕ — СУ и т.д.

Вопрос о соотношении морфемных и даже словных и слоговых границ в настоящее время — как и в прежние времена — не имеет однозначного решения, и рассмотрение отдельно произносимых слов дает основание для противоположных утверждений: одни исследователи считают, что морфемное и особенно словное членение существенно для слогового (Аванесов, 1956), другие же исходят из независимости этих двух видов членения.

В последние десятилетия эта вторая точка зрения получила подкрепление в виде целого ряда исследований прикладного характера. Основные результаты этих исследований можно свести к следующим

положениям: 1) Артикуляционные движения, обеспечивающие производство непрерывного речевого потока, организованы таким образом, что любая звуковая последовательность есть цепочка открытых слогов, и этому не препятствуют ни морфемные, ни словные границы (Речь. Артикуляция и восприятие, 1965; Бондарко, 1969); 2) Статистическое обследование большого количества текстов, представляющих самые разнообразные жанры, показывает абсолютное преобладание в них открытых слогов (Елкина, Юдина, 1964); 3) В случае автоматического, машинного распознавания звучащей речи наилучший результат получается тогда, когда непрерывная звуковая последовательность "принудительно" членится на открытые слоги и информация извлекается из всего сегмента, соответствующего такому слогу (Белявский, Светозарова, 1981). Имеются также экспериментальные данные о том, что и для человека, воспринимающего звучащую речь, необходима информация о свойствах открытого слога (Бондарко, 1969).

Таким образом, "простое" фонетическое членение на открытые слоги не только может быть зафиксировано при исследовании артикуляции, но и является вполне функциональным как при порождении звучащего текста, так и при его распознавании.

Нужно заметить, что включение отдельного слова в любое высказывание и тем более в связный текст делает более вероятным такую фонетическую реализацию этого слова, которую принято характеризовать как "беглую, неотчетливую речь" (Р.И. Аванесов), "неполный стиль" (Л.В. Щерба) или "неполный тип произнесения" (Бондарко и др., 1974). В этом случае происходит не только "переразложение" слоговой организации — "дом у меня" = ДО — МУ — МЕ — НЯ, но и значительное "ослабление" основного средства организации фонетической целостности слова — словесного ударения. В специальных экспериментах показано, что в зависимости от положения слова во фразе фонетическая выраженность словесного ударения варьирует очень значительно, и это не только отражается на акустических свойствах ударного слога, но часто и приводит к невозможности правильного определения места ударения в слове при его восприятии носителями русского языка (Светозарова и Щербакова, 1972).

Все эти факты заставляют более пристально рассмотреть те механизмы, которые позволяют человеку воспринимать некоторый связный текст, представляющий последовательность открытых слогов, одни из которых — ударные, другие — безударные, а третьи — неопределенные по этому признаку. Нужно добавить, что и характеристики сегментных единиц при неполном типе произнесения, а он неизбежен, если только человек не произносит текст нарочито медленно и с паузами между словами, могут быть достаточно неопределенными.

Таким образом, звучащий текст, представляющий собой некоторое нерегулярное чередование опорных участков, т.е. в первую очередь, ударных слогов, диффузных участков, т.е. слогов безударных или "слабоударных", не содержит достаточной фонетической информации для его "правильного" восприятия в реальном масштабе времени. Естественное предположить, что одновременно с фонетической интерпретацией слышимого человек использует и какую-то другую информацию,

позволяющую ему восполнить недостаточность фонетических сведений.

В наиболее общем виде такую информацию принято называть "смысловой"; однако неопределенность этого термина видна хотя бы на примере щербовской "глокой куздры", которая именно с точки зрения смысловой требует специальных операций с единицами более низкого уровня — а именно, определения морфологической организации всех псевдослов, выступающих в этом предложении в виде правильных словоформ и образующих правильную синтаксическую последовательность. Таким образом, задача "использования другой информации" конкретизируется: чтобы перейти от цепочки открытых слогов опорных, т.е. характерных для полного типа произнесения, и диффузных, характерных для неполного типа, к смысловой интерпретации, необходимо использовать сведения о морфемной организации этой цепочки слогов. Это позволяет ввести понятие "морфемной структуры слога", т.е. описание того, каковы свойства данного слога по отношению к одной или нескольким морфемам: открытый слог может полностью входить в некоторую морфему, может включать в себя две или больше морфем или же составлять лишь часть морфемы; межморфемная граница может совпадать со слоговой границей, может находиться внутри слога, а также занимать разные места по отношению к слоговой границе — совпадать или с началом слога или с его концом (Уровни языка в речевой деятельности, 1986, Зубкова, 1984).

Что касается слоговой структуры морфем в русском языке, то наиболее полные подсчеты, проведенные на материале *Russian Derivational Dictionary* Д. Уорта, показывают, что большинство корневых морфем таких частей речи как существительное, прилагательное, глагол и наречие, характеризуется наличием согласного в конце морфемы: СУС, ССУС, СУСС, СУСУС (Уровни языка в речевой деятельности, 1986). Конечно, не случайно в работах, посвященных речевой деятельности, проблема слогового членения связывается с проблемой слоговой организации морфемы: интуитивно кажется бесспорным, что более высокий по своему языковому статусу морфемный уровень должен обязательно воздействовать на формирование типичного образа слога в языковом сознании носителей русского языка (Касевич, 1981; Винарская и др., 1980). Именно поэтому так радуют исследователей те факты в речи детей или взрослых, говорящих на русском языке, которые свидетельствуют о влиянии "морфемной аналогии", заставляющей испытуемого членить слова на слоги так, как это диктует морфемная структура слова. Однако, морфологическая аналогия — далеко не единственный фактор, определяющий речевое поведение носителя языка.

В последние десятилетия все большее внимание уделяется другому фактору — а именно, вероятностным характеристикам речевых единиц. Эти характеристики, как кажется, отражают более сложные процессы, чем действие аналогии, поскольку они включают в себя и системные явления, т.е. правила, свойственные для всех уровней языковой организации, в том числе и морфемного, и результаты речевого употребления языковых форм.

Если с этой точки зрения обратиться к проблеме слогового членения, то можно выделить два ряда проблем, требующих интерпретации.

1. При порождении любого высказывания на русском языке артикуляционно оно реализуется как последовательность открытых слогов — независимо от количества и качества согласных, находящихся между гласными, а также и от наличия межморфемной или даже межсловной границы. Первая из проблем — каким образом происходит перекодировка последовательностей, т.е. как из цепочки слогов "ШУ — МИ — ШУ — МИ — ПО — СЛУ — ШНО — Е — ВЕ — ТРИ — ЛО" слушающий создает последовательность "шуми, шуми, послушное ветрило..." Бесспорно, что кроме просодических признаков (паузы, мелодическое оформление) существенную роль играет и знание распределения вероятностей появления морфемных и словных границ в слогах СУ, ССУ, СССУ².

2. Вторая проблема — это то, на каком материале нужно решать первую. Использование отдельных слов (а мы знаем, что традиционно в теориях слогоделения рассматриваются слова — иногда с клитиками) ставит вопрос о соотношении основной, исходной словоформы с остальными — как в плане словной и акцентной реализации, так и в плане частотности в речи. Да и сами слова ни в одной из теорий не рассматривались еще с точки зрения их вероятностных характеристик. Целесообразно поэтому рассмотреть достаточные по объему тексты и оценить на основании полученных данных вероятность появления открытых и закрытых слогов.

Данные такого рода получены уже более 20 лет тому назад, но до сих пор мало обсуждались в собственно лингвистической литературе. В 1964 г. сотрудники Института математика Сибирского отделения АН СССР В.Н. Елкина и Л.С. Юдина (Елкина, Юдина, 1964а) обследовали выборку, содержащую 94.000 слогов и представляющую тексты трех типов: художественные — 50%, общественно-публицистические — 25%, научно-технические — 25%. Разделив предварительно затранскрибированные тексты на слоги³, авторы обнаружили, что в них насчитывается 3.910 различных слогов, из которых только 1.580 встретились в тексте не менее 5 раз и составили 96% общего количества слогов в тексте; 359 слогов встретились не менее 40 раз и составили 78% текста.

Интересно рассмотреть типы слогов, встретившихся в этом тексте:

У — 8,50%	С — 2,00%
СУ — 54,34%	УС — 1,56%
ССУ — 13,62%	СУС — 14,06%
СССУ — 1,32%	СУСС — 0,39%
	ССУС — 3,51%
	ССУСС — 0,62%

Всего — 77,78%

Всего — 22,14% (прочие — 0,08%)

Абсолютное преобладание открытых слогов в тексте очевидно, и можно предположить, что механизмы слогоделения определяются не только артикуляционной базой, но и вероятностями появления разных видов слогов в речи.

Для понимания того, как согласуется механизм слогообразования с грамматической интерпретацией высказывания, которая начинается с интерпретации морфемной, рассмотрим более детально такое понимание слога, которое базируется на измерении количества информации в звуковых цепочках.

Средства теории информации применялись для описания как слогового (Падучева, 1958), так и морфемного уровней строения текста (Nagis 1952). Идея, лежащая в основе таких исследований, состоит в том, что на границе двух сегментных единиц речевой цепи возникает пик энтропии (возрастает число возможных однофонемных продолжений), т.е. первую фонему следующей единицы "предсказать" на основе предшествующей цепочки фонем труднее, чем внутренние фонемы предыдущей единицы.

Точнее, пусть задана цепочка фонем $f_1, f_2 \dots f_k, f_{k+1}$, где первые K фонем принадлежат одной сегментной единице, а f_{k+1} — следующей, и для каждой подцепочки $f_1 \dots f_{j-1}$ ($j=1, \dots, k+1$) выделен список возможных однофонемных продолжений e_1, \dots, e_j и оценены условные вероятности $p(e_i/f_1 \dots f_{j-1})$ появления фонемы e_i после цепочки $f_1 \dots f_{j-1}$ ($\sum_{i=1}^{e_j} p(e_i/f_1 \dots, f_{j-1}) = 1$). Для каждой подцепочки f_1, \dots, f_{j-1} введем величину

$$I = - \sum_{i=1}^{e_j} p(e_i/f_1 \dots f_{j-1}) \log_2 p(e_i/f_1 \dots f_{j-1}),$$

характеризующую неопределенность (энтропию) следующей за $f_1 \dots f_{j-1}$ фонемы, или, что то же самое, количество информации в фонеме f_j . Тогда величина I_j (представляющая собой при фиксированных $f_1 \dots f_k$ функцию от j) будет монотонно убывать при $j \leq k$ (т.е. на фонемах первой сегментной единицы) и снова возрастать при $j = k+1$ (на первой фонеме следующей единицы):

$$I_1 > I_2 > \dots > I_k; I_k < I_{k+1}.$$

Предполагаемый характер распределения информации по цепочке $f_1 \dots f_{k+1}$ можно представить схемой кривой энтропии, представленной на рис. 5.

Действительно, если рассматривать фонему как "строительный элемент" морфемы, то интуитивно вполне ясно, что чем длиннее цепочка фонем, тем больше ограничен выбор следующей фонемы. С другой стороны, выбор каждой следующей фонемы ограничен правилами дистрибуции фонем, а значит, понимание слога как отрезка речевой цепи между пиками энтропии является естественным развитием представления о слоге, как единице, внутри которой ограничения на сочетаемость фонем наиболее сильны, а фонемы более тесно связаны между собой.

Таким образом, описанная выше схема изменения количества информации в фонеме в зависимости от ее места по отношению к границам сегментных единиц согласуется с существующими представлениями как о слоге, так и о морфеме. Тем не менее легко предсказать, что эта схема редко реализуется, так сказать, "в чистом виде". Действительно, на распределение информации по цепочке фонем влияют и слоговая структура текста, и его морфологическая организация, т.е. количество информации в фонеме зависит и от ее позиции в слоге, и от ее места по отношению к морфемным границам. Следовательно,

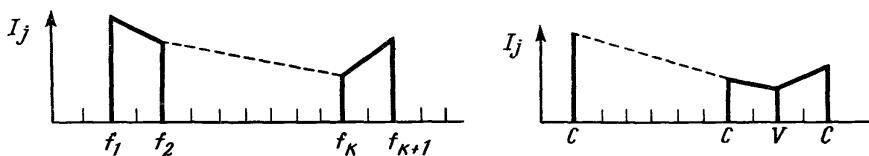

Рис. 5. Распределение информации по цепочке фонем, образующих разные сегментные единицы: f_1 — f_k : последовательность фонем, входящих в первую сегментную единицу; a_{n+1} — фонема, принадлежащая следующей сегментной единице. Высота отрезков в точках f пропорциональна количеству информации.

Рис. 6. Кривая энтропия для слога по данным Е.В. Падучевой.

внутри морфемы неизбежно возникают колебания энтропии, связанные со слоговой структурой, а на распределение информации по слогу влияют внутренние морфемные границы. Изучив, каким образом "интерferируют" эти два типа колебаний энтропии, мы сможем понять некоторые закономерности взаимодействия морфемного и слогового уровней строения текста в процессе передачи информации. В данной работе исследуются закономерности распределения информации по фонемам открытого ударного слога слитной русской речи на основе статистически формальных открытых слогов, полученной в Институте математики СО АН СССР на текстах объемом 111.000 слогов⁴.

Характер изменения количества информации на протяжении русского слога был описан в упоминавшейся статье Е.В. Падучевой. Типичная для слога кривая энтропии, полученная в этой работе, представляет собой частный случай кривой, приведенной на рис. 5, где f_1, \dots, f_{k+1} — согласные фонемы, а f_k — гласный (см. рис. 6).

Выборка, на основе которой в работе Е.В. Падучевой оценивались вероятности $p(e_i/f_1 \dots f_{j-1})$ и строились кривые энтропии, обеспечивает сведение к минимуму влияния морфемного членения на распределение информации по исследуемым цепочкам фонем: рассматриваемые слоги лежат внутри морфем. Таким образом, в условиях незначительного влияния морфемного членения неопределенность фонемы монотонно убывает на протяжении открытого слога, независимо от его конкретного фонемного состава.

В задачу данной работы входило исследование отклонений от этой закономерности, возникающих в различных слогах в более общих условиях. Следует заметить, что величина $I_j(a_1 \dots f_{j-1})$ зависит как от предшествующей f_j цепочки фонем, так и от ее позиции в слоге. В частности, по результатам работы Е.В. Падучевой, соотношения величины $I_j(f_1 \dots f_{j-1})$ с соседними величинами $I_{j-1}(f_1 \dots f_{j-2})$, $I_{j+1}(f_1 \dots f_j)$ зависят только от позиции, которую занимает f_j в открытом слоге.

В данной работе применялась следующая методика. Слог рассматривался как последовательность позиции $\Pi_4 \Pi_3 \Pi_2 \Pi_1 \Pi_0$, так что слогу $S_j = C_{k_i} \dots C_{i_i} V_i$ сопоставлен набор значений $= V_i$. С другой стороны, каждой позиции j сопоставлен список возможных значений e_1, \dots, e_{e_j} . Статистика слогов позволяет оценить вероятность того, что в позиции j встретится значение e_j : а) при произвольных значениях в остальных позициях; б) при

условии, что предшествующие позиции незаполнены, т.е. $j+1 = \dots = 4 = \emptyset$
 e_i — первая фонема слога.

На основе полученных оценок можно вычислить величины I_j (неопределенность фонемы при фиксированной позиции в слоге по отношению к гласной) и $I_j(j+1 = \dots = 4 = \emptyset)$ (неопределенность начальной фонемы слога при фиксированной позиции). Эти величины, представленные графиками рис. 7, демонстрируют зависимость количества информации в фонеме от позиции, которую она занимает в слоге при неизвестных фонемах в остальных позициях.

Как видно, величины I_j и $I_j(j+1 = \dots = 4 = \emptyset)$ мало отличаются друг от друга при любом фиксированном j , но вместе с тем существенно зависят от j . Это определяется, видимо, тем, что с точки зрения информационных характеристик позиция фонемы по отношению к гласной намного важнее, чем ее позиция по отношению к началу слога.

Следующим этапом работы было вычисление количества информации, содержащейся в неначальных фонемах слога при известных фонемах в предшествующих позициях. Для каждой позиции P_j и для всевозможных наборов значений в P_{j+1}, \dots, P_4 были получены оценки вероятностей $p_j(e_i/f_1 \dots f_{k-j})$, где $k = j+1, \dots, 4$, встретить фонему в j -ой позиции при условии, что в позициях P_k, \dots, P_{j+1} стоят фонемы $f_1 \dots f_{k-j}$ соответственно, а предшествующие позиции незаполнены ($P_{j+1} = \dots = P_4 = \emptyset$) и вычислены величины $I_j(f_1 \dots f_{k-j})$. Полученные результаты дают возможность выделить несколько вариантов распределения информации, возможных для открытого ударного слога (см. рис. 8).

Первый вариант характеризуется монотонным убыванием количества информации на протяжении слога (рис. 8а); он реализуется на всех слогах вида C_1U ($k=1$) (приблизительно 66% слогов текста) и на некоторых слогах вида C_2C_1U ($K=2$) (приблизительно 4%). Второй вариант описывается кривой энтропии с пиком на одной из неначальных согласных слога C (рис. 8б); для всех слогов вида C_2C_1U не вошедших в первую группу, и некоторых слогов вида $C_3C_2C_1U$ (всего около 25% слогов текста) реализуется этот вариант с пиком на C_1 ($j=1$); для большинства слогов вида $C_3C_2C_1U$ пик энтропии приходится на C_2 ($j=2$) (около 4% слогов). Наконец, для небольшой группы слогов этого вида кривая энтропии содержит дополнительный подъем на гласной (рис. 8в).

При сравнении полученных результатов с кривой энтропии рис. 6, реализующейся в условиях несущественного влияния морфемного членения, а также с графиком зависимости неопределенности фонемы от ее позиции в слоге (рис. 7), легко заметить следующие факты: во-первых, понижение кривой энтропии от согласной C_1 к гласной сохраняется для подавляющего большинства слогов (более 99% слогов текста). В частности, для всех слогов вида C_1U кривая энтропии не содержит отклонений от описанной в 1958 г. закономерности (Падучева, 1958). Тот факт, что такое же соотношение между неопределенностью гласной (P_0) и ближайшей к ней согласной (P_1) выполняется и для величины $I_j(I_1, I_0)$ (рис. 7) позволяет предположить, что оно объясняется не столько структурной взаимосвязью согласной и гласной (т.е. не тем, что согласная существенно определяет гласную), сколько различием числа воз-

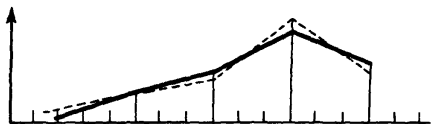

Рис. 7. Зависимость количества информации в фонеме от позиции фонемы в слоге при неизвестных фонемах в остальных позициях: По оси абсцисс — позиции, по оси ординат — количество информации, сплошная линия — величина I_j ; прерывистая линия — величина I_j ($\sum_{j=1}^{\infty} I_j = \dots = \Pi_1 = \phi$).

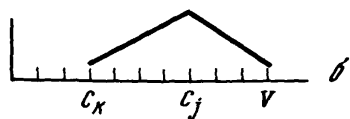
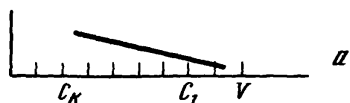
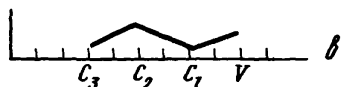

Рис. 8. Распределение информации в начальных фонемах слога при известных фонемах в предшествующих позициях.

можных значений в двух рассматриваемых позициях слога: согласных намного больше, чем гласных. Другими словами, на этом участке слога влияние внутренней фонологической структуры слога на распределение информации практически всегда намного сильнее, чем влияние морфемного членения.

Во-вторых, практически для всех слогов с двумя или более согласными кривая энтропии содержит дополнительный пик на одной из начальных согласных, не "предусмотренный" кривой рис. 2. Исключение составляет небольшая группа слогов вида C_2C_1U . Анализ фонемного состава слогов с различными информационными характеристиками позволяет предположить следующую интерпретацию: чем больше вероятность морфемной границы после начальной согласной или группы согласных слога, тем в меньшей степени эта согласная определяет следующую фонему. В том случае, когда вероятность морфемной границы после f_1 достаточно велика, между величинами $I_k, I_{k-1}(f_1)$ сохраняется то же соотношение, что и для величин I_k, I_{k-1} , вычисленных при неизвестных предшествующих фонемах (рис. 3), т.е. $I_k < I_{k-1}(f_1)$; возникает дополнительный пик энтропии внутри слога. В противном случае при малой вероятности морфемной границы начальная фонема (группа фонем) существенно определяет следующую фонему, энтропия уменьшается настолько, что кривая принимает такой же вид, как на рис. 2, например, если в слоге C_2C_1U начальная согласная — /p/ или /b/, то реализуется первый вариант распределения информации — монотонное убывание.

Наконец, встречаются слоги $C_3C_2C_1U$, в которых начальные согласные однозначно определяют $C_1(I_1(C_3, C_2) \approx 0)$, а возможность варьирования гласного сохраняется, например, если согласные принадлежат основе, а гласная — флексии (слоги /лзпы/, /лзно/). С этим связана возможность дополнительного подъема кривой энтропии на гласной.

Таким образом, для 30% слогов текста кривые энтропии содержат отклонения от кривой рис. 2, связанные с влиянием морфемного членения: подъемы энтропии возникают на местах вероятных морфемных границ.

Приведенные результаты интересны в двух отношениях. Во-первых, определение слога как отрезка речевой цепи между пиками энтропии требует более детальной разработки, так как на фонетически представительном текстовом материале обнаруживается большая зависимость информационных характеристик фонемы от ее позиции по отношению к гласной, чем от ее позиции по отношению к началу слога; при этом существенно, что соотношение между неопределенностью гласной и ближайшей к ней согласной, характерное для всех слогов вида C_1U и более длинных звуковых цепочек может быть интерпретировано по-разному — и структурной взаимосвязью согласного и гласного⁵ и чисто количественными характеристиками звуковой системы: число гласных в 6 раз меньше числа согласных. Проблема соотношения слогового и морфемного членения оказывается тесно связанной с проблемой фонемного состава морфемы и зависимости этого состава от частеречной принадлежности словоформы.

Во-вторых, пики энтропии, возникающие внутри открытых слогов и связанные скорее всего с влиянием возможной морфемной границы, наблюдаются приблизительно в 1/3 всех ударных слогов, при этом основную группу таких слогов составляют слоги C_2C_1U , т.е. такие, где потенциальная принадлежность C_2 к предшествующему слогу постулируется классическими теориями слогоделения и Р.И. Аванесова, и Л.В. Щербы. Поскольку информационные измерения, описанные в данной статье, проведены на материале ударных слогов, все "щербовские" межслоговые границы, связанные с ударностью предшествующего гласного автоматически исключаются, и речь может идти лишь о том, что пики энтропии могут с той или иной вероятностью совпадать с сочетаниями сонорного и шумного согласного — т.е. с такими сочетаниями, которые обязательно предполагают межслоговую границу и по Аванесову, и по Щербе.

Сравнение двух статистик слогов показывает, что при членении на слоги в соответствии с теорией Л.В. Щербы все слоги CCU — и ударные, и безударные — составляют 13,62% текста, а при "принудительном" членении на открытые слоги только ударные слоги C_2C_1U составляют около 30% текста. Такое значительное увеличение слогов C_2C_1U может быть — в результате сравнения этих данных — объяснено в первую очередь тем, что C_2 принадлежит не только другой морфеме, но и вообще другому слову.

С точки зрения механизмов речевой деятельности такая слоговая организация представляется вполне вероятной, ибо неспособность морфемного членения противостоять слоговому — одна из наиболее ярких примет звучащего на русском языке текста, в котором каждая словоформа потенциально состоит из открытых слогов, а конечный согласный образует дополнительный слог.

Таким образом, говоря о слоговом членении отдельного слова и о слоговом членении текста, необходимо четко различать эти два случая. Бесспорно, для слогового членения текста сила воздействия привычных механизмов проявляется более последовательно, и та "включенность" словоформы в общий интонационный рисунок фразы, о которой пишет Т.М. Николаева, не в последнюю очередь определяется

слабой выраженностью просодических примет начала и конца слова. Однако это "размывание" слова в тексте оказывается возможным лишь потому, что существует параллельная интерпретация звуковой последовательности как морфологически и синтаксически организованной цепочки значимых единиц. Именно сила воздействия этих высоких уровней языковой системы разрешает говорящему пользоваться максимально простой программой при порождении высказывания.

Наблюдающееся в последние годы усиление интереса к соотношению слоговой и морфемной организации свидетельствует о том, что лингвистическое объяснение фактов речевой деятельности становится не только актуальным, но и вполне реальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь еще раз подчеркнем, что языковое сознание — это та совокупность правил, которые усваивает человек в процессе овладения родным языком, а вовсе не способность этого человека сознательно оценивать и интерпретировать свое речевое поведение.

² Бесспорность фонетической организации высказывания как последовательности открытых слогов сама по себе не требует дополнительных доказательств. Нужно лишь понимать, что увязывать этот признак, характеризующий русскую артикуляционную базу, с традиционными теориями слога деления, в которых слог рассматривается не с точки зрения речевой деятельности говорящих, а с точки зрения объяснения некоторых звуковых изменений, характеризующих как различные диахронические срезы, так и разные виды национального русского языка (литературный язык и диалекты) — не только бесполезное занятие, но в какой-то мере и тормозящее прогресс в исследовании звуковой организации.

³ Слога деление проводилось по правилам Л.В. Щербы, так что закрытых слогов должно было получиться заведомо больше, чем если бы членение проводилось по правилам Р.И. Аванесова, которые не предусматривают наличия слоговой границы между двумя шумными согласными после ударного гласного.

⁴ Статистика формальных открытых слогов была получена теми же авторами, что и статистика 94000 "традиционных" слогов, о которой речь шла выше (Елкина, Юдина, 1964б).

⁵ Например, в абсолютном начале слова частота встречаемости сочетаний типа /на/, /ра/, /за/ в глаголе в 3 раза больше, чем в существительном, что определяется закономерностями звуковой организации морфем, характерных для начальной позиции имени и глагола (Уровни языка в речевой деятельности, 1986).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аванесов 1956 — *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Белявский, Светозарова 1981 — *Белявский В.М., Светозарова Н.Д.* Слоговая фонетика и три фонетики Л.В. Щербы // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
- Бондарко 1969 — *Бондарко Л.В.* Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Автореф. дис. ... докт. филол. наук Л., 1969.
- Бондарко и др. 1974 — *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б.* Стили произношения и типы произнесения. // ВЯ. 1974. № 2. С. 64—70.
- Винарская и др. 1980 — *Винарская Е.Н., Лепская Н.И., Богомазов Г.М.* Бессознательный и сознательный этапы в освоении звуковой структуры слова // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980. С. 19—29.
- Елкина, Юдина 1964 — *Елкина В.М., Юдина Л.С.* Статистика слогов русской речи // Вычислительные системы. Новосибирск, 1964. Вып. 10.
- Елкина, Юдина 1964 а — *Елкина В.М., Юдина Л.С.* Статистика открытых слогов русской речи // Вычислительные системы, Новосибирск, 1964. Вып. 14.

- Зубкова 1984 — *Зубкова Л.Г.* Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. М., 1984.
- Касевич 1981 — *Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1981. С. 15—16.
- Николаева 1977 — *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Падучева 1958 — *Падучева Е.В.* Статистическое исследование структуры слога // Вопросы статистики речи. Л., 1958. С. 100—111.
- Речь. Артикуляция и восприятие. — Речь. Артикуляция и восприятие/Под ред. В.А. Кожевникова и Л.А. Чистович. М.; Л., 1965.
- Светозарова, Шербакова 1972 — *Светозарова Н.Д., Шербакова Л.П.* Роль изменения частоты основного тона в восприятии ударения в изолированных словах и предложениях // Автоматическое распознавание слуховых образов. Таллин, 1972. С. 164—167.
- Уровни языка в речевой деятельности — Уровни языка в речевой деятельности / Под ред. Л.В. Бондарко. Л., 1986.

С.В. КОДЗАСОВ

О ПРОСОДИИ РУССКОГО СЛОВА

О. Введение. Весной 1983 г., занимаясь слуховым анализом русской интонации, автор данного сообщения заметил в своем произношении различия в тональном оформлении слов, находящихся в идентичных фразовых позициях. В ходе дальнейшего исследования он обнаружил в своем идиолекте сложную систему словесных тонов. К настоящему времени (осень 1986 г.) проакцентуирован словарь, включающий около 3 тысяч лексем русского языка (в основном это исконная лексика или давние заимствования)¹. Предварительно установлены словоизменительные тональные парадигмы.

При изучении тональной просодии слов выявились и другие их просодические различия, ранее не отмечавшиеся фонетистами: фонационные, растворные и темповые. Оказалось, что место ударения в слове в определенной мере скоррелировано с его тональными и растворными свойствами.

Цель настоящей статьи — дать краткое описание обнаруженных просодий, снабженное достаточно представительным фрагментом акцентуированного словаря и соответствующими парадигмами. В качестве такового предлагается наиболее тщательно изученный к данному моменту раздел — существительные на -а.

Автор осознает шоковую неожиданность сообщения о наличии в русском языке словесных тонов и других доселе неизвестных просодий, оно, конечно же, может быть воспринято читателем как мистификация либо химера. Попытаемся предупредить некоторые из неизбежных недоуменных вопросов.

1) Автор — уроженец и постоянный житель Москвы. Вырос в чисто русской среде. В течение ряда лет занимался исследованием тональных систем языков Дагестана.

2) Автор не пытался систематически обследовать словесную просодию других носителей русского языка. Отдельные наблюдения показали наличие аналогичных просодий у других говорящих по-русски

(однако не у всех). Реальность описываемой ниже просодической системы подтверждается, по нашему мнению, ее значительными объяснительными возможностями в сфере как синхронных, так и диахронических фактов русской фонетики.

3) Просодия слова исследовалась автором на основе слухового и кинестезического самоанализа. Анализировались изолированные словоформы, произносимые с интонацией нейтрального (констатирующего) названия. Экспериментальные наблюдения носили самый предварительный характер.

4) Слуховое исследование просодии требует навыка и значительных усилий. Почему-то просодические различия, в том числе тоновые различия минимальных пар, осознаются говорящими несравненно хуже, чем сегментные. Автор многократно наблюдал это при работе с носителями тональных языков Кавказа и других ареалов. Возможно, тональные и некоторые другие просодии не используются при адресной организации словаря значимых единиц в памяти человека и выступают лишь как конститутивное, а не дистинктивное средство (это не касается, конечно, моносиллабических языков, где тон играет фундаментальную роль в звуковых оппозициях). Заметим, что просодическая функция оказывается в одной компании со многими другими функциями человека, которые начинают осознаваться им лишь в результате специальной тренировки.

1. Состав просодических характеристик слова.

1.1. Тон. Выявлено 8 словесных тонов: РВ — ровный высокий, РН — ровный низкий, В-Н — ступенчатый нисходящий (комбинация высокого и низкого ровных), Н-В — ступенчатый восходящий (комбинация низкого и высокого ровных), СКВ — скользящий высокий, СКН — скользящий низкий, НСХ — скользящий нисходящий, ВСХ — скользящий восходящий.

Признаковая классификация тонов: 1) — изменение уровня (РВ, РН, СКВ, СКН)/ + изменение уровня (В-Н, Н-В, НСХ, ВСХ); 2) — скольжение (РВ, РН, В-Н, Н-В)/ + скольжение (СКВ, СКН, НСХ, ВСХ); 3) высокий уровень (постоянный или исходный) (РВ, СКВ, В-Н, НСХ)/ низкий уровень (постоянный или исходный) (РН, СКН, Н-В, ВСХ).

Тон слова реализуется на ударном и предударном слогах. В словах с ровными тонами тон не меняется. В словах со ступенчатыми тонами наблюдается 2 реализации: если имеется предударный слог, то сдвиг тонального уровня происходит на границе предударного и ударного слогов, если предударного слога нет, то тональный "перескок" происходит в конечной части ударного гласного — вниз в случае В-Н и вверх в случае Н-В.

Скользящие одноуровневые тоны характеризуются восходяще-нисходящей (циркумфлексной) интонацией на ударном гласном: СКВ — циркумфлекс при общем высокотональном уровне слова, СКН — циркумфлекс при общем низком уровне.

При НСХ скольжение с исходного высокого уровня на низкий происходит по всей длительности ударного гласного. Ему всегда предшествует небольшое восходящее движение (в пределах высокого

же уровня) на предупредительном гласном. В начале слова этот тон не встречается. Также при ВСХ скольжение с исходного низкого уровня на высокий происходит по всей длительности ударного гласного. При наличии предупредительного слога на нем происходит небольшое нисхождение (в пределах низкого уровня).

Таково субъективное ощущение тональных различий слов. Подчеркнем, что их трудно прямо наблюдать в кривой основной частоты, поскольку в ней совмещены словесная и фразовая интонации, причем вторая значительно превосходит первую по величинам тональных изменений. Предварительные (и минимальные по объему) экспериментальные наблюдения показали, что словесные тоны проявляются как сравнительно небольшие модификации фразовых акцентов (сдвиг общего уровня, изменение формы кривой основной частоты).

Примеры слов с разными тонами: РВ — *голова, рука, поле, берег*; РН — *борода, вода, лето, город*; В-Н — *капуста, черта, солнце, рынок*; Н-В — *корзина, лиса, око, закон*; СКВ — *телега, игла, мясо, голос, клюв*; СКН — *лопата, кора, золото, ворон, блин*; НСХ — *гряда, колено, баран*; ВСХ — *ворона, берлога, болото, мороз*.

При словоизменении происходят метатонии, ср.: *кожи* (род. ед.)/СКВ — *кожи* (им. мн.)/РН, *шкур* (род. ед.)/СКН — *шкур* (им. мн.)/РН, *коров* (род. ед.)/ВСХ — *коров* (им. мн.)/РН. Тон словоформы обычно может быть выведен по морфонологическим правилам из исходного ("лексического") тона. У существительных лексический тон совпадает с тоном словоформы им. ед. Метатонии чаще всего приводят к замене скользящих тонов ровными.

Словоформ с неизменным общим уровнем тона (РВ, РН, СКВ, СКН) в целом гораздо больше, чем словоформ, где уровень меняется (В-Н, Н-В, НСХ, ВСХ). При этом НСХ не встретился в начальном слоге, ВСХ не отмечен в глагольных формах.

Предстоит исследовать, в каком отношении находится данная система к реконструируемой системе общеславянских тонов².

1.2. Фонация. Этот признак имеет три значения: нейтральный голос (отсутствие напряжения или расслабления голосовых связок) (знак =), "жесткий" голос (напряжение связок, увеличение дыхательного усилия, повышение регистра тона) (знак +), "мягкий" голос (расслабление связок, уменьшение дыхательного усилия, понижение регистра тона) (знак -).

Фонационная характеристика относится к словоформе целиком. Клитики принимают фонацию слова, к которому примыкают. Примеры слов с разными фонациями: нейтральная — *река, волна, босой, другой*; "жесткая" — *жена, смола, бок, большой*; "мягкая" — *коза, пчела, дрозд, глухой*.

Фонация может меняться при словоизменении, например: *границы* (род. ед.)/+, но *границы* (им. мн.)/-. Наблюдается определенная корреляция фонационных и тональных чередований, однако в общем случае эти просодии независимы.

"Жесткий" голос в принципе способствует оглушению согласных, а "мягкий" — озвончению. Возможно, некоторые из исторических

изменений согласных по глухости/звонкости обусловлены фонационным контекстом.

1.3. Раствор. Эта характеристика связана с положением нижней челюсти относительно верхней. Наряду с угловым смещением нижней челюсти (ср. движение зевания) возможно вертикальное смещение ее вниз/вверх (ср. движение жевания), приводящее к изменению ширины межчелюстного прохода. Угловой раствор является одним из параметров, образующих сложный признак "ударение"³, вертикальный раствор используется как ведущий параметр независимого просодического признака, который мы называем просто "раствор".

Признак раствора имеет три значения: С — средний или нейтральный (он типичен для речевой позы); У — узкий или закрытый; Ш — широкий или открытый. Растворная характеристика обычно относится к слогу, в наибольшей степени она влияет на качество гласного и непосредственно предшествующего согласного. Для узкого раствора типична напряженность консонантной артикуляции, для широкого — расслабленность, воздушность. Внутри словоформы (и "фонетического слова") раствор может меняться не более одного раза, причем не может происходить перехода от одного маркированного значения к другому, т.е. возможны пары вида СУ, УС, СШ, ШС, но не УШ, ШУ.

Наблюдается тенденция к контаминации растворных и иктусовых характеристик в слове: иктус предпочитает более широкий раствор, в частности, заударный слог не может быть шире ударного. Однако в общем случае эти два признака независимы.

Примеры слов разной растворной структуры: *трава*/С⁴, *куропатка*/С, *худой*/С; *среда*/У, *тина*/У, *песок*/У, *святой*/У; *строка*/Ш, *соха*/Ш, *скупой*/Ш; *комната*/СУУ, *емкий*/СУ, *кочерга*/УУС, *кривой*/УС; *гора*/СШ; *сухой*/СШ, *палуба*/ШСС, *темный*/ШС.

Раствор меняется при словоизменении, ср.: *голова*/С — *голову*/ССУ, *рука*/УС — *руку*/С, *свекла*/ШС — *свеклу*/С.

Имеется немало проявлений растворных различий — как синхронных, так и диахронических. Укажем сначала некоторые из синхронных фактов.

1) Р.И. Аванесов⁵ отмечал в старом московском произношении различие заударных флексий *-е* в предложном и прочих падежах, он истолковывал их как различие *ь* и *ъ*: *о поле* [ъ] — *поле* [ъ] и т.п. Легко увидеть, что такое толкование означает признание двух редуцированных после мягких согласных, а это создает большие трудности при системном описании русского вокализма. В действительности здесь имеет место различие в растворе: *о поле*/СУ — *поле*/С.

2) Отсутствие редукции гласного в предлоге *для* в первом предударном слоге связано с широким раствором: *для*/Ш *нас*. Напротив, вторая степень редукции в первом предударном слоге, наблюдаемая при безударном произношении некоторых проклитик, связана с их узким раствором: *сквозь*/У *окна*, *хоть*/У *раз*.

3) Многочисленные примеры связи иктуса и раствора читатель найдет в §2.

Укажем теперь некоторые из предполагаемых диахронических про-

явлений растворных различий (мы основываемся на нынешней просодии соответствующих слов).

1) Переход *s* → *x* в общеславянском, возможно, был обусловлен (наряду с прочими условиями) широким раствором: компактный (резкий) спирант становился диффузным (нерезким). Ср. *муха/Ш, блоха/Ш, сноха/Ш* — *лиса/С, писать/С*.

2) *Ѣ* перед твердым согласным переходило в *о* в широких слогах: *звѣзды/Ш, вѣдра/Ш* (ср. *лес/С, вера/С*), напротив, *е* не переходило в *о* в узких слогах: *бред/У, невод/У, кресло/У*.

3) Начальные *olt, ort* переходили в *lat, rat* в широких слогах: *лакомый/ШСС, лань/Ш, ракута/Ш* (ср. *локоть/С, рост/С*).

Разумеется, все эти предположения нуждаются в дальнейшей проверке.

1.4. Темп. Этот признак принимает три значения: Н — нейтральный, Б — быстрый, М — медленный. Название "темп" для этого признака достаточно условно — он определяет не только скорость произнесения данного слога, но и тип перехода от гласного к последующему согласному: для быстрых слогов характерен "закрытый" переход, т.е. артикуляционная слитность на слоговых стыках, для медленных — "открытый" переход, т.е. раздельность произнесения гласного и последующего согласного⁶. Гласный конечного открытого слога усекается, если этот слог быстрый. Нейтральные по темпу слоги легко поддаются растягиванию и сокращению, тогда как быстрые "сопротивляются" растягиванию, а медленные сокращению.

Темповая характеристика внутри слова может меняться не более одного раза, сочетание маркированных значений не допускается. Примеры слов разной темповой структуры: *пола/Н, полоса/Н, груша/Н, седой/Н; канава/Б, кожа/Б, лопата/Б, другой/Б; влага/М, польня/М, прямой/М; глыба/НБ, заря/НБ, худой/НБ, пшеница/БНН, тугой/БН, щепя/БН; бадья/НМ, владыка/МНН*.

При словоизменении темп может меняться, причем эта характеристика, по-видимому, не скоррелирована с другими просодиями. Мена темпа используется как апофоническое средство, в частности, быстрым темпом оформляются каузативы (ср. *сохнуть/Н* — *сушить/НБ, сидеть/Н* — *сажать/НБ*) и интеративы от глаголов движения (ср. *бежать/Н* — *бегать/НБ, лететь/Н* — *летать/НБ*).

Возможно, что быстрый темп (т.е. "закрытый" переход, способствующий прогрессивной ассимиляции) был условием третьей палатализации: *лицо/Б, овца/Б, весь/Б, отец/НБ, девица/НББ*.

1.5. Ударение (иктус). Место иктуса в общем случае нельзя предсказать по другим просодиям слова, очевидно, уже в древнерусском оно определялось морфологическими правилами⁷. Однако наблюдается известная корреляция ритмики слова с его тональной и растворной структурами, которая будет прослежена ниже.

2. Просодические парадигмы (существительные на *-а*). Из-за ограничения объема статьи мы даем здесь лишь минимальные комментарии, они касаются в основном связи иктуса с другими просодиями. Деление на словоизменительные классы — по тональной и фонационной характеристике формы им. ед. и по иктусовой парадигме. В качестве образцов используются слова с исходным нейтральным (средним)

раствором. Что происходит с маркированными растворами, поясняется в комментарии к парадигмам ровнотональных слов. Слова с другими тонами имеют аналогичные растворные изменения в парадигме. Темповая парадигма одинакова для всех существительных на -а и приводится в конце параграфа.

Характеристика раствора в списках слов, относящихся к рассматриваемым акцентным классам, указывается лишь в тех случаях, когда она имеет маркированное значение (содержит Ш или У). Указываются также (в скобках) маркированные значения темповой характеристики. Нейтральные характеристики раствора и темпа не отмечаются.

2.1. Ровный высокий.

а) Фонация =	голова/РВ, =, С	головы/РВ, =, ССУ
	головы/РВ, =, С	голов /РВ, =, С
	голове/РВ, =, С	головам/РВ, =, С
	голову/РВ, =, ССУ	головы/РВ, =, ССУ
	головой/РВ, =, С	головами/РВ, =, С
	голове/СКВ, =, ССУ	о головах/РВ, =, С

К этому же классу относятся: *борозда/Ш*, *икра(ноги)*, *нора/Ш* (Б), *пора*. Слова *борозда* и *нора* не меняют растворной характеристики в парадигме. Сходным образом, любое по тону слово с нейтральной фонацией не меняет раствора при словоизменении, если хотя бы один из слогов является широким. Иначе говоря, наличие характеристики "широкий" блокирует сужение в словах с фонацией =.

б) Фонация +	изба/РВ, +, С(НБ)	избы/РН, -, С
	избы/РВ, +, С	изб/РН, -, С
	избе/РВ, +, С	избам/РН, -, С
	избу/РН, -, С	избы/РН, -, С
	избой/РВ, +, С	избами/РН, -, С
	об избе/СКВ, +, СУ	об избах/РН, -, С

К тому же классу относятся: *доска*, *простыня/УУС* (Б), *рука/УС*, *скирда/Ш*(Б), *скула/Ш*, *стена/У*(Б), *травя(НБ)*. В формах со вторичными низким тоном и мягкой фонацией раствор всегда нейтрален: *руку/С*, *ру́ки/С*; *скулу/С*, *ску́лы/С*; *стену/С*, *сте́ны/С*. В форме пр. ед. слова с широким раствором не имеют сужения конечного слога: *на скуле/Ш*.

в) Фонация —	душа/РВ, -, С	души/РН, -, С
	души/РВ, -, С	душ/РН, -, С
	душе/РВ, -, С	душам/РН, -, С
	душу/РН, -, С	души/РН, -, С
	душой/РВ, -, С	душами/РН, -, С
	о душе/РН, -, С	о душах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *пола*, *пригоршня/ССУ*, *свекла/ШС*(НБ). Все формы с низким тоном имеют средний раствор: *пригоршню/С*, *в пригоршне/С*, *пригоршни* (мн.)/С; *свеклу/С*, *о свекле/С*, *свеклы* (мн.)/С.

2.2. Ровный низкий

а) Фонация =	вода/РН, =, С	воды/РВ, =, СУ
	воды/РН, =, С	вод/РВ, =, С
	воде/РН, =, С	водам/РВ, =, С
	воду/РН, =, СУ	воды/РВ, =, СУ
	водой/РН, =, С	водами/РВ, =, С
	о воде/СКН, =, СУ	о водах/РВ, =, С

К этому же классу относятся: *борода, плева, полоса, река*.

б) Фонация +	нога/РН, +, С	ноги/РН, -, С
	ноги/РН, +, С	ног/РН, -, С
	ноге/РН, +, С	ногам/РН, -, С
	ногу/РН, -, С	ноги/РН, -, С
	ногой/РН, +, С	ногами/РН, -, С
	о ноге/СКН, +, СУ	о ногах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *вожжа/СШ(Б), гора/СШ, зима(НБ), скоба/Ш, стина, цена, щеп(БН)*.

в) Фонация —	щека/РН, -, С(Б)	щеки/РН, -, С
	щеки/РН, -, С	щек/РН, -, С
	щеке/РН, -, С	щекам/РН, -, С
	щеку/РН, -, С	щеки/РН, -, С
	щекой/РН, -, С	щеками/РН, -, С
	о щеке/РН, -, С	о щеках/РН, -, С

К этому же классу относятся: *искра/СУ, коса (прическа)/Ш, мѡшка(Б), мошкѡ(Б), палуба/ШСС, пасака/СУУ, патока/ШСС, петля, среда/У, стопа(бумага)/Ш, сторона, строка/Ш, тропа*. В вин. и пр. падежах ед. ч. и во всех формах мн. ч. маркированная растворная характеристика меняется на нейтральную: *косу/С, о косе/С, кѡсы/С; среду/С, о среде/С, срѣды/С*. Такая же нейтрализация раствора в этих формах наблюдается при других тонах, если лексема имеет мягкую фонацию (исключение — слова с ударением на окончании, имеющие исходный тон В-Н).

В ровнотональных словах в формах ед. ч. ударение обычно падает на флексию. Этот закон нарушен в случаях, когда ему противоречит растворная структура: в формах типа *свекла/ШС, искра/СУ* и в форме вин. ед., где часть лексем имеет узкий раствор конечного слога. Такое же сужение и сдвиг ударения наблюдается в формах им. и вин. мн. Очевидно, смещение ударения вперед в прочих формах мн. ч. — результат морфологического выравнивания.

2.3. Ступенчатый нисходящий.

А. Ударение на основе.

а) Фонация =	перина/В-Н, =, С(Б)	перины/В-Н, =, ССУ
	перины/В-Н, =, С	перин/В-Н, =, С
	перине/В-Н, =, С	перинам/В-Н, =, С
	перину/В-Н, =, ССУ	перины/В-Н, =, ССУ
	перинѡй/В-Н, =, С	перинами/В-Н, =, С
	о перине/СКВ, =, ССУ	о перинах/В-Н, =, С

К этому же классу относятся: *бумага/СШШ, влага(М), владыка(МНН), дума(БН), забота/СШШ, зазноба(ННБ), извилина, икота, капуста(Б), кукла(БН), кукуруза(Б), мастика, полка, попона, пробка, прореха, рубаха/Ш, рыба/ШС, уйма/Ш, холка(Б), чурка*.

б) Фонация +	граница/В-Н, +, С	границы/В-Н, -, С
	границы/В-Н, +, С	границ/В-Н, -, С
	границе/В-Н, +, С	границам/В-Н, -, С
	границу/В-Н, -, С	границы/В-Н, -, С
	границей/В-Н, +, С	границами/В-Н, -, С
	о границе/СКВ, +, ССУ	о границах/В-Н, -, С

К этому же классу относятся: *Волга, вотчина/СУУ, канава(Б), колдоба, комната/СУУ, лодка, оплеуха, разлука, рябина(М), секира, середина, скупа(Б), Тула/Ш, тюря, улица/СУУ.*

в) Фонация —	кипа/В-Н, —, С	кippy/В-Н, —, С
	кippy/В-Н, —, С	кип/В-Н, —, С
	кипе/В-Н, —, С	кипам/В-Н, —, С
	кипу/В-Н, —, С	кippy/В-Н, —, С
	кипой/В-Н, —, С	кипами/В-Н, —, С
о	кипе/СКВ, —, С	о
		кипах/В-Н, —, С

К этому же классу относятся: *выдра/У, затея(М), кибитка(Б), книга, коморка(Б), кофта, кровля/Щ(Б), кружка(Б), крыша(НБ), лата/ШС, мука, мякина/Ш, надежда, плотина, половина, полушка, порча, пряжа, прялка, пряха, сила, ступа/Ш(Б), тайна/Ш, тревога, тыква, хвоя, шея, щетина.*

В словах этих трех классов ударение падает на последний слог основы (обычно это предпоследний слог слова). Исключением являются трехсложные слова, в которых раствор начального слога шире, чем последующих: *комната/СУУ, вотчина/СУУ* и т.п.

Б. Ударение на окончании.

а) Фонация =	статья/В-Н, =, СШ	статьи/В-Н, =, СШ
	статьи/В-Н, =, СШ	статей/НСХ, =, С
	статье/В-Н, =, СШ	статьям/НСХ, =, СШ
	статью/В-Н, =, СШ	статьи/В-Н, =, СШ
	статей/В-Н, =, СШ	статьями/НСХ, =, СШШ
о	статье/СКВ, =, СШ	о
		статьях/НСХ, =, СШ

К этому же классу относятся: *егоза/ССШ, клешня/СШ(БН), черта/УС(Б), хвала/СШ.*

б) Фонация +	полынья/В-Н, +, ССШ(М)	полыньи/В-Н, —, ССШ
	полыньи/В-Н, +, ССШ	—
	полынье/В-Н, +, ССШ	полыньям/НСХ, —, ССШ
	полыню/В-Н, —, ССШ	полыньи/В-Н, —, ССШ
	полыней/В-Н, +, ССШ	полыньями/НСХ, —, ССШШ
о	полынье/СКВ, +, ССШ	о
		полынях/НСХ, —, ССШ

К этому же классу относятся: *левша/СШ(Б), попадьа/ССШ, спорынья/ССШ.*

в) Фонация —	княжна/В-Н, —, СШ	княжны/В-Н, —, СШ
	княжны/В-Н, —, СШ	княжен/НСХ, —, СШ
	княжне/В-Н, —, СШ	княжнам/НСХ, —, СШ
	княжну/В-Н, —, СШ	княжен/НСХ, —, СШ
	княжной/В-Н, —, СШ	княжнами/НСХ, —, СШШ
о	княжне/СКВ, —, СШ	о
		княжнах/НСХ, —, СШ

К этому же классу относятся: *бечева/ССШ, колея/ССШ, мгла/СШ(Б)* (здесь вершиной 1-го слога является *м*).

Все слова этих трех классов имеют широкий раствор флексийных слогов при среднем растворе предшествующих слогов. Растворная мотивация места иктуса здесь очевидна. Обращает на себя внимание метатония В-Н ~ НСХ в формах мн. ч. и отсутствие нейтрализации раствора и тона в формах с мягкой фонацией.

В. Подвижное ударение

- а) Фонаяция =
волна/В-Н, =, С	волны/В-Н, =, С	волны/В-Н, =, СУ
волн/В-Н, =, С	волнам/В-Н, =, С	волн/В-Н, =, С
волне/В-Н, =, С	волну/В-Н, =, СУ	волнам/В-Н, =, С
волной/В-Н, =, С	волнами/В-Н, =, С	волны/В-Н, =, СУ
о волне/СКВ, =, СУ	о волнах/В-Н, =, С	волнами/В-Н, =, С

К этому же классу относятся: *вдова(БН), вина, деньга, детвора, овца(Б), роса, скала(НБ), шелуха(Б).*

- б) Фонаяция +
свинья/В-Н, +, У	свиньи/В-Н, -, С	свиньи/В-Н, -, С
свиней/В-Н, +, У	свиньям/В-Н, -, С	свиней/НСХ, -, У
свинье/В-Н, +, У	свиньями/В-Н, -, С	свиньям/В-Н, -, С
свинью/В-Н, -, С	свиньях/В-Н, -, С	свиней/НСХ, -, У
свиньей/В-Н, +, У	о свиньях/В-Н, -, С	свиньями/В-Н, -, С
о свинье/СКВ, +, У		о свиньях/В-Н, -, С

К этому же классу относятся: *клевета, маета, плотва(Б), серьга/У(Б), чешуя(ННМ).*

- в) Фонаяция —
слеза/В-Н, -, С(М)	слезы/В-Н, -, С	слезы/В-Н, -, С
слез/В-Н, -, С	слезам/В-Н, -, С	слез/В-Н, -, С
слезе/В-Н, -, С	слезой/В-Н, -, С	слезам/В-Н, -, С
слезу/В-Н, -, С	слезами/В-Н, -, С	слезы/В-Н, -, С
слезой/В-Н, -, С	о слезах/В-Н, -, С	слезами/В-Н, -, С
о слезе/СКВ, -, С		о слезах/В-Н, -, С

К этому же классу относятся: *труба, Москва/У.*

По иктусовой парадигме подвижный тип нисходящей "ступеньки" совпадает с ровнотональным, не считая формы вин. ед. По прочим просодическим свойствам лексемы типа В не отличаются от лексем типа А, в синхронии это чисто словарные (морфонологические) классы.

2.4. Ступенчатый восходящий.

А. Ударение на основе.

- а) Фонаяция =
корзина/Н-В, =, С(Б)	корзины/Н-В, =, ССУ	корзины/Н-В, =, ССУ
корзины/Н-В, =, С	корзин/Н-В, =, С	корзин/Н-В, =, С
корзине/Н-В, =, С	корзинам/Н-В, =, С	корзинам/Н-В, =, С
корзину/Н-В, =, ССУ	корзины/Н-В, =, ССУ	корзины/Н-В, =, ССУ
корзиной/Н-В, =, С	корзинами/Н-В, =, С	корзинами/Н-В, =, С
о корзине/СКН, =, ССУ	о корзинах/Н-В, =, С	о корзинах/Н-В, =, С

К этому же классу относятся: *глина(Б), грива/Ш(Б), досада, монета, обуза(НББ), основа, погода(БНН), подушка(НББ).*

- б) Фонаяция +
обида/Н-В, +, С(Б)	обида/Н-В, -, С	обида/Н-В, -, С
обида/Н-В, +, С	обид/Н-В, -, С	обид/Н-В, -, С
обиде/Н-В, +, С	обидам/Н-В, -, С	обидам/Н-В, -, С
обиду/Н-В, -, С	обиды/Н-В, -, С	обиды/Н-В, -, С
обидой/Н-В, +, С	обидами/Н-В, -, С	обидами/Н-В, -, С
об обиде/СКН, +, ССУ	об обидах/Н-В, -, С	об обидах/Н-В, -, С

К этому же классу относятся: *опушка(НММ), причуда(НББ), ракета/Ш, улитка.*

- в) Фонаяция —
миска/Н-В, -, С	миски/Н-В, -, С	миски/Н-В, -, С
миски/Н-В, -, С	мисок/Н-В, -, С	мисок/Н-В, -, С
миске/Н-В, -, С	миска/Н-В, -, С	миска/Н-В, -, С
миску/Н-В, -, С	миски/Н-В, -, С	миски/Н-В, -, С
миской/Н-В, -, С	миска/Н-В, -, С	миска/Н-В, -, С
о миске/СКН, -, С	о мисках/Н-В, -, С	о мисках/Н-В, -, С

К этому же классу относятся: *зано́за*/СШШ(Б), *сметана*/СШШ.

Б. Ударение на окончании.

В нашем словаре слов такого типа не оказалось.

В. Подвижное ударение.

Слова такого типа в нашем словаре единичны. Приведем отдельные формы: а) *стреко́за*/Н-В, -, С; *о стреко́зе*/СКН, -, СУ; *стреко́зы*/Н-В, =, СУ; б) *струна*/Н-В, +, С(Б); *о струне*/СКН, +, СУ; *стру́ны*/Н-В, -, С; в) *лиса*/Н-В, -, С; *о лисе*/СКН, -, С; *ли́сы*/Н-В, -, С. К этому же типу условно отнесем слова: *пелена*/Н-В, =, С; *кирка*/Н-В, +, С; *Кострома*/Н-В, +, С; эти слова не имеют форм мн. ч.

2.5. Скользящий высокий.

А. Ударение на основе.

а) Фонация =	телега/СКВ, =, С	телеги/РВ, =, ССУ
	телеги/СКВ, =, С	телег/РВ, =, С
	телеге/СКВ, =, С	телегам/РВ, =, С
	телегу/СКВ, =, ССУ	телеги/РВ, =, ССУ
	телегой/СКВ, =, С	телегами/РВ, =, С
о	телеге/СКВ, =, ССУ	о телегах/РВ, =, С

К этому же классу относятся: *акула*, *башня*, *белка*, *бочка*(Б), *брюква*, *ведьма*/У, *верзила*/СШШ, *верша*, *вобла*/ШС, *воля*(Б), *глотка*, *дерюга*, *дружина*(НББ), *дура*, *жижа*(Б), *истина*/СУУ(Б), *клюква*, *круча*(БН), *ласка*(Б), *лепешка*, *люлька*/ШС, *малина*/ШШС, *морда*/ШС, *неряха*/СШШ, *особа*/Ш, *полтина*, *пуговица*/СУУУ, *пуля*, *пушка*(НБ), *пышка*, *редька*, *сайка*, *суббота*, *сутолока*/СУУУ, *сыворотка*/СУУУ(Б), *тетя*, *туча*(М), *тысяча*/СУУ, *цыпка*(Б), *шварка*(НБ), *щука*(НБ).

б) Фонация +	жила/СКВ, +, С	жилы/РН, -, С
	жилы/СКВ, +, С	жил/РН, -, С
	жиле/СКВ, +, С	жилам/РН, -, С
	жилу/РН, -, С	жи́лы/РН, -, С
	жилой/СКВ, +, С	жилами/РН, -, С
о	жиле/СКВ, +, СУ	о жилах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *вишня*, *деревня*, *женщина*/СУУ, *жу́желица*/СУУУ, *защита*, *кляча*(М), *кромка*(МН), *крошка*, *лягушка*(Б), *молния*/ШСС(Б), *Ольга*/ШС, *пружина*(БНН), *рана*, *сбруя*(МН), *свобода*, *сера*, *сказка*/У, *скряга*/Ш, *слега*(НБ), *собака*, *теща*(НБ), *тяга*, *удочка*/СУУ, *усобица*/ССУУ(Б), *утка*(НБ), *черемуха*, *чететка*/УСС, *щиколотка*/СУУУ, *ябеда*/СУУ, *яблоня*/СУУ, *ящерица*/СУУУ.

в) Фонация —	баба/СКВ, -, С	бабы/РН, -, С
	бабы/СКВ, -, С	баб/РН, -, С
	бабе/СКВ, -, С	бабам/РН, -, С
	бабу/РН, -, С	баб/РН, -, С
	бабой/СКВ, -, С	баба́ми/РН, -, С
о	бабе/РН, -, С	о бабах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *балка*, *басня*, *брага*(М), *буря*, *вена*/У, *веха*(Б), *галька*, *гиря*, *горница*/СУУ, *груша*/У, *грыжа*, *гусеница*/СУУУ, *дыня*, *дядя*, *заика*, *калека*(Б), *капля*, *каша*, *кадка*, *клецка*, *клятва*/Ш, *кожа*(Б), *колода*, *котомка*, *крыса*/Ш, *куница*(Б); *лапа*/Ш, *липа*(М), *ложка*, *лужа*, *лыжа*(МН), *лямка*, *мена*(Б), *мера*(НБ), *мета*; *могила*, *мотыга*, *муха*/Ш, *невеста*, *неделя*; *ноша* (Б); *няня*(Б), *облава*(НММ), *оглобля*(НММ), *опека*, *оскоми́на*/ССУУ, *пакля*(НМ), *паути-*

на(Б), пашня(Б), плата, плаха, пленка, польза(МН), поляна, посуда/Ш, почка, присяга, притча, прогалина, работа, рвота/ШС, розга(НБ), русалка, рывина/СУУ, ряса, сабля(Б), свадьба/ШС, свара(Б), сваха, семга, серна, сода, ссора, сукровица/СУУУ, тарелка, тезка, трущоба(Б), тундра, тляка, Украина, утроба, халтура, харя(Б), халула, хата, чайка, чара(М), черешня(ММН), шапка, шишка(Б), шуба(Б), щербина, щетка(Б).

Б. Ударение на окончании.

Этот тип в нашем словаре представлен единичными словами: *швей*/СКВ, +, УС(М), *швеи* (мн.)/РН, -, С; *яга*/СКВ, +, СШ(Б); *скамья*/СКВ, -, СШ, *скамьи* (мн.)/РН, -, С.

В. Подвижное ударение.

а) Фонация =	семья/СКВ, =, С(Б)	семьи/РВ, =, СУ	
	семьи/СКВ, =, С	семей/РВ, =, С	
	семье/СКВ, =, С	семьям/РВ, =, С	
	семью/СКВ, =, СУ	семьи/РВ, =, СУ	
	семьей/СКВ, =, С	семьями/РВ, =, С	
о	семье/СКВ, =, СУ	о	семьях/РВ, =, С

К этому же классу относятся: *игла*(Б), *икра*(рыбы) (БН), *коса* (инструмент) (Б), *молва*, *сопля*/Ш, *суета*.

б) Фонация +	жена/СКВ, +, С	жены/РН, -, С	
	жены/СКВ, +, С	жен/РН, -, С	
	жене/СКВ, +, С	женам/РН, -, С	
	жену/РН, -, С	жен/РН, -, С	
	женой/СКВ, +, С	женами/РН, -, С	
о	жене/СКВ, +, СУ	о	женах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *верста*/Ш, *дыра*(Б), *казна*(Б), *руда*, *свеча*/У(БН), *сирота*, *смола*(Б), *сноха*/Ш, *сова*, *требуха*, *юла* (НБ), *ячя*/Ш.

в) Фонация —	коза/СКВ, -, С	козы/РН, -, С	
	козы/СКВ, -, С	коз/РН, -, С	
	козе/СКВ, -, С	козам/РН, -, С	
	козу/РН, -, С	коз/РН, -, С	
	козой/СКВ, -, С	козами/РН, -, С	
о	козе/РН, -, С	о	козах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *война* (М), *гроза*, *еда*, *лебедя*(М), *пята*, *сковорода*/У, *тесьма*(Б), *тля*(М), *тоска*, *труха*, *тюрьма*.

2.6. Скользящий низкий.

А. Ударение на основе.

а) Фонация =	шкура/СКН, =, С(НБ)	шкура/РН, =, СУ	
	шкура/СКН, =, С	шкур/РН, =, С	
	шкуре/СКН, =, С	шкурам/РН, =, С	
	шкуру/СКН, =, СУ	шкура/РН, =, СУ	
	шкурой/СКН, =, С	шкурами/РН, =, С	
о	шкуре /СКН, =, СУ	о	шкурах/РН, =, С

К этому же классу относятся: *азбука*/СУУ, *баланда*, *бляха*, *буква*, *булка*, *ватрушка*, *верба*(Б), *вереница*, *втулка*(МН), *вьюга*, *галка*, *дача*, *десница*, *добыча*, *Елена*, *жертва*(Б), *жменя*, *ива*/ШС, *изнанка*, *икона*, *калина*, *клубника*/УСС, *кобыла*(Б), *коврига*(НММ), *косынка*(Б), *кошолка*, *кулебяка*(НННБ), *курица*/СУУ(Б), *куропатка*(Б), *куча*(БН), *лампа*,

ласточка/ШСС, леса, лопата(Б), морщина(М), обезьяна(Б), оспа, палка, пасха, песня, пехота(Б), пигалица/СУУУ, подошва, подруга(НББ), порода, правда, пустыня, пучина, пшеница(БНН), радуга/СУУ, репа(НБ), родина/СУУ, ромашка, свая/У, селезенка, синица, склока(Б), солома(НББ), сопка, судорога/СУУУ, цапля(Б), язва.

б) Фонация +	жаба/СКН, +, С	жабы/РН, -, С
	жабы/СКН, +, С	жаб/РН, -, С
	жабе/СКН, +, С	жабам/РН, -, С
	жабу/РН, -, С	жаб/РН, -, С
	жабой/СКН, +, С	жабами/РН, -, С
	о жабе/СКН, +, СУ	о жабах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *бабочка/СУУ(ННБ), глыба(НБ), жажда, копейка(Б), крушина(Б), зануда, колика/СУУ(Б), оборка, одежда, осина, охота, перчатка, пиявка, продажа, проказа, прыныра, раковина/ШССС, рогожа, роза, сажка(Б), скалка, спица, тина/У, трапе-за/ШСС(Б).*

в) Фонация —	баня/СКН, -, С(М)	бани/РН, -, С
	бани/СКН, -, С	бань/РН, -, С
	бане/СКН, -, С	баням/РН, -, С
	баню/РН, -, С	бани/РН, -, С
	баней/СКН, -, С	банями/РН, -, С
	о бане/РН, -, С	о банях/РН, -, С

К этому же классу относятся: *вера, веревка, выгода/СУУ, говяди-на/ССУУ, груда, дева, доля(НБ), жабра/ШС, косуля(Б), короста, кошка(НБ), кочка, крапива, крынка, кукушка(Б), лава, лампада, мама(Б), мята, награда, нива(Б), оладья, осока, острога, отравя, палата/Ш, пазуха/СУУ(Б), папа(Б), пена/ШС, пика, пища, победа, подкова(НММ), почва(Б), причина(НММ), птица, ресница(Б), роца(Б), скважина/СУУ, слава, слива, стая, тряпка, хижина/СУУ, чаша, челка(МН), ягода/СУУ, яма.*

В этих классах ударение падает на конечный слог основы. Исключением опять являются те трехсложные слова, у которых раствор начального слога шире, чем последующих: *радуга/СУУ, трапеца/ШСС, пазуха/СУУ* и т.п.

Б. Ударение на окончании.

а) Фонация =	мечта/СКН, =, УС	мечты/РН, =, У
	мечты/СКН, =, УС	—
	мечте/СКН, =, УС	мечтам/РН, =, УС
	мечту/СКН, =, У	мечты/РН, =, У
	мечтой/СКН, =, УС	мечтами/РН, =, УС
	о мечте/СКН, =, У	о мечтах/РН, =, УС

К этому же классу относятся: *броня/СШ(НМ), жара/СШ(М), кай-ма/СШ, канва/СШ, карга/СШ(Б), кора/СШ(БН), кочерга/УУС, ладья/УС, латта/СШ(Б), лапша/СШ(Б), мука/УС, мурава/ССШ, парча/СШ, праца/УС, чета/УС(Б).*

б) Фонация +	кишка/СКН, +, СШ(Б).	кишки/РН, -, С
	кишки/СКН, +, СШ	кишек/РН, -, С
	кишке/СКН, +, СШ	кишкам/РН, -, С
	кишку/РН, -, С	кишки/РН, -, С
	кишкой/СКН, +, СШ	кишками/РН, -, С
	о кишке/СКН, +, СШ	о кишках/РН, -, С

К этому же классу относятся: *бадья/СШ, ботва/СШ, гурьба/СШ(НБ), корма/СШ, кума/СШ(Б), парша/СШ(Б), тьма/Ш(Б), узда/СШ, уха/СШ(Б), хула/УС, череда/ССШ.*

в) Фонация —	ступня/СКН, —, СШ	ступни/РН, —, С
	ступни /СКН, —, СШ	ступней/РН, —, С
	ступне/СКН, —, СШ	ступням/РН, —, С
	ступню/РН, —, С	ступни/РН, —, С
	ступней/СКН, —, СШ	ступнями/РН, —, С
	о ступне/РН, —, С	о ступнях/РН, —, С

К этому же классу относятся: *башка/СШ, госпожа/ССШ, квашня/СШ, межа/СШ, саранча/ССШ, тайга/СШ, тетива/ССШ.*

Все слова типа Б имеют в ед. ч. более широкий раствор конечного слога, чем неконечных. Примечательно, что большинство слов этого типа не имеет форм мн. ч.

В. Подвижное ударение.

а) Фонация =	беда/СКН, =, С	беды/РН, =, СУ
	беды/СКН, =, С	бед/РН, =, С
	беде/СКН, =, С	бедам/РН, =, С
	беду/СКН, =, СУ	беды/РН, =, СУ
	бедой/СКН, =, С	бедами/РН, =, С
	о беде/СКН, =, СУ	о бедах/РН, =, С

К этому же классу относятся: *звезда/Ш(М), игра(М), копна, зола, метла(БН), мошна/Ш, ноздря/Ш(М), слуга/Ш, струя, толпа, треска(НБ), чепуха/У.*

б) Фонация +	сестра/СКН, +, С	сестры/РН, —, С
	сестры/СКН, +, С	сестер/РН, —, С
	сестре/СКН, +, С	сестрам/РН, —, С
	сестру/РН, —, С	сестер/РН, —, С
	сестрой/СКН, +, С	сестрами/РН, —, С
	о сестре/СКН, +, СУ	о сестрах/РН, —, С

К этому же классу относятся: *колбаса, скорлупа/Ш, соха/Ш, стопа(ноги).*

в) Фонация —	змея/СКН, —, С(М)	змеи/РН, —, С
	змеи/СКН, —, С	змей/РН, —, С
	змее/СКН, —, С	змеям/РН, —, С
	змею/РН, —, С	змей/РН, —, С
	змеей/СКН, —, С	змеями/РН, —, С
	о змее/РН, —, С	о змеях/РН, —, С

К этому же классу относятся: *заря(НБ), канура(Б), клюка/Ш(Б), лоза/Ш, Ока/Ш, ольха, орда/Ш, пила, пчела, слюна(М), сосна(Б), страна(М), чума.*

Все слова типа В имеют равномерный раствор. По иктусовой парадигме совпадают с ровнотональными (кроме вин. ед.).

2.7. Нисходящий .

а) Фонация =	гряда/НСХ, =, С	гряды/РВ, =, С
	гряды/НСХ, =, С	гряд/РВ, =, С
	гряде/НСХ, =, С	грядам/РВ, =, С
	гряду/НСХ, =, СУ	гряды/РВ, =, С
	грядой/НСХ, =, С	грядами/РВ, =, С
	о гряде/СКВ, =, СУ	о грядах/РВ, =, С

К этому же классу относятся: *белена*(ННБ), *береста*/У, *бузина*/У, *весна*(БН), *ветла*/СШ, *длина*/СШ, *крупя*/СШ. Если слово в ед. ч. имеет растворную характеристику СШ, то во мн. ч. она меняется на С: *ветлы*/С, *длины*/С, *крупы*/С. Эта закономерность действует и в двух нижеследующих классах.

б) Фонация +	плита/НСХ, +, С(БН)	плиты/РН, -, С
	плиты/НСХ, +, С	плит/РН, -, С
	плите/НСХ, +, С	плитам/РН, -, С
	плиту/РН, -, С	плиты/РН, -, С
	плитой/НСХ, +, С	плитами/РН, -, С
	о плите/СКВ, +, СУ	о плитах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *ветчина*(Б), *десна*/СШ, *дуга*(НБ), *слюда*, *стрела*/СШ.

в) Фонация —	губа/НСХ, -, С(НБ)	губы/РН, -, С
	губы/НСХ, -, С	губ/РН, -, С
	губе/НСХ, -, С	губам/РН, -, С
	губу/РН, -, С	губы/РН, -, С
	губой/НСХ, -, С	губами/РН, -, С
	о губе/РН, -, С	о губах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *борона*, *блоха*/Ш, *глиста*, *железа*, *конопля*, *луна*(М), *оса*, *пурга*.

Нисходящее ударение падает на последний слог. Иктусовая парадигма сходна с парадигмой для ровнотональных. Отлично лишь ударение в вин. ед., однако слова с полногласием (*борона*, *железа*) могут факультативно иметь начальное ударение.

2.8. Восходящий.

А. Ударение на основе.

а) Фонация =	береза/ВСХ, =, С	березы/ВСХ, =, ССУ
	березы/ВСХ, =, С	берез/ВСХ, =, С
	березе/ВСХ, =, С	березам/ВСХ, =, С
	березу/ВСХ, =, ССУ	березы/ВСХ, =, ССУ
	березой/ВСХ, =, С	березами/ВСХ, =, С
	о березе/СКН, =, ССУ	о березах/ВСХ, =, С

К этому же классу относятся: *берлога*(НММ), *ворона*(Б), *дорога*, *сорока*.

б) Фонация +	корова/ВСХ, +, С(Б)	коровы/РН, -, С
	коровы/ВСХ, +, С	коров/РН, -, С
	корове/ВСХ, +, С	коровам/РН, -, С
	корову/РН, -, С	коров/РН, -, С
	коровой/ВСХ, +, С	коровами/РН, -, С
	о корове/СКН, +, ССУ	о коровах/РН, -, С

К этому же классу относятся: *оборона*, *оторочка*.

в) Фонация —	сорочка/ВСХ, -, С	сорочки/РН, -, С
	сорочки/ВСХ, -, С	сорочек/РН, -, С
	сорочке/ВСХ, -, С	сорочкам/РН, -, С
	сорочку/РН, -, С	сорочки/РН, -, С
	сорочкой/ВСХ, -, С	сорочками/РН, -, С
	о сорочке/РН, -, С	о сорочках/РН, -, С

К этому же классу относится: *морока*. Слов с восходящим тоном на окончании в нашем материале не оказалось.

2.9. Темповая парадигма.

Исходная темповая характеристика лексемы сохраняется во всех

падежных формах ед. ч., кроме предложного падежа, где происходит нейтрализация быстрого темпа. Формы мн. ч. имеют нейтральный темп, если исходная темповая характеристика не содержала М. Примеры: *борода/Н — в бороде/Н — бороды/Н, стена/Б — в стене/Н — стёны/Н, изба/НБ — в избе/Н — избы/Н, волна/М — в волне/М — волны/М, бадья/НМ — бадье/НМ — бадьи (мн.)/НМ.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список слов для акцентуации составлен по: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

² См.: *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.

³ О соотношении понятий "параметр" и "признак" см. *Кодзасов С. В.* Об универсальном наборе фонетических признаков // *Экспериментальные исследования в психолингвистике.* М., 1982.

⁴ Если все слоги слова имеют одинаковый раствор, записывается одна буква.

⁵ См.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.

⁶ Ср. термины английских фонетистов *close nexus* и *loose nexus*.

⁷ См.: *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

О. В. БЕСПАЛОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО РИТМА И СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

При решении вопроса о языковой специфике реализации чешского и русского словесного ударения следует учесть два подхода к данной проблеме. Первый, восходящий к работам Пражского лингвистического кружка, можно назвать фонологическим¹. В соответствии с этим подходом, главным признаком как чешского, так и русского ударения признается экспираторное усиление слога. При этом чешское ударение, фиксированное, как известно, на первом слоге слова, считается слабым динамическим ударением, в отличие от русского — сильного динамического. Р. Якобсон показал, что слабая выраженность чешского ударения обусловлена системой языка, а именно: значительное экспираторное усиление, которое, по мнению Р. Якобсона, необходимо сопровождается увеличением длительности гласного, не может иметь место в чешском языке, где существует фонологическое противопоставление долгих и кратких гласных фонем. Напротив, сила русского ударения обусловлена свободной, функционально не нагруженной длительностью гласных².

Второй подход — акустический — исключает динамическую трактовку как русского, так и чешского ударения, поскольку большая интенсивность, считающаяся коррелятом силы, далеко не всегда характеризует ударные слоги в том и другом языке. Основным признаком русского ударения при акустическом подходе считается длительность гласного — наиболее постоянная акустическая характеристика ударного слога³. Что же касается чешского ударения, акустиче-

ский подход не обнаруживает каких-либо закономерностей в его реализации⁴. Более того, оказалось, что по всем традиционно рассматриваемым признакам — интенсивности, длительности и частоте основного тона — чешский ударный слог может быть менее выраженным по сравнению с безударными. Это дало основание говорить о неуловимости, парадоксальности чешского ударения⁵.

Как видим, в отношении языковой специфики чешского и русского ударения результаты указанных подходов противоречат друг другу. Фонологический подход обнаруживает эту специфику в степени экспираторного усиления слога: русское ударение — сильное, чешское — слабое. Такое представление, как было показано, имеет типологическое обоснование, соответствует слуховому восприятию, однако не находит подтверждения в акустических фактах. Акустический же подход не выявляет языковых различий в реализации чешских и русских ударных слогов. Так, увеличение длительности русского ударного гласного не объясняет специфики русского ударения по сравнению с чешским, которое может реализоваться в слоге с фонологически долгим гласным. Кроме того, чешское ударение в акустическом аспекте рассмотрения как бы утратило свою реальность, не вызывающую сомнений при подходе фонологическом, функциональном.

Возможен и третий подход к сопоставлению реализации ударения в двух рассматриваемых языках; условно назовем его ритмическим. Мы полагаем, что именно этот подход позволит преодолеть противоречие первого и второго, т.е., с одной стороны, поможет понять, какие реальные факты соответствуют представлению о силе русского и слабости чешского ударения, а с другой — объяснить акустические особенности ударных слогов в том и другом языке, в частности, "парадоксальность" чешского ударения.

Говоря о ритмическом подходе к изучению ударения, необходимо уточнить понятие ритма речи, которое в настоящее время далеко не однозначно⁶. В данной работе принимается трактовка, в соответствии с которой речевой ритм связывается со структурой движения органов речи, регулирующих энергию воздушного потока в процессе речеобразования⁷. Ритм в таком понимании является характеристикой артикуляционной базы языка, а реализация ударения рассматривается как проявление, следствие ритма, присущего данному языку⁸.

Чтобы показать, что обращение к понятию речевого ритма помогает объяснить особенности реализации чешского и русского ударения, необходимо понять, в чем заключается различие ритмической организации чешской и русской речи, т.е. построить модель ритма того и другого языка. Для этого, в свою очередь, нужно найти факты, отражающие особенности чешского ритма по сравнению с русским. Такого рода факты излагаются в первых двух параграфах данной статьи. В третьем — делается попытка построения моделей ритма русского и чешского языков и объяснения с этой точки зрения характерных особенностей реализации чешского и русского словесного ударения.

§1. Особенности восприятия чешской и русской речи

Свойством любого ритма является его воспринимаемость; поэтому логично обратиться в первую очередь к фактам восприятия чешской речи по контрасту с русской. Эта проблема затрагивалась в ряде работ, и прежде всего, в упомянутой работе Р. Якобсона⁹. По мнению автора, именно ритмическое несходство двух рассматриваемых языков является причиной неадекватного понимания, неадекватной оценки чешской речи русскими и русской — чехами. Так, чешская речь производит на русских впечатление проповеди или напоминает плаксивую, жалобную речь, причитание, что связывается Р. Якобсоном с иным, по сравнению с русским языком, распределением экспираторной энергии: "с точки зрения русского чехи как бы ударяют безударные, кладут вес на каждый слог..." Русская же спокойная речь воспринимается чехами как нервная, взволнованная или насмешливая, "что обусловлено резким распределением экспирации..."¹⁰. Зд. Оливерис, отмечая "монотонность, растянутость" чешской речи, по сравнению с русской, также делает вывод о том, что "энергетическая система (главным образом, механизм внешнего дыхания) человека, говорящего на русском языке, работает с другой динамикой и в другом ритме, чем у человека, говорящего на чешском языке"¹¹.

Положение о различном распределении экспираторной энергии в процессе русской и чешской речи подтверждают и дополняют наблюдения над студентами-чехами, изучающими русский язык, а также ряд проведенных экспериментов.

Основываясь на опыте преподавания русской фонетики чехам, отметим прежде всего, что акцент чехов, говорящих по-русски, в наибольшей степени проявляется в области ударных и безударных гласных и представляет собой устойчивое, порой непреодолимое явление, что свидетельствует о принципиально ином характере артикуляционной базы чешского языка и, в частности, ритма. Особенно трудны для чешских учащихся следующие фонетические особенности русского языка:

— неоднородность звучания, "дифтонгоидность" русских ударных гласных, особенно в случае продления слога, например: Ле-ен! Да-а!

— движение основного тона "по ударным" и прежде всего — повышение его;

— редукция безударных гласных;

— зияние при переходе от безударного гласного к ударному (в произношении чехов возникает гортанная смычка).

По-видимому, перечисленные явления отражают некоторую ритмическую закономерность, не свойственную чешской артикуляционной базе.

С целью выявления ритмических различий был проведен эксперимент по восприятию чешской и русской речи носителями того и другого языка. Испытуемым было предложено прослушать несколько текстов на русском и чешском языках и сравнить их звучание. Всеми испытуемыми без исключения была отмечена значительная разница в звучании русской речи и чешской. Характерно, что для выражения

своего впечатления они прибегали к помощи образа, рисунка, жеста. Так, русская речь воспринималась чехами как плавное, волнообразное движение, при этом отмечался широкий диапазон "волн". Родная речь, по контрасту с русской, напоминала "зубчики пилы". На рис. 9 представлено несколько вариантов изображения русской и чешской речи аудиторам-чехами. Эксперимент показал, что русские, как правило, не воспринимают чешскую речь как расчлененное, ритмически организованное движение. Об этом свидетельствует сравнение ее звучания с "сыплющимся горохом", "пунктирной линией". Отметим также, что чешская речь напоминала русским пение: "чехи поют".

В ходе второго эксперимента мы хотели выяснить, узнают ли русские место чешского словесного ударения (первый слог). Для этого несколькими группам русских auditors (около 40 человек) было дано задание прослушать чешские слова разной слоговой структуры — как изолированно произнесенные, так и в условиях фразы — и определить ударные слоги. Результат оказался довольно неожиданным: первый слог слова был определен как ударный только в 22,5% всех ответов. При этом названную цифру нельзя было объяснить наличием в словах безударных фонологических долгот, поскольку для слов, состоящих из слогов равной фонологической длительности, процент узнаваемости ударного слога был еще ниже: 18,5%. Вероятно, можно говорить о разной ритмической установке чехов и русских при восприятии чешских слов, что объясняется принципиально иным ритмом чешской речи по сравнению с русской.

Ритмические различия русской и чешской речи обнаруживаются не только в слуховом, но и в зрительном восприятии, а именно — в движениях говорящих. Прежде всего это касается произвольных движений в процессе речи. По нашим наблюдениям, моторное сопровождение речи — с помощью руки, головы, — в большей степени свойственно носителям русского языка. Особенно характерны для русских движения головы — небольшие кивки, совпадающие с выделенными слогами. У чехов таких движений не наблюдалось. С этой точки зрения интересно было проследить за двигательной реакцией двуязычного диктора-чеха в процессе чтения им двух текстов: чешского и русского. При чтении русского текста у диктора были замечены характерные движения головы, сопровождающие выделенные слоги; при чтении же чешского перевода такие движения отсутствовали. Таким образом, по движениям говорящего можно было судить о том, какой из двух языков он использует.

Можно говорить о некоторых различиях и в характере произвольных движений, сопровождающих чешскую и русскую речь. Так, чешские студенты, владеющие русским произношением, по-разному изображали движением руки русские и чешские слова. Русское слово характеризовалось мягким, плавным движением, чешское — более коротким и резким. Довольно часто при сопровождении жестом чешских слов отмечались не только ударные, но и безударные слоги, что в русском языке возможно только при скандированном произношении. При чтении русских и чешских слов двуязычным дикто-

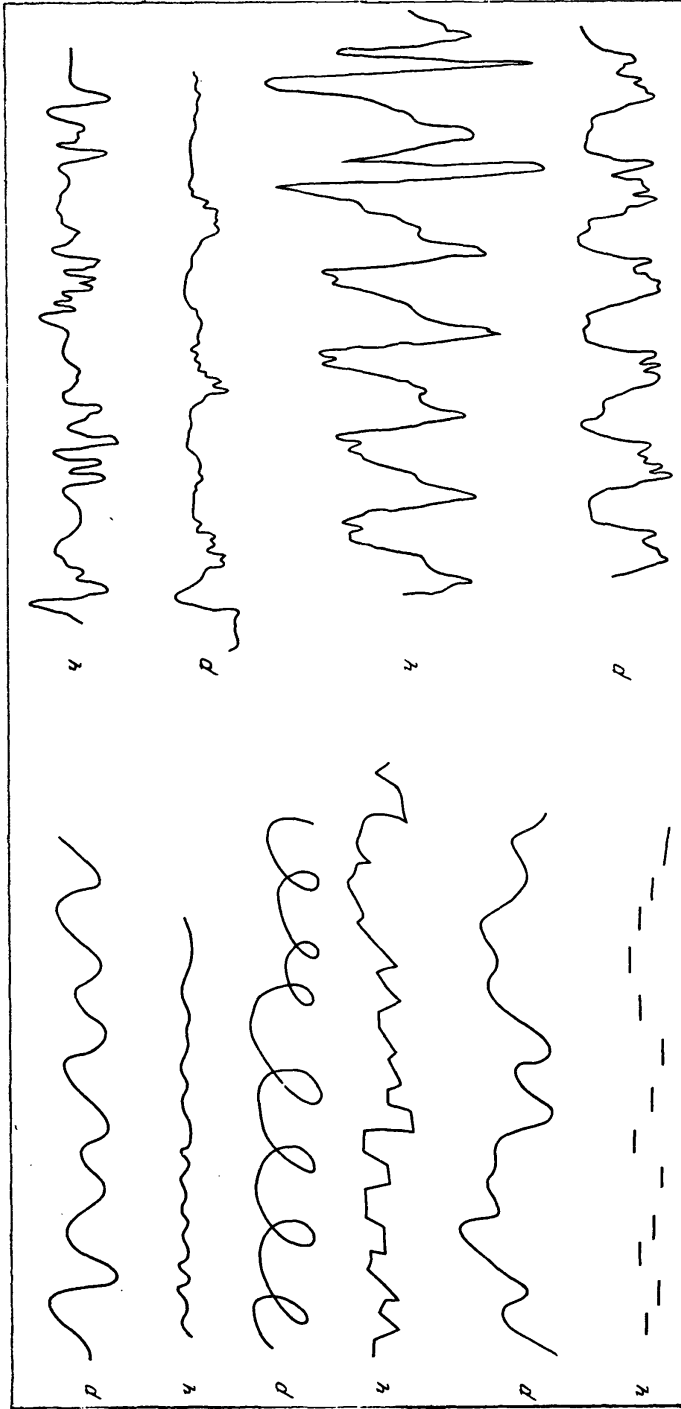

Рис. 9. Варианты изображения звучания русской и чешской речи у испытуемых-чехов.

Рис. 10. Движение руки двуязычного диктора-чеха, сопровождающее произнесение чешских и русских слов.

а) сверху: *generál, fiálka, matematika.*

внизу: *генералы, фиалка, математика.*

б) сверху: счет на чешском от 7 до 12

внизу: счет на русском от 6 до 10

ром-чехом характер жеста несколько менялся, что было зафиксировано надетым на руку датчиком ускорения¹² (рис. 10).

§2. Просодические особенности чешской и русской речи

С целью выявления признаков ритма в акустическом сигнале были сделаны осциллограммы чешских и русских фраз. Анализировалось изменение интенсивности, частоты основного тона и длительности гласных. При этом большее внимание было уделено чешскому материалу, поскольку, как уже было отмечено, связь этих характеристик с чешскими ударными слогами не является очевидной. Анализ проводился в два этапа. На первом сопоставлялись русские и чешские фразы, составленные из слов, сходных по звуковому облику и в основном совпадающих по месту ударения /первый слог/. Например, Дети ходят в школу. — Děti chodí do školy. Наша почта старая. — Naše pošta je stará. Затем анализировались только чешские фразы, каждая из которых была прочитана четырьмя дикторами. Большая часть фраз была составлена таким образом, что ударные и соседние безударные слоги были тождественны или близки по фонемному составу. Например. Jitka kakao perada. Vnučka má ráda babičku a dědečka. Кроме того, были рассмотрены осциллограммы двух произвольно выбранных отрывков из чешских текстов, прочитанных двумя дикторами.

Обсудим основные результаты анализа, опираясь при этом на известные факты просодической организации чешской и русской речи.

2.1. Интенсивность

Интенсивность в русской фразе, как известно, имеет понижающийся характер¹³. В наших примерах максимум интенсивности всегда приходился на первый слог фразы (ударный). Далее происходило плавное понижение уровня интенсивности, однако на этом контуре прослеживались выделенные слоги, для которых был характерен некоторый подъем уровня интенсивности и более резкое его падение к следующему безударному слогу. Последний выделенный слог во фразе мог быть слабее предыдущих безударных. В целом контур интенсивности русских фраз имел вид небольших волн или пологих ступеней (рис. 11 слева)

Изменение интенсивности в чешских фразах имело совершенно иной характер. Ни в одном из примеров первый слог не являлся самым сильным, интенсивность достигала максимума к третьему—четвертому слогу. Во фразе таких максимумов, как правило, было несколько, так что контур интенсивности имел вид зубцов (рис. 11 справа). Однако интересно то, что эти высокие точки, "пики", не коррелировали с ударными слогами: ударный мог быть как сильнее, так и слабее соседних безударных.

Отметим, что факт увеличения интенсивности на безударных слогах чешского слова нельзя признать случайным. Так, в двух анализируемых текстах ударный слог был сильнее следующего безударного в 52 тактах, слабее — в 56. По отношению к предшествующему безударному слогу ударный был сильнее в 51 такте, слабее — в 56. Таким образом, количество "сильных" ударных не превышало количество "слабых". На неслучайность увеличения интенсивности в

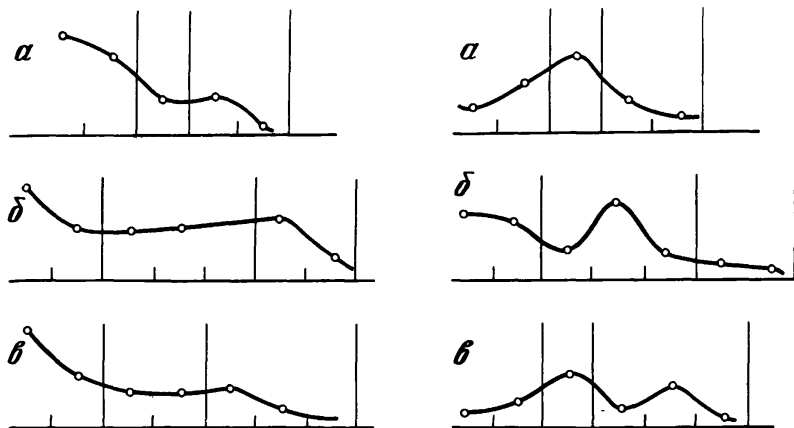

Рис. 11. Схема изменения максимумов интенсивности в слове. На горизонтальной оси отмечены слоги и слова.

Русские фразы:

- а) Кубик был красный
- б) Петя слушает Сашу.
- в) Сито просит бабушка.

Чешские фразы:

- а) Kubík byl krásný.
- б) Pět'a poslouchá Sašu
- в) Sító chce babička.

безударных слогах указывает и тот факт, что безударный мог быть сильнее ударного, несмотря на меньшую собственную громкость гласного, например, в слове *babička*. Вместе с тем рассматриваемое явление было в значительной степени вариативным: у разных дикторов линия интенсивности одного и того же слова могла быть как повышающейся, так и понижающейся. К факторам, способствующим повышению интенсивности на безударных слогах, мы относим наличие в безударной части такта фонологически долгих гласных и звонких согласных, — в этих случаях вариативность распределения интенсивности уменьшалась.

Помимо уровня интенсивности, была проанализирована форма изменения интенсивности в чешских ударных и безударных гласных. Известно, что данный параметр тесно связан с качеством гласного и окружающих его согласных, но в то же время отражает и просодические особенности языка, в частности, характер примыкания ударных и безударных слогов к предшествующему гласному¹⁴. Сопоставление формы интенсивности ударных и безударных гласных, находящихся в одинаковом консонантном окружении, показало следующее. Большее изменение, увеличение интенсивности по отношению к начальному уровню происходило на ударном гласном, т.е. наблюдался большой контраст по интенсивности ударного гласного с предшествующим согласным — звонким шумным или сонорным. Безударный же гласный меньше менялся по интенсивности на своем центральном участке, хотя начальный уровень интенсивности был, как правило, выше, чем на ударном. Что касается конца гласного, то для безударных был характерен более крутой спад

интенсивности по сравнению с ударными. Таким образом, если на ударных гласных контур интенсивности имел форму дуги, то на безударных походил на трапецию или прямоугольник. Это означает, что примыкание слогов к безударным гласным, при одинаковых сегментных условиях, было сильнее, чем к ударным, и что, по видимому, можно говорить о большей напряженности безударных гласных, по сравнению с ударными.

2.2. Частота основного тона (ЧОТ)

Как не раз подчеркивалось, амплитуда изменения основного тона в русском языке значительно больше, чем в чешском. Известно также, что в русском наиболее существенные изменения ЧОТ происходят на выделенных слогах. Н.Д. Светозарова так характеризует изменение основного тона в русских повествовательных предложениях: "...глубокому падению тона на ударном слоге последнего выделенного слова предшествовал ряд повышений тона, на ударных слогах остальных знаменательных слов. На безударных слогах отмечалось понижение тона. Лишь заударные слоги предпоследнего ударного слова произносились на сравнительно высоком уровне, создавая базу для завершающего падения тона. Таким образом, мелодический рисунок законченного повествовательного предложения представляет собой последовательность подъемов и спадов, своего рода мелодических пиков, число которых обычно на единицу меньше числа самостоятельных в семантическом и фонетическом отношении слов, поскольку предпоследнее слово и последнее образуют один пик"¹⁵. Это описание полностью отражает картину изменения основного тона в анализируемых фразах. Добавим только, что в наших примерах наблюдалось некоторое соответствие "волн" основного тона "ступеням" интенсивности.

В отношении чешского языка данные о связи ЧОТ и ударения противоречивы. Так, Б. Хала¹⁶, Я. Ондрачка¹⁷ приводят примеры повышения основного тона на ударном гласном и склонны рассматривать его как одно из средств выделения чешского ударного слога. Однако, по данным А. Ригго, ударный слог чаще характеризуется более низким уровнем тона по сравнению с безударными¹⁸. Результаты нашего анализа согласуются с данными А. Ригго; а именно: в неконечных тактах повествовательных предложений регулярно происходило небольшое повышение основного тона, на ударных же слогах тон несколько понижался. Можно сделать вывод, что для чешской речи, так же как и для русской, характерно волнообразное движение основного тона, но гораздо менее выраженное и как бы в зеркально отраженном виде. Заметим однако, что понижение тона на ударных слогах было более постоянным признаком, чем повышение его на безударных. По нашим наблюдениям, отсутствие заметного повышения ЧОТ на безударном слоге было чаще всего связано с наличием в этом слоге звонкого шумного согласного.

2.3. Длительность гласных

Вопрос о соотношении русских ударных и безударных гласных по длительности не требует обсуждения: хорошо известно, что ударные, за редким исключением, длительнее безударных¹⁹. В чешском

же языке эта проблема остается открытой. Существует две точки зрения на отношения ударения и длительности гласного. В соответствии с первой точкой зрения, связь между ударением и длительностью отсутствует, что объясняется включенностью длительности в фонологическую систему языка²⁰. Другое мнение состоит в том, что роль длительности в выделении ударного слога не исключается, а лишь ограничивается. В качестве доказательства второй точки зрения приводятся примеры слов, состоящих из гласных равной фонологической длительности, в которых безударный гласный несколько короче ударного²¹. Однако следует признать, что и в этой ограниченной группе слов увеличение длительности ударного гласного не носит последовательного характера²². Именно такую непоследовательность в соотношении гласных по длительности обнаружил и наш анализ: при одинаковой фонологической долготе ударный гласный мог быть и длительнее, и короче следующего безударного. В то же время было замечено, что эти варианты соотношения гласных по длительности не были случайными, так как совпадали у всех дикторов. В результате анализа выяснилось, что существует четкая закономерность: длительность гласного сокращается в позиции перед звонким шумным согласным. Этой закономерностью и определяется то или иное соотношение ударных и безударных гласных по длительности. Так, наиболее заметная разница в длительности ударного и безударного гласных (в пользу ударного) была в том случае, если за ударным гласным следовал глухой согласный, а за безударным — звонкий шумный. Например, в слове *kaše* из фразы *Kaše byla dobrá* длительности гласных — 70 и 42 мс; в слове *ucho* (*Pravé ucho bolí*) — 70 и 40; в слове *deset* (*Deset bez šesti...*) — 76 и 48 мс. И наоборот: ударный гласный был всегда короче, если после него находился звонкий согласный, а после безударного — глухой.

Например: *padat* (*Padat se musí umět*) 76 и 100 мс
obuv (*Obuv podniku...*) 38 и 76 мс
dědeček — 50 и 60 мс.

Что же касается длительности гласных при одинаковом консонантном окружении (только звонкие или только глухие), имеющийся материал позволяет утверждать только то, что в случае глухих согласных длительность ударного гласного, как правило, несколько превышает длительность безударных (при одинаковом качестве гласных — на 10—20 мс). Последний факт позволяет сделать вывод о существовании некоторой связи между длительностью гласного и ударением и, таким образом, рассматривать длительность не только как фонологический, но и как просодически значимый признак.

Итак, на основании осциллографического анализа русских и чешских фраз можно сделать следующий вывод. Как в русском, так и в чешском языке основные акустические характеристики — интенсивность, частота основного тона и длительность гласных — связаны с выделенными слогами, т.е., по-видимому, отражают ритмическую организацию речи. Однако эти предполагаемые признаки ритма в русском и чешском имеют принципиально различный характер. В русском языке к ним относится: значительное измене-

ние тона (в основном, повышение) на ударных слогах, некоторое соответствие ударных изменениям линии интенсивности, увеличение длительности ударных гласных и сокращение безударных. В чешском: небольшое уменьшение ЧОТ на ударных слогах и повышение на безударных, возможность увеличения интенсивности на безударных слогах, неодинаковая форма изменения интенсивности на ударных и безударных гласных, разный характер примыкания к ним следующего слога, небольшая разница в длительности ударных и безударных гласных при равных сегментных условиях. Кроме того, обращает на себя внимание ярко выраженная зависимость названных просодических характеристик чешской фразы от звонких шумных согласных. В связи с последним замечанием хотелось бы остановиться еще на одной особенности проанализированных чешских фраз, отсутствующей в русских примерах. Речь идет о довольно многочисленных случаях частичного или полного оглушения звонких шумных согласных в безударной позиции. Спорадическое оглушение звонких согласных характеризовало произношение всех дикторов (7 человек), что не позволяет считать явление оглушения индивидуальной особенностью речи. Нередко оглушение согласного в каком-либо слове наблюдалось сразу у двух или трех дикторов, например: *osvobozená, malíře, na fagot, zbláznil, hádanku*. Как проявление тенденции к оглушению звонких мы рассматриваем и возможность сохранения глухости согласного перед следующим звонким шумным. Для чешской речи, в отличие от русской, это оказалось довольно характерным явлением. Наконец, отметим, что в русской речи чеха, в совершенстве владеющего русским языком, было также обнаружено оглушение звонких согласных, а также отсутствие ассимиляции по звонкости, например, во фразе *Кубик был красный*.

§3. Модели ритмической организации чешской и русской речи.

На основании изложенных фактов попытаемся представить наиболее общие различия в организации ритма русской и чешской речи, которые объясняли бы особенности реализации ударных слогов в том и другом языке.

Выше отмечалось, что с формированием ритма речи связывается работа органов, имеющих отношение к регуляции воздушной струи. Помимо дыхательных органов, эту функцию, как известно, выполняет гортань, являющаяся своеобразным клапаном на пути воздушного потока, поступающего из легких. Известно также, что работа гортани и дыхательных органов координированна: при каком-либо изменении положения гортани "дыхание начинает гибко подчиняться тем требованиям, которые диктует ему гортань"²³. По мнению Дж. Охала, увеличение активности дыхательных мышц на ударном слоге "не является, строго говоря, независимым признаком удара; оно зависит от активности гортани и надгортанных органов"²⁴.

Вполне вероятно, что именно гортани принадлежит ведущая роль в формировании специфики языкового ритма. Это связано с тем, что изменение аэродинамических условий с помощью гортани может осуществляться по-разному, что обусловлено ее достаточно слож-

ным строением. В этой связи интересно отметить, что в голосовом аппарате птиц не одна, а две гортани, причем "ритмические характеристики звука зависят от работы верхней гортани, выступающей в роли своеобразного стоп-крана на пути звукового потока и работающей в рефлекторном содружестве с нижней гортанью"²⁵.

В процессе речи можно выделить два основных способа работы гортани, связанных с изменением аэродинамических условий:

изменение площади голосовой щели за счет напряжения так называемых внутренних мышц гортани;

подъем и опускание гортани в целом, что также сопровождается уменьшением/увеличением голосовой щели²⁶. В этом движении участвуют не только внутренние, но и "наружные" мышцы гортани. Известно, что вертикальное движение гортани коррелирует с уровнем основного тона.

Мы полагаем, что различие в ритме чешской и русской речи связано прежде всего с характером вертикального перемещения гортани. Ритм русской речи создается благодаря изменению вертикального положения гортани и одновременному увеличению воздушного потока на выделенных слогах. Направление и степень перемещения зависит от интонации конкретной фразы. В неконечных тактах чаще всего происходит подъем гортани на ударном слоге и опускание ее на безударных. Перед последним ударным слогом фразы гортань сохраняет высокую позицию и на безударных слогах. Увеличение воздушного потока, сопровождающее подъем гортани, обусловлено тем, что при высоком уровне гортани для фонации требуется большее подсвязочное давление. При опускании гортани усиление экспирации также закономерно, поскольку ему предшествует задержка выдоха, обусловленная повышенным положением гортани на предшествующих безударных слогах. Судя по диапазону изменения тона в русском языке, перемещение гортани по вертикали в процессе речи, а следовательно, и изменение скорости воздушного потока, довольно значительно.

Чешская речь характеризуется более стабильным положением гортани, на что указывает узкий диапазон изменения тона. Может быть, поэтому чешская речь напоминает русским пение: при пении, как известно, резких изменений в положении гортани не происходит. Однако представляется, что в ритмической организации чешской речи вертикальное перемещение гортани также играет роль. Наше предположение заключается в следующем. В чешском языке, в отличие от русского, небольшой подъем гортани происходит не на ударных, а на безударных слогах такта. При этом происходит увеличение надсвязочного давления, уменьшение площади голосовой щели и, как следствие этого, задержка выхода. На ударном же слоге происходит возврат гортани в некоторое нейтральное положение, что обеспечивает более свободный проход воздуха.

Попытаемся проверить данные модели ритма чешской и русской речи, опираясь на известные факты реализации чешских и русских ударных слогов. Прежде всего, возвращаясь к началу статьи, отметим, что данные модели согласуются с экспираторной трактов-

кой русского и чешского ударения, поскольку и в том, и в другом случае предполагается увеличение воздушного потока на выделенных слогах. Вместе с тем, предложенная гипотеза объясняет акустические факты, на первый взгляд, противоречащие экспираторной трактовке, а именно, непоследовательность большей интенсивности ударного слога по сравнению с безударными.

Как уже было сказано, интенсивность гласного зависит от двух факторов, рассматриваемых нами в качестве ритмообразующих: увеличения воздушного потока и высоты гортани. В русском языке эти факторы не всегда действуют однонаправленно, т.е. усиление экспирации может происходить как при подъеме, так и при опускании гортани. Именно поэтому предупредные слоги в конечном такте фразы могут быть интенсивнее ударного, несмотря на большую силу выдоха, характеризующего этот ударный. Таким образом, взаимодействие усиления экспирации подъема гортани и создает сложную, но предсказуемую картину соотношения русских ударных и безударных слогов по интенсивности.

По-другому обстоит дело в чешском языке. В соответствии с моделью чешского ритма, рассматриваемые факторы действуют разнонаправленно: увеличение воздушного потока происходит на ударных слогах, а повышение гортани — на безударных. Из этого следует, что соотношение по интенсивности может быть как в пользу ударного, так и безударных слогов. Возможность уменьшения интенсивности безударных обусловлена тем, что при подъеме гортани, за счет увеличения надсвязочного давления происходит уменьшение перепада давлений под и над связками. Однако при определенных сегментных условиях этот перепад давлений может оказаться недостаточным для осуществления фонации на безударном участке такта. В этом случае увеличивается подсвязочное давление, что может привести к увеличению интенсивности какого-либо безударного слога. Одним из таких условий мы считаем наличие в безударных слогах звонких шумных согласных, требующих, как известно, значительной экспираторной энергии для своей реализации. Увеличение разницы подсвязочного и надсвязочного давлений в этом случае, судя по данным акустического анализа, может достигаться не только увеличением подсвязочного давления за счет активности дыхательных мышц, но и другими способами, к которым относится уменьшение или отсутствие подъема гортани и сокращение длительности гласного, предшествующего звонкому шумному согласному. С другой стороны, оглушение звонких шумных мы рассматриваем как свидетельство высокого положения гортани на безударном участке чешского слова, что приводит к недостаточности перепада давлений для поддержания фонации на всем протяжении звука. Таким образом, в чешском языке может происходить распределение экспираторной энергии в пользу безударного слога, что означает большую выраженность его акустических характеристик: интенсивности, частоты основного тона и длительности. Тем не менее выделенность ударного (понижение гортани и увеличение воздушного потока) сохраняется. Эта особенность распределения энер-

гии между ударными и безударными слогами напоминает синкопированный ритм в музыке, при котором происходит "столкновение двух акцентов: одного, падающего на сильную долю такта, и другого, падающего на слабую долю"²⁷. Такую синкопированность следует признать характерной для чешского языка, где широко распространены безударные фонологические долготы. Вероятно, не случайно и то, что синкопированный ритм часто встречается в чешских народных песнях.

В заключение отметим, что принципиально иная ритмическая организация чешской речи, по сравнению с русской, имеет типологическое обоснование. Чешское ударение, фиксированное на первом слоге слова, выполняет только разграничительную функцию и не является, по терминологии Р. Якобсона, "фонологическим элементом" системы языка, в отличие от русского ударения. С этим связана и различная установка носителей чешского и русского языка при восприятии ударения. "В чешском языковом мышлении, — пишет Р. Якобсон, — сопоставляется не слог, выделенный динамическим акцентом, с безударными слогами того же слова, а главный динамический акцент одного слова с главным динамическим акцентом другого, иначе говоря, динамический акцент слова в чешском языке внешне обусловлен в противоположность примерно русскому, внутренне обусловленному динамическому акценту"²⁸. Это функциональное различие получило отражение в артикуляционных базах чешского и русского языков, а именно — в характере их ритмической организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вахек Й. Ударение динамическое // Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. С. 226.
2. Якобсон Р. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923.
3. Бондарко Л.В. Ударение. // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
4. Ondračková J. O některých aspektech výzkumu přízvučnosti // Slovo a slovesnost, г. 29, 1968. Ondračková J. K analýze přízvučnosti, zvláště v češtině // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica pragensia. 1962. IV.
5. Rigault A. Accent et demarcation en Tchèque // Acta Universitatis Carolinae. Phonetika pragensia. 1972, III.
6. Обзор существующих точек зрения см.: Климов Н.Д. О понятии неупорядоченного речевого ритма // Общение: структура и процесс. М., 1982.
7. Там же. С. 134. Аберкромби Д. Взгляд фонетиста на структуру стиха // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. IX.
8. Stetson R.H. Motor Phonetics. Amsterdam, 1951.
9. Якобсон Р. Указ. соч.
10. Там же. С. 40.
11. Оливерус Зд. Фонетика русского языка. Прага, 1974. С. 54.
12. Данный, а также все последующие эксперименты проводились в лаборатории экспериментальной фонетики МГПИИЯ им. М. Тореза.
13. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
14. Текорюс А.К. Акустическая интенсивность гласных как аспект словесного и фразового ударения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
15. Светозарова Н.Д. Указ. соч. С. 109.
16. Hála V. Uvedení do fonetiky češtiny. Pr., 1962.

17. Ondračková J. Stress and duration in CVCV and CVCVCV groups // Linguistics. Mouton, 1972.
18. Rigault A. Op. cit. С. 212—214.
19. Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения. Л., 1953.
20. Hála V. Op. cit.: Chlumský J. Česká kvantita, melodie a pŕizvuk // Rozpravy české Akademie věd, třída III. С. 65, 1928.
21. Ondračková J. Stress and duration...
22. Rigault A. Op. cit. С. 212—214.
23. Димитров Л.Б. Основы вокальной методики. М., 1968. С. 336.
24. Ohala J.J. The Physiology of stress // Studies in stress and accent. Southern California occasional Papers in linguistics, 4. Los Angeles, 1977.
25. Морозов В.П. Занимательная биоакустика. М., 1983. С. 184.
26. Vocal folds physiology conference. Kerum, 1980.
27. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей // Избр. тр. М., 1985. Т. I. С. 193.
28. Якобсон Р. Указ. соч. С. 26—27.

Р.Ф. ПАУФОШИМА

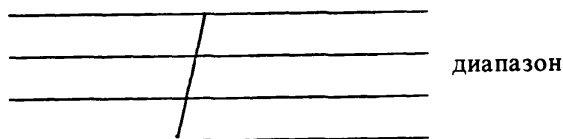
**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕГИСТРОВЫХ РАЗЛИЧИЙ
В РУССКОЙ ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ
(на материале русского литературного языка
и севернорусских говоров)**

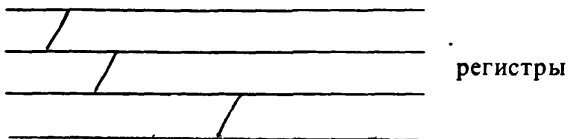
Речевая интонация имеет многокомпонентное строение. Интонационная ткань высказывания создается взаимодействием множества характеристик. Ведущей в этом множестве является мелодика: многие интонологи при описании интонационной системы ограничиваются только этим компонентом интонации (см. Светозарова, 1982, с. 35).

Но и организацию мелодического, или высотного, компонента интонации нельзя свести только к конфигурации изменений частоты основного тона голоса, как это делают некоторые лингвисты. При описании интонационной системы следует учитывать и такую характеристику мелодического компонента, как регистр, или диапазонную высоту, в которой реализуются значимые изменения основного тона.

Этой характеристике мелодического компонента интонации в русском литературном языке и в севернорусских говорах посвящена настоящая статья.

Говоря о регистре, следует отличать его от диапазона, в котором реализуется мелодический рисунок. *Диапазон* — это размах колебаний основного тона от самых низких до самых высоких значений. *Регистр* — это участок звукового диапазона. Схематически различие между этими понятиями можно представить следующим образом:

В интонации, как и в музыке, обычно выделяют три регистра: нижний, средний и верхний.

Сведения об использовании регистровых различий в интонационных системах различных языков находим в работах ряда исследователей. Так, Delattre, 1966, отмечает, что во французском языке используются "низкие" и "высокие" вставные конструкции.

Специалисты в области английской интонации (см., напр., O'Connor, Arnold, 1973) последовательно пользуются понятием регистра.

На необходимость выделения регистровых характеристик интонации обращают внимание Кодзасов и Кривнова, 1977.

Тем не менее, на материале русского языка вопрос этот почти не исследовался. Некоторые наблюдения находим в книге Л.К. Цеплитиса (Цеплитис, 1974, с. 124—125). Он пишет, что выбор регистра, или "диапазонной высоты" имеет в русской интонационной системе свою семантику: использование одной из полос частотного диапазона способно выражать некоторые значения. По мнению автора, менее важные в смысловом отношении вставные конструкции в русском языке интонационно выражаются реализацией в нижнем регистре. Изменения регистра используются также для выражения различных эмоций.

Е.А. Брызгунова (Брызгунова, 1984) также обратилась к понятию регистра, относя, впрочем, регистровые изменения мелодики всецело к сфере эмоциональной речи. В указанной работе находим, что ИК-2, ИК-5, ИК-6 могут реализоваться "на верхнем или средне-верхнем" регистре (с. 52), ИК-4 в нижнем регистре (с. 14).

Однако наблюдения над интонацией русской литературной речи дают основания полагать, что регистровые различия в реализациях интонационных конструкций не ограничиваются только перечисленными случаями и выходят за пределы чисто эмоциональной сферы.

Вот, например, лишь некоторые из возможностей использования разных регистров в русской литературной речи.

1. Настройка на собеседника. Говорящие непроизвольно изменяют регистр голоса, настраиваясь на собеседника.

2. Вводные предложения могут реализоваться либо в нижнем, либо в верхнем регистре, но всегда на другой диапазонной высоте, чем остальные участки речи. Как правило, верхнему регистру сопутствует ускоренный темп речи, нижнему — замедленный.

3. Переспрос, реализуемый с ИК-6, обычно локализуется в верхнем регистре. Повторный переспрос — всегда в верхнем регистре. Ср.: *"Ее зовут Зина. — Зина? — Да. — Как-как ты сказала ее зовут?"* В этом речевом отрезке первый переспрос ("Зина?") может произойти и в нижнем, и в среднем, и в верхнем регистре, однако

второй переспрос ("Как-как ты сказала ее зовут?") реализуется в верхнем регистре.

4. Переспрос-припоминание обычно реализуется в нижнем регистре. Ср.: "Как ее зовут? (ИК-2) — Как ее зовут? (ИК-6) — Не помню". "Сколько это стоит? (ИК-2) — Сколько это стоит? (ИК-6) — Не знаю". Переспросы-припоминания с ИК-6 в таких случаях произносятся в нижнем регистре. Одновременно с понижением тона обычно наблюдается и замедление темпа речи.

5. Имитация чужой речи осуществляется в верхнем регистре. Частотный уровень собственной речи при этом непроизвольно опускается в нижний регистр — для контраста.

О связи регистра с речевым темпом. Поскольку выше неоднократно указывалось на связь регистра и темпа речи, была выдвинута следующая гипотеза: верхний регистр связан с ускоренным речевым темпом, нижний регистр — с замедленным темпом.

Для проверки этой гипотезы трем дикторам, носителям русского литературного произношения, было предложено прочитать следующие предложения: *Как ее зовут? Чем он занимается? Когда он придет? Сколько это стоит?*

Информанты читали предложения в нормальном речевом темпе. Для интонационного оформления фраз все три информанта использовали интонационную конструкцию, обычно оформляющую вопрос с вопросительным словом — ИК-2 (в терминах Е.А. Брызгуновой).

Затем те же информанты получили другое задание — произнести предложения в форме переспроса — с повторением вопросительного слова: *Как-как ее зовут? Чем-чем он занимается? Когда-когда он придет? Сколько-сколько это стоит?*

Все информанты произнесли этот текст с одним и тем же мелодическим контуром — на почти ровном тоне в верхнем регистре (для женского голоса — в области 400 Гц, для мужских — в области 300 Гц). Ускорение темпа речи по сравнению с первым произнесением было существенным (см. данные в табл. 1).

В третий раз тем же дикторам было предложено прочитать исходный текст в виде переспроса-припоминания. И снова были получены однотипные реализации в нижнем регистре, с некоторым повышением тона на последнем слове фразы. Темп речи — у всех информантов замедленный по сравнению даже с первым произнесением.

Рисунки мелодических контуров приведены на рис. 12.

Данные о речевом темпе содержатся в табл.

Итак, в интонационной системе русского литературного языка регистровые различия используются не только в сфере эмоциональной речи. Дальнейшие исследования в этом направлении помогут выявить и другие возможности использования регистровых различий, которые остались вне поля нашего зрения, поскольку наши наблюдения носят в значительной мере предварительный характер. Кроме того, изложенные факты привлекли к себе наше

Таблица I

Информант	Фраза	Темпоральные характеристики											
		1 произнесение				2 произнесение				3 произнесение			
		общая дл-сть	темп речи	средн. дл-сть звука	общая дл-сть	темп речи	средн. дл-сть звука	общая дл-сть	темп речи	средн. дл-сть звука	общая дл-сть	темп речи	средн. дл-сть звука
I	Как ее зовут? Чем он занимается? Когда он придет? Сколько это стоит?	695	14,3	69,5	580	17,2	58	1130	8,8	113	8,8	113	
		906	14,3	69,6	750	17,3	57,6	1575	8,3	121	8,3	121	
		769	14,3	69,5	675	15,0	67,5	1459	8,3	121	8,3	121	
		835	14,3	69,5	705	18,4	54,5	1575	8,3	121	8,3	121	
II	Как ее зовут? Чем он занимается?	821	13,4	82,0	632	16,0	63,2	900	10,0	90	10,0	90	
		931	14,0	72,0	850	15,1	56,6	1870	7,5	133	7,5	133	
		927	13,0	74,0	834	15,5	64,1	1298	10,7	93	10,7	93	
		1000	13,0	83,0	890	19,1	52,3	1390	10,0	100	10,0	100	
III	Как ее зовут? Чем он занимается?	812	12,3	81,0	654	15,2	65,4	1150	8,7	115	8,7	115	
		927	14,9	67,0	823	17,1	50,6	1350	10,0	100	10,0	100	
		1174	12,0	83,0	830	16,9	50,8	1480	9,5	105	9,5	105	
		1080	12,9	77,0	851	16,5	60,6	1384	10,1	99	10,1	99	

Примечания. Цифры общей длительности приводятся в миллисекундах, а темп речи измерялся количеством звуков в секунду.

Посредством несложных подсчетов определяем, что для нижнего регистра характерен средний темп речи 8,4 звука в секунду, при средней длительности звука 119 мс; для верхнего регистра средний темп речи — 16,6 звука в секунду, при средней длительности звука в 59 мс; для среднего регистра средний темп речи 13,8 звуков в секунду, при средней длительности звука 73,6 мс.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что *регистр*, в котором реализуется мелодический контур высказывания, оказывается тесно связанным с *речевым темпом*.

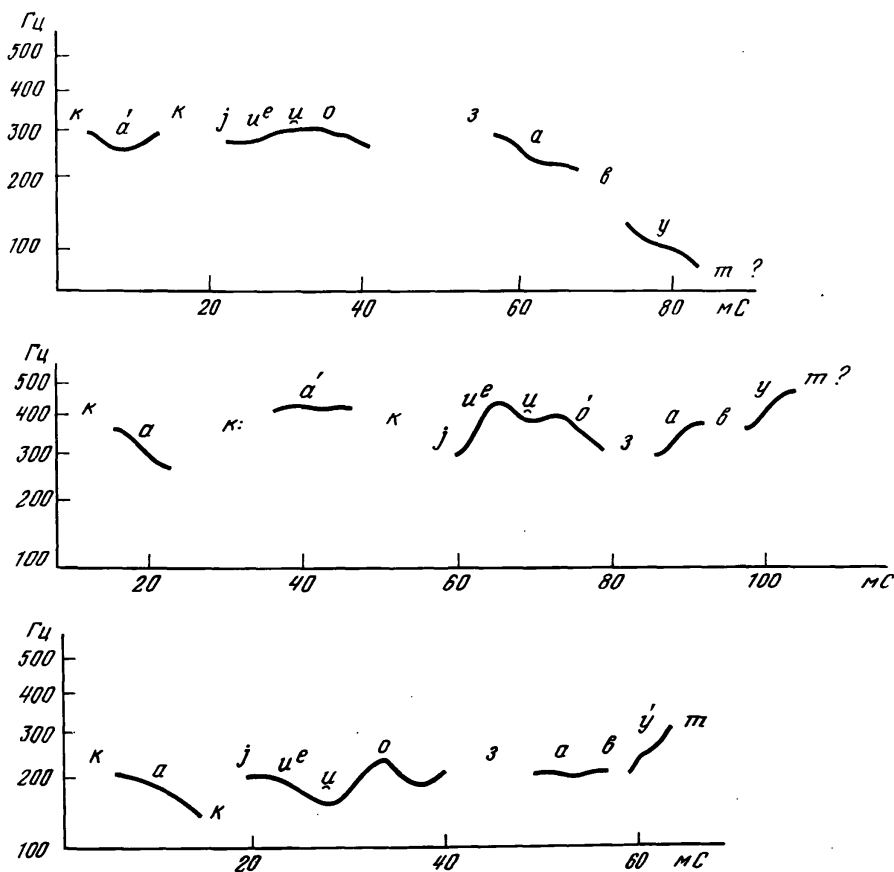

Рис. 12. Интонаграммы фразы "Как ее зовут?", реализованной с ИК-2, ИК-6 (в верхнем регистре) и ИК-6 (в нижнем регистре).

внимание не сами по себе, а скорее по контрасту с материалом севернорусских говоров, к анализу которого мы сейчас и перейдем.

Если в интонационной системе русского литературного языка указанные различия все же играют периферийную роль, то в севернорусских говорах положение несколько иное. Жителей Кировской обл. (б. Вятской губернии) издавна дразнили "вятскими петухами". Можно предполагать, что такое прозвище обязано своим происхождением особой северной интонации, чаще использующей верхний регистр, чем интонации говоров других областей России. Интонация завершенности в этих говорах может реализоваться в мелодических контурах, близких к тем, которые употребляются и в русском литературном языке: предцентровая часть характеризуется высоким уровнем тона, на гласном центра происходит понижение тона, продолжающееся в постцентровой части. Высказывания типа: *А у нас невесты и дома нету, Был брат и был капитаном судна,*

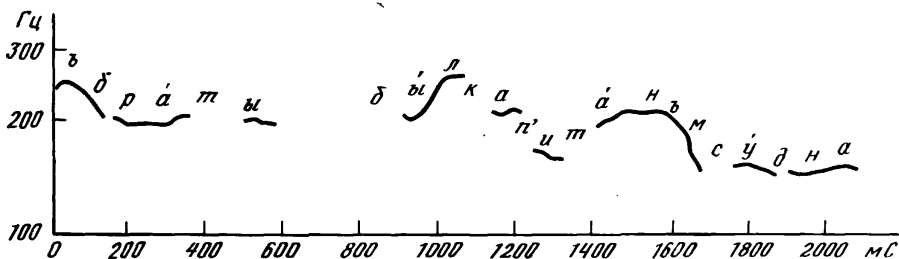

Рис. 13. Интонаграмма фразы "Был брат и был капитан судна".

Хлебы тоже пекли, В старом доме там жила, Мужик-от у меня скоростижно помер (волог. и арханг.) были реализованы таким образом (см. интонаграмму на рис. 13).

Наряду с этим, в тех же говорах во многих высказываниях, имеющих семантику завершенности, широко употребляются два других мелодических контура: 1) ровный высокий тон, реализующийся в верхнем регистре и 2) восходящий тон, с резким повышением в постцентральной части.

Мелодический контур первого типа может оформлять все высказывание целиком (*У них лодка, они в лодке* (арханг.), *Далеко — нет, надо попадать* (волог.) либо только его заключительную часть. Так, во фразе *Спилишь все ровно, все ровно спилишь пойдешь* (арханг.) — в верхнем регистре произнесена завершающая синтагма фразы *все ровно спилишь пойдешь*. Частота основного тона колеблется здесь в области 500 Гц, почти на ровном тоне, лишь с незначительными модуляциями.

На рис. 14—15 приведены графики движения основного тона в этих фразах. Похожий мелодический контур представлен и в реализации фразы: *И теперь всё с топором, все сама хожу рублю* (арханг.).

Интонационные конструкции такого типа весьма распространены в севернорусской речи, их обилие обращает на себя внимание представителя иной языковой среды. Отсутствие в заключительной части высказывания падения тона придает сходство этой интонации с вопросительной. П.С. Кузнецов так описывает этот интонационный тип: "Интонационное построение обычной фразы несколько приближается к интонационному построению вопросительной фразы русского литературного языка" (Кузнецов, 1949, с. 14).

Можно усмотреть также определенную зависимость высокого речевого темпа, свойственного севернорусским говорам, с насыщенностью речи высокочастотными мелодическими контурами.

Столь же распространенным является в севернорусской речи и другой мелодический контур, выступающий также в функции завершения, а именно, восходящий, с сильным подъемом тона в постцентральной части высказывания. С таким мелодическим рисунком были произнесены следующие высказывания: *Так точила-то нету,*

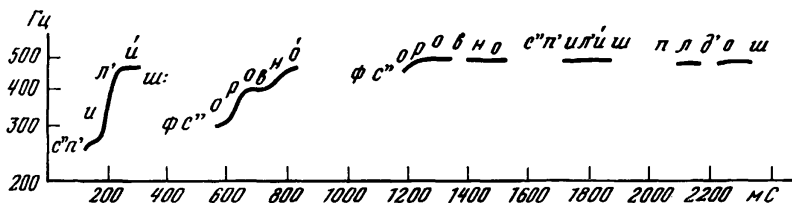

Рис. 14. Интонограмма фразы "Спилишь все ровно, все ровно спилишь пойдешь".

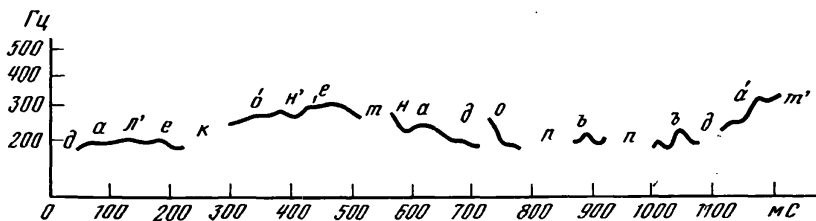

Рис. 15. Интонограмма фразы "Далеко, нет — надо попадать".

Сапогов-то нету, взять-то негде, Дома работал-то да, Брагой обносили тоже (Архангельская обл., Мезенский р-н).

Всех ведь не укараулишь, Ныне скота-то ведь много, Мы вот тоже теперь живем на курорте, правда, Нонче малы-ти робята в оцках ходя есь (Архангельская обл., Пинежский р-н).

У их како-то бедствие случилося, О ворота ходили стучать (Вологодская обл., Харовский р-н).

Во всех этих и многочисленных подобных высказываниях наблюдается сильное повышение тона в конечной части высказывания, после чего может следовать падение тона. См. рис. 16.

Такая интонация отмечена во всех севернорусских говорах — она свойственна и вологодским, и Кировским, и Пермским, и Архангельским говорам. Однако при полном отсутствии лингвогеографических исследований в области русской диалектной интонации невозможно очертить границы распространения этой особой "северной" интонации.

При отмеченном общем сходстве "севернорусской" интонации — между отдельными группами говоров севернорусского наречия наблюдаются и существенные различия в реализации характера завершающего тона. Так, говоры Пинеги* отличаются интонацией, ярко выделяющей их из других говоров Архангельской области — мезенских, двинских, каргопольских и др.

* Несомненную связь с речевой интонацией имеют пинежские песни. По свидетельству известного собирателя народных песен и руководителя фольклорного ансамбля Д. Покровского, пинежские песни весьма трудны для имитации, т.к. исполняются "комариными" голосами.

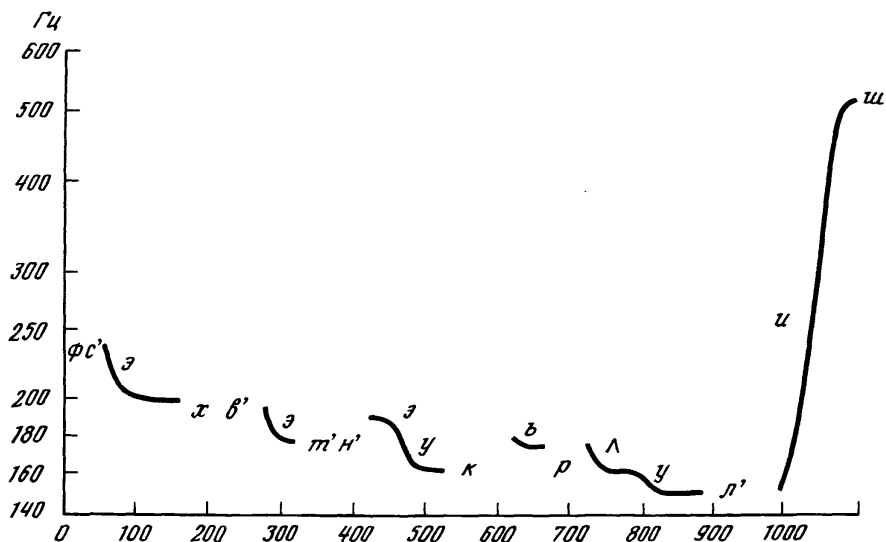

Рис. 16. Интонаграмма фразы "Всех ведь не укараулишь".

По нашим наблюдениям, характер завершающего тона, формирующего утвердительные высказывания в пинежских говорах, отличается большей крутизной подъема, чем это наблюдается в других говорах, поскольку движение вверх осуществляется на сравнительно небольшом временном отрезке, часто в пределах одного слога, и реализуется в более широком частотном диапазоне. Этот интонационный тип описан Е.А. Брызгуновой (см. Брызгунова 1977, с. 241). Одна из типичных интонаграмм приведена на рис. 16.

Есть основания считать, что особая "пинежская" интонация относится к числу реликтовых диалектных явлений. Основной материал по пинежским говорам был нами собран в деревнях Ваймуша и Кеврола в 1965 г. В то время представленный выше интонационный тип был широко распространен в говоре.

В 1983 г. мы вновь побывали в экспедиционной поездке на Пинеже, в нескольких деревнях Сурского сельсовета. Оказалось, что яркая "пинежская" интонация в наше время исчезает, уступая место обычной северной речевой мелодике. Лишь крайне редко, в речи отдельных носителей говора, можно встретить интонационный тип, ставший теперь архаизмом.

В магнитофонных записях из деревни Кобелёво Пинежского р-на, сделанных Л.Л. Касаткиным в 1981 г., случаев особой пинежской интонации не отмечено совсем.

Утрата своеобразия пинежской интонацией заключается в том, что подъемы тона в постцентральной части высказывания становятся менее крутыми. Они достигают меньших значений и распространяются на большие временные участки.

Итак, в севернорусской интонационной системе выделяются два

мелодических контура, выступающих в значении завершенности, но формально сближающиеся с вопросительными конструкциями: 1) высокий ровный тон, без понижения в конце и 2) восходящий, со значительным подъемом в постцентральной части. Первый контур напоминает редкие реализации ИК-6 в русском литературном языке, второй контур по своим характеристикам напоминает реализации ИК-4.

О частотности употребления в речи этих мелодических контуров можно получить представление на основании интонационной транскрипции трех фрагментов текстов из говоров, относящихся к севернорусскому наречию.

Тексты выбраны произвольно. Они записаны на территории Вологодской, Кировской и Архангельской областей.

Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Малиново, запись Ю.И. Павлова, 1985 г.
 Вопрос: А вот это Малиново считалось деревней или хутором?

– Деревня / У нас футора были Сосновое / и Дубровка / Это от нас три километра /
 от нас Сосновое / а от Соснового Дубровка / километр // В Сосновом было одиннадцать
 тожо хозяйст / а на Дубровке был о цетыре / вот из этих хозяйст приезжали / вот поля /
 розработывали / У меня вот Малиново / да вот Соснов / Дубровка / у меня вот до
 сорока целовек роботы собиралоце //

Вопр.: А что на том поле растёт?

– был овёс / овёс выжали / на следушый год / и клевер вырос / а бяс ницево уж
 не сиют / сам вырос / и всё //

Вопр.: А чем хутор от деревни отличался?

– Не знаю / Наше Малиново не футором называли / а деревней / сразу тожо из
 Задней у нас выезжали / сразу из Задней было выехало / два хозяйства //

До Малинова-то / не доходя / то Шувинска деревня дом-от ойин стоит / А ухойто-
 то стали / вот в район да / значит в колхозы / вот в этот колхоз да / стали селяться
 дак //

Кировская обл., Слободской р-н, д. Лукинцы – запись 1959 г. (записал С.С. Высотский)

Этот стан / он сколачиваца / я сколоцу ево / дак ведь всё по-разну бывае / это
 отдильно / это отдильно / Это отдильно / вот всё это сколоцу / тогда вот и это наиваю
 на стан-от // примаам снацяла эти нитянци / эти нитянци / и коньци-то связываем /
 и тогда вот ето бёрдо принимаем / бёрдо примём / и сюды вот егб / эту тряпку наде-
 нём на бадожбк / и пошла ткать / эти ... (нрзбр.) на комлю бросаём / и тку //

Вопр.: Значит, это основа?

– Вот основа / а уток уже бывает на церец'ку вьем / ли вот на трубкак //

Вопр.: А ногами?

нижн. рег. РР 1 верхн. рег. 4 2
 — А вот ногами видишь / вот нитянци-ти привязом / к этим / вот эдак и пересту-
 паем / по порядку / вот эдак / Видишь? / Вот я и тку / эдак вторую //
 Вопр.: А ударять по два раза надо?

1 4 верхн. рег. 1 1
 Дак можно один / а можно два раза / два раза дак / глаже выходит /
 Вопр.: А сколько в день можно выткать?

4 2 1
 — Выткать? / А будёшь сидить / так аршин пятнадцать выткось //
 Вопр.: Ну целый день?

1
 — Целый день ткать только //
 Вопр.: А когда ткете, зимой больше?

1 1 3
 — Нет, весной / Я вот весной проболела / не выткала / так вот сейчас у меня и
 видишь / застряло //
 Вопр.: А для чего Вы ткете?

4 2 6 верхн. рег.
 — Для постели / а так можно чео? / Фартук можно сшить //
 Вопр.: Ну и полотенца можно?

6 верхн. рег. 6 1
 — Дак руки вытирать / дак поуже / дак можно руки вытирать //
 Вопр.: А сколько ширины здесь?

2 нижн. рег.
 — А не знаю скуль //
 Вопр.: А как белят холст, он же серый бывает?

4 2 1 1 3
 — Сирой? / Это сирой-от бывает / это я красила / краской / а если бы не красить /
 дак тоже был сирой / это был / как он / суровой //
 Вопр.: А как его побелить надо?

4 2 3 2 1
 — Побелить? / Мы раньше заваривали золы / насыплёшь на какую там / вот на тряп-
 ку тожо / золы насыплёшь / наверх / на низ-от новины складёшь / а на верх на тряпку
 насыплёшь зольм / и кипятком крутым / заваривашь / и вот она / суровизна-та / эту
 воду вытекаат / новинки достаёшь / из кадки-то / в кадку их складывашь / и вот
 этой золой-то вот шшолок-от / и проёдаёт / и потом достаёшь / из кадки-то золу
 вынимёшь / выбросишь / и новины достаёшь / достаёшь их / и вот раньше ведь /
 было куды белить / травка / на травке выстелишь / выстелишь её / и моцшь / опеть
 свежей водичкой / а станёт высохнуть / опять новой водой / и раза три этак заварива-
 ли //

Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Шегмас. Запись Е.С. Кудряшовой, 1985 г.

Вопр.: А это что у вас?

4 4 1 4 4 4
 — Это веретно / предём / вот / куделю предём / что попадёт / и вату пре-
 дём / и куделю предём / а раньше и лён свой сеяли //

Вопр.: А прялка у вас есть?

4
 — И прялка есь //

Вопр.: А как она называется?

4 1 (нижн. рег.) 1 1
– Прелиця / прелиця так уж называется / прелиця / по-нашему //

Шерсть привязываем мотоузом / а садимся (нрзбр.) / прелиця прелиця и есь / напря-
дешь нитку одну / ту втору напредешь / такую же / ну и в одно место совьёшь / а потом
соскёшь / скать будёшь / соскёшь / и можешь цё бат и вязать / хоть цё / хоть рубаш-
ку / хоть свитер / хоть цюлки / хоть рукавици / хоть вязанки / хоть шарфы / зимой
в рукавицах / в валенках / в пимах / ходят / в бурках / в сапогах в тёплых / сяс
тожо покупают / вязанки / свитера //

1 2 6 (верхн. рег.)
Дёржут свои продукты / в подвалах / тут не больно-то обильно всего //

Следовательно, в севернорусских говорах вопросительные по форме интонационные конструкции широко используются в утвердительных высказываниях.

Первая из описанных нами интонационных конструкций аналогична варианту ИК-6, реализованной в верхнем регистре. Ни наши наблюдения над русской литературной речью, ни имеющиеся в литературе данные не свидетельствуют о том, что такая интонационная конструкция в литературном языке может быть употреблена в конечной синтагме утвердительного высказывания. Значит, эта ИК в указанной функции свойственна лишь севернорусской речи.

Вторая из рассмотренных интонационных конструкций соответствует ИК-4 русского литературного языка. В литературной речи случаи употребления этой конструкции в утвердительных высказываниях возможны.

Е.А. Брызгунова пишет: "В односинтагменных и многосинтагменных предложениях ИК-4 употребляется наряду с ИК-1, подчеркивая при этом противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов: Ты не пойдешь, и я не пойду; ...Отец дома? — Дома. А что?; — Сказала отцу? — Сказала. — Попало? — Ничуть. (Брызгунова, 1980, с. 115).

Такое употребление ИК-4 в русской литературной речи делает ее весьма эмоциональной. В то же время подобные участки текста, насыщенные реализациями ИК-4, сравнительно редки. В противоположность этому, севернорусская речь представляет большую концентрацию подобных мелодических фигур. Это дает основание говорить о большей частотности употребления одной и той же интонационной конструкции в севернорусских говорах по сравнению с русским литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова, 1977 — Брызгунова Е.А. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Брызгунова, 1980 — Русская грамматика. М., 1980.
- Брызгунова, 1984 — Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

- Кодзасов и Кривнова, 1977 — *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кузнецов, 1949 — *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. Т. 1.
- Светозарова, 1982 — *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Цеплитис, 1974 — *Цеплитис Л.К.* Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
- Delattre, 1966 — *Delattre P.* Les dix intonations de base // French review. 1966. Т. II. N 1.
- O'Connor, Arnold, 1973 — *O'Connor I.D., Arnold G.F.* Intonation of colloquial English. L., 1973.

М.И. ЛЕКОМЦЕВА
МЕТРИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
С ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Исследования по метрической фонологии показали, что метрика представляет собой не извне привнесенную систему, а интегральную часть структуры языка. Так, например, ударение и соответственно представление гласных в английском языке предполагает дактилический размер в качестве исходной метрической решетки: *Canada* (+ - -) *America* (- + - -)¹. Во французском языке правила, описывающие *e muet*, удастся построить только при принятии предположения об исходной метрической структуре слова, а именно: каждое слово представляется как бы натянутым на ямбическую решетку. В таком случае и предсказание статуса *e muet* (ср. *seconde*, где *e* исчезает, и *secundo*, где *e* сохраняется), и определение места второстепенных ударений, и синкопы гласных в канадском варианте французского языка оказываются элементарно предсказуемыми². В итальянском и испанском языках правила акцентуации слова применяются к исходной метрической структуре в виде хорического метра (ср. ит. *irrazionale* (+ - + - + -) — *irrazionalita* (+ - + - + - +), *rinocerontino* (+ - + - + -), *tavolo* (+ - +)³, исп. *nomada* (+ - +), *montenera* (+ - + -)⁴).

Во всех этих языках правила расстановки ударения предполагают метрическое представление морфем и словоформ. То, что эти формальные правила дают отмеченные структуры, является свидетельством в пользу самостоятельного существования хотя бы некоторых метров в естественном языке.

Как показало исследование современной русской акцентуации, в комплекс факторов, от которых зависит конкретная акцентуация слова, наряду с прагматическими, семантическими и морфологическими зависимостями входит и связанная с метрикой импликация, а именно эффект односложности—многосложности морфем и знание словораздела (ср., в частности, такое рабочее понятие, как "ударение на начальном слоге"⁵). Представление о числе слогов и словоразделе⁶ — константы, относительно которых строятся конкретные метрические системы. Таким образом, основные единицы метрических систем входят как составная часть в механизм функционирования языка.

Но если в естественном языке эти элементы метрических систем действуют часто как скрытые факторы (ср. оппозицию моносиллабов полисиллабам, определенную в отношении акцентуации слова А.А. Зализняком⁷) и соответственно находятся на периферии осознания говорящими, то в поэтическом языке метрический канон оказывается в положении фокуса, хотя бы потенциального, внимания. П.А. Руднев выразил эту мысль (впервые четко сформулированную М.Ю. Лотманом⁸) следующим образом: "...стих — структура с двойным кодированием: языковым и метрическим"⁹.

Метрическое кодирование стиха предполагает существование метрического канона как самостоятельного семиотического механизма.

Действительно, метрическая система для данного языка, культуры и периода характеризуется определенным алфавитом или метрическим репертуаром¹⁰, который реализуется в определенных ритмических формах. Ритмические формы в свою очередь выступают как инварианты по отношению к своим словораздельным вариациям¹¹. Фундаментальные исследования М.Л. Гаспарова по метрическому репертуару русской поэзии показали: алфавит метрики образует иерархическую структуру, которая имеет свою историю¹². Так, в русском стихе XVII—XX вв. основной фонд метрики представлен 47 размерами, из которых активно употребляется от 4 до 13¹³. Постоянными его элементами за два с лишним века остались только 4-стопный ямба и 4-стопный хорей. С 1820-х годов появляется 5-стопный ямба (в XVIII в. он представлен отдельными экспериментами Тредиаковского: "Приятный брег! любезная страна" и посланиями Крылова и Княжнина). Через столетие ведущими размерами оказываются 5-стопный хорей и дольник¹⁴.

Уже А. Белый определил эволюцию ритмических форм 4-стопного ямба в русской поэзии, в деталях прослеженную затем К. Тарановским¹⁵: в XVIII в. ямбе, как и в естественном языковом ритме, первая стопа сильнее второй. На переломе XVIII и XIX в. в результате собственно метрического развития первая и третья стопы ослабевают, а усиливается вторая. Пик усиления второй стопы приходится на вторую половину XIX в., после чего ее ударность опять понижается, а ударность первой и третьей стоп повышается. Это значит, что и ритмические формы 4-стопного ямба распределяются во времени закономерно, развиваются: так, типичной ритмической формой для XVIII в. была третья: "по лаковым полам.. (- + - - - + - + -)" для XIX в. — четвертая: в час незабвенный, в час печальный... (- - - + - - - + -), для XX в. — форма, сходная с типичной для XVIII в.: Уступами восходит хор, Хребтами канделябр (- + - - - + - + / - + - - - +) (Б. Пастернак. Хор)¹⁶.

Однако единицы, образующие метрический репертуар, являются не только знаками определенного времени или периода в развитии поэзии. С давних пор существует убеждение, согласно которому хотя бы между некоторыми метрическими схемами, с одной стороны, и семантикой, пусть несколько расплывчатой, с другой — имеется определенная связь. Античная традиция передала представления о свя-

зи метра с жанром и соответственно общими семантическими характеристиками текста наподобие модальностей в музыке.

Соответствия метрических схем некоторой семантике отмечаются разными авторами так часто, что С.И. Гиндин ввел в библиографию по общему и русскому стиховедению специальную рубрику "стих и смысл"¹⁷. "Образ-ритм" Колмогорова, "ритмический импульс" Томашевского, "семантический ореол" М.Л. Гаспарова относятся к ключевым словам науки о стихе. В связи с этим один из двух самых распространенных метров в русской поэзии — четырехстопный хорей — получает у наиболее последовательно исследующего эту проблему М.Л. Гаспарова такую характеристику: "Хорей — и притом не всякий, а именно 4-стопный хорей, — в опыте русского стиха связан сперва с анакреонтикой, потом с песней вообще, потом с народной песней, потом с народной темой вообще и поэтому его ритм в сознании читателей привычно ассоциируется прежде всего с песенными темами и эмоциями"¹⁸. "Традиционные ассоциации метра и жанра, метра и темы"¹⁹, выявленные Б. Томашевским²⁰ и К. Тарановским²¹ и систематически представленные М.Л. Гаспаровым²², говорят о том, что метрические структуры имеют не только план выражения, но и план содержания. Это может проявляться уже на уровне ритмических вариантов, когда ритмические перебои оказываются на ключевых местах с точки зрения семантики стихотворного текста. Так, в исследовании метро-ритмической композиции "Поэмы конца" М. Цветаевой Вяч.Вс. Иванов показал изоморфизм иерархий ритмических структур и семантической организации текста, когда двустопная строка /"Слово: дом"/ "ритмически и по смыслу" оказывается "связывающей все три ...части"²³ второй главки поэмы. В.С. Баевский, проанализировав "Дай выстрадать стихотворение!" Д. Самойлова, приходит к выводу, что в этом стихотворении "каждому лирическому событию соответствует более или менее сильный ритмический сдвиг"²⁴.

Действительно, изменение ритмического ожидания выделяет семантику слов, входящих на место перебора. В этом отношении показателен словарь метрических отклонений и входящих на них слов, составленный Е. Фарыно²⁵. Внимательный анализ метро-ритмических структур и соответствующих семантических отношений в тексте позволил ему дать более глубокую интерпретацию стихотворений "Я помню чудное мгновенье" А.С. Пушкина, "Женщина и море" Е. Евтушенко и "Поэмы горы" М. Цветаевой. В результате этого исследования Е. Фарыно приходит к выводу, что "есть такие произведения, в которых ритм нагружен информацией об их семантической структуре"²⁶.

Если рассматривать метрический репертуар в целом, крупномасштабно, то целесообразно считать его самостоятельной семиотической системой, т.е. предполагать семантику для каждой метрической структуры. При этом естественно ожидать и семантические универсалии (ср. метрику детских стихов и песен в разных традициях), и семантическую неопределенность (как результат семантического выветривания) отдельных метров, и специфическую семан-

тику определенного размера в данный период развития культуры на данном языке.

Так, если сравнить метрические формы, имеющие семантический ореол народности, в русском и латышском стихосложении, то можно увидеть, что здесь есть и сходство — четырехстопный хорей имеет в обеих традициях статус народного стиха, и различие — например, в латышской традиции восьмисложник с переацентовкой трехсложных слов довольно рано получил значение народной стилистики²⁷.

При осознании метрической системы как двусторонней знаковой системы выглядит по-новому практика метрических переводов. Точный метрический перевод предполагает не только воспроизведение самой метрической схемы, ритмических вариаций с учетом метрической решетки, характеризующей язык перевода (ср. функциональную эквивалентность метрических форм 1011 в польском языке и 1101 в чешском²⁸), но и учет семантического ореола метра в языке оригинала.

Эквиритмические фигуры могут дать семантически сходный эффект только при совпадении значений размеров в соответствующих традициях. Иллюстрацией может здесь служить перевод Пауля Целана стихотворения С. Есенина:

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Ihr Äcker nicht zu zählen,
du Schwermut unbegrenzt,
du Gestern auf der Seele,
du Herz, drin Rußland glänzt.

Но если заботится только об эквиритмии и не учитывать план содержания соответствующего размера, при переводе могут возникнуть неожиданные эффекты. Иржи Левый приводил примеры переводов с чешского на немецкий язык, когда метрическая верность в плане выражения вызвала противоположный в существенных аспектах смысл²⁹. Вместо комплекса значений, связанного с авангардным экспрессионизмом, возникала романтическая замедленность с архайзирующими нюансами³⁰. Так, например, стихотворение П. Безруча "Только раз"

Jen jedenkrát
Už nevím, kdy a kde
jsem slyšel jednou vypravovat pověst.

в переводе Р. Фукса

Nur einmal.
Ich weiß nicht, wann und wo
ich einmal eine Sage hört erzählen.

или стихотворение "Кто на мое место?"

Kdo na moje místo?
Tak málo mám krve a ještě mi teče
z úst
Az bude růst
nade mnou tráva, az budu hníť...

которое Рудольф Фукс перевел:

Wer springt in die Bresche?
So wenig mir Blut, und doch strömt es mir
aus dem Mund.
Bald sprießen bunt

В этом отношении показательна полемика вокруг перевода "Демона" М.Ю. Лермонтова, сделанного Й. Змаем³¹. В 1898 г. Й. Дучич писал, что этот перевод "является вершиной поэтического перевода у сербов и хорватов"³². В 1933 г. К. Тарановский, отмечая недостатки перевода Змая, считал, что он не утратил художественной ценности³³. Но характерно, что в это время основной упрек К. Тарановского Й.И. Змаю состоит в том, что Й. Змай 4-стопный ямб передал 4-стопным хореем³⁴.

Например:

Но кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

в переводе Й.И. Змая передается следующим образом:

— Ал' у ледни' духа груди'
Сва дивота, сва красота,
Само мучну завист буди;
Све презире што год види,
Све проклиње, — ненавиди³⁵.

Но "Завещание" М.Ю. Лермонтова Й.И. Змай перевел, имитируя ямб:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!

Воло бих, друже, да смо сад
Насамо двоје нас,
Јер ево, веле, — и сам знам:
Ту ми је крајњи час³⁶.

Анализ метрических и семантических соответствий оригинала и перевода, который провел М. Сибинович, привел его к выводу, что в переводе "Демона" "изменение размера, несущее на себе смысловую нагрузку, не просто произвольный жест переводчика, но сознательно примененный прием"³⁷. "Звучность ямба, музыкально подчеркивающая трагичность темы", о чем писал К. Тарановский в связи с переводом "Демона"³⁸, стала использоваться в практике перевода в сербскохорватском стихосложении только в конце прошлого века. В этом отношении показателен перевод Й.И. Змая "Ифигении в Тавриде" В.И. Гете:

Zwar seh' ich nicht,
Wie ich dem Rath des Treuen folgen soll;
Doch folg' ich gern der Pflicht, dem Könige
Für seine Wohlthat gutes Wort zu geben.
Und wünsche mir, daß ich dem Mächtigen.
Was ihm gefällt, mit Wahrheit sagen möge.

Додуше, не знам права начина
Како да с' владам но том савету.
Ал' нек ми дужност буде водилъа,
Оданост краљу, добротвору мом.
На добру реч сам увек готова, —
Ал' само кад је у њој истина³⁹.

Сходный пример из истории метрических переводов в русской традиции представляет передача французского александрийского стиха на фоне обычного способа передачи — пятистопным ямбом — с помощью гекзаметра, сделанного А.С. Пушкиным в стихотворении "Из Андрея Шень". Имитация классического размера в русской традиции связана с рамкой, определяющей семантику соответствующего текста в соотношении с античной тематикой.

Даже в пределах одной силлабической системы при передаче метрической схемы возникает необходимость модификации размера в связи с семантическим ореолом метра.

Так, силлабический стих поэмы А. Мицкевича "Будрыс и его сыновья"

Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów.
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:
"Wyprowadzcie rumaki i narządźcie kulbaki...

Анри Грегуар перевел на французский язык почти эквиритмически:

Dans la cour de Budrys — sont debout ses trois fils —
ceux qu'en rudes Litvins il élève;
"Sortez donc vos coursiers — et vos cottes d'acier....
aiguisiez javelines et glaives",

когда два 7-сложных полустишия передаются 6-сложными полустишиями, а короткая строка сохраняет 10-сложный размер. Но при таком переводе метрическая схема во французском языке дает дополнительное значение экзотики или хотя бы непривычности размера (как это было бы в 1860-х годах в сербскохорватской традиции с ямбом). Поэтому Шарль де Нуар-Иль перевел балладу о Будрысе восьмисложником и александрийским стихом — наименее отмеченными семантически размерами. При этом полустишия превратились в самостоятельные стихотворные строки⁴⁰.

Brave Letton, le chef Boudris,
Dans son vieil âge, avait trois fils
Qu'on jour il apella près de lui, sur la terre:
"Aiguisiez biens dards et couteau,
Dit-il: mettez à vos chevaux,
Les selles et harnais, pour aller a la guerre".

Как передается силлабический стих в силлабо-тонической системе на уровне плана выражения метрической структуры? В некотором смысле переводчик оказывается метрическим билингом — владея обеими метрическими системами, он устанавливает соответствие между числом стоп и числом слогов, в зависимости от распределения иктов определяет характер стоп, находит, какие метрические константы силлабо-тонического стиха будут выражать особенности силлабики. Одним из первых образцов имитации силлабического стиха средствами силлабо-тоники были опыты А.Х. Востокова по пере-

воду сербских народных песен⁴¹. Он построил почти изоморфную сербской системе десятисложника с женскими рифмами и большим количеством цезурованных стихов:

Я съездил бы до Прилипа града
Привез бы я выкупу немало,
вьюков двадцать: чество уверяю⁴².

А.С. Пушкин в переводах "Песен западных славян", продолжая традицию А.Х. Востокова, дал образцы стиха, которые сербами были восприняты как десетерец⁴³:

Два су бора напоредо расла
међу нима таковрха јела:
то не била два бора зелена,
ни међ њима таковрха јела,
већ то била два брата роћена;
једно Павле, а друго Радуле,
међу нима сестица Јелица...

Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка,
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица...

О. Миллер переводил сербские песни пятистопным хореем с цезурой (почти регулярной) после второй стопы:

...Как велела, так и сделал Марко:
Впряг волов он в старый плуг отцовский,
Стал пахать — не горы и долины,
Стал пахать он царскую дорогу.

В этой же традиции переводила сербские песни А. Ахматова:

Что белеет средь зеленой чащи?
Снег ли это, лебедей ли стая?

П. Эрастов, М. Павлова, Б. Слуцкий, Д. Самойлов переводили десетерец хореем с анапестом, исключая цезуру из постоянного представления в ритмическом контуре имитации силлабического стиха. Обсуждая задачи нового перевода "Горного венца" П. Негоша, И.А. Жилуков и А.А. Шумилов считают, что "возвращение к традиции передачи десетерца "Горного венца" пятистопным хореем без сербской цезуры, по образцу перевода М. Зданевича, в наше время являлось бы ненужным анахронизмом"⁴⁴. Эти авторы предлагают такой вариант перевода начала поэмы:

Владико Данило (сам собом)
Виђи врага су седам бинишах,
Су два мача а су двије круне,
Праунука Туркова с Кораном!

Владыко Даниил (сам с собой):
Вот, он, дьявол! Семь пурпурных мантий,
две короны, два меча кровавых —
правнук Тюрка с рукой на коране!⁴⁵

Метрические переводы начинают существовать тогда, когда установилась взаимная идентификация метрических систем соответству-

ющих систем стихосложения. Интересно, что современные количественные отношения гласных (напр., чешского, венгерского языков) в практике метрического перевода не отождествляются с долготными оппозициями древнегреческого и латыни⁴⁶. Так, при передаче традиционной долготы в латыни ударной гласной в немецком языке античные метры воспринимаются как стихи со свободным ритмом или как тонический стих. Например, следующая сапфическая строка Катулла

Ille mi par esse deo videtur
Ille, si fas est, superare divos,
Qui sedens adversus identidem te
Spectat et audit

в переводе Морица Шустера оказывается свободным стихом:

Himmelwonnen mögen den Mann berauschen,
Himmelwonnen weichen dem Glück des Mannes,
Der zu dir aufblickt, den dein Wort, dein Antlitz
Immer beseligt.

В связи с этим знаменательны последние переводы Пиндара и Вакхилида М.Л. Гаспаровым на русский язык свободным стихом. Силлаботонические имитации количественного стиха, даже перевод Вяч. Иванова Первой пифийской оды, кажутся более архаичными⁴⁷.

Начало настоящего периода в теории стиха справедливо связывается с работой Р. Якобсона "О чешском стихе"⁴⁸, в которой системы версификации рассматривались с точки зрения фонологических противопоставлений соответствующих языков и выделялась фонологическая база ритма, определялись независимые и зависимые фонологические элементы. Так, в чешском языке базой ритма Р. Якобсон считал словораздел, независимым признаком — долготу, зависимым — динамическое ударение. В русском же языке базой ритма оказывается динамическое ударение, независимым признаком — словораздел, зависимым признаком — долгота. При метрических переводах с русского языка на чешский очевидно отсутствие взаимной идентификации долгот. Метрическая структура при переводе определяется числом слогов и значительным соответствием ударений. Ср. перевод А. Блока Тейхманом⁴⁹:

И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
Když přijde stanovená hodina
(či jenom pouhý sen to je?)
postava dívky, svůdně oděná
se v mlze okna zjevuje.

При переводе с русского языка на сербскохорватский метрически изоморфизм охватывает число слогов, схему ударений и соответствующие словоразделы. Для примера можно сравнить переводы С. Есенина ("Не жалею, не зову, не плачу...") К. Тарановским

Не жалим, не зовем, не плачем
Са цвећем јабука нестао је јад,
Златом вењеша ненадно обавијен
Скоро нећу бити више млад.

И Геричем⁵⁰:

Не жалим, не дозивам, не плачем:
Све ће проћи ко с бијелих зуква кад.
Златом увенућа захвачен
Никад више нећу бити млад.

В современном метрическом переводе отмечается стремление к соответствию в числе слогов, в расположении ударений и в связи с последним активная игра словоразделами.

Фонологическая долгота — и как самостоятельный признак, и как компонент ударности слога — не входит в систему эквиритмических переводов.

Современные метрические переводы определяются ситуацией "многоязычия", при которой языки с разноместным, свободным ударением, как бы фонологизируют нефонологическое ударение в языках, где оно носит фиксированный характер. В этом отношении показательны силлаботонические проекции в польском и чешском стихе⁵¹.

Заметным признаком современных метрических переводов является стремление не к детальной имитации ритмических структур оригинала, а к более абстрактному изображению метра⁵²: силлабическая система изображается в силлаботонике как "почти-силлабика", когда число слогов колеблется вокруг "изображаемого", а цезура используется так часто, что возникает соответствующая ритмическая тенденция; силлаботоника же в силлабическом стихе предстает как "почти-силлаботоника", когда словоразделы распределяются таким образом, что ударения падают на те слоги, при которых возникает определенный "образ метра".

На роль единиц, универсальных в плане выражения ритмо-метрических структур, могут претендовать слог и словораздел. С помощью этих двух единиц могут быть построены любые эквивалентные в метрическом отношении (с точки зрения плана выражения) структуры.

План содержания единиц метрического репертуара (семантический ореол) во всех системах стихосложения имеет прагматическую категорию свой (освоенный)—чужой (экзотический)⁵³. Так, в сербско-хорватском стихе середины XIX в. хорей воспринимался как свой метр, а ямб — как чужой, неосвоенный, экзотический. В конце XIX в. ямб становится освоенным или осваиваемым метром, несущим семантику трагизма.

Как и в музыке, в версификации полиметрические композиции, сложные размеры связываются с динамическим началом, напряжением, энергией; монометрические композиции, простые размеры без вариаций — "иконически" изображают неподвижность, вялость, инертность⁵⁴. Характерно в этой связи самонаблюдение Б. Брехта: "Подчеркнуто регулярные ритмы оказывали на меня неприятно убавляющее, усыпляющее действие, подобно подчеркнуто регулярным однообразным шумам (капли, падающие на крышу; жужжание мотора); они повергают человека в некий транс. Можно представить, что когда-то они действовали возбуждающе; теперь этого больше нет. Кроме того, повседневную речь в гладких ритмических формах выразить невозможно — разве что иронически. ...В той неприят-

ной для меня атмосфере полусна, которая навеивается регулярными ритмами, стихия мысли играла весьма своеобразную роль: возникали скорее ассоциации, нежели собственно мысли; мысль как бы качалась на волнах, и если человек хотел думать, он должен был всякий раз сперва вырваться из все уравнивающего, нейтрализующего, нивелирующего настроения. При нерегулярных ритмах мысли скорее приобретали соответствующие им собственные эмоциональные формы⁵⁵. Видимо, в этом русле повышается характерный для стихосложения XX в. рост удельного веса свободного стиха. При этом верлибр не только несет знак авангарда, но и приобретает смысл интеллектуальной зрелости и эмоциональной аутентичности. Особенно знаменательными оказываются способы перевода и актуализации произведений, написанных классическими метрическими размерами. Примером последнего явления может служить музыкальное переложение регулярных метро-ритмических структур стиха в полиритмические композиции, как, например, "Камерная музыка" Г.В. Хенце на гимны "In lieblicher Bläue" Ф. Хельдерлина. Сохранение или другой перенос регулярного ритма гимнов привело бы к нежелательному оттенку иронии. В переводах верлибр занимает все большее место: верлибром переводится не только свободный стих, но и практически все античные размеры, и современный тонический стих. Метрически в таких переводах передается только приблизительное сходство словоразделов. В этом плане И. Левый сравнивает перевод второй и третьей строф "Зеркала" Б. Пастернака А. Ковалем⁵⁶:

Там сосны враскачку воздух саднят
 Смолой; там по маяте
 Очки по траве растерял палисадник,
 Там книгу читает Тень.
 И к заднему плану, во мрак, за калитку,
 В степь, в запах сонных лекарств
 Струится дорожкой, в сучках и в улитках
 Мерцающий жаркий кварц.

Dort bestreichen schaukelnde Kiefer
 mit Harz
 im Vorübergehen verlor der Vorgarten
 im Grase die Brille,
 dort liest der Schatten ein Buch
 und rieselt in der Hintergrund, ins Dunkle, hinter die Pforte
 in die Steppe, in den Duft der einschläfernden Heilmittel
 auf dem Wege, in den Zweigen und in den Schnecken
 das funkelnde, heiße Quarz.

Инвариантом стихотворной строки в этих случаях часто оказывается фраза (здесь опускаются все вопросы, связанные с декламацией)⁵⁷, т.е. все более распространяется такая метрическая структура стиха, при которой стих является "формой просодической структуры фразы"⁵⁸, как это было согласно гипотезе Т.М. Николаевой в общеславянскую эпоху⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Lieberman M., Prince A.* On stress and linguistic rhythm // *Linguistic Inquiry*. 8. 1977. P. 249—336; *Shyne S.* Rhythm, accent and stress in English words // *Linguistic Inquiry*. 10. 1975. P. 488—502; *Idem.* The rhythmic nature of English word accentuation // *Language*. 55. 1979. P. 559—602.
- ² *Verluyten S.P.* Phonetic reality of linguistic structures; the case of (secondary) stress in French // *Proceedings of the Tenth International Congress of Phonetic Sciences*. Dordrecht, 1984. P. 521—526.
- ³ *Vogel I., Scalise S.* Secondary stress in Italian // *Lingua*. 58. 1982. P. 213—242.
- ⁴ *Harris J.W.* Extrametricality and Spanish Stress. МЛТ, 1980.
- ⁵ *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. с. 18—19. и сл.
- ⁶ *Шенгели Г.* Трактат о русском стихе. Изд. 2. М.; Л., 1923. С. 131—176; *Он же.* Техника стиха. М., 1960. С. 162—165; *Томашевский В.В.* О стихе. Л., 1929. С. 94—137.
- ⁷ *Зализняк А.А.* Указ. соч.
- ⁸ *Лотман М.Ю.* О взаимоотношении естественного языка и метрики в механизме стиха // *Мат. Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1974.
- ⁹ *Руднев П.А.* О принципах описания и семантического анализа стихотворного текста на метрическом уровне // *Вопросы историзма и художественного мастерства*. Л., 1976. С. 171.
- ¹⁰ *Гаспаров М.Л.* Метрический репертуар русской лирики XVIII—XX вв. // *ВЯ*. 1972. N 1. с. 54—66.
- ¹¹ *Руднев П.А.* Указ. соч. С. 172.
- ¹² *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974. С. 72—75 и сл.; *Белый А.* Символизм. М., 1910; *Он же.* Ритм как диалектика и "Медный всадник". М., 1929; *Он же.* К вопросу о ритме. К будущему учебнику ритма. О ритмическом жесте. Ритм и смысл // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1981. XII. С. 112—146.
- ¹³ *Гаспаров М.Л.* С. 50—59.
- ¹⁴ Там же. С. 49.
- ¹⁵ *Белый А.* Символизм...; *Тарновски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953; *Он же.* Руски четворостопни јамб у првим двома деценијама XX века // *Јужнословенски филолог*. Т. 21. 1955—1956. С. 1544.
- ¹⁶ *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих...
- ¹⁷ *Гиндин С.И.* Структура стихотворной речи. Систематический указатель литературы по общему и русскому стиховедению, изданной в СССР на русском языке с 1958 г. М., 1982. Часть II. 1974—1980, вып. 9. С. 30—36, 76.
- ¹⁸ *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих... С. 40.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Томашевский В.В.* Строчка Пушкина // *Пушкин. Исследования и материалы*. М.; Л., 1958. Сб. II. С. 49—213.
- ²¹ *Тарановский К.* О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики. *American contributions to the 5th International Congress of Slavists*. The Hague, 1963. V. 1. P. 287—322.
- ²² *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих...
- ²³ *Баевский В.С.* Ритмическая композиция стихотворения // *Жанр и композиция литературного произведения: Межвузовский сб.*, Калининград, 1976. Вып. 3. С. 108.
- ²⁴ *Иванов Вяч.Вс.* Метр и ритм в "Поэме конца" М. Цветаевой // *Теория стиха*. Л., 1968. С. 176.
- ²⁵ *Фарыно Е.* К вопросу о соотношении ритма и семантики в поэтических текстах (Пушкин, Евтушенко, Цветаева) // *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznan, 1971. L. 2.
- ²⁶ Там же. С. 26.
- ²⁷ *Kursite J.* Kvantitatīvā varsmošanas sistēma tautas dzejā un mākslas dzeja // *Latvijas PSR zinātņu akadēmijas vestis*. 1985. N 10. S. 63.
- ²⁸ *Cervenka V., Pszczołowska L.* Porównania i wnioski. — *Słowiańska metryka porównawcza*. 1. Słownik rytmiczny i sposoby jego wykorzystania. Wrocław etc., 1978. S. 205.
- ²⁹ *Левый И.* Искусство перевода. М., 1974. С. 280—281.
- ³⁰ *Tarasti E.* Le role du temps dans le discours musical. *Jyvaskyla*, 1983. S. 10—11.
- ³¹ *Сибинович М.* Из истории поэтического перевода в Югославии // *Мастерство перевода*. 1976. М., 1977. Сб. 11. С. 208—220; *Сибинович М.* Змајев Демон // *Књижевна историја*. Београд, 1968. Бр. 1. С. 69—105.

- ³² *Сибиновић М.* Указ. соч. С. 209.
- ³³ *Тарановски К.* Змај као преводилац руских песника // *Летопис матице српске.* 1933. Кн. 338. С. 170.
- ³⁴ Там же. С. 169.
- ³⁵ *Змај Ј.Ј.* Прелеви и преводи // *Одабрана дела.* Београд, 1951. Књ. 4. С. 241—242. Пользуясь случаем поблагодарить Т.П. Попову за любезно предоставленные переводы И.И. Змая и ценные советы по библиографии.
- ³⁶ Там же. С. 60.
- ³⁷ *Сибиновић М.* Указ. соч. С. 210.
- ³⁸ *Тарановски К.* Змај као преводилац... Цит по: *Сибиновић М.* Указ. соч. С. 210.
- ³⁹ *Змај Ј.Ј.* Указ. соч. С. 334.
- ⁴⁰ *Левый И.* Указ. соч.
- ⁴¹ *Гаспаров М.Л.* Народный стих А. Востокова // *Поэтика и стилистика русской литературы.* Л., 1972. С. 437—443.
- ⁴² Марко Краевич в темнице // *Тр. Вольного общества любителей российской словесности.* М., 1825. Ч. 30. С. 169—176.
- ⁴³ *Организова Ц.* О преводима српских епских песама у руској литератури за Вукова живота // *Анали филолошког факултета.* Београд, 1964. С. 323.
- ⁴⁴ *Жиликов И.А., Шумилов А.А.* О возможностях передачи ритмики сербского десятиложника средствами русского языка // *Славянская филология: Межвузовский сб.* Л., 1979. IV. С. 167.
- ⁴⁵ Там же. С. 165—166.
- ⁴⁶ *Левый И.* Указ. соч. С. 258.
- ⁴⁷ *Гаспаров М.Л.* Примечания // *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты.* М., 1980. С. 388—390.
- ⁴⁸ *Якобсон Р.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским Берлин; Москва, 1923.
- ⁴⁹ *Левый И.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Цит. по: *Сибинович М.* Указ. соч.
- ⁵¹ *Kopczyńska Zdz., Pszczółowska L.* Wiersz polski // *Słowiańska metryka porównawcza. I. Słownik rytmiczny i sposoby jego wykorzystania / Red. Kopczyńska Zdz., Pszczółowska L. Wrocław etc., 1978; Červenka M., Sgallová K.* Český verš // *Ibid.* S. 45—130; *Červenka V., Pszczółowska L.* Porównania i wnioski // *Ibid.* S., 201—210.
- ⁵² *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих...
- ⁵³ Основопологающее значение категории "свой—чужой" для всей иерархии семиотических систем показано в работе: *Топоров В.Н.* О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности.* М., 1986. С. 142—167.
- ⁵⁴ *Berio L.* Musik und Dichtung — eine Erfahrung // *Darmstädter Beiträge zur Neuen Musik.* II, 1959.
- ⁵⁵ *Брехт Б.* О стихах без рифм и регуляторного ритма // *Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания.* М., 1965. Т. 5/1, С. 325—326.
- ⁵⁶ *Левый И.* Указ. соч.
- ⁵⁷ *Лотман М.Ю.* К вопросу о типах интонации в русской поэзии // *Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. научн. конф.* Таллин, 1985. С. 115—119.
- ⁵⁸ *Николаева Т.М.* Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное // *Valcanica: Лингвистические исследования.* М., 1979. С. 160.
- ⁵⁹ Там же. С. 157—160.

М.Ю. ЛОТМАН
К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
РУССКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

1. Предварительные замечания. Целью работы является рассмотрение основных вопросов, связанных с семантическими коннотациями различных стихотворных форм русской поэзии, а также разработка типологических характеристик, могущих составить основу систематического обследования метрической семантики. Разрабатываемая типология была уже применена при описании системы метрико-семантических связей в русской поэтической традиции второй половины XIX в., в первую очередь, в творчестве двух крупнейших поэтов того времени — Н.А. Некрасова и А.А. Фета. Результаты этого обследования публикуются в ряде отдельных сообщений.

Русское стиховедение последних лет достигло значительных результатов в исследовании как теоретических положений, так прикладных аспектов метрической семантики. В первую очередь должны быть названы работы К.Ф. Тарановского, М.Л. Гаспарова, П.А. Руднева, Л.М. Маллер и др. В большинстве из них дело идет о семантических тяготениях одного из метров (или даже одной разновидности некоторого размера¹), причем, как правило, в изоляции от семантических ореолов других метрических форм. В предельном случае мы имеем дело с описаниями семантического ореола одного размера в творчестве одного поэта (Руднев, 1977; Мерлин, 1979).

Хотя закономерность и плодотворность такого подхода сомнению не подлежит, здесь возникает целый ряд вопросов принципиального характера.

1) Существуют ли какие-либо объективные критерии для отнесения некоторого стихотворного текста именно к данной "семантической окраске", или мы должны полагаться исключительно на интуицию исследователя? Так, К.Ф. Тарановский связывает "лермонтовский цикл" русского Х5 с определенной ритмико-синтаксической структурой стиха (Тарановский 1963; Лотман 1982, с. 89—90); аналогичные, хотя и несколько менее определенные, указания для некоторых "семантических окрасок" приводит и М.Л. Гаспаров, однако для большинства окрасок таких критериев не предлагается.

2) Обязательно ли, чтобы каждый конкретный текст обладал только одной семантической окраской, или их может быть две, три и т.д.? Так, в большинстве стихотворений, написанных АмЗ, окраску которых М.Л. Гаспаров определяет как "гейневскую", можно видеть одновременно "балладную" окраску; далее, М.Л. Гаспаров выделяет из "гейневской", в числе других, окраски "сон" и "быт" и подчеркивает антитетичность этих окрасок, в то же время часть относимых к "быту" стихотворений буквально направивается в обе рубрики (ср., зачин "Мне снилось.." у Якубовича и Брюсова; Гаспаров 1982, с. 176—185).

3) Могут ли семантические ореолы и окраски быть каким-то образом систематизированы, или единственным организующим нача-

лом является здесь историческое развитие? Так, при анализе семантического ареала АмЗ М.Л. Гаспаров строго придерживается хронологического принципа, хотя его материал буквально направляется на другую — семантическую — систематизацию.

Тема *бегущего времени*, исходящая из "немецких песенников начала XIX в." ("Ничто не бессмертно, не прочно Под вечно-изменной луной" и т.п.), естественным образом разворачивается в тему *смерти* ("Умрешь ты во вторник, а в среду...", "Вот мертвые стены острога...", "Как сокол в бою умирал...", "Командой убит капитан" и т.д.), которая опять-таки естественным образом переходит в тему *похорон* ("Один он... Сvezли на кладбище Вчера его старую мать...", "Я видел свое погребенье..."), и далее в тему *могилы* ("На острове том есть могила...", "Сидит на кургане печально..."); завершает этот цикл тема *выхода мертвеца (-во) из могилы* с возможным последующим возвращением в нее ("Воздушный корабль", "Восставши из праха, за нами Покойники наши следят...", "Встают мертвецы всей России...", "И мертвые вместе с живыми Встают и в атаку идут...") и, наконец, лишь намеченная тема *бессмертия* ("Бессмертен советский народ...", "Останься, как песня, в веках...", "И нашей бессмертной судьбой...") возвращает к исходной теме *бегущего времени*. От этого основного "сюжета" отходят многочисленные ответвления: *здравные песни* связаны с *временем*; *смерть*, являющаяся семантическим центром "сюжета", связана со *сном* как архетипическим представлением, актуализированной романтической моделью (следует учитывать, что "сон" этот как правило не простой: "Как некогда Дарья застыла В своем заколдованном сне..."), так и сюжетно ("Мне снилось — ты умерла..."). *Сну* родственна *память*: воспоминания — сон наяву, а сон часто сочетается с мотивом воспоминанья/забвенья ("Виденья далекого детства Опять меня сводят с ума...", "Бессонная память моя...", "И тихо забудь во сне...", "Опять налетают роями Знакомые сердцу виденья..."). *Смерти* родственны также темы *болезни* и *войны*; *война*, в свою очередь, связана с *мужеством* и т.п. Таким образом, практически все выделенные М.Л. Гаспаровым окраски АмЗ (Гаспаров 1982, все примеры — оттуда), могут быть представлены в виде единой семантической схемы, центром которой оказывается тема *смерти*. М.Л. Гаспаров отмечает, что основное "направление разработки АмЗ подсказали в конечном счете три немецких поэта /.../: Коцбу, Цедлиц и Гейне. К этим трем точкам сводятся все линии эволюции" (Гаспаров 1982, с. 175). Действительно, тема смерти доминирует в "Ночном смотре" и "Воздушном корабле" Цедлица, и в "Гренадерах" Гейне.

Не следует однако думать, что семантическую структуру ореола АмЗ можно представить лишь приведенным выше образом. Уже в тех же стихотворениях Цедлица и Гейне можно выделить другую "ореолообразующую" тему — *Наполеон*, оказывающую значительное, хотя преимущественно косвенное "давление" на русскую традицию АмЗ. При таком подходе совершенно иную интерпретацию получают такие темы как *война*, *скитание*, *неволя*, *память/забвение*, *море* и др.; выявится целый ряд новых тем (*родина*, *Рос-*

сия и др.), связей между темами (скитания будут связаны с морем и т.п.). "Наполеоноцентрическая" трактовка ореола АМЗ представляет и определенный методологический интерес, т.к. сама тема Наполеона присутствует в ничтожном числе текстов: семантические связи стремятся к невидимому центру — это поистине "тень Наполеона".

Сказанное является косвенным подтверждением мысли М.Л. Гаспарова, что семантический ореол размера определяется не наличием той или иной темы, а структурой отношений между ними: "Набор тем в разных размерах может быть одинаков, но структура этого набора одинакова не будет. /.../ Связи /.../ между /.../ окрасками /.../ в любом другом размере будут заведомо иными" (Гаспаров 1979, с. 305). Однако, здесь возникает ряд трудностей: не только структура связей между темами, но и сам набор тем существенным образом зависит от способа их представления и систематизации.

4) Каким образом соотносятся (и соотносятся ли вообще) семантические окраски некоторого размера с семантической системой ("поэтическим миром") употребившего их поэта? Очевидно, что отмечая любовную тему в стихотворении Фета или гражданскую тематику в стихотворении Некрасова, мы имеем ввиду не тот вид значения, когда говорим о балладной, песенной, трагической, импрессионистической и т.п. окрасках в соответствующих разновидностях размера.

Число подобных вопросов, исчерпывающие ответы на которые в настоящее время искать, по-видимому, еще преждевременно, может быть умножено. Тем не менее, привлечь к ним внимание стоит: дальнейший прогресс в области исследования семантики стихотворного текста возможен лишь при условии, что накопление фактического материала будет сопровождаться разработкой семантической теории и типологии, способных вместить и систематизировать накопленный материал.

2. Природа метрической семантики. Проблемы стихотворной семантики находятся одновременно в компетенции как стиховедения, так и семиотики; уместно поэтому взглянуть на проблему с лингво-семиотической точки зрения.

В рамках общей семантики различается теория сигнификации и теория референции. Сигнификативное значение определяется исключительно внутрисистемными свойствами языка, а референциальное — условиями данного коммуникативного акта.

Сигнификативный механизм языка порождает по правилам этого языка множество структур, способных отражать экстралингвистическую информацию; он определяет "картину мира" этого языка: какие значения это язык может выразить и какие он должен выразить обязательно. Таким образом, при анализе сигнификативного значения следует различать закодированную экстралингвистическую информацию и способ ее кодирования. Соответственно мы будем говорить о модельном и конструктивном значениях (необходимость такого разграничения подчеркивалось И.И. Ревзиным, ср. его концепцию перифрастического и категориального смыслов, Ревзин 1977, с. 36—40).

Референциальный механизм речи исходит из готовых сигнификативных структур и устанавливает соответствие между ними и актуальными в контексте конкретного коммуникативного акта ситуациями. При этом модельная и конструктивная составляющие сигнификативного значения выполняют различные функции. В обычном случае в референциальном фокусе высказывания находится модельное значение, конструктивная составляющая привлекает внимание участников коммуникативного акта только если она по тем или иным причинам затемняет референцию. Однако, при использовании языка в его поэтической функции референциальный фокус смещается в сторону конструктивной составляющей: синонимы перестают быть синонимами, перифразы искажают смысл и т.п. Референциальный механизм определяет всю совокупность реакций говорящего/слушающего на речевое сообщение; значительное воздействие оказывает информация, вообще не связанная с выражением сигнификативного значения: тембр, сила голоса, шрифт и т.п.

Семантика речевого высказывания складывается из трех компонентов: 1) Референциальный образ модельного значения ("содержание" текста); 2) Референциальный образ конструктивного (структурного) значения, причем для семантической интерпретации текста могут оказаться релевантными его синтаксические, морфологические и т.п. характеристики. 3) Материальное значение — звуковые (vs. графические) характеристики текста: его ритмичность, громкость, тембр, темп и т.п.

Совокупность этих факторов создает неповторимость высказывания, его воздействия на адресата. Связи между элементами текста имеют гораздо более тесный и взаимообусловленный характер, чем между соответствующими им единицами языковой структуры. Это особенно касается знаковых отношений, которые в речи — в противоположность языку — строятся по принципу мотивированности. Такая сквозная мотивированность, в пределе создающая впечатление невозможности перифразы, выражения той же мысли по-другому, наиболее ярко проявляется в поэзии.

Подобно другим элементам структуры поэтического текста, его стихотворная форма имеет разнородные семиотические характеристики. О различии выразительной роли метра и ритма в стихотворном тексте писал еще Дж. Холлэндер, сравнивавший метр с эмблемой, со знаком определенной традиции, в то время как ритм подчеркивает своеобразие, неповторимость текста (Холлэндер 1960). Если воспользоваться пирсовской типологией знаков, то указанное различие связано с тем, что метр и ритм является разными по своему типу знаками. Так, отмечаемая чуткими к ритмическому движению стиха читателями выразительность стихотворного ритма имеет преимущественно иконическую природу, в то время как идентифицируемый компетентными читателями стихотворный размер, указывающий на определенный жанр или отсылающий к определенной традиции, является с семиотической точки зрения индексом. Разумеется, указанные семантические эффекты не существуют изолированно, но всегда в сочетании друг с другом и с семантикой других

элементов поэтического текста. Например, звуковая фактура стиха нередко оказывает синестетическое, иконическое по своей природе, воздействие, которое может либо совпадать с семантическим эффектом соответствующей ритмической структуры, резонировать с ним, либо противопоставляться ему. Так, в "Северовостоке" М. Волошина тема пути, синестетически связанная с ритмом X5 то совпадает, то противопоставляется теме ветра, синестетически связанной со звукозаписью, (ср. Тарановский, 1966; Лотман, 1982, с. 89—97). Наибольшее значение имеет здесь соответствие или несоответствие метрической семантики модельному значению текста. Метр — и, шире, стихотворное выражение вообще — в случае своего соответствия содержанию выступает в роли резонатора смысла; в противном случае метрическое значение либо приглушается, "блокируется" лексическим, либо возникает ощущение дисгармонии, несоответствия стихотворной формы и содержания стихотворения (Гаспаров, 1979, с. 283)².

Однако наибольший интерес представляет вопрос о символической составляющей семантического ореола стихотворного размера. Поскольку очевидно, что о модельном значении здесь говорить не приходится, вопрос упирается в конструктивное значение. Поскольку символическое значение складывается в языке, а не в речи, здесь следует обратиться к механизму поэтического языка и роли метра в нем (см. рис. 17).

Метрическая структура не отражается в тексте непосредственно: она предварительно кодируется в виде последовательностей единиц системы естественного языка (ЕЯ) (Лотман, 1974). Наиболее детальное кодирование метрической информации происходит на уровне просодической страты ЕЯ, однако не предусмотренные с точки зрения внутрискатических правил членение на определенные последовательности элементов и установление между ними отношения типа эквивалентности существенным образом трансформируют отношения между единицами всех страт ЕЯ (ср. тезис Р. Якобсона о "насилии" стиха над языком (Якобсон, 1923) и, тем самым, неизбежно влияют и на конструктивное значение. Распределение модельного значения по соразмерным отрезкам вносит элемент упорядоченности в содержащуюся в поэтическом тексте "картину мира", которая отличается в этом отношении от содержащейся в выражающем то же модельное значение прозаическом тексте. При этом, естественно, первостепенное значение приобретает длина метрического ряда (а не его внутреннее строение): чем он короче, тем заметнее, искусственнее и "насильственнее" эта дистрибуция модельного значения.

В традиции русского стиховедения принято (начиная с Б.И. Ярхо, см. Ярхо и др., 1934) разделять стихи на короткие, средние и длинные (средними стихами считаются 4-иктные двусложники и 3-иктные трехсложники и стихи неклассических метров; короткими и длинными называются соответственно более короткие и более длинные стихи). С этим разделением часто связываются и определенные семантические характеристики: коротким стихам приписы-

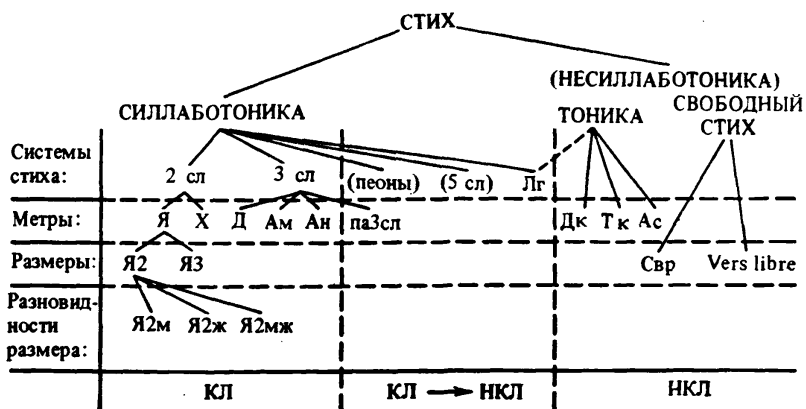

Рис. 17. Иерархия метрических норм в русской поэзии (ср. Руднев 1982). КЛ — "классические" метры, НКЛ — "неклассические"; 2 сл — двухсложники, 3 сл — трехсложники, 5 сл — пятисложники (распространен только "кольцовский" 5 сл), Лг — логазды, Я — ямб, Х — хорей, Д — дактиль, Ам — амфибрахий, Ан — анапест, па3сл — 3 сл с переменной анакузой, Дк — дольник, Тк — тактовик, Ас — акцентный стих, Свр — свободный рифменный стих, Я2 и т.д. — двухиктный ямб и т.д. Я2мж и т.д. N — Я2 с чередованием мужских и женских клаузул и т.д.

важется легкость тона и несерьезность содержания, длинным стихам — противоположные свойства (ср. "Как делать стихи" В. Маяковского). Мнение это опровергается в практике русского стихосложения: так, во второй половине XIX в. короткие стихи часто выражает самое серьезное, и даже трагическое содержание, в то время как длинные — иронию и т.п. Различие между короткими и длинными стихами лежит в области не модельного, а конструктивного значения. Короткие стихи редки в текстах со сложной нарративной, коммуникативной или эмоционально-аксиологической структурой (наибольший интерес с этой точки зрения представляют короткие стихи у Пастернака; например, в "Сказке" динамическая основная часть резко контрастирует со статичной безглагольной концовкой; ср. также рассуждения о длине стиха в его романе), тяготеют к формульности, к единству точки зрения. Поэтому с короткими стихами часто связан мотив уверенности; используются они и для деклараций, в гимнах и т.п. Напротив, длинные стихи тяготеют к развернутым формулировкам и рассуждениям, склонны к игре точек зрения.

Более сложен вопрос о том, влияет ли на сигнификативное значение внутренняя структура метрического ряда. Спор на эту тему, начавшийся с самого момента зарождения русской стихотворной и стиховедческой традиции нового времени (ср. полемику Ломоносова и Тредиаковского о восходящих и нисходящих метрах)³, не затихает до сих пор (ср. концепцию просодической семантики В.П. Руднева). Решить эту проблему исходя лишь из общих соображений (как это делалось до сих пор) не представляется возможным; убедительных примеров такого воздействия пока приведено не было.

Итак, семантический ореол размера складывается из различных и принципиально разнородных компонентов, включающих как ограничения на модельное значение, отсылки к определенным традициям, так и набор типовых синестетических реакций. Разграничение выделенных видов значения должно проводиться и при описании фактического материала.

2.1. Содержательность стихотворной формы. Мы исходим из предположения, что любой элемент стихотворной формы (и — шире — поэтического языка вообще) является потенциальным носителем эстетически релевантной информации (довольно широко распространена и противоположная точка зрения, согласно которой некоторые элементы поэтического языка заведомо находятся за "барьером эстетического восприятия").

Одно из направлений эволюции стиля — вовлечение все новых элементов в поле эстетической значимости. Так, после исследований А. Белого объектом сознательного экспериментирования стала ритмическая структура стиха (что даже вызвало протест самого А. Белого, см. Белый, 1981). Можно привести и еще более показательный пример. В последнее время кстати и некстати вспоминаются слова Б.В. Томашевского, критиковавшего В.А. Филиппова за попытку установления связи между формами рифмовки (соответственно — АВВА и АВАВ) и "смысловым содержанием речи" в "Горе от ума" А.С. Грибоедова: по мнению Б.В. Томашевского, имеют место "поиски прямой связи там, где ее не может быть" (Томашевский, 1959, с. 182). Это утверждение опровергается целым рядом примеров; укажем лишь один из них. Стихотворение "Гражданская война" М. Волошина — одного из самых чутких к возможности семантизации стихотворной формы русских поэтов — состоит из 48 стихов; в целом оно должно быть определено как вольнорифменное, однако с точки зрения рифмовки оно делится на две равные части: в противоположность неупорядоченной второй части в первых 24 стихах наблюдается строгая упорядоченность рифменной, синтаксической и тематической организации. Синтаксически и тематически замкнутые четверостишия АВАВ и АВВА строго чередуются с учетом правила альтернанса: АБАВГгВдЕдЕ... (т.е. важна именно схема рифм, а не клаузул), причем в рифмованных группах АВАВ речь идет об "одних" (т.е. красных), а в АВВА — "о других" (т.е. белых):
Одни восстали из подполий,/ Из ссылок, фабрик, рудников,/ Отравленные темной волей/ И горьким дымом городов. /Другие из рядов военных,/ Дворянских разрозненных гнезд,/ Где проводили на погост/ Отцов и братьев убиенных... и т.д. Когда после 24-го стиха такая строгая упорядоченность группировки тематического материала отбрасывается, то резко меняется и рифменная структура: речь идет не просто об отказе от строгого чередования четверостиший перекрестной и охватной рифмовки, но о полной перестройке рифменной системы — появляются омонимичные рифмы, холостые стихи, нарушается правило альтернанса и т.п. Разумеется, речь идет здесь исключительно об окказиональном значении рифмовок АВАВ и АВВА, свойственном только данному тексту, но если мы

его оставим "за барьером эстетического восприятия", наше эстетическое восприятие окажется заведомо обедненным; еще хуже, если эта корреляция окажется "за барьером" аналитического описания.

3. Метрическая типология. Потенциальная значимость любого элемента формы вовсе не подразумевает актуальности значимости каждого элемента во всех поэтических текстах, однако суждение о том, какие элементы находятся в "эстетическом фокусе", а какие исполняют роль "упаковочных средств", возможно только апостериори, на основании анализа данного текста, поэтической системы данного поэта, данного поэтического направления и т.д.

Здесь, однако, возникает методологическая проблема, имеющая исключительное значение не только для исследований по метрической семантике, но и для всей стиховедческих знаний. Используемая стиховедами классификация стихотворных форм основывается — и это естественно — на определенной внутренней логике. Между тем, любая классификация стихотворных форм имеет в виду некоторую обобщенную картину стиховой действительности, и актуальность ее для стиха различных эпох, направлений и поэтов не одинакова.

Так, дифференциация форм "неклассического" стиха (в первую очередь в работах М.Л. Гаспарова) является несомненным достижением русского стиховедения; однако когда на основе этой классификации мы разделяем двухиктный тонический стих Пушкина на дольник и тактовик, дело идет о явной стиховедческой фикции (Лотман, Шахвердов, 1979, с. 152). Хотя опасность переоценки реальности классификаций имеется во всех областях стиховедческого анализа, именно при семантическом анализе следует проявлять особую осторожность.

Согласно принятой в работах М.Л. Гаспарова терминологии, в понятии "метр" различаются (а) метр в узком смысле, например "ямб"; (б) размер, например "трехстопный ямб" /.../; (в) разновидность размера, например "трехстопный ямб с чередованием женского и мужского или диактилического и мужского окончаний" — сокращенно ЯЗжм, ЯЗдм и т.п." (Гаспаров 1979, 284). На эту метрическую классификацию накладывается семантическая: "В понятии "смысл" различаются (а) семантическая окраска" — отдельная тема или вариация темы /.../, повторно появляющихся в данном метре, размере, разновидности размера; (б) "семантический ореол" — совокупность всех семантических окрасок данного метра, размера и т.д." (Там же). Все это само по себе возражений не вызывает, однако, возникающий здесь соблазн как-то связать метрическую иерархию со смысловой незамедлительно вступает в противоречие с материалом. Во-первых, формы, метрически, с точки зрения данной классификации, близкие, часто не только не обнаруживают тенденции к более тесной семантической связи, но, напротив, резко контрастируют. Так, нельзя говорить о каком-либо семантическом ореоле, общем для двусложных метров (ср. Лаферрьер 1979). Во-вторых, формы метрически отдаленные могут обладать общими

семантическими окрасками; о возможном влиянии семантического ореола ДкЗ на АмЗ см. Гаспаров 1982, в то время как амфибрахий — "классический", а дольник — "неклассический" метр (заметим, что в рамках генеративного подхода возможно такое описание, где "расстояние от ДкЗ до АмЗ будет измеряться лишь одной трансформацией). Наконец, в-третьих, своего рода ореол можно обнаружить и у заведомо вспомогательных элементов стихотворной формы (ср. о семантике дактилической и гипердактилической клаузул: Гаспаров 1973; Герхардт 1982).

Поэтому ниже мы будем исходить не из жесткой иерархической классификации метрических форм, а из гибкой и многомерной (типа фасетной классификации Ш. Ранганатана). В общем случае мы будем использовать записи, указывающие число иктов (И), анакрузу (А) межиктовый интервал (М) и клаузулу (К); возможно введение и других фасет. Например, запись ИЗ: АО, 1, 1:М1:К2,0,2 означает, что в 3-иктном (ИЗ) двусложнике (М1) правильно чередуются (.) стих с нулевой анакрузой — "хорей" — и два стиха с односложной анакрузой — "ямбы" — (АО,1,1), а правильно чередующиеся клаузулы дают такую конфигурацию: дактилическая, мужская, дактилическая и т.д. (К2,0,2). Приведенная запись соответствует стихотворению И. Анненского "Тоска отшумевшей грозы" (традиционная запись: Па2сл3 — "двусложник с переменной анакрузой трехиктный" — менее информативна). Другой пример: И4,3:А1/2:М1/2;К1,0 означает, что 4- и 3-иктные стихи с, соответственно, женской и мужской клаузулой правильно чередуются, в то время как анакруза и межиктный интервал колеблются (/) в пределах 1—2 слогов (традиционно — Дк43) и т.д. В тех случаях, когда в такого рода детальной информации нет необходимости, мы будем использовать традиционные обозначения.

4. Формулы и реминисценции. Одним из преимуществ приведенного способа кодирования метрической информации является то, что он создает естественную основу для исследования поэтических клише ("формул"), — области, где связь между ритмическими и лингвистическими образованиями простирается особенно отчетливо. Одним из важнейших результатов, полученных М.Л. Гаспаровым в ходе семантического обследования русской метрики, является установление того факта, что формульность играет в литературном стихе гораздо более существенную роль, чем было принято думать. Однако исследование самих формул литературного стиха еще практически не начато⁵. Хотя они и имеют самое непосредственное отношение к проблеме "метр и смысл" (что было недавно подчеркнуто М.Г. Гарлинской (Гарлинская, 1981)), речь не идет об однозначных связях формул с метрической формой или семантическим ореолом: одни и те же формулы часто встречаются в произведениях, семантически далеких и даже метрически не тождественных. В последнем случае даже существенные лексико-семантические связи могут быть не учтены при анализе, исходящем из иерархической классификации метрических форм. Приведем некоторые примеры (в порядке увеличения метрических расхождений):

(1) "Цыганские песни" А.К. Толстого содержат целый ряд лексико-синтаксических переключек со стихотворением Лермонтова "Есть речи — значение..." ср.:

Лермонтов
...Как полны их звуки...
...В них слезы разлуки...
...В них слезы разлуки...
В них трепет свиданья

Толстой
...Свободные звуки...
...И дышат разлукой...
...В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик...

У Лермонтова — Ам2ж, а у Толстого — Ам2жм. Расхождение на уровне разновидностей размера.

(2) Стих А. Блока "Век девятнадцатый, железный" является полигенетической цитатой, отсылающей к П. Вяземскому, Е. Баратынскому, Я. Полонскому, Д. Мережковскому, причем этот "цикл" включает как Я4, так и Я5 — "Век шествует путем своим железным" (Баратынский), так и Я6 — "Век девятнадцатый — мятежный строгий век" (Полонский), — расхождения на уровне размера.

(3) Пушкин "Узник" (1822)

Неизвестный автор "Вожди свободы" (1861)

Сижу за решеткой в темнице
сырой...

На соломе лежал он в темнице
сырой...

Клюет, и бросает, и смотрит
в окно...

Сквозь решетку...
Видны вольные птицы и небо в окне

Мы вольные птицы...
Туда, где синеют морские края...

Видны в огненном море...

У Пушкина амфибрахий, у неизвестного автора — анапест: расхождение на уровне метра.

(4) В "Путешествии Онегина" стих "Да шей горшок, да сам большой" есть сокращенная цитата из А. Кантемира: "Шей горшок, да сам большой — хозяин я дома". Семантическому переосмыслению соответствует метрическое — у Кантемира силлабический тринадцатисложник, у Пушкина — Я4; расхождение на уровне системы стихосложения (аналогичные трансформации происходят в пушкинских — силлаботонических — цитатах, включенных в контекст акцентного стиха Маяковского (Якобсон, 1923).

Предложенная нами система метрической записи позволяет эксплицировать все виды метрической близости. Так, в (3) пушкинский текст будет записан как И4:А1:М2:КО, а "Вожди свободы" — И4:А2:М2:КО (различие лишь в один слог анакрузы, а традиционно — разные метры).

Формулы делятся на встречающиеся в начале, середине и конце стиха (Харкинс, 1963), поэтому информацию, касающуюся анакрузы, межиктного интервала и клаузулы, целесообразно представлять расчлененно.

Иногда именно наличие определенной формулы позволяет обнаружить далеко не очевидные связи. Так, у Пушкина может быть

выделен целый семантический цикл, обязанный своим происхождением гетевской формуле "Kennst du das Land...". Стихотворение 1821 г. "Кто видел край, где роскошью природы" (Я5) — явное подражание Гете (ср. целый ряд гетевских образов, например, "мирт" в последней строфе, а также синтаксис I строфы); в 1827 г. аналогичная формула встречается в отрывке, написанном Я4: "Я знаю край: там на брега...", содержащем и ряд других лексико-синтаксических переключек с текстом 1821 г. (ср. "море блещет" и "блещут воды", "там редко падают снега" и "не смеют лечь угрюмые снега", рифмы "брега — снега" и "снега — берега"), затем в 1828 г. в незавершенном стихотворении снова обнаруживается близкое начало: "Кто знает край, где небо блещет..." (Я4), причем в качестве эпиграфа приводится оригинал гетевской формулы. В 1922 г. Пушкин начал переработку стихотворения 1821 г., изменив при этом размер (Я4 вместо Я5); Б.В. Томашевский связывает это с замыслом "Тавриды", а последнюю, в свою очередь, с "Евгением Онегиным". Была начата и переработка стихотворения 1828 г.: часть его вошла в незавершенное стихотворение 1830 г. "Когда порой воспоминанье..." (стих "Не в светлый край, где небо блещет" и след.). Характерны возникающие при этом семантические трансформации. В 1821 г. условные, идущие преимущественно от Гете, образы накладываются на описание реального черноморского пейзажа. В 1827 г. этот же пейзаж описывается в реалистической манере, а в 1828 г. при сохранении реалистической стилистики действие переносится в Италию. наконец, почти дословно перенесенный фрагмент текста 1828 г. в 1830 г. приобретает более обобщенное значение в связи с контрастным описанием северного моря — предполагаемого места ссылки (ср. единственную радикальную переделку: в 1828 г. "Адриатической волной", в 1830 г. "Далече звонкую волной" — без точного географического ориентира), — итальянский пейзаж ассоциируется с местом южной ссылки, в соответствии с первым стихотворением этого "цикла". Отметим в заключение, что эта гетевская формула, изоморфная в ритмическом отношении своему немецкому оригиналу, в русской поэзии довольно устойчива (ср. "Ты знаешь край, где все обильем дышит..." А.К. Толстого, не говоря уж о многочисленных переводах)⁶.

Предпринятый экскурс позволяет сделать два вывода более общего порядка; первый из них касается соотношения формулы и цитаты, второй — соответствия семантического ореола и метрической формы.

На практике часто совсем не просто решить, с чем мы имеем дело, с формулой или цитатой: постоянно цитируемое место редуцируется в формулу, формула может стать предметом цитирования. Соотношение цитатности и формульности варьируется у поэтов различных направлений. Так, в "вольной" русской поэзии второй половины XIX в. происходит определенная мифологизация литературных и сакральных образов и цитаты функционируют как формулы (ср. Рейсер, 1959), в то время как у акмеистов формулы "вспоминают" о своих источниках, становясь реминисценциями.

Для нас большее значение имеет чисто формальный критерий: в отличие от реминисценции, формула характеризуется неизменностью своей ритмической структуры и позиции в стихе. Так, у Мандельштама семантические переключки с "Выхожу один я на дорогу..." в "Концерте на вокзале" и "Грифельной оде" — именно цитаты, и включение их в описанный К.Ф. Тарановским "лермонтовский стих" было бы явно нецелесообразно. Между тем, поэтической формулой может быть даже одно слово, если позиция его строго маркирована: так, ряд стихотворений Пушкина, написанных в форме элегического дистиха, начинается словом "юноша", в то время как в стихотворениях других размеров такое начало не встречается ни разу (эта формула воспроизведена в дистихе Фета "Юноша, взором блеста..." и у других авторов)".

Семантический ореол — это именно ореол, а не четко очерченная область с постоянной внутренней структурой, и в области метрической организации ему соответствует не строго определенная единственная форма (например, на уровне разновидности размера), а некоторая зона, иногда с подвижными границами. Так, "гетевский цикл" у Пушкина приходится преимущественно на Я4, в то время как оригинал, послуживший толчком, и хронологически первое стихотворение цикла — Я5. Можно предположить также, что исследование формул позволит вскрыть определенную "омонимию" стихотворных форм, особенно распространенную у форм наиболее употребительных (так, даже в Я4 могут быть выделены определенные семантические циклы — "ансамбли", в терминологии В.С. Баевского).

Однако основным препятствием при исследовании проблемы "метр и смысл" является отсутствие семантической типологии, сопоставимой с метрической. Ниже предлагается предварительный набросок такой классификации.

5. Семантическая типология. Семантическая типология в принципе должна удовлетворять тем же требованиям, что и метрическая: она должна быть гибкой и по возможности однозначной; разумеется, гораздо большая сложность семантических феноменов по сравнению с метрическими должна получить отражение в многоаспектности классификации.

Основными областями смысла, с точки зрения лежащих в его основе семантических механизмов, являются области модельного, конструктивного и прагматического значения.

В области модельного значения мы различаем тематику и фабулу, в области конструктивного значения — риторическую и жанровую структуру, а в области прагматики — коммуникативную структуру, модальность, аксиологические и эмоциональные характеристики.

5.1. Тематика, т.е., грубо говоря, то, о чем говорится, составляет ядро смысла. При описании тематической структуры текста мы будем пользоваться записью, в которой тематические атомы (элементарные темы) будут объединены по правилам тематического синтаксиса. В принципе темой поэтического произведения может быть все что угодно — универсуму внешнего мира потенциально соответствует тематический универсум⁷. Поэтому при составлении ал-

фавита тематических атомов естественно опираться на опыт идеографических словарей, тем более что полнозначную лексику ЕЯ можно рассматривать в качестве основы для алфавита элементарных тем.

Нами составлен тематический рубрикатор, ориентированный на лексико-семантическую систему русской поэзии второй половины XIX в. (объем настоящей публикации не позволяет его здесь привести) и представляющий собой последовательное разбиение тематического универсума на классы тем — рубрики (допускается их пересечение).

На первом уровне выделяются три рубрики: ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, каждая из которых разбивается на неограниченное число подрубрик (поскольку — в пределе — смысл любой лексической единицы может стать темой поэтического текста, в силу чего рубрикатор поэтической тематики должен охватывать всю лексическую систему поэтического языка:

1 ВСЕЛЕННАЯ	2 ЧЕЛОВЕК	3 ОБЩЕСТВО
11 Дух	21 Душа	31 Культура
...
112 Законы природы	212 Сознание	31113 Пророк
...
123 Земля (планета)	22 Индивид	32 Социальная структура
...
12341 Животный мир	225 Человек как социальное существо (=	3311 Самодержавие
...	= 3 ОБЩЕСТВО)	...
12343=2 ЧЕЛОВЕК	23 Тело	3332 Восстание
...
	236 Смерть	...

Отметим, что исходя из тематики лишь поэзии Фета рубрика ОБЩЕСТВО не должна была бы выделяться уже на первом уровне — ее следовало бы трактовать как одну из незначительных подрубрик рубрики ЧЕЛОВЕК (как это имеет место в словарях Касареса и Халлига-Вартбурга), однако у других поэтов, в частности у Некрасова, общество не предстает в виде автономного, часто враждебного человеку образования, а оппозиция "человек-общество" занимает одно из центральных мест в картине мира их поэзии.

Основным отличием рубрикатора поэтических тем от классификационных схем идеографических словарей является его выраженный антропоцентризм (ср., однако, об антропоцентризме словаря Х. Касареса (Караулов, 1976, с. 250)): и ВСЕЛЕННАЯ, и ОБЩЕСТВО представлены через призму человеческого восприятия, что обуславливает и характер членения, и названия рубрик.

Поскольку крайне редко тематику стихотворения можно свести к одной лишь теме, при записи тематической структуры следует учитывать определенные правила тематического синтаксиса (так как отношения между отдельными темами могут быть принципи-

ально различны, мы не можем ограничиваться лишь каким-либо одним реляционным символом, как это имело место при записи метрической структуры, где отдельные параметры отделялись двоеточием). Мы будем использовать три "знака препинания" для выражения отношений между темами: дефис (-) для записи контрастирующих тем, дробь (/) для обозначения тематического параллелизма и двоеточие (:) для всех прочих случаев (более дробная система была бы, по-видимому, нежелательной, так как делала бы запись менее обозримой, а дифференциацию различных отношений более субъективной). Для выражения иерархии тематических отношений используется скобочная запись.

Особые трудности возникают в тех случаях, когда по тем или иным причинам одна из тем (причем часто это бывает основная тема) в стихотворении прямо не называется. Так, в стихотворениях Фета "Добрый день" ("Вот снова ночь своей тоской бессонной...") и "Свобода и неволя" ("Видишь — мы теперь свободны...") о любви нет ни слова, однако, если исключить из них эту тему, наше восприятие будет заведомо неадекватным. Такие скрытые темы заключаются в кавычки (при этом не имеет значения, каким образом вводится такая скрытая тема в текст):

В заключение сделаем одно предварительное замечание, касающееся сочетаемости тем. В рамках одного стихотворения темы, входящие в любую из трех основных рубрик, могут, по-видимому, свободно сочетаться с другими темами из той же рубрики. Кроме того, темы из рубрики Человек могут свободно объединяться либо с темами рубрики Вселенная, либо с темами рубрики Общество (с первыми преимущественно они связываются при помощи отношения параллелизма — наследие психологического параллелизма фольклорной поэзии, со вторыми — преимущественно контрастно). Сочетание же тем из рубрик Вселенная и Общество встречается сравнительно редко (только в так называемой философской лирике), еще реже в рамках лирического стихотворения связываются темы из всех трех подрубрик одновременно. Сказанное, разумеется, нуждается в значительной конкретизации; тематическая типология поэтических текстов обещает дать множество нетривиальных результатов.

Предложенная система тематической записи удобна только для бесфабульных стихотворений; в текстах, содержащих описания различных событий и ситуаций, элементарных тем может оказаться слишком много и запись их будет трудно обозримой и малоинформативной.

5.2. Нарративная структура. В области нарративной организации текста следует различать сюжет и фабулу. Нарративная структура есть конструкция, состоящая, по крайней мере, из двух "сцен" (о лингвистическом статусе понятия "сцена" см. Чейф, 1983; Филлмор, 1983), связанных отношениями логико-темпоральной выводимости (т.е. сцена, входящая в определенную нарративную структуру, либо является в ней исходной, либо связанной отношением следования с одной из предшествующих сцен). Фабула — это глубинная нарративная структура,

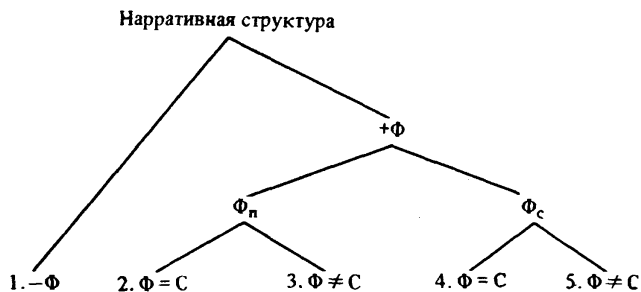

Рис. 18. Схема нарративных структур.

при которой порядок сцен определяется их временной последовательностью; сюжет является поверхностной структурой, связанной с фабулой системой трансформаций (см. рис. 18).

В какой мере все это релевантно для метрической семантики? В 3. было высказано предположение, что любой элемент стихотворной формы может коррелировать со смысловой организацией текста; не менее справедливым представляется и обратное. Однако, разумеется, не все составляющие содержательной стороны поэтического текста имеют равную тенденцию к формальной выраженности в области стихотворной техники. Так, в стихотворениях небольшого объема тематика играет большую роль при выборе формы. При этом лишь немногие характеристики нарративной структуры оказываются для стиховедческого анализа значимыми. По сути дела, их всего три: 1) наличие/отсутствие фабулы; 1) в случае наличия фабулы, ее простота или сложность (соответственно, Φ_n и Φ_c) и 3) соответствие или несоответствие сюжета фабуле (соответственно $\Phi=C$ и $\Phi \neq C$).

В обследованном нами материале длинные и средние стихи встречались в каждом из выделенных типов, в то время как короткие стихи — только в 1. и 2. (т.е. в текстах со сложной фабулой или со сложными сюжетно-фабульными отношениями короткие стихи отсутствовали). Под простым сюжетом (или фабулой) понимается такой, который состоит из одной лишь сюжетной линии.

Теперь об обозначениях. Данные о нарративной структуре записываются перед информацией, касающейся тематики, и отделяются от нее знаком сложения (+). При этом отсутствие фабулы (тип 1) не обозначается никак, тип 2 записывается как С, тип 3 — как $\Phi \neq C$, тип 4 — Φ_c и тип 5 — $\Phi=C_c$. Например, информация о нарративной и тематической структуре стихотворения "Свобода и неволя" может быть представлена следующим образом:

$\Phi \neq C + \text{Свобода} - (\text{Неволя}/\text{"Любовь"})$

5.3. Риторическая структура текста. При актуализации знаковой системы часто имеет место так называемая транспозиция значений, в результате которой значащие элементы и конструкции приобретают "переносное" значение. Роль транспозиции особенно велика

в художественных текстах, где эстетическую значимость могут приобретать нейтральные в обыденной речи формы транспозиции и где, кроме того, вырабатываются свои специфические формы транспозиции — тропы.

Хотя в поэтическом тексте могут встречаться различные типы тропов, часто один из них является доминирующим, характеризующим строение не какого-то локального образа, а текста в целом. Так, нередко поэтический текст строится как одна развернутая метафора (причем в процессе ее развертывания могут быть использованы и другие виды тропов), реже — метонимия (такая организация текста разрабатывалась Б. Пастернаком) и др.

Этот аспект организации текста мы, с некоторой степенью условности, и назвали его риторической структурой. Мы будем рассматривать четыре типа тропов: сравнение (Ср), метонимию (Мн), метаформу (Мф) и аллгорию (Ал). В трактовке этих терминов мы следуем, по возможности, сложившейся традиции; троп понимается как определенное отношение (функция) между двумя значащими конструкциями (поэтому мы не рассматриваем в качестве тропов, например, иронию, литоту или гиперболу — последние либо не предполагают двойной знаковости, либо сводятся к сравнению).

Информация, касающаяся риторической структуры, записывается перед сведениями о нарративной структуре и отделяется от нее знаком "+". Например, "Свобода и неволя" А. А. Фета:

Ал+Ф≠С+Свобода — (Неволя/"Любовь")

Как и в случае с нарративной структурой, отсутствию пронизывающей весь текст риторической организации, подчиняющей себе фигуры локальной образности, соответствует отсутствие специальной записи.

5.4. Жанр — наиболее тесно связанная со стихотворной формой характеристика поэтического текста; установление жанровых тяготений составляет обычно основу исследования семантического ореола некоторого размера. Однако само понятие жанра не является достаточно определенным и при неаккуратном использовании таит в себе опасность маскировки проблемы удобным термином.

Жанровые характеристики мы будем записывать перед данными, отражающими риторическую структуру текста; в случае, если текст входит в различные жанровые классы, названия их даются через двоеточие, причем порядок их следования отражает значимость соответствующих жанровых характеристик. Так, пушкинские "Цыганы" — ПОЭМА:ДРАМА, а "Сцена из Фауста" — ОТРЫВОК:ДРАМА, где ОТРЫВОК — лирический жанр (в обоих случаях именно "основной" жанр диктует выбор размера: Я4 в драматических жанрах не употребителен).

5.5. Коммуникативная перспектива текста. В смысловой структуре текста могут быть выделены два плана: информативный (так для удобства мы будем называть референциальный образ модельного значения, см. 2,1) и коммуникативный; соотношение этих планов определяет коммуникативную перспективу текста (КПТ). Мы рассмотрим лишь один из аспектов КПТ: соотношение персо-

нажей информативного плана с зафиксированными в тексте участниками коммуникативной ситуации, предполагаемой этим текстом. Структура коммуникативного плана лирического стихотворения была предметом специального исследования Ю.И. Левина (Левин, 1973), на результаты которого мы будем опираться.

Поскольку структура информативного плана может быть представлена в виде ситуации или последовательности ситуаций, входящие в них персонажи могут быть интерпретированы в терминах так называемых глубинных падежей или семантических ролей (см. Филлмор, 1968, 1977). Мы используем только три падежа: А (агнс) для обозначения основного персонажа, воплощающего активное начало; П (пациенс) для обозначения сюжетно-пассивного основного персонажа и О (объект) для обозначения второстепенных персонажей всех типов⁸. К этим стандартным падежам мы добавляем Н (наблюдатель) для обозначения персонажа, не включенного в действие, но являющегося его свидетелем (например, "действие" может разыгрываться в его воображении).

Система семантических падежей определенным образом взаимодействует с персонажами коммуникативного плана, представляемыми местоимениями первого, второго и третьего лица. Как указывает Ю.И. Левин, для лирических произведений характерна повышенная коммуникативность, т.е. стремление соотнести любой изображаемый объект ("сюжет") с коммуникативной ситуацией. Поэтому местоимения (и другие дейктические знаки) в тексте могут и не обозначать реальных участников коммуникативного акта. Мы выделяем реальное, риторическое и фиктивное употребление местоимений. Часты случаи, когда персонажу коммуникативного плана соответствует отсутствие падежной функции в плане информативном (такие фиктивные персонажи особенно часто манифестируются формами множественного числа, ср.: "Не то, что мните вы, природа..." Тютчева или "О, как мы любим лицемерить..." Мандельштама; произвольность формы лица проявляется и в том, что в стихотворении Тютчева форма второго лица, приобретя значение агенса в III строфе, переходит в форму третьего лица, т.е. вы=они, а у Мандельштама во II строфе я явно не входит в мы I строфы).

Форма I л. может выражать любую из падежных функций, однако в лирике I л. в функции объекта (обозначается 10) практически не встречается (в качестве примера текста, содержащего 10, может быть приведен "Евгений Онегин"), I л. может также выражать персонаж, характеризуемый двумя падежными функциями одновременно: агенса и наблюдателя (АН) или пациенса и наблюдателя (ПН), например, 1ПН в "Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты..." — в I стихе я — Н, во II — П. Форма второго лица выражает, как правило, А или П, а форма 3-го лица — А, П или О.

Приведем некоторые примеры. "Я вас любил..." Пушкина — 1-е лицо — агнс, второе пациенс (1А2П); "Что в имени тебе моем..." Пушкина — 1П2А; "Он между нами жил..." Пушкина — 1Н2р3А (2р — "2-е лицо — риторическое" — ср. последние стихи стихотворения); "Современная ода" Некрасова — 1Н2А, "Новости" Некра-

сова — 1Н3А и т.д. Некоторые жанровые образования предполагают определенную КПТ, таковы, например, послание (письмо), дневник (ср. "Год в монастыре" Апухтина), исповедь и некоторые другие.

Типология поэтических текстов, с точки зрения их коммуникативной перспективы, может быть представлена следующим образом:

1. Тексты без постоянной коммуникативной перспективы;

1.1. КПТ урегулирована (например, амебейные композиции, диалог и т.п.); обозначение — У: (далее — характер урегулированности);

1.2. КПТ неурегулирована; обозначение — НУ;

2. Тексты с постоянной коммуникативной перспективой;

2.1. Безличные (персонажи отсутствуют как в информативном, так и в коммуникативном плане текста); обозначение — \emptyset ;

2.2. Объективные (повествование от 3-го лица, участники коммуникативного акта в тексте не представлены); обозначение $\emptyset A$ или $\emptyset П$ (в зависимости от падежной функции, занимаемой персонажем);

2.3. Коммуникативные (в тексте манифестированы участники коммуникативного акта, но персонажи информативного плана отсутствуют);

2.3.1. Выражено только 1 л. — 1 \emptyset (например, "Когда для смертного умолкнет шумный день..." Пушкина);

2.3.2. Выражено только 2 л. — 2 \emptyset (встречается преимущественно в эпиграмах; ср. также "Русской женщине" Тютчева);

2.3.3. Выражено и 1, и 2 л. — 1 \emptyset 2 \emptyset (например, "Ты и я" Пушкина);

2.4. Объективно-коммуникативные: персонажи информативного плана не соотносятся с представленными в тексте участниками коммуникативного плана;

2.4.1. Повествование от 1 л., не участвующего в описываемых ситуациях, например, "Отрывки из путевых записок графа Гаранского" Некрасова — 1Н: $\emptyset O$;

2.4.2. Манифестирован адресат сообщения и его объект (в 3 л.) — "Письмо о пользе стекла" Ломоносова — 1 \emptyset : $\emptyset O$;

2.4.3. 1Н2 \emptyset : $\emptyset O$ — "Послание Дельвигу" Пушкина;

2.5. Субъективно-коммуникативные: по крайней мере один из персонажей информативного плана выражается местоимением 1-го или 2-го лица;

2.5.1. 1А (как правило, трудно отличимо от 1АН): "Я мечтою ловил уходящие тени..." Бальмонта; (сюда же отнесем 1А3О);

2.5.2. 2А (сюда же отнесем тип 2А3О): "Ты просвещением свой разум осветил..." Пушкина;

2.5.3. 1Н2А (также 1Н2А3О): "Я был свидетелем златой твоей весны..." Пушкина;

2.5.4. 1Н3А: "Он между нами жил..." Пушкина;

2.5.5. 2Н (также 2Н3А, 2Н3О и др.): "Буря" ("Ты видел деву на скале...") Пушкина;

2.5.6. 1А2Н: "В мои осенние досуги..." Пушкина;

2.5.7. 1А2П: "Я вас любил..." Пушкина; (также 1А2П3О);

2.5.8. 1П2А: "Что в имени тебе моем..." Пушкина; (также 1П2А3О).

В этом списке не учитываются модификации каждого типа, достигаемые за счет введения фиктивных персонажей и риторических

фигур (например, 2р в "Он между нами жил..." или 1р в "Буре" и т.д.).

Приведенная типология представляет собой лишь первое приближение к разработке систематики КПТ. Так, в уточнении несомненно нуждается тип 1.2 и, возможно, некоторые другие.

КПТ, как уже указывалось, бывает тесно связана с жанровыми характеристиками текста. Более сложен вопрос о связи КПТ с метрикой, однако некоторые предварительные замечания могут быть сделаны. Так, тип 1.1 тяготеет к урегулированной неравномерности и сложным строфическим моделям (например, строфа — антистрофа и т.п.). Наиболее сложные и разнообразные типы КПТ встречаются в средних стихах, в то время как короткие и длинные тяготеют к более простым коммуникативным структурам (сказанное касается именно КПТ, персонажей информативного плана в длинных стихах не меньше, чем в средних и, как правило, больше, чем в коротких). КЛ размеры легче допускают сложные КПТ, чем НКЛ. Возможно, причина этих закономерностей одна и та же: чем более разработан поэтической традицией размер, чем он привычнее, тем более часто он сочетается со сложными типами КПТ. Разумеется, связь эта далеко не автоматическая и прямолинейная — учету должен подлежать целый ряд дополнительных факторов: длина текста, его нарративная структура, жанровые характеристики и т.д.

Данные, касающиеся КПТ, записываются после представления тематической структуры и отделяются от нее знаком "+".

5.6. Модальность может рассматриваться не только как грамматическая категория глагола или предложения, но и как семантическая характеристика любого фрагмента текста и всего текста в целом. При описании семантики русской поэзии XIX в. имеет смысл различать следующие модальности (поскольку наша трактовка не отклоняется от традиционной, мы не будем останавливаться на характеристиках отдельных модальностей):

1. Нейтральная.	4. Побудительная (Пре).
2. Желательная (Опт).	5. Условная (Кон).
3. Вопросительная (Инт).	6. Ирреальная (Ирр).

Другие виды модальности (например, гипотетическая) не играют существенной роли (в отличие от научных текстов); в случае необходимости список модальностей может быть дополнен.

Текст может характеризоваться несколькими модальностями одновременно. Так, "Если ты любишь, как я, бесконечно..." Фета характеризуется одновременно желательной, побудительной и условной модальностью; запись — Опт:Пре:Кон. Если различные фрагменты текста имеют различные модальные характеристики, то они разделяются знаком "/". Отсутствие записи означает нейтральную модальность.

5.7. Аксиологическая и эмоциональная структура текста. Аксиологические характеристики, содержащиеся в тексте, тесно связаны с его модальной структурой (так, желательная модальность обычно подразумевает положительную оценку соответствующего явления

и т.п.), а также с его эмоциональной структурой (положительно оцениваемое явление вызывает обычно положительные эмоции и т.п.). Однако соответствующие разграничения необходимы, так как связь эта бывает далеко не прямолинейной.

Возможные аксиологические характеристики имеет смысл представить в виде шкалы оценок с полюсами "крайне отрицательное" и "крайне положительное". Такая "ценностей незыблемая скала" (Мандельштам) может тесно коррелировать с жанровой, тематической и метрической структурой текста (ср. концепцию трех штилей Ломоносова). Наибольший интерес представляет конфронтация различных аксиологических система, например внутрискладовой и "общепринятой" (ср. "демонизм" романтиков и т.п.), или автора и персонажа, различных персонажей и т.п. Так, в пушкинском "Ты просвещением свой разум осветил..." речь идет как будто о положительных явлениях ("ты мудро... нежно"), однако имплицитная авторская оценка явно резко отрицательная. В таких случаях мы предлагаем фиксировать только окончательную — авторскую — оценку (фиксация различных оценок и соотношения между ними неоправданно загромодило бы запись) и делать соответствующую корректировку в записи эмоциональной структуры (в данном случае это "сарказм").

Эмоциональная структура включает целый ряд показателей: шкала эмоциональных оценок (восторг, доброжелательность, ирония, сарказм, отчаяние...), свой — чужой, обычный — необычный и т.п. Мы оставляем этот список открытым и при записи даем название соответствующей характеристики целиком. Отметки об аксиологической и эмоциональной структуре приводятся в конце записи, после информации о модальной структуре. Отсутствие записи означает нейтральную оценку.

6. Межуровневые связи. Предложенная в пп. 5.1. — 5.7. система кодирования смысловой структуры должна быть сопоставлена с метрической типологией, описанной в 3. Каждому стихотворному тексту может быть поставлено в соответствие дробное выражение, числитель которого содержит информацию о его смысловой, а знаменатель — метрической структуре.

Узкая задача исследования заключается в установлении, какие элементы стихотворной формы и смысловой структуры обнаруживают тенденцию к корреляции, а какие сочетаются свободно в творчестве определенного поэта, поэзии определенного направления, периода и т.д. Однако приведенная система записи позволяет, думается, и осуществление исследований, имеющих гораздо более важное значение. Анализ корреляции всех пар признаков (разумеется, такой анализ целесообразно проводить при использовании современной вычислительной техники) дает возможность со значительно большей точностью описывать различные поэтические системы и их типологию. По сути дела такой анализ является важным шагом в направлении комплексного исследования произведений литературы, которое иногда противопоставляется структурализму.

7. Заключительные замечания. Предложенная типология позволя-

ет формализовать значительный фрагмент семантики поэтического текста и соотнести его со структурой стихотворной формы этого текста. Такое соотнесение дает возможность комплексного подойти к проблеме "стих и смысл" — одной из основных в современном стиховедении.

Однако некоторые важные вопросы должны еще стать предметом специального рассмотрения. Одной из таких проблем является соотношение семантической композиции с метрической (особая роль принадлежит здесь начальным и конечным стихам, отклонения которых от метрической структуры остального текста выполняет часто автономную функцию, см., например, "На смерть Шевченко" Некрасова и т.д.). Сюда же относятся семантические аспекты проблемы полиметрических композиций. Также неучтенными оказались синестетические аспекты метрической семантики и, в отличие от предыдущего случая, неясно еще, следует ли их рассматривать в одном ряду с другими семантическими явлениями.

* * *

Автор глубоко признателен М.Л. Гаспарову, Ю.М. Лотману, З.Г. Минцу и С.А. Шахвердову, советы и замечания которых оказали неоценимую помощь в работе над настоящей статьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В употреблении терминов "метр", "размер", "разновидность размера", "семантический ореол", "семантическая окраска" и некоторых других мы следуем здесь М.Л. Гаспарову.

² Разумеется, указанная "дисгармония" может быть и эстетически мотивированной.

³ Как бы мы ни оценивали семантические взгляды Ломоносова, его собственная поэтическая система строилась в соответствии с ними. Причем речь идет не только о такой сравнительно простой вещи, как использование определенных метрических и строфических моделей. Как недавно показал Г. Хетсо, даже фонетическая структура стиха, синестетическое значение которой, как правило, остается за порогом осознанного восприятия, подчиняется у Ломоносова им же сформулированным принципам (Хетсо, 1974).

⁴ Ср. в этой связи также концепцию дескриптивной метрики, предложенную С.И. Гиндиным (Гиндин, 1970); можно лишь сожалеть, что эта концепция — как и ряд других плодотворных стиховедческих идей С.И. Гиндина — не получила еще практического развития.

⁵ Хотя предпосылки для этого были созданы еще в 1920-е годы С.П. Бобровым и О. Бриком (ср. Бобров, 1922; Брик, 1927), продолжение их идеи получили только в работах К.Ф. Тарановского и М.Л. Гаспарова.

⁶ Ср. пародийное использование этой формулы Некрасовым в "Дружеской переписке Москвы с Петербургом": "Ты знаешь град.. Ты знаешь град? — Туда, с тобой/ Хотел бы я укрыться, милый мой!" с воспроизведением строфической модели оригинала. Вообще пародии являются ценным источником для изучения формульности.

⁷ Сказанное имеет в виду ситуацию, сложившуюся в русской поэзии к концу XIX в. Для значительных периодов развития поэзии существовало разграничение поэтической и внепоэтической тематики, а объем поэтической тематики может служить важной характеристикой поэтической школы. Для русской поэзии XIX — нач. XX в. характерно экстенсивное развитие тематики; ср., с одной стороны, метафизическую поэтику Любомудров и Гютчева, гражданскую поэзию Некрасова и близких к нему литераторов, научную поэзию Брюсова, технологическую поэзию футуристов и т.д., а с другой стороны, поэтику повседневного у Пушкина или Некрасова, поэтику безобразного у футуристов и т.д.

⁸Разграничение второстепенных персонажей, имеющее важное значение для описания нерративной структуры, например фольклорных текстов (помощник, союзник, противник, агрессор и т.п.), с точки зрения типологии КПТ русской поэзии XIX в. оказывается излишним.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

АмЗ — трехстопный (трехиктный) амфибрахий;
Ам2жм — двустопный амфибрахий с чередованием женских и мужских клаузул;
ДкЗ — трехиктный дольник;
Х5 — пятистопный хорей;
Я4, Я5, Я6 — четырех-, пяти- и шестистопный ямб.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Баевский 1975 — *Баевский В.С.* Типология стиха русской лирической поэзии. Дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1975.
- Белый 1981 — *Белый А.* Ритм и смысл // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12.
- Бобров 1922 — *Бобров С.П.* Заимствования и влияние // Печать и революция. 1922. N 8.
- Брик 1927 — *Брик О.* Ритм и синтаксис // Новый Леп. 1927. N 3—6.
- Гаспаров 1973 — *Гаспаров М.Л.* К семантике дактилической рифмы в русском хорее // *Slavic poetics. The Hague; Paris, 1973.*
- Гаспаров 1974 — *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. М., 1974.
- Гаспаров 1979 — *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол метра: К семантике русского трехстопного ямба // *Лингвистика и поэтика. М., 1979.*
- Гаспаров 1982 — *Гаспаров М.Л.* Семантической ореол трехстопного амфибрахия // *Проблемы структурной лингвистики. — 1980. М., 1982.*
- Герхардт 1982 — *Gerhardt D.* Hyperdaktylischer Reim in Russischen // *Die Welt der Slaven, XXVII, No. 1.*
- Гиндин 1970 — *Гиндин С.И.* К основаниям дескриптивной метрики // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970.
- Григорьев 1979 — *Григорьев В.П.* Поэтика слова. М., 1979.
- Караулов 1976 — *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
- Касарес 1959 — *Casares J.* Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1959.
- Лаферрьер 1979 — *Laferrrière D.* Iambic versus trochaic: the case of Russian // *International review of Slavic linguistics. 1979. 4.*
- Левин 1973 — *Левин Ю.И.* Лирика с коммуникативной точки зрения // *Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.*
- Лотман 1974 — *Лотман М.Ю.* О взаимодействии естественного языка и метрики в механизме стиха // *Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, I (5).*
- Лотман 1982 — *Лотман М.Ю.* Учебный материал по анализу поэтических текстов / Сост. и прим. М.Ю. Лотмана. Таллин, 1982.
- Лотман, Шахвердов 1979 — *Лотман М.Ю., Шахвердов* Метрика и строфика А.С. Пушкина // *Русское стихосложение XIX века. М., 1979.*
- Мерлин 1979 — *Мерлин В.В.* Семантические традиции трехстопного амфибрахия в творчестве А. Гребнева // *Литература и фольклор Урала. Пермь, 1979.*
- Ранганатан 1970 — *Ранганатан Ш.Р.* Классификация двосточием: Основная классификация. М., 1970.
- Ревзин 1977 — *Ревзин И.И.* Современная структурная лингвистика. М., 1977.
- Рейсер 1959 — *Рейсер С.А.* Вольная русская поэзия второй половины XIX века // *Вольная русская поэзия второй половины XIX века. М., 1959.*
- Руднев 1982 — *Руднев В.П.* История русской метрики XIX — начала XX в., в свете проблемы "литература и культурология" // *Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1982.*
- Тарановский 1963 — *Тарановский К.Ф.* О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // *American contributions to the 5th international congress of slavists. S. 1963.*

- Тарановский 1966 — *Тарановский К.Ф.* Четырехстопный ямб Андрея Белого // International journal of Slavic linguistics and poetics, X, 1966.
- Тарлинская 1981 — *Тарлинская М.* Ритмическая дифференциация персонажей драм Шекспира // Шекспировские чтения. 1978. М., 1981.
- Томашевский 1959 — *Томашевский Б.В.* Стих и язык. М.; Л., 1959.
- Филлмор 1983 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. X.
- Харкинс 1963 — *Харкинс В.* О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе // American contributions to the fifth international congress of slavists. S. 1963.
- Хетсо 1974 — *Kjetsaa G.* Lomonosov's sound characteristics // Scando-slavica, T. XX, Copenhagen.
- Холлэндер 1960 — *Hollander J.* The metrical emblem // Style and language. Cambridge (Mass.), 1960.
- Чейф 1983 — *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып., XII. М., 1983.
- Якобсон 1923 — *Якобсон Р.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин; М., 1923.
- Ярхо и др. 1934 — *Ярхо Б.И., Романович И.К., Лапшина Н.В.* Метрический справочник к стихотворениям Пушкина. М., 1934.

Вяч.Вс. ИВАНОВ

НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИЕЙ ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ТОНА И УДАРЕНИЯ В ХЕТТСКОМ

В предшествующем сообщении (Иванов 1982) речь шла о тех способах, которые применялись в архаическом клинописном письме древнехеттского и новохеттского периода для передачи акцентологических явлений, которые могут быть описаны либо как тон (что возможно, если, как полагают некоторые ученые, и аналогичные приемы в старовавилонском письме служили для передачи тона), либо как ударение (Nart 1980; Sarruba 1981). Эти способы заключаются в повторении звука, служащего для обозначения гласного, уже выраженного в предшествующем слоге, передающем открытый слог (напр., *we-e-* в окончании 1 л. мн. *r-we-e-ni*) или знака для гласного, уже выраженного в последующем слоге, передающем закрытый слог (напр. *e-eš-* в *e-eš-du* 'да будет'). В принципе такой способ (*scriptio plena*, *Pleneschreibung*, *plene-writing*) в клинописи мог использоваться и для передачи долготы гласного, что представляется вероятным в таких хеттских формах, как им.-вин. п. мн.ч. ср.р. *ud-da-a-ar* 'слова': им.-вин. п. ед.ч. *ud-dar* 'слово', где можно видеть рефлекс древней долгой ступени типа архаического собирательного: греч. ὕδωρ 'вода', тох. А *yiār* 'дорога' < **iōr* (ср. лат. *iter*, хет. *i-tar* с другой огласовкой того же суффикса), ср. Иванов 1963, с. 67—68, 97; 1965, с. 23. Поэтому высказывается и альтернативное предположение, по которому "полное" (*plene*) написание гласных в хеттском обозначает долготу, но такую, которая зависит от ударения или является результатом удлинения

ударных гласных (Kimball 1986). С фонологической точки зрения существенно не то, связаны ли между собой два передаваемых качества (долгота и ударность), а то, какое из них является основным. В пользу того, что основным средством была не долгота, а акцент, говорит отсутствие полных написаний с дополнительными знаками для гласных у энклитик: во всех древних текстах (а по традиции и в среднехеттских и новохеттских) энклитические частицы передаются без полных написаний гласных. Но в связи с этим возникает следующий вопрос: нельзя ли было бы считать, что отсутствие полного написания у энклитик означало не просто их безударность, а наличие у них такого особого тона, который был присущ безударным слогам? В пользу этого предположения оказывается возможным привести некоторые данные.

Отсутствие полных написаний характеризует также и древние глаголы атематического типа на *-mi* (Kimball 1986) в том случае, если корни (или древние основы, ставшие в хеттском неразложимыми) у этих глаголов относятся к типу "тяжелых", т.е. содержат сочетание (обычно *r*) с последующим шумным (смычным, спирантом *š* и спирантом *h*, восходящим к индоевропейскому "ларингальному"). Давно была замечена фонологическая особенность корней этого типа в хеттском: при последующем шумном (т.е. в собственнотяжелых корнях) в них возможна только огласовка *a* (Kurųłowicz 1958; Иванов 1963). Теперь выясняется, что по акцентуации атематические глаголы спряжения на *-mi* с корнями этого типа не отличаются от энклитик.

Хет. *ḫark-* 'погибать' выступает в форме 3 л. ед.ч. наст.вр. *ḫar-ak-zi* в текстах Хеттских законов, написанных древним дуктом (КВо VI 2 II 23, IV 2,54; VI 2+KUB XIX 1 II 16 с поврежденным последним знаком); форма 3 л. ед.ч. повел.накл. *ḫar-ak-tu-* в хеттолувийском ритуале KUB XXXV 106 Verso 7. Формы, подобные приведенным древнехеттским, встречаются и в среднехеттских копиях тех же законов (*ḫar-ak-zi*: КВо VI 6 II 37 и в частично фрагментированном или поврежденном виде там же II 43, 47; III, 74; IV, 53) и в среднехеттском ритуале (*ḫar-ak-du*: КВо XV 10 III 58), ср. Kimball 1986, с.84—85. Распространено также написание формы 3 л. ед.ч. прош.вр. *ḫar-ak-ta* (Oettinger 1979, с. 9), для которой предлагается отождествление с др.-ирл. *ort* < **orch*t < **Horg-t* (см. об истории древнеирландской формы Thurneysen 1946, с. 112, § 180); Brugmann 1916, с. 93; Иванов 1965, с. 59—60), поддержанное тождеством сочетания с превербом: хет. *para ḫarkta* = др.-ирл. 3 л. ед. ч: прош. вр. *ro-ort*, *ro-hort* < **prō Horg-t* (ирландская форма, где *h-* в анлауте стал обозначаться после реформы орфографии только в конце позднеирландского периода, Thurneysen 1907; Thurneysen 1946, с. 20, 111, 150; Mc Cone 1979, с. 3, 5, может сохранять след индоевропейского ларингального, если *h-* существовало и тогда, когда по старой орфографии его не обозначали, ср. Иванов 1981, с. 41); ср. возможность также отождествлять целый фрагмент, содержащий форму 3 л. ед. ч. наст. вр. хет. *nu ḫarkzi* = др.-ирл. *na n-oīrg*, < **nu Horg-ti*: Watkins 1962, с. 14—15, Иванов 1965, с. 62. Заметим, что

поведение глаголов в сочетании с проклитиками: др.-ирл. *ro(h)ort, n-oirg* < **pro Horg-to, *nu-Horgti* не противоречило бы предположению о проклитически-энклитическом характере обоих слов в этих сочетаниях, который предполагал бы, что их акцент мог быть аналогичен хет. *para harkta* (с вероятным единым ударением), *ni Harkta* (с вероятным акцентуационным объединением судя по ряду архаических написаний других глаголов в соединении с предшествующим начальным *ni*). Одной из гипотетических возможностей, которые можно было бы учесть для объяснения архаических форм с глаголом *hark-* могло бы явиться допущение, по которому частое использование в подобных сочетаниях, чья древность удостоверяется сравнением с древнеирландским, привело к безударности глагола, но заметим, что в хеттском подобное объяснение годится только для глаголов с данной морфонологической структурой. Как мы увидим ниже, глаголы с другим строением корня в сочетании с энклитиками и проклитиками ведут себя иначе.

Частично омографичный рассмотренному глагол *hark-/har-* (с поздней потерей *-k-* в части форм перед следующими согласным на морфемном шве) 'иметь, держать' в древнехеттских текстах засвидетельствован в формах наст. вр.: 1 л. ед. ч. *har-mi* (ритуал царской четы КВо XVII 1 I 7, III 24, IV 27 дважды, КВо XVII 3, IV 24, 33; КВо XVII 6 II 4 дважды, III 6, 20; КВо XIX 1 II 26; KUB XLIII 34 III 4), 2 л. ед. ч. *har-si* (в древнехеттских частях хаттско-хеттских двуязычных текстов о языке богов и языке людей: KUB XXXI 143 I 21; KUB XXXI 143a I 4), 3 л. ед. ч. *har-zi* (в ритуале царской четы КВо XVII 1 I 33, II 42, в хеттских законах КВо VI 2 II 25, 28, 43) ср. Kimball 1986, с. 84; в прош. вр. 3 л. ед. ч. *har-ta* (в документе Телепинуса § 26 II 27—28: *nu-uš pa-an-ku-uš pa-ra-a hi-in-ga-ni har-ta* 'и их собрание держало осужденных на смертную казнь' ср. о хеттском собрании — *pankuš* и его функциях Иванов 1957—1958, Beckman 1982; Мога 1983), повел. накл. 2 л. ед. ч. *har-te-in* (KUB XXXVI 114+XXI 25 I 52 след., ср. Beckman 1982, с. 436, примеч. 21, словоупотребление, полностью аналогичное предшествующей цитате: глагол *hark-* использован в обращении к "собранным" вместе — *panku* — жителям Хаттусаса, которых призывают "держать" как можно более прочно то дело, о котором идет речь; из этих и других подобных контекстов следует, что глагол *hark-* имел в древности определенное юридически-ритуальное значение, связанное, в частности, с функционированием хеттского государственного собрания). В относительно небольшом числе древнехеттских контекстов (ср. Oettinger 1979, с. 191) глагол выступает в функции служебного в составе аналитического посесивного перфекта (напр. *tup-pi ha-az-zi-an har-zi* 'он написал таблицу', КВо XXII 1 Rs. 23'), что теоретически могло бы способствовать безударности *hark-*, но это объяснение не годится для большинства случаев, где сохраняется исходное значение 'держать'. Древность его видна из сравнения с лат. *arceo* 'содержу, сдерживаю' (ср. также греч. ἀρχέω 'отвращаю, отклоняю'; Watkins 1970; часто повторяемое, ср. Kimball 1986, с. 85, сравнение с арм. *argel* 'помеха', предполагающее для греческо-армянского особое семан-

тическое развитие, проблематично с фонетической стороны, поскольку в древнеармянском отсутствует рефлекс начального ларингального). В особенности примечательно тождество хет. *pe hark-* 'предоставить' (ср. в новохеттском: *nu URU Hattuši GĒSTIN-an arke-manni pe harkir-* 'и они предоставили вино в качестве дани городу Хаттусасу'), 'держать' (в архаичных текстах возможен и тмезис, т.е. порядок слов с разъединением преверба и глагола при этом значении: *pe-pat harkanzi* 'они держат', АВоТ 25 I 26 — ритуал рождения) и лат. *porceo* 'держу, удерживаю' < **pe Hork-* (Bader 1973). Как и по отношению к омографичному глаголу *hark-* 'гибнуть' рассмотренному выше, безударности могло способствовать вхождение в сочетание с проклитикой **pe* и позднее в формы аналитического перфекта. Но эта особенность глагола древнее утраты в части форм конечного *-k-*, т.к. глагол ведет себя как имеющий "тяжелый" корень. Между тем утрата *-k-* на морфемном шве осуществилась еще в доисторический период (предположение о воздействии и в этом случае перифрастического перфекта, Eichner 1975, с. 89—90 со ссылкой на идею Каугилла, маловероятно из-за сравнительно поздней относительной хронологии последнего).

Глагол *ištark-* 'болеть' регулярно выступает в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *iš-tar-ak-zi* (КВо XI 74 Verso III 4, КВо XII 1001, КВо XXI 20 recto I 13), прош. вр. *iš-tar-ak-ta* (KUB XIV 15 II 6). Хотя большинство текстов, где эти формы встречаются, носят более новый характер, тем не менее синтаксический архаизм обнаруживаемых в них конструкций (Иванов, 1981, с. 117) позволяет полагать, что в основе текстов лежит более ранняя традиция. В балтийском засвидетельствован глагол (ст.-лит. *sérgti* 'сторожит'), формально соответствующий хеттскому и указывающий для хеттского и балтийского на праформу **s(t)érg-ti*, **s(t)org-ti*, с которой в конечном счете связаны также лит. *sergú* 'болею', латыш. *sērgu* 'болею', ст.-слав. СТРБГЖ (с переходом в тематический тип), тох. А. *sārk-* 'болезнь', др.-ирл. *seure*, ср. греч. *στέρω* 'люблю' (Иванов 1981, с. 115; Puhvel 1984, с. 477).

Глагол *tarku-* [tarkw] 'поворачиваться, танцевать' в древнехеттском имеет формы 3 л. ед. ч. наст. вр. *tar-u* [k-zi] КВо XVII 44+I 22', *tar-*] *uk-zi* КВо XVII 42 5' (Oettinger 1979, с. 224) с точно таким чередованием, как в формах *eku-* [ekw] *e-uk-ti* при *e-ku-zi* (ср. Puhvel 1984, с. 262); иначе говоря слог *-uk-* здесь передает фонему [kw] в других случаях (как это обычно в новохеттской графике) обозначаемую слогом *-ku-*. Для *tarku-* предложено семантически и фонетически удачное сравнение с лат. *torquere* 'поворачивать' (из древнего атематического презенса: Oettinger 1979, с. 226); если др.-инд. *tarkú-* 'веретено' и принадлежит к этому корню, то суффикс *-ú-* в нем не может быть прямо соотнесен с хеттским исходом основы, хотя не исключено, что в древнеиндийском могли отразиться древние диалектные колебания между лабиовелярным и сочетанием велярного с **-u-*. Отчасти сходной с написанием типа *tar-uk-zi* является предполагаемая древнехеттская графическая передача *tar-uḫ-zi* (Kimball 1986, с. 86, но ср. *ta-ru-uḫ-zi* КВо VI 2 II 58', Oettinger 1979,

с. 220, ср. ср.-хет. *tar-hu-uz-zi*, KUB XVII 10 Ш 33) предполагаемая для глагола [tarh*] 'побеждать', который скорее всего и исторической точки зрения следует понимать как имеющий суффикс *-u/-w-, ср. индо-иранские формы типа др.-инд. *tīr-v-a*, соответствующие хет. *tarhiuu-a-* и т.п. (Иванов 1965, с. 106). Непроизводный глагол, соответствующий др.-инд. вед. *tīr-ná*, -*tur* (в сложных словах), *tīr* 'побеждать' (инфин.), *tarh-* 'побеждать' в древнехеттском передается посредством написаний ед. ч. наст. вр. 1 л. *tar-aḥ-mi*, 2 л. *tar-aḥ-ši*; для 3 л. известна среднехеттская форма *tar-aḥ-zi* (Oettinger 1979, с. 220), которую приводят и как древнехеттскую (Kimball 1986, с. 86). Такое же отсутствие полных написаний обнаруживается и в др.-хет. прош. вр. ед. ч. 1 л. *tar-hu-un*, 3 л. *tar-aḥ-ta*, мн. ч. 1 л. *tar-hu-en* (КВо III 41+recto 19, весьма архаичный фрагмент, описывающий войну с хурритами в мифологическом духе).

Глагол *parh-* 'гнать, нападать' в среднехеттском выступает в форме 3 л. ед. ч. *pár-aḥ-zi* (КВо XVI 47 Vs. 18, государственный договор); сопоставление с др.-инд. *bhur-* (Oettinger 1979, с. 214) остается гадательным, как и другие этимологии, предлагавшиеся ранее.

Так же, как и глаголы с собственно тяжелыми корнями и с корнями, кончающимися сочетаниями сонанта с древним ларингальным, в древнехеттской (и среднехеттской) графике отражаются и глаголы с корнями, где за сонантом следует спирант -š- (который в большинстве случаев может быть древним основообразующим суффиксом, позднее сросшимся с корнем): ср. 3 л. ед. ч. наст. вр. *ar-aš-zi* 'течет' (основа *arš-* < **or-s*/**er-s*-, реконструируется для праязыка, по-видимому, с суффиксальной функцией суффикса, хотя и в др.-инд. *ar-s-* 'быстро двигаться, течь' суффикс выделяется только при историческом анализе, Иванов 1965, с. 163—164); нас. вр. ед. ч. 1 л. *kar-aš-mi* 'режу' (архаический строительный ритуал KUB XXIX 1 I 36), 2 л. *kar-aš-ti* (исторические фрагменты начала новохеттской поры: КВо XII 30 II 1) 3 л. *kar-aš-zi* (Хеттские законы: КВо VI 3 IV 18, КВо VI 2 IV 22; KUB VII 41 Vs 25), прош. вр. ед. ч. 1 л. *kar-šu-un* (среднехеттская молитва Кантуцилиса, KUB XXX 10 recto 15'), 3 л. *kar-aš-ta* (1-я версия мифа о Телепинусе, KUB XVII 10 II 6), повел. накл. 2 л. ед. ч. *kar-aš* (по-видимому, односложная форма [kars], строительный ритуал KUB XXIX 1 I 37), 3 л. ед. ч. *kar-aš-du* (повесть о Цальке, КВо III 38 recto 30'; ритуал очищения KUB VII 41 Vs 27), где выделение суф. -s- вероятно благодаря сравнению с греч. κορῆ < *корсḗ 'резка', сигматический аорист ἔκερσε 'отрезал' тох. А. *kārst-* (ср. Kimball 1986, с. 85; Oettinger 1979, с. 200—201); *har-aš-zi* 'взрыхлять, пропахать' (миф об исчезновении и возвращении Бога Солнца VBoT 58 I 30), либо содержащее суф. -s-, присоединенный к основе типа лит. *árti* 'пахать', либо заимствованное из семитского (см. Гамкрелидзе-Иванов 1984, II, с. 689—609). Существенно то, что подобного типа написания у основ этого типа в древнехеттском встречаются и у "стативных" (медиопассивных) глаголов: 1 л. ед. ч. *pár-aš-ḥa*, *pár-aš-ḥa-ri* (Oettinger 1979, с. 518).

Интересно и наличие глаголов с гласным *u*, имеющих такие же написания: наст. вр. 1 л. ед. ч. *gul-aš-mi* 'пишу, царапаю' (ритуал КВо XV 25 verso 31, 3) 3 л. [gu] *l-aš-zi* (там же, verso 21), прош. вр. 3 л. *gul-aš-ta* (перевод гимна Ададу КВо III 21 II 4; молитва Кантуцилиса KUB XXX 10 verso 20, среднехеттский период); отметим также форму 3 л. ед. ч. *kur-ak-zi* 'сохраняет, хранит', показывающую аналогичную трактовку глагола с гласным *u*.

Следовательно, тяжелые корни (с исходом на сонант и смычный) и корни с исходом на сонант и спираント (-*s*- и -*h*-) в данном типе глаголов могут иметь кроме корневого гласного *a* также и корневой гласный *u*.

Помимо рассмотренного типа, выявленного уже Кимбалл (хотя в ее опубликованной работе приведен совершенно недостаточный и случайный по характеру материал), к тому же типу примыкает и некоторые другие глаголы атематического спряжения на -*mi* с односложными корнями: ед. ч. 2 л. *e-uk-ši* (КВо XXII 1 Verso 28'), 3 л. *e-uk-zi* (KUB XX 53 V 6', ритуал жертвоприношений), *e-ku-zi*, (ритуал царской четы) т.е. два альтернативных способа передачи [ek^wzi], Иванов 1981, с. 11; гипотеза о произнесении долгого *ē* в этом слове (Oettinger 1979, с. 87) и о его параллельности другим глаголам, в которых есть полное написание, никак не подтверждается данными хеттской графики. Особенно любопытно то, что этот глагол резко отличается от глагола *ed-* 'есть', с которым по семантическим причинам очень часто сочетается в одних и тех же контекстах. Иначе говоря отсутствие полных написаний (у *eku-/aku-* 'пить') и их наличие (у *ed-/ad-* 'есть') не определяется целиком морфологической структурой корня и типом спряжения глагола, как полагала Кимбалл, а должно определяться еще некоторыми дополнительными факторами.

Поскольку во всех приведенных случаях сходство с характером передачи энклитики обнаруживается у написаний глагольных словоформ, первым и наиболее простым предложением, его объясняющим, могло бы быть допущение об отражении той безударности личных форм глагола, которая для общиндоевропейского реконструируется на основании сопоставления безударности личных форм глагола в простом предложении в древнеиндийском, отсутствию вхождения глагола в аллитеративные ряды в древнегерманском и ряда других аналогичных фактов. Но в среднехеттском в отличие от древнеиндийского написание этого типа, допускающее интерпретацию в терминах передачи безударности, характеризует не все глагольные словоформы, а только небольшую их часть, проиллюстрированную выше. Поэтому более вероятным казалось бы другое решение, предполагающее, что в хеттской графике отразились тонкие различия разных спряжений. К принятию такого рода различий подводят все современные работы по индоевропейскому глаголу, предлагающие соотнести определенные группы глагольных форм с типами балтославянских акцентуационных парадигм (Николаев-Старостин 1982; Николаев 1986), с одной стороны, возвести ранние

акцентуационные противопоставления к тоновым, с другой (Дыбо 1981). Было бы, однако, преждевременно пытаться уже сейчас установить соотношение хеттских тонов в акцентуационных парадигмах (Hart 1980, Иванов 1981) и энклитических формах с индоевропейскими. В качестве рабочей гипотезы можно было бы предположить, что тяжелые формы с исходом на сонант и любой шумный (в хеттском, куда в эту категорию входит и *h*, отражающее старый ларингальный) и отдельные корни других структурных типов (такие как [ek^w]) принадлежали к тому же типу, что и древние энклитики в классическом смысле. В пользу этого говорит единство графической передачи без полных написаний, объединяющее хеттские энклитики типа *kan* (<и.-е. **som*, др.-инд. *sam*, лат. *cum*, гот. *ga-*, ст.-сл. КЪ), *san* (<и.-е. **som*, др.-инд. *sam*, ст.-сл. СЪ, прус. *sin-*) и рассмотренные глагольные формы. Что касается энклитики, давно уже рядом ученых (в том числе и Трубецким, ссылавшимся на японские структурные параллели), было высказано предположение о том, что они произносились с низким тоном. В пользу этой гипотезы для индоевропейского можно привести дополнительные данные, в частности, касающиеся озвончения шумного смывного в гот. *ga-* (< **kom*, хет. *kan*), объясняемое по закону Вернера характером слога, с индоевропейской точки зрения низкого. Из хеттских материалов можно отметить следующее, согласующиеся с гипотезой о приурочении безударных слогов, передаваемых без полного написания, к низкому тону, а соответственно передаваемых полным написанием — к высокому. Во-первых, согласно гипотезе, предложенной Уоткинсом и обсуждаемой автором в особой статье, полное написание в древнехеттском используется также и для передачи особого рода интонации типа *pluti* в древнеиндийском; с фонетической точки зрения совпадение способа передачи этой интонации с той, которая характеризовала и акцент баритонированных парадигм глаголов 2-й серии, можно было бы понять в случае, если в обоих случаях обозначается особого рода тон. Далее, в работе о хеттских полных написаниях Карруба заметил, что они маркируют вторую часть дифтонга [ai], соответственно посредством дополнительного знака для *-i-*. Это можно было бы понять как обозначение дифтонга с восходящей интонацией. В той же работе, освещающей и специфику других анатолийских языков (палайского и лувийского) в отношении использования этого графического приема, Карруба отмечает в лувийском роль добавления особого знака для *-i-* при образовании притяжательных форм на *-i-i-* (где первое *-i-* может быть передано знаком для открытого слога с исходом на этот гласный). Карруба сопоставляет этот тип образования притяжательных форм в лувийском с формами на *-i-* долгое типа итальянских (Carruba 1981). Однако роль здесь может идти и о метатонии, т.е. об изменении тона в производной форме (что фонетически могло быть связано и с удлинением). Согласное использование всех этих данных позволит думать, что передаваемое в хеттских словоизменительных (Hart 1980; Carruba 1981; Иванов 1982) и словообразовательных

соотношениях акцентологические различия могут быть истолкованы как тоновые и в диахроническом плане (по отношению к их индоевропейским истокам), и в синхронном (при описании собственно хеттских соотношений на основе графики древних текстов).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Гамкрелидзе—Иванов 1984, II — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы, Тбилиси: 1984. Т. 2.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентуационных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Иванов 1957—1958 — *Иванов Вяч.Вс.* Происхождение и история хеттского термина *rapku* 'собрание' // ВДИ. 1957. N 4; 1958. N 1.
- Иванов 1963 — *Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов 1965 — *Иванов Вяч.Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: 1965.
- Иванов 1981 — *Иванов Вяч.Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981.
- Иванов 1982 — *Иванов Вяч.Вс.* Новый источник для установления индоевропейских парадигм. (Клинописные написания с гласными) // Балто-славянские исследования. 1981. М. С. 192—204.
- Николаев 1986 — *Николаев С.Л.* К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 157—209.
- Николаев—Старостин 1982 — *Николаев С.Л., Старостин С.А.* Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
- Bader 1973 — *Bader F.* Lat, nempe, porceo et les fonctions des particules pronominales // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1973. Т. 68. F. 1. P. 22—75.
- Beckman 1982 — *Beckman G.* The Hittite assembly // Journ. of the American Oriental Society. 1982. Vol. 102. N 3. P. 435—442.
- Brugmann 1916 — *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II, J. 3. Lief. 1. Strassburg, 1916.
- Carruba 1981 — *Carruba O.* Pleneschreibung und Betonung im Hethitischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1981. Bd. 95, Heft 2. S. 232—248.
- Eichner 1975 — *Eichner H.* Die Vorgeschichte der hethitischen Verbalsystem // Flexion und Wortbildung, hrsg. H. Rix. Wiesbaden, 1975, S. 71—103.
- Hart 1980 — *Hart G.R.* Some observations on plene-writing in Hittite // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIII. P. 1. P. 1—17.
- Kimball 1986 — *Kimball S.E.* The Anatolian reflexes of the IE syllabic resonants // Indogermanische Forschungen. 1986. Bd. 91. S. 83—101.
- Kuryłowicz 1958 — *Kuryłowicz J.* Le hittite // Proceedings of the VIIIth International Congress of linguists. Oslo, 1958.
- Mc Cone 1979 — *Mc Cone K.* Pretonic preverbs and the absolute verbal endings in Old Irish // Ériu. 1979. Vol. 30. P. 1—34.
- Mora 1983 — Il ruolo politico—sociale di *pancus e tulijas*: revisione di un problema // Studi orienta.
- Oettinger 1979 — *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitisc Verbuns. Nürnberg, 1979.
- Puhvel 1984 — *Puhvel J.* Hittite etymological dictionary, B. etc.: Mouton, 1984. Vol. 1—2.
- Thurneysen 1907 — *Thurneysen R.* On certain initial changes in the Irish verb after preverbal particles // Ériu. 1907. Vol. 3. P. 18—19.
- Thurneysen 1946 — *Thurneysen R.* A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
- Watkins 1962 — *Watkins C.* Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb // Celtica. 1962. Vol. VI.
- Watkins 1970 — *Watkins C.* On the family of arceo, Gr. ἀρκέω, and Hittite hark // Harvard Studies in Classical Philology. 1970. Vol. 74. P. 67—73.

В.А. ДЫБО
АФГАНСКОЕ УДАРЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
И БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

II. ГЛАГОЛЬНАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ¹

а) Формы презенса

Следующей областью, где афганское ударение обнаруживает генетическое тождество ведийскому, является акцентуация презентных основ.

Сложность её исследования связана с тем, что источники зачастую коренным образом расходятся в акцентной характеристике форм презенса большого числа глаголов (в отличие от сравнительно единообразной оценки акцентного типа имен). Очень часто расхождения наблюдаются у одного и того же автора. Однако характер этих расхождений не позволяет предположить нейтрализацию ударения в презенсе: существует значительная группа форм, относительно места ударения в которых все исследователи единодушны: указывают всегда либо накоренное, либо конечное ударение.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что формы с накоренным ударением восходят к индоиранским баритонированным формам (др.-инд. классы, I, IV), а формы с конечным ударением продолжают индоиранский подвижно-окситонированный акцентный тип² (др.-инд. классы II, III, V, VI, VII, VIII, IX, X и глаголы на *-āya-*).

Проведенный, насколько это возможно, полный учет форм, в которых авторы расходятся в оценке акцентного типа, с соответствующим сравнительно-историческим анализом этих форм выявил, что эта группа включает в себя по преимуществу приставочные основы (частично лишь с общеиранской точки зрения), бесприставочный вариант которых относился в иранском или относится в афганском и окситонному типу. При этом, если афганский сохраняет слоговой реликт приставки, то существует вариант с "наприставочным" ударением (это же относится и к случаям, когда глагол является приставочным в самом афганском).

Так как старые приставочные *barytōna* указываются в источниках в большинстве случаев единообразно как формы с накоренным ударением, а при слоговой приставке ударение обычно сохраняется на корне, мы предложили гипотезу, по которой сложившееся состояние объясняется ацентологическим законом, заключавшимся в том, что индоиранские презентные "oxytōna" (и только "oxytōna") трактовались как *enclitomena*³ и переносили ударение на проклитику (в данном случае на глагольную приставку).

При этом предполагалось, что конечнударные варианты существовали в каких-то синтаксических условиях, в которых этот перенос был запрещен, сами же эти условия в настоящее время могли не сохраниться.

Примечание. Этот первый вариант работы был обсужден в 1972 г. в Ленинграде с рядом ленинградских иранистов. Активное участие в обсуждении приняли В.А. Лив-

шиц, И.М. Стеблин-Каменский, А.Л. Грюнберг, И.М. Оранский. Акцентовка имени не вызвала у обсуждавших существенных возражений, однако реальность разноместности ударения в презентных формах была поставлена ими под сомнение, что было основной причиной того, что я воздержался от публикации II части работы. Дальнейшая работа с информантами показала правомерность этого сомнения, хотя и не поколебала мою уверенность в наличии факта разноместности и в ее праязыковых истоках. Представляется, что отмеченные варианты имеют своим источником различную судьбу презентного ударения в разных афганских диалектах. В ряде случаев вариативность ударения в презенсе раскрывается как результат частичной или полной контаминации первичной и вторичной (каузативной) основ.

Предварительные результаты проведенной по инициативе и при непосредственном участии Н.А. Дворянкова проверки афганского глагольного ударения в различных фразовых условиях, по-видимому, позволяют в значительной мере уточнить выдвинутую гипотезу, установив позиции запрета и разрешения указанного переноса.

В качестве основного информанта в проверке принял участие аспирант Н.А. Дворянкова Зиваруддин (сокр. Зив.), представитель диалекта Шинвари, с которым был неоднократно проверен весь материал, позднее в проверке участвовали Зиргуна Риштин (представительница момандского диалекта) и еще ряд студентов и аспирантов, учившихся тогда (1974 г.) в Москве, среди которых представитель диалекта г. Пактол (100 км. южнее Кабула) Зурмати Мохаммед Наби (ряд его данных приводятся ниже в статье). На всех этапах в работе принимал активное участие Н.А. Дворянков, помощь которого была для меня неоценима. Всем лицам, принявшим участие в обсуждении работы и проверке ее материалов, автор выражает свою горячую признательность.

Анализ акцентологического поведения презентных основ в речи Зиваруддина показывает, что во всяком случае, в говоре шинвари, наряду с баритонированным и окситонированным типами, следует считаться с большой группой презентных основ с подвижным ударением. Эта группа соответствует в основном группе презентных форм, в которых источники расходятся в указании места ударения. Все эти основы имеют начальное ударение в позиции I (*day axbār lwālī* 'он читает газету') и переносят ударение на окончание в позиции II (... *aw lwālī ye* 'и читает ее')⁴. При отрицании в позиции III ударение явно переносится на отрицание (*day axbār ná lwālī* 'он не читает газету'), тогда как в позиции IV основное ударение стоит на окончании, а на отрицании возможно (но не обязательно) значительно более слабое (эмфатическое?) ударение (...*aw ná' lwālī ye* 'но не читает ее')⁵.

Таким образом акцентуются следующие глаголы⁶:

1. *ačawál* 'бросать, класть, наливать': *áčawi~aw ačawí ye.*
2. *kšemandál* 'нажимать, мять, тереть': *kšemandī~aw kšemandī ye.*
3. *rākawál* 'давать, продавать': *rākawi~aw rākawi ye.*
4. *rāwastál* 'приводить, доставлять': *rāwali~aw rāwali ye.*
5. *rāwrál* 'приносить, доставлять, привозить': *rāwrī~aw rāwrī ye.*
6. *prekawál* 'резать, отрезать, стричь': *prékawi~prekawí ye.*
7. *prešodál* 'оставлять, покидать, отпускать': *preždi~aw preždi ye.*
8. *wažál* 'убивать': *wážni~aw wažni ye* (вариант: *aw wážni ye*).
9. *lwastál* 'читать, учить': *lwālī~aw lwālī ye.*

10. *skāṣṭál* 'кроить, резать, отрезать': *skāṣi~aw skāṣi ye*.

11. *nyāṣṭál* 'свертывать, завертывать': *nyāṣi~aw nyāṣi ye* (вариант: *aw nyāṣi ye*).

12. *žyórál* 'защищать, оборонять, охранять; предостерегать': *žyóri~aw žyori ye* (вариант: *aw žyóri ye*).

13. *wínzál* 'мыть, стирать': *wínzi~aw wínzi ye* (вариант: *aw wínzi ye*).

14. *tožál* 'строгать, тесать; обтачивать, скоблить': *tóži~aw toži ye*.

Варианты с начальным ударением, отмеченные у некоторых форм в позиции II, свидетельствуют, по-видимому, о тенденции унифицировать акцентовку в случаях, когда уже отсутствует ясно вычленимый префикс. В двух основах этот процесс привел к закреплению устойчивого начального (исторически наприставочного) ударения. Их первоначально подвижноударный характер устанавливается лишь сравнением с конечноударными вариантами, отмечаемыми по другим источникам:

15. *pežándál* 'знать, признавать': *pežani~aw pežani ye* (но ср. *nūženú* ЗудКрАР 168² 'тöлына', 374² 'ghал'; *нежаньм*, *нежаньü* ЛеБКРА 274 'знать').

16. *axistál* 'взять, брать, получать': *áxli~aw áxli ye* (Но ср. *axльм* ЛеБГр 131, 181)⁷.

Barytona. Группа глаголов с ударением на корне обнаруживает устойчивое ударение, регулярно фиксируемое на корневом гласном в позициях I и II. В позициях III и IV (с отрицанием) положение основного ударения, как кажется, определяется фонетическими условиями: оно фиксируется на основе, если гласным начального слога является *ā*, *ō*, *ē*, и переносится на отрицание при гласных *i*, *u*, *a*, *ə*. При этом, возможно, в первом случае на отрицании, во втором — на начальном (корневом) гласном основы присутствует ослабленное (побочное) ударение⁸. По-видимому, эта конфигурация может варьировать в зависимости от эмфазы отрицания.

К данной группе глаголов относятся:

1. *kšál* 'тянуть, тащить': *kāži~aw kāži ye*

2. *lidál* 'видеть, замечать, обнаруживать': *wini~aw wini ye*

3. *istál* 'тащить, тянуть, вытаскивать': *bāsi~aw bāsi ye*

4. *niwál* 'брать, хватать, ловить': *nisi~aw nisi ye*

5. *wištál* 'бросать, ударять, стрелять, поражать': *wáli~aw wáli ye*

6. *yušṭál* 'хотеть, желать, требовать': *ywāri~aw ywāri ye*

7. *wayál* 'говорить, рассказывать, сообщать, слагать (стихи); думать': *wāyi~aw wāyi ye*

8. *katál* 'видеть, смотреть': *gōri~aw gōri ye*

9. *awredál* 'слышать': *áwri~aw áwri ye*

10. *nyərál* 'глотать, проглатывать, есть, поглощать': *nyāri~aw nyāri ye*

11. *powál* 'пасти': *pyāyi~aw pyāyi ye*

12. *prānitál* 'открывать, раскрывать': *prānizi~aw prānizi ye*

13. *rākšál* 'вытаскивать, тащить к себе, нам': *rākāži~aw rākāži ye*

14. *rāyušṭál* 'вызывать, приглашать': *rāywāri~aw rāywāri ye*

15. *rābalál* 'приглашать, звать': *rābóli~aw rābóli ye*

16. *rāniwál* 'покупать': *rānisi~aw rānisi ye*

17. *preistál* 'кидать, бросать, укладывать': *prebāsi~aw prebāsi ye*

18. *kṣekṣál* 'сжимать, давить, массировать': *kṣekāži~aw kṣekāži ye*
19. *nənaístál* 'вдвигать, вводить, втыкать, вонзать': *nənabási~aw nənabási ye*

20. *žāristál* 'отклонять, отвлекать, повертывать': *žārbási~aw žārbási ye*

Охутона. Аналогичным образом выделяется окситонированный тип. Глаголы, входящие в него, имеют ударение на окончании в позициях I и II (*kawí~aw kawí ye*), в позициях же III и IV их поведение подобно поведению глаголов с подвижным ударением: в III позиции ударение переносится на отрицание (*ná kawí*), в IV — основное ударение сохраняется на окончании при наличии ослабленного побочного (эмфатического?) ударения на отрицательной частице (*aw ná kawí ye*). К этой группе относятся лишь бесприставочные глаголы:

1. *məšál* 'тереть, мять': *məži~aw məži ye*

2. *puštál* 'спрашивать, наводить справки': *pušti~aw pušti ye*

3. *wřál* 'нести, уносить, переносить': *wři~aw wři ye*

4. *křál* 'делать, совершать': *kři~aw kři ye*

5. *manál* 'принимать, соглашаться, одобрять, слушаться, повиноваться': *maní~aw maní ye*

6. *kawál* 'делать, создавать, творить': *kawí~aw kawí ye*

7. *larál* 'иметь, владеть, хранить, сохранять': *lari~aw lari ye*

8. *karál* 'сеять, сажать, культивировать': *kari~aw kari ye*

9. *swál* 'жечь, сжигать' (каузатив, в отличие от *swál*, *swázi* 'гореть'): *swazi~aw swazi ye*

Таким образом, разнобой в указании ударения презенса возник, по-видимому, в результате того, что все описания строились в терминах двух акцентных типов: баритонного и окситонного, тогда как, во всяком случае, в некоторых афганских диалектах ударение презенса может быть адекватно описано лишь в терминах трех акцентных типов: баритонного, окситонного и подвижного⁹.

С другой стороны, как показывают наблюдения над речью нашего основного информанта, а также материалы других афганских диалектов, этот разнобой, в определенной степени, — явление объективное: он возникает, по-видимому, в результате тенденции закреплять в морфологически неразложимых основах один из двух существовавших акцентологических вариантов, при этом в разных диалектах закрепляются противоположные акцентовки. Не исключено, что в ряде афганских диалектов правило фразовой мотивировки выбора акцентных вариантов подвижного типа, вообще, потеряно и в них либо закреплен один из акцентологических вариантов, либо обе акцентовки находятся в свободном варьировании. Акцентологическая ситуация в афганских диалектах заслуживает самого подробного изучения.

Как видно из приводимых ниже сравнений, кроме приставочных "охутона" в подвижный афганский тип включен ряд бесприставочных глаголов индоиранского подвижно-окситонированного акцентного типа. В отличие от афганских окситон все они имеют в корне фонологически или фонетически долгий гласный¹⁰.

Ниже мы приводим этимологизируемый материал по следующим подразделениям:

I. Индоиранские *barytōna* ~ афганский I (баритонированный) класс.

(а) бесприставочные основы; (б) приставочные с исторической точки зрения основы и основы приставочные в афганском.

II. Индоиранские основы подвижно-окситонированного акцентного типа ~ афганский II (подвижно-окситонированный) класс.

(а) афганские охутона (бесприставочные формы); (б) афганские формы с подвижным ударением (приставочные и бесприставочные формы).

Примечание. Окончание 3 sg. praes. *-i* рассматривается ниже как результат стяжения из **āi < *āyi < *ādī < *aīi < *a'īi* (авест. *-dīi*), ср. афг. *nowī* 'девьяносто' < **nawāj < *nawāyi < *nawād'i < *nawāti < *nawā'īi* (авест. *nawā'ti*). Завершающий этап отсутствует при долготе *ā*, ср. афг. *aiū* 'восемьдесят' с метатезой из **atāi < *atāyi < *astād'i < *astā'i < *astā't'i* (авест. *astā'ti*) и афг. *awiā* 'семьдесят' с метатезой из **awāi < *awāyi < *awādād'i < *hapiā'i < *hapiā'īi* (авест. *hapiā'ti*). Введение прямого перехода *i' > d'* диктуется тем обстоятельством, что в аналогичных условиях иран. *δ* и *θ* дают афг. *l*; ср. афг. *wālā f.* 'ручей, канал' < **wād'i < *wād'i-* (авест. *vd'di-*), афг. *lār f.* 'путь' с метатезой из **rāl < *rd'di < *rd'θt- < *rd'θ'i-* (авест. *rd'θ'i-*); к тем же результатам приводит и отверждение иран. *i'* в позиции после *u*, ср. афг. *pūl m.* 'пленка на глазу' < **pū'di- < *pū'θi- < *pū'ti- < *pū'īi-* (авест. *pū'ti-* 'гниение'). Упередненный характер *ā* в обсуждаемом процессе, становящийся фонологическим на последнем этапе (*āi*) (чем определяется отличие 3 sg. praes. от 2 sg. praes. *-e < *aj < *ahi*, где *h* относится к несмягченным консонантам, см. G. Morgenstierne, NTS XII, с. 57), следует, по-видимому, предполагать с момента падения эпентетического глайда. Фонетическая реальность (а не только орфографический характер) эпентетических глайдов поддерживается афганскими рефлексамы предшествующих им гласных в корневых слогах, которые дают долготы, независимо от количества в иранском.

I. Индоиранские *barytōna* ~ афганский I (баритонированный) класс.

(а) Бесприставочные основы.

1. афг. *kāžī* (inf. *kšāi*) 'тянет, тащит' [Зив.: *kāžī ~ aw kāžī ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 407¹, ЗудРА 39¹ (imper. 2 pl.), ШафГр 1145, ЛебКАР 391, 408, ЛебГр 107, ЛебТабл 851, Асл 655² (imper. 2 sg.)]

< **kāršāi < *kāršā'i* (где *ž < *rš < *rs* и заместительное удлинение гласного перед упростившимся сочетанием согласных; ср. авест. praes. *karāša-* 'trahere'; inf. < **kāš-al < *kəršt- < *krst-*, где *š < *ršt*)

: др.-инд. *kārṣati* 'тянет, тащит, разрывает, натягивает (лук)' (I кл.).

2. афг. *wūzi* (inf. *watāl*) 'выходит, выступает' [Зив.: *wūzi*; баритонеза также в ЗудКрАР 518¹, ЗудРА 701¹, ШафГр 1146, ЛебКАР 558, 565, ЛебГр 107, ЛебТабл 852, Асл 946², 947¹]

< **wāzāi < *wāzā'ti* (где *u < *ə < *a* (и.-е. *e*) между губным и спирантом, ср. авест. praes. *vaza-* 'ехать'; inf. **wašt- < *wašt- < *wažht-*, выравнивание, вместо ожидаемой по закону Бартоломе формы: **wažd- < *waždh- < *waždh- < *wažht-*)

: др.-инд. *vāhati* 'везет, переправляет, ведет, приносит' (I кл.).

3. афг. *wīni* (inf. *lidāl*) 'видит, замечает, обнаруживает' [Зив.: *wīni ~ aw wīni ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 462², ЗудРА 120¹, 353¹ и др., ШафГр 1146, ЛебКАР 475, 573, ЛебГр 108, ЛебТабл 851, Асл 965²]

< **wānāi < *wānā'ti* (где *i < *e (< *ai)* перед носовым, авест. praes. *vaēna-* 'видеть, смотреть; осматривать; принимать за кого-л.', Inf. образуется от другого корня)

: др.-инд. *vénti* 'стремится к чему-либо, желает, требует; завидует' (I кл.).

4. афг. *swázi* (inf. *swál*) 'горит' [Зив.: *swázi* 'горит', в отличие от *sizi*, *swazi* 'сжигает', так же в момандск., по указанию Зиргуны Риштин; баритонеза также в говоре г. Пактол (100 км к югу от Кабула), по свидетельству Зурмати Мохаммеда Наби, но здесь отсутствует каузативный вариант, вместо него говорят: *swazawí*. Баритонеза, наряду с окситонезой, также в ЛебТабл 850. Обычное указание для этого глагола конечного ударения, см. ЗудКрАР 331², ЛебКАР 314, 316, Асл 535¹ (*sezú*), по-видимому, либо относится к каузативному варианту, либо отражает влияние акцентовки последнего в диалектах, проводящих унификацию основ]

<**sáužäi*<**sáučá'ti* (Ср. авест. praes. *saoča-* 'гореть ярким пламенем', ново-перс. *sōzađ*, inf. *sōxtan* 'гореть, сгорать', осет. *sūjīn*, *sojun*, в последнем контаминация с каузативной основой: 'гореть'×'жечь, поджигать').

: др.-инд. *śócati* 'светит, сияет; пылает, греет' (I кл.).

5. афг. *káni* (inf. *kəndál*) 'вырывает, выкапывает' [Зив.: *káni*; так же в момандск., по указанию Зиргуны Риштин; информанты знают также вариант с конечным ударением, который, по их утверждению, несет оттенок длительности (и к которому относится другой инфинитив), по-видимому, последний следует связывать с авест. итеративом *kānaŋa-*. Баритонеза также в ШафГр 1145, ЛебКАР 427; указание конечного ударения, ЗудКрАР 212² (sub 'дзān'), Асл 696¹, ЛебТабл 851, относится, по-видимому, к итеративному варианту]

<**kánäi*<**kánd'ti* (где *ə*<**a* в результате сужения в позиции между гуттуральным и носовым, ср. авест. praes. *kana-* 'копать, рыть'; inf.<**kant-*, ср. авест. part pf. p. *kanta-*)

: др.-инд. *khánati* 'роет, копает, выкапывает' (I кл.).

6. афг. *žāri* (inf. *žārál*) 'плачет' [Зив.: *žāri*; так же в момандск., по указанию Зиргуны Риштин. Баритонеза также в ЛебГр 109, ЛебТабл 850, Асл 483¹ (2 sg. imper.). Неясен вариант с конечным ударением: ЗудКрАР 303¹ и 483² (sub 'маккārī'), ЛебКАР 291; информанты конечного ударения не знают, однако повторенное в двух словарях оно вряд ли может быть случайной ошибкой, скорее, следует предполагать морфонологическое выравнивание по акцентовке инфинитива и других форм и образований с обобщенной конечной акцентовкой, ср. *žārəndúk* 'плакса' (Асл 483¹, 484²) и под.]

<**žārāi*<**žára'ti* или **žára'fe* (Основа inf. *žār-*<**žarti-*, *ɾ* в презенсе под влиянием инфинитива, влиянием инфинитива следует, по-видимому, объяснять и долготу в презенсе, однако именно инфинитив часто указывается с краткостью. Основа внутри иранских, по-видимому, стоит одиноко: в родственных основах представлены иные варианты корня: авест. *gar-* 'preisen'<**gor-*; ново-перс. *zar* 'печальный, прискорбный', хотанско-сакск. *ysēra-* adj. 'elend' (<**žārya-*), согд. *z'ryu* 'pitoyable' (**žārya-*), долгий **ā* и **ǰ* представлены также в осетинском: *zarj n*, *zarun* 'петь').

: др.-инд. *járate* 'звучит, кричит, зовет' (Böhntlingk) (I кл.). Сближение не может считаться вполне надежным ввиду изолированности внутри

иранских и необходимости предположения ряда нефонетических переходов: *ɾ* и *ā* в презентной основе. К этим этимологическим трудностям относится также объяснение конечноударного варианта.

7. афг. *mēži* (inf. *mitál*) 'mingit' [Ударение указано Н.А. Дворянковым, сейчас см. также *mitál*, *mizam* 'мочиться' ОИЯ 1987, 22; информанты этого слова не знают. Явно вторична окситонеза этой основы, отмеченная в ЛебТабл 852. Судя по материалам Словаря М.Г. Асланова (Асл 872² и 875²) у данного глагола фиксируется не только две формы инфинитива: *mitál* и *межэл*, — но и две основы презенса: *межи* и *mitu* (вероятно, **mitu*?), что свидетельствует об интенсивности процесса морфонологического выравнивания основ, при котором естественна тенденция к унификации места ударения по типам с генерализованной акцентовкой]

<**máizāi*<*máizdāti* (где *e*<**ai* (и-е. **ei*), ср. авест. праес. *maēza* 'mingere'; inf.<**misi*-<**mišt*-<**mižht*- (вместо ожидаемой по закону Бартоломе формы **mižd*-<**miždh*-<**miždh*-<**mižht*-), где заместительное удлинение гласного перед упростившимся сочетанием согласных)

: др.-инд. *méhati* (Böhtlingk) 'mingere, seichen, Samen entlassen'.

8. афг. *nāri* (inf. *narál*) 'вопит; мычит, ревет' (Ударение по Асл 884¹)

<**nāri*<**nárda'ti* (где *ɾ*<**rđ* и удлинение гласного перед упростившимся сочетанием согласных, ср. согд. *nrđ* 'стонать', ново-перс. *nalidan* 'вздыхать, стонать, охать, рыкать' (*l*<**rđ*))

: др.-инд. *nardati* 'brüllen, schreien, kreisen, tosen' (ударение не зафиксировано, но баритонеза определяется принадлежностью основы к I кл.).

9. афг. *árwi* (*áwri*) (inf. *awredál*) 'слышит' [Зив.: *áwri*~*aw áwri ye*; баритонеза также в ШафГр 1143, ЛебКАР 30, ЛебКРА 625, ЛебГр 109, ЛебТабл 847, Асл 88¹]

<**árwāi*<**hárwa'ti* (Ср. авест. праес. *ha'rva-* 'быть внимательным, сторожить'. Индоевропейский характер основы подтверждается лат. *servo*, *-are*. Др.-инд. соответствие отсутствует, но баритонеза глагола в афганском хорошо согласуется с индоиран. I кл. этой основы, сохраненным в авестийском).

10. афг. *žáwa* 'живи!, будь жив' [Асл 486¹; сравнение в ряду презенсов возможно ввиду параллельности ударения impreg. и праес. в афганском]

<**žiwa*<**žiwa* (ср. авест. праес. *žiwa-* 'жить', о сокращенных написаниях см. Bartholomae, GIPh. I, §268, 17; ср. также сред.-перс. *zivastan* 'жить', ново-перс. *zistan* 'жить'; согд. будд. *zw-* (3 sg. праес. *zwt*), ман. *jw* 'жить', ягноб. *žu-* 'жить'; хотано-сакск. *jū* 'жить')

: др.-инд. *jivati* 'живет' (аномальная основа I кл.).

11. афг. *yósi* (inf. *wrál*) 'повезет, понесет' [Баритонеза в ЗудКраР 277² (sub 'pāvryl'), ШафГр 1099, ЛебГр 113, Асл 992¹, ДвяП 88, 92]

<**yōsāi*<**yāsdāti* (ср. авест. праес. *yāsa-* 'желать, требовать, стремиться что-либо достичь, приобрести; просить о чем-либо', возможно, представляет собой расширение корня *yā-* инхотативным суффиксом *-sā-*>иран. *s*, на что могут указывать семантика и отношение основ в восточноиранских: шугн. *yōs-*: *yōd-*; руш. *yōs-*: *yūd-*;

барт. *ayōs-: ayōd-*; сарык. *yus-: yud-*; язг. *yas-: ayed-*, ишк. "us-: "ud-; мундж.-йидга *yis-: yāy-* 'нести, везти, вести, уносить, отвозить'. Что касается семантических различий авест. и вост.-иран. основ, то ср. значение авест. приставочных образований: *apa-yās-* 'отбирать, отри-мать', *ā-yās-* 'приносить, приводить, привозить, доставлять'. Афг. inf. образуется от корня **bher*)

:? др.-инд. *yācati* 'просить, требовать, искать'.

12. афг. *yīši* (inf. *yīšedāl*) 'кипит, закипает' [Зив.: *yīši*; так же в мандск., по свидетельству Зиргуны Риштин; баритонеза также в ШафГр 1143, ЛебКАР 58; окситонеза в ЛебТабл 847, Асл 96², скорее всего, результат морфонологического выравнивания по параллельной форме презенса *yīšēži* и ударению образований с генерализованным конечным ударением, типа *yīšánd* 'кипящий']

<**yāišāi*<**yāišya't'i* (ср. авест. praes. *yaēšya-* 'кипеть' и менее надежно зафиксированную *yaēša-* 'кипеть', а также язг. *ēš-: ešta-* 'кипеть', согд. 'βy'yš- (*aβyēš-*) 'кипеть', в которых также следует предполагать корневой дифтонг. Вероятно, в иранском рано произошла контаминация основы *yašya-* и удвоенной основы *yaiša-*, что отразилось в Авесте)

: др.-инд. *yāsyati* 'нагревается, является горячим; стремится' (IV кл.), *yēšati* 'кипит' (редуплицированная основа).

13. афг. *wāli* (inf. *wīštāl*) 'бросает, ударяет, стреляет, поражает' [Зив.: *wāli* ~ *aw wāli ye*; так же в говоре г. Пактол (100 км к югу от Кабула), по свидетельству Зурмати Мохаммеда Наби; баритонеза также в ЗудКрАР 535², ШафГр 1146, ЛебКАР 568, 571, ЛебГр 108, ЛебТабл 853, Асл 955² (1 pl. praes.), 956¹ (imper.). Одинок и трудно объясним окситонированный вариант в Асл 955² (1 sg. praes.), 956¹ (3 sg. praes., 2 pl. praes.)]

<**wālāi*<**wīdyāt'i* (отсутствие глайдового удлинения в этой основе, по-видимому, закономерно: эпентетический глайд не образовывался после *i*; для ступени огласовки корня ср. йидга *wul-: wust-* 'бросать, кидать, швырять', язг. *wid-: wista-* 'бросать, кидать, пускать, сыпать, наливать, класть'; рушан. *wud-: wudd-* 'бросать, класть'. Ягн. основа прош. вр. восходит, по-видимому, к основе с полной огласовкой: язг. *wēd*<**waid-* (основа перфекта?), эта огласовка в языках шугнанской группы распространена на всю парадигму: шугн. *wēd-: wēdd-* 'класть, помещать', барт. *wīd-: wīdd-* 'помещать, устраивать, пускать, направлять'; сарык. *weyd-: wēdd-*; аналогично в ишк. *wed-: wet-* 'помещать, класть, ставить, лить, сыпать')

: др.-инд. *vidhyati* 'прокалывает, попадает, ранит, вредит'; ср. с приставками: *ā-* 'бросить, проколоть, разбить'; *prati-* 'стрелять, ранить' и т.п. (IV кл.).

14. афг. *lēži*, *lēždi* (inf. *leždāl*, *ležāl*) 'отправляется, направляется, перекочевывает' [Форма *lēžū* с переходным значением приводится в ЗудКрАР 463² к inf. *lēžūdyāl* и неуверенно подтверждается Зив.: *lēži*; в говоре г. Пактол (100 км к югу от Кабула), по свидетельству Зурмати Мохаммеда Наби, в этом значении употребляется *lēždi*, здесь эта основа не только акцентологически, но и по форме отличается от каузативной *lēži* ~ *aw leži ye*, в последней переход в под-

вижный тип, по-видимому, связан с долготой корневого гласного, см. ниже]

<*l̥žd̥äi<*l̥'rzäyi<*δārā'zād'i<*δārā'zai'i<*dārā'zya't'i<*d̥žyati (где рефлекс ž'd<rz, исключительно связанный с непереходной основой, следует считать первичным, вариант с ž, по-видимому, под влиянием каузатива. Различие в рефлексии сочетания -rz- в непереходном глаголе и в каузативе, возможно, мотивировано первичной разницей в слогоразделе, восходящей в конечном счете к разнице ступеней огласовки. Исходное значение 'быть нагруженным, готовым к отправке', ср. значение каузативов: хотано-сакск. *dalys-* 'to load up' (Konow, Primer, 106), сарык. *derz-*: *daħt-* 'грузить'. Это же значение отмечается и в афганском: (Асл. 774¹) *leħál* 'грузить, кочевать', — см. также EVP, 42. Ср. также авест. *aētahmāičiñ nīdarazayen* 'an ihm (dem Maul) sollen sie es (das Stück Holz) festmachen' V.13.31; парачи *derz-* 'to take on one's back', ормури *daz-* 'load'. С первичной основой можно было бы сопоставить хотано-сакск. *drysde, dārysde, diysde* 'keeps, holds', если бы удалось отделить его от авест. *drag-* 'держат'. Первичным для inf., по-видимому, следует считать вариант *laš-* <иран. *dr̥šta-, возникшего в результате восстановления единства корня путем устранения результатов действия закона Бартоломе, ср. сарык. *daħt-*)

: др.-инд. *d̥žhyati* 'является крепким, устойчивым, прочным' (IV кл.).

15. афг. *ɣwāri* (inf. *ɣuštál*) 'хочет, желает, требует' [Зив.: *ɣwāri~aw ɣwāri ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 282², ЗудРА 200², 243² и др.; ШафГр 1145, ЛебКАР 365, 368, ЛебКРА 205, 386 и др.; ЛебГр 173, 181, ЛебТабл 850]

<*ɣwārāi<*ɣ'árdād'i<*ɣ'rdāt'i<*gúr̥dya't'i (где r<r̥d<*rdh и заместительное удлинение гласного a перед упрощившимся сочетанием согласных. Инф. *ɣwāšt- <*ɣ'rst-. Трудности связаны в основном с источником для -w-, но ср. афг. *ɣwəɣ* 'помада', *ɣwari* 'топленое масло, сало, жиры': др.-инд. *ghr̥tá-* 'топленое масло'. Ср. каузатив от этого корня в ново-перс. *ayalād* 'он подстрекает, побуждает, возбуждает' и авест. отглагольный adj. *gərəda-* 'жадный, алчный, горячий, стремительный')

: др.-инд. *g̥d̥hyati* 'он жаден к чему-либо, горячо желает чего-либо' (IV кл.) (иное отношение к возможности этого сближения у Г. Моргенштерне, см. EVP, с. 29).

16. афг. *rāyi* (inf. *rāyál*) 'кричит, ревет (об осле)' [Баритонеза в ЗудКрАР 27¹, ЗудРА 331², ЛебКАР 267. В двух новых словарях: Асл 443¹, ЛебТабл 849 — указана окситонеза, которую можно объяснить лишь морфонологическим выравниванием по ударению инфинитива]

<*rāyāi<*rāya't'i (где сохранение тембра ā может быть связано с влиянием -y-)

: др.-инд. *rāyati* 'лает' (Böhntlingk)

17. афг. *wāyi* (inf. *wayál*) 'говорит, рассказывает, сообщает, слагает (стихи), думает' [Зив.: *wāyi~aw wāyi ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 536², ЗудРА 149¹, 331² и др., ШафГр 1146, ЛебКАР 557, 572, ЛебКРА 145, 517; ЛебГр 109, ЛебТабл 853, Асл 929². В Асл 965² приводится также диалектный окситонированный вариант этой осно-

вы: *vāyū*. Этот же (конечноударный) вариант встречается в ЛебГр 228: *vāyūm*, а также в ряде текстовых иллюстраций в ОИЯ 1987: *da wāyū* 'он говорит' 139, 1 sg. *wāyūm* 'учу (уроки)' 139, 3 pl. *wāyū* 'называют' 137, но здесь же представлена и баритонированная основа: *wāyū* 'называют' ОИЯ 1987, 61. Вероятно, является результатом морфонологического выравнивания по основе инфинитива и других образований с обобщенным конечным местом ударения, типа *wāyūnd* 'говорящий, оратор']

<*wāyād'i < wāyā't'i или из *wūyāyā't'i (Ср. афг. диал. *wūyūm* и *yāyūm* (EVP, с. 94). В других иранских языках основа, по-видимому, не засвидетельствована)

: др.-инд. *vāyati* 'ткет, плетет, сочиняет (гимн)'; *vūyati* 'укутывает, покрывает' (сравнение вызывает сомнение ввиду единичности афганского слова в иранских языках и значительного семантического расхождения, ср. EVP, с. 94; однако сближение с рядом: авест. *vaf-* 'петь' ← 'ткать, плести', согд. *w'β* 'to say', ягн. *wov-* 'говорить, называть', — наталкивается на те же семантические трудности и не лучше в формальном отношении: допущение аномальной вокализации в IV классе при наличии зафиксированной в авестийском нормальной: авест. *praes. ufyā-*, — исключительно корневое соответствие как авестийскому (разная вокализация), так и ягнобско-согдийскому (из-за отсутствия умлаута в последних IV класс исключен), наконец, отнесение согд. *w'β*, ягн. *wov-* к авест. корню *vaf-* требует допущения нефонетических переходов).

(b) Приставочные с исторической точки зрения основы и основы, приставочные в афганском.

18. афг. *nyōži* (inf. *nyūtāl*) 'слушает, выслушивает, слушается' (Баритонеза была указана Н.А. Дворянковым, это же ударение подтверждается в ЛебТабл 852. Информантам это слово не знакомо)

<*nā-yōžāi < *ni-gāušā't'i (ср. осет. диг. *iyosun*, ирон. *qūsin* 'слышать', шугн. *niyūy' (niyux't)* 'слышать', руш. *niyūy (niyux't)* 'слушать', барт. *niyūy (niyux't)* 'слышать'; ср. также бел. *niyōžay* 'слышать, слушать', *gōžay* 'слышать', но в авест. *praes. gūša-* 'слышать' с аномальной нулевой долготной огласовкой, которая наблюдается и в основе каузатива: *gūšaya-*, ср. однако наряду с этой основой и j. Aw. *apa-gaušaye'ti*. Ягн. *dūyūs-* 'слышать' и согд. *pty'ws-/ptyws-* 'слушать' и под. дву-смысленны (*au* или *ū*). Таким образом, в афг. можно видеть рефлекс широко распространенного иранского варианта основы, непосредственно соотносящегося с древнеиндийским)

: др.-инд. *ghōṣati* 'звучит, кричит, возглашает'; для значения ср. др.-инд. part. *praes. ā-ghōṣan* 'прислушиваться, слушать' (RV VIII, 64, 4; X, 89, 16).

19. афг. *bāsi* (inf. *istāl*) 'тянет, вытягивает' [Зив.: *bāsi ~ aw bāsi ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 51¹, ЗудРА 134², ШафГр 1143, ЛебКАР 58, 62, ЛебТабл 847]

<*apa-yāsād'i < *apa-yāsā't'i (где -s- < и.-е. *-sk-, ср. авест. *praes. apa-yasa-* 'убирать, устранять, изгонять; отбирать, лишать кого-л., чего-л., удерживать, препятствовать, мешать', др.-перс. *āyasata* 'тя-

нуть к себе' ('он захватил'). Inf. перестроен по основе презенса, а его анлаут, возможно, отражает приставку *vi-*, см. EVP, 100)

: др.-инд. *yácchati* 'держит, удерживает, задерживает; подает, оказывает, поднимает, протягивает'.

20. афг. *nísi* (inf. *niwál*) 'берет, хватает, схватывает, ловит, задерживает, держит' [Зив.: *nísi* ~ *aw nísi ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 515¹, ЗудРА 57², 91² и др., ШафГр 1146, ЛебКАР 552, 554, ЛебГр 185, ЛебТабл 852, Асл 918². Одинокостоят и не поддаются объяснению окситонированные формы 2 pl. praes. в ЛебКРА 625 (в вопросительном предложении) и 2 pl. imper. в Асл 918²]

< **nə-yásāi* < *ni-yásā't'i* (где *-s-* < и.е. **-sk-*; ср. согд. *ny's-* 'брат', part. perf. pass. *ny't*, на приставочный характер *n-* указывают формы imperf. *n'y's* с аугментом; язг. *nəyas-* ~ *nəyūd-* 'схватить, ловить, поймать; придерживать, держать; брать, получать; купить', йидга *nis-* 'вынимать', отмечена только форма imper. 2 sg. *nisa*. Основа очень рано контаминировалась с основой, соответствующей авест. praes. *nasa-*, *nāsa-* 'достигать, принимать, получать', ср. др.-инд. *násati* 'достигает, принимает, получает', и основой, соответствующей авест. *qs-*, *as-* 'hingelangen zu-, etwas als seinen Anteil erlangen', от того же индоиранского и индоевропейского корня. Взаимовлиянием этих основ, по-видимому, объясняется количественное выравнивание вокализма, семантическое выравнивание и устранение *s* в part. perf. pass. от корня **nač-*, ср. хотаносакск. *nās-*: *nāta-* 'брат', язг. *nos-*: *nota-* 'брат, забирать, покупать; хватать, ловить', ишк. *nas-*: *nad-* 'брат, хватать'. Ср. также вариативность презентной основы в ормури (распределены по диалектам): *nas-*: *nōk*, К. *nīs-*: *nōk* 'to seize catch'¹¹).

: др.-инд. *yácchati* 'держит, удерживает; поднимает', *ni-yácchati* 'останавливает, задерживает; ловит; укрепляет, связывает' (ср. также ударение контаминирующей основы).

21. афг. *góri* (inf. *katál*) 'видит, смотрит' [Зив.: *góri* ~ *aw góri ye*; баритонеза также в ЗудКрАР 398¹, ЗудРА 207², 485¹, 523¹; ШафГр 1145, ЛебКАР 396, 443, ЛебГр 108, ЛебТабл 851, Асл 740², 740¹ (imper.)]

< **an-gārāi* < **han-gārā't'i* (Вероятно, перестройка перфекта *ĵagār-*, *ĵigār-*, *ĵigar-* с распространением долготной огласовки, ср. авест. *ĵayāra*, part. acc. sg. *ĵayārayantəm*, part. perf. act. *ĵayāurvah-*, *ĵiyāurvah-* 'бодрствовать, стоять на страже, охранять что-либо, заботиться о чем-л.'. Процесс этой перестройки зафиксирован уже, по-видимому, в Авесте, см. part. (acc. sg.) *θwāqm...* *ĵayārayantəm* 'тебя, который ... бодрствует', ср. согд. *γ'r'nt* (**γārant*) 'они бодрствуют, смотрят, наблюдают, охраняют', язг. *γor-*: *γort-* 'смотреть, глядеть, заглядывать'; *ayór* 'он увидел'. Семантическое развитие обычно, ср. афг. imper. *gora* čā! 'берегись!'. Inf. восходит к корню **kač-*, авест. *kas-gewahr werden*, *erblicken*'; супплетивность данного глагола, по-видимому, согласуется с предлагаемым объяснением)

: др.-инд. perf. *jāgāra* 'бдит, является бдительным, заботится, владеет'.

22. афг. *camāli* (inf. *camlāstál*) 'ложится, ложится спать' [Зив.: *camāli*; с тем же ударением в EVP, с. 17: М. *camālom*, примеры с начальным ударением, приводимые Г. Моргенштерне в ряде случаев явно

относятся к формам совершенного вида, что не исключено и для таких случаев, как Н. *sámalam*, Khl. *sámlama*, ср. ЛебКРА 338: *цб.м.лъй* 'лягте'. В других источниках ударение этого глагола не отмечается]

< **hača-ni-pátat'i* (ср. авест. praes. *pata-* 'fliegen, fallen')

: др.-инд. *pátati* 'летит, падает'. Менее вероятно возведение афг. формы к итеративу **hača-ni-pataya't'i*, ср. авест. praes. *pataya-* 'fliegen, fallen', и соотношение ее с др.-инд. *patayati* 'летит, спешит', med. 'падает'. В последнем случае мы имели бы афг. подвижный тип, дающий в "сильной" позиции форму с начальным ударением. Для значения ср. др.-инд. *ni-pat-* 'слетать, падать (на что-либо), сходить, бросаться, опускаться'.

23. афг. *prānizi* (inf. *prānistál*, *prānitál*) 'открывает, раскрывает' [Зив.: *prānizi* ~ *aw prānizi ye*; это же ударение в ЛебГр 108, ЛебТабл 848. Вариант с приставочным ударением *prānizi* (ШафГр 1143, ЛебКАР 90, Асл 164¹), по-видимому, из говоров с оттяжкой ударения с узкого сокращающегося гласного на предшествующий долгий. В идиолекте Зив. этот перенос (не последовательно) осуществляется лишь в позиции III: *na prānizi* (наряду с *na prānizi*) при *aw na prānizi ye*]

< **para-ny-ázad'i* < **para-ny-ázat'i* (ср. авест. imperf. 3 sg. med. *nyāzata* 'sie schnürte sich', opt. praes. 3 pl. act. *nyāzayən* 'sie sollen es hineinzwängen', inf. *qzanhe*; < **qz-* < **anǰh-* < **anǰh-*, ср. греч. ἄγχω, лат. *angō* или < **az-* < **aǰh-* < **ǰǰh-*, с вторичным удлинением в формах презенса. В первом случае баритонеза устанавливается в соответствии с классом глагола, во втором — об индоиранской баритонезе может говорить др.-инд. *āhema* 'mögen wir rüsten' RV VII, 73, 3. Несмотря на трудности, связанные с объяснением афг. з, наряду с фонетически закономерным з, не кажется убедительной попытка Г. Моргенштерне обойти это наиболее простое решение, см. EVP, с. 59).

24. афг. *rānisi* (inf. *rāniwál*) 'берет, покупает' [Зив.: *rānisi* ~ *aw rānisi ye*, это же ударение, наряду с приставочным ударением в ЛебТабл 849. Начальноударный вариант (ШафГр 1144, ЛебТабл 849, ЛебКАР 266), по-видимому, из говоров с оттяжкой ударения с узкого сокращающегося гласного на предшествующий долгий, наличие его в говоре г. Пактол (100 км. к югу от Кабула) подтверждается Зурмати Мохаммедом Наби. В идиолекте Зив. эта оттяжка происходит лишь в позиции III: *na rānisi* (позиция IV не зафиксирована)]

< **adrā-ni-yásad'i* < **atrā-ni-yásat'i*

~ афг. *nisi* 'берет, хватает; ловит; держит', см. I, 20.

25. *prewúzi* (inf. *prewatál*) 'падает, ложится' [Зив.: *prewúzi*, это же ударение в ЗудКрАР 106², ЗудРА 57², 260¹, 538², 417², ШафГр 1144, ЛебГр 129, ЛебКАР 94, ЛебТабл 848]

< **parai-wázad'i* < **parai-wázat'i*

~ афг. *wúzi* 'выходит, выступает', ср. др.-инд. *váhati* 'везет, переправляет, ведет, приносит', см. I, 2.

26. афг. *rāwúzi* (inf. *rāwatál*) 'выходит' [Зив.: *rāwúzi*, это же ударение в ЗудРА 57², ЛебГр 129, 213, ДвЯП 68]

< **adrā-wázad'i* < **atrā-wázat'i*

~ афг. *wúzi* 'выходит, выступает' (см. предшествующий пример).

27. афг. *kšewúzi* (inf. *kšewatál*) 'падает, оказывается, попадает' [Зив.:

kṣewúzi; это же ударение в ЗудКрАР 408¹, ШафГр 1145, ЛебТабл 851. Начальноударный вариант (ЛебКАР 410, ЛебГр 106), по-видимому, из говоров с оттяжкой ударения с узкого гласного на предшествующий долгий. У Зив. в позиции III оттяжка не зафиксирована]

~ афг. *wúzi* 'выходит, выступает' (см. предшествующие примеры; о префиксе *kṣe* см. EVP с. 34).

28. *ṣār wúzi* (inf. *ṣārwatál*) 'возвращается' [Зив.: *ṣār wúzi*, это же ударение в ЗудКрАР 522¹]

~ афг. *wúzi* 'выходит' (см. выше).

29. *nəpawúzi* (inf. *nəpawatál*) 'входит' [Зив.: *nəpawúzi*; это же ударение в ЗудКрАР 510², ЗудРА 981², ШафГр 1146, ЛебКАР 549, ЛебТабл 852. Вариант *nəpawuzi* ЛебГр 107 может отражать или побочное ударение при неотмеченном основном, или влияние более часто встречаемой формы сов. вида]

~ афг. *wúzi* (см. предшествующие примеры).

30. афг. *poriwúzi* (inf. *poriwatál*) 'переходит, переправляется' [Зив.: *poriwúzi*; это же ударение в ШафГр. 1144, ЛебТабл 848]

~ афг. *wúzi* (см. выше).

31. афг. *prebāsi* (inf. *preyastál*) 'скидывает, сбрасывает, сваливает' [Зив.: *prebāsi* ~ aw *prebāsi ye*; так же в ШафГр 1144, вариант *prebāsi* (ЛебГр 107, ЛебТабл 848, Асл 169²) может, по-видимому, объясняться аналогией с формами с закономерно оттянутым ударением типа *kṣéwuzi*, **préwuzi*, в диалектах с указанной выше ретракцией, или же расширением позиции ретракции]

< **parai-apa-yásàd'i* < **parai-apa-yásàt'i*

~ афг. *bāsi* 'тянет, вытягивает', см. I, 19.

32. афг. *rābāsi* (inf. *rāyastál*) 'извлекает' [Зив.: *rābāsi* ~ aw *rābāsi ye*, так же в Зуд КрАР 351²: *mā-rābāca* 'не вынимай!' (imper.). Вариант *rābāci* ДвЯП 88, 93 стоит в ряду приставочноударных форм от этой основы, ср. выше]

~ афг. *bāsi* 'тянет', см. I, 19.

33. афг. *kṣebāsi* (inf. *kṣeyastál*) 'вставляет, вкладывает, вводит, вытягивает, втаскивает; подвергает чему-л.' [Sg. 1. *kṣebāsat*, 2. *kṣebāse*, 3. *kṣebāsi*; pl. 1. *kṣebāsu*, 2. *kṣebāsəy*, 3. *kṣebāsi* ОИЯ 1987, с. 95. Отмечены также *kuébāci* ЛебГр 107 и обратное образование от форм с приставочным ударением *kuébācú* ЛебКАР 409]

~ афг. *bāsi* 'тянет' (см. выше)

34. афг. *ṣārbāsi* (inf. *ṣāristál*) 'отклоняет, отвлекает, повертывает' [Зив.: *ṣārbāsi* ~ aw *ṣārbāsi ye*; это же ударение в ЗудКрАР 172¹: *ḍjārbāci*]

~ афг. *bāsi* (см. выше)

35. афг. *nəpabāsi* (inf. *nəpawastál*) 'вдвигает, вставляет, втыкает' [Зив.: *nəpabāsi* ~ aw *nəpabāsi ye*; баритонеза также в ШафГр 1146, ЛебКАР 549, ЛебТабл 852, Асл 910¹. В последнем указано *nəpabāci*, что можно прочесть либо как "*nəpabāsi* и *nəpabāsi*", либо, как "*nəpabāsi* (с побочным ударением на приставке)". Приставочноударный вариант (*nəpabāsi*) в ЛебГр 107, Асл 908² может отражать либо побочное ударение при неотмеченном основном, либо влияние чаще встречаемой формы совершенного вида. Пример *nyəpabāci* ЗудКрАР

511¹ может объясняться как обратное образование от форм с приставочным ударением]

~ афг. *bāsi* 'тянет, вытягивает' (см. выше).

36. афг. *rākāži* (inf. *rākšál*) 'вытаскивает' [Зив.: *rākāži*~*aw rākāži ye*; это же ударение в ШафГр 1144, ЛебКАР 266]

<**aṛā-kāršād'i*<**atrā-kāršād'i*

~ афг. *kāži* 'тянет, тащит' (<**kāršād'i*<**kāršād'i*; ср. др.-инд. *kār-sati* 'тянет, тащит'), см. выше I, 1.

37. афг. *kšekāži* (inf. *kšekšál*) 'сжимает, прижимает, давит' [Зив.: *kšekāži*~*aw kšekāži ye*; это же ударение в ЗудКрАР 407², ШафГр 1145, ЛебТабл 851. Неясна начальнударная форма в ЛебГр 108 (*кшэкәжи*). Отражение ударения форм сов. вида? Отмеченная в ЛебКАР 409 окситонированная форма (*кшэкәжү*) может объясняться как обратное образование от форм с приставочным ударением]

~ афг. *kāži* 'тянет, тащит' (см. предыдущий пример).

38. афг. *rāywāri* (inf. *rāyuštál*) 'приглашает' [Зив.: *rāywāri*~*aw rāywāri ye*; это же ударение в ЛебКАР 265]

<**aṛrā-y'árđād'i*<**atrā-g'á'rdya'ti*<**atrā-gúrđyati* (*ur*<*r*)

~ афг. *ywāri* 'просит, желает, нуждается' (<**y'árđād'i*<**g'á'rdya'ti*, ср. др.-инд. *gṛdhyati* 'стремится (к чему-либо), жаден').

Для сохранения наосновного ударения баритонированных основ при префиксах пространственной ориентации ср., кроме приведенных выше, также следующие примеры:

1. афг. *rābóli* 'приглашает, зовет' (Зив.: *rābóli*~*aw rābóli ye*; ЛебКАР 264; *pābóli*)~ афг. *bóli* 'зовет, приглашает';

2. афг. *rāgárzi* 'вращается' (*pāgárzi* ЗудРА 509¹ sub 'ось')~ афг. *gárzi* 'вращается' (ЗудРА 114¹ sub 'вращаться', 509² sub 'ось');

3. афг. *rādrúmi* 'приходит ко мне' (*pādrúmi* ЗудРА 914² sub 'тошнить')~ афг. *drúmi* 'идет' (*ḍrúmi* ЗудРА 958¹ sub 'успешно');

4. афг. *rāraséži* 'доходит сюда' (*pāraséži* ЗудРА 196¹ sub 'доходить', 203¹ sub 'единный')~ афг. *raséži* 'доходит' (*paséži* ЗудРА 196² sub 'доходить', 413² sub 'насчитывать', inf. *pacedál* ЗудРА 196¹ sub 'доходить');

5. афг. *rāwalāréži* 'встает, поднимается' (*pāwalāréži* ЗудРА 596² sub 'подниматься')~ афг. *walāréži* 'встает, поднимается' (inf. *walāpedál* Асл 954², ЗудРА 119¹ sub 'вставать'. Ударение в презенсе устанавливается по общему правилу акцентовки глаголов на *-edal*).

II. Индоиранские основы подвижно-окситонированного акцентного типа ~ афганский II (подвижно-окситонированный) класс.

(а) Афганские охутона (бесприставочные формы)

1. афг. *ždi* (inf. *kše-ždál*, *kše-šowál*) 'кладет' [так ЛебТабл 847 (*ždu*), вариант *ūždu* Асл 95², ЛебТабл 847, см. ниже]

<**əždī*<**əžāi*<**hərzd'ti* (ср. авест. praes. *hərza-*, part. praet. *haršta-* 'entlassen, entsenden, ausschicken; an seinem Orte belassen, liegen lassen', ср. также сред.-перс. *hištan*, 3 sg. *hilet* 'lassen, verlassen, zulassen', ново-перс. *hištan*, praes. *hel-* 'entlassen'; парф. praes. *hirz-* [*hyrz-*], part. praet. *hišt* [*hyšt*] 'оставлять, покидать; устанавливать' (Maqrhofer, III, 498; ОИЯ 1981, с. 175, 214), курд. *hištin*, praes. *hêl-*, сул. *hêštin*, praes. *hêt-* (Цаболов 1976, 66); сомг. praes. *hil-* 'допускать, разре-

шать' (ОИЯ 1982, с. 335), лар. *hel-* 'позволять' (ОИЯ 1982, с. 394, 426); тал. *hašte*, осн. праес. *hašt-* 'оставлять, пускать, позволять', ормури К. *hatak*, *ž^m* 'to leave' (<**hr̥staka*, **hr̥z-*), акцентный тип см. Ефимов 182, парачи *yu-rz-ēw-* 'to pour out' <**wi-hr̥z-*)

: др.-инд. *srjāti* 'освобождает, отпускает; позволяет, бросает, возлагает; льёт, проливает' (VI кл.).

2. афг. *krī* (inf. *krīál*) 'делает, совершает' [Зив.: *krī~aw krī ye*; праес. sg. 1. *krām* Асл 675², 2. *krē* Асл 677¹, 3. *krū* Асл 677¹, pl. 1. *krū* Асл 676¹, 2. *krāi* Асл. 677¹, 3. *krū* Асл 677¹; inf. *krāl* Асл 675¹; та же парадигма в качестве вспомогательного глагола приводится в ЛебТабл 845 (табл. 17)]

<**k(ə)ri* (ʕ в презенсе из основы инфинитива и претерита. Перестройка атематического типа **čarti*: **kranti*, ср. в авестийском реликты атематического типа: conj. sg. 1. *čarāni*, 3. *čaraŋ*, *antara.čaraiti*; imper. *kərəšvā*, Bartholomae, 445 и 447)

: др.-инд. *krthás* (2 du, RV V, 74, 5), *kurmás* (1 pl., RV X, 51, 7) и др. 'делать, создавать, готовить, совершать' (II кл.).

3. афг. *wri* (inf. *wriál*) 'несет, уносит, переносит' [Зив.: *wri~aw wri ye*; так же ЗудКрАР 527² (*wpū*), 382² (2 sg. *wpē*); праес. sg. 1. *wpām* Асл 945¹, 2. *wpe* Асл 945², 3. *wpu* Асл 945²; pl. 1. *wpu* Асл 945², 2. *wpāi* Асл 945², 3. *wpu* Асл 945²; так же ЛебТабл 852 (*wpu*)]

<**w(ə)ri* (ʕ в презенсе под влиянием инфинитива, ср. в афридийском диалекте с сохранением первоначального *r*: *rāwrām* EVP, 92. Перестройка атематического типа *bharti*: *bhranti*, ср. йидга *āwəwūt* (Yzh) 'я несу'. Распространение нулевой огласовки в этой основе является, по-видимому, восточноиранской диалектной инновацией, сам же атематический тип отмечается в авестийском, хотя очень скудно: только в imper. 3 sg. *barəiū* (act.) и *barətam* (pass.). Как обычно, при наличии атематического типа следует считать первичным его)

: др.-инд. *bhārti*, pl. *bhrānti* 'несет, несут'; для первоначальности атематического типа ср. греч. *φέρτε*, лат. *fert*.

4. афг. *māži* (inf. *māžál*) 'трет, мнет; намазывает' [Зив.: *māži~aw māži ye*, но 1 sg. *māžəm*; *mūžū* ЗудКрАР 481¹, *муžú* ШафГр 1146, *мъжú* ЛебКАР 504, 509, *мухú* Асл 829¹ с пометой *дуал.*, *муžú* Асл 866², но 1 sg. *муžəm* Асл 819², о расширении ретракции ударения за пределы формы 1 sg. свидетельствуют, по-видимому, формы *муху* Асл 867¹ и *муžу* ЛебТабл 852]

<**māži*<**məržái*<**məržád'i*<**məržát'i*<**mṛžáti* (ž в презенсе из -*rz-*, ž в инфинитиве из -*ršt-*, для фонетической закономерности такого развития в афганском см. Эдельман 1986, с. 92—93 и Morgenstierne EVP, с. 42, sub 'lěžəl'. Ср. авест. праес. *mərəza-* 'streifend berühren', с приставкой *frā*: *framərəzəti* 'wegfegen; freifegen, säubern; (einen Vertrag) aufheben', Bartholomae, 1152—1153. В Авесте зафиксирован этот корень также в полной ступени огласовки: *marəza-*: 3 pl. impf. act. *āmarəzən* 'auffliegen', *framərəzən* 'fortfliegen', *vimərəzən* 'hin und her fliegen'. В современных юго-западных иранских языках в качестве основы наст. вр. надёжно отмечается лишь эта последняя основа, ср. сред.-перс. *māl-* (*m'l*), кл. перс. *māl-*, тадж. *mōl-*, дар. *māl-*, совр. перс. *māl-*, лар. *mar-/māl-* 'тереть, гладить; намазывать'. Она же заимство-

вана в северо-западные иранские языки, ср. тал. *mol-*, курд. *mal-* 'чистить, очищать, подметать; скользить', бел. *mal-* 'reiben, mischen, streichen'. Вторично от этой основы образована и основа инфинитива (прошедшего времени), ср. inf. сред.-перс. *mālitān* 'натирать, растирать', кл. перс. *mālidān*, тадж. *mōlidān*, дар. *mālidān*, совр. перс. *malidān* 'тереть, гладить', лар. *mareda/māleđa* 'тереть, намазывать'; тал. *mole* 'тереть, вытирать, растирать', курд. *malin* 'чистить, подметать; скользить', бел. (?) *mal(i)tan* 'reiben, mischen, streichen'. Однако в ряде языков сохранилась старая основа прош. вр. с нулевой ступенью огласовки, ср. кл. перс. *muštan*, совр. перс. *moštān* 'разминать, растирать', курд. *mištīn* 'чистить, очищать, подметать', бел. *muštīn* 'reiben, kratzen, streichen, salben, mahlen' (где *-uš-<*urš-<*rš-, при *ž<*z перед *t). Если курдский сохранил эту основу исключительно в формах прошедшего времени и инфинитива, продолжая в данном отношении ситуацию, зафиксированную в парфянском (ср. парф. graes. *nī-marz-* [*nmrz-*] 'чистить, очищать': part. graet. *nimušt* [*nmwšt*] 'сглаженный', см. ОИЯ 1981, с. 164, 175), то в белуджском и, по-видимому, в персидском с ней образуются также формы наст. вр., ср. бел. graes. [aor.] 1 sg. *amuštīn*, 3 sg. [-a] *muštīt*, Geiger Et. Bal. 137; что следует интерпретировать, по-видимому, не как проникновение основы прош. вр. в категорию презенса с вытеснением рефлекса основы *marz-, а как развитие основы *marza- [<*mrza-] с нефонетической заменой *-rz- и его нормальных фонетических рефлексов под влиянием основы прош. вр. Следы этой основы, может быть, сохраняются также в таких оборотах как курд. *miz dan* 'тереть, растирать, обтирать; давить, раздавливать; ласкать, гладить'. При сближении основы афг. глагола с обсуждаемой основой его вариант graes. 3 sg. *māši* [*mūxu*, *mūxu* Асл 829¹, 867¹], соответственно, ванечи graes. 1 sg. *muršēni* 'I rub' может объясняться как результат влияния основы прош. вр., ср. афг. inf. *māšāl*, ванечи graet. *muršī* 'rubbed', см. Morgenstierne NTS IV, с. 161, 166, 167. Однако имеется также возможность объяснения варианта афг. *māši*, ванечи *muršēni* как результата фонетического развития основы *marša-<*mrša-, ср. вах. *myrs-*: *morst-* 'щупать, трогать', graes. 3 sg. *myrst*; согд. христ. *mrus-* [*mrws-*], ман. *pačmrus-* [*pcmrws-*] 'трогать, касаться', где -ru-<-ur- в результате метатезы, см. ОИЯ 1981, 385; др.-инд. *mrśāti* 'berührt, faßt an, streicht', см. Mayrhofer II 677, Пахалина Вах. 223¹, Грюнберг—Стеблин-Каменский Вах. 394. О возможности фонетического возведения афг. *š* к иран. *-rs- см. ниже

Примечание. Второе сопоставление афг. основы в значительной степени поддерживается ормури лог. graes. *mōx-* 'тереть(ся)', возводимой В.А. Ефимовым к иран. *mršya- (IV кл.) и связываемой таким образом с др.-инд. pass. 3 sg. *mrśyate* (B), см. Ефимов 95)

: др.-инд. *mrjāti* 'трет, вытирает, гладит, очищает' (Mayrhofer II, 670—671), ср. также др.-инд. (II кл.) *mārṣti*, pl. *mrjānti* 'утирать, чистить, удалять' (если даже VI кл. непервичен, его возникновение у данного глагольного корня следует, по-видимому, относить уже к индоиранскому периоду).

: др.-инд. *mrśāti* 'прикасается, гладит' (альтернативное сближение). Возможно, мы имеем дело в данном случае с контаминацией

этих двух корней. При всех альтернативах первичность ударения на окончании в индоиранском не вызывает сомнения.

Примечание. Афг. *išī*, *išīti* (inf. *išā́l*, *išītedāl*) 'бежать, убежать, удирать, дезертировать, скрываться' (*išām* 1 sg. praes., EVP, 84; *maḥmī* Асл 236² ~ инф. *maḥā́l* Асл 236² и вторично *maḥmedā́l* Асл 236²; первичное соотношение основ этого глагола, по-видимому, inf. *išā́l* ~ praes. *išīti*, в вазирском, и inf. *išā́l* ~ praes. *i(ə)šām*, на древний характер второго варианта основы презенса указывает, по-видимому, его заимствование в ормури лог. *išīm*, part. praet. *išōk* 'to run away', EVP, 83. IFL. I, с. 410²), ср. praes. авест. *tərəsa-* '(sich) fürchten': сред.-перс. ман. *tirs-* [*tyrs*], парф. *tirs-* [*tyrs*], бел. *trus-*, *turs-*, курд. *īrs-*, гилан. *tərs-*, мазандер. *tərs-*, лар. *tərs-*, (Гераш) *tirs-* 'бояться' < иран. **tṛsa-* < **tṛs-sa-* < **tṛs-skē-* (инхоатив). Характер основ авест. *tərəsa-*, др.-перс. *tarsa-*, отраженных преимущественно в юго-западных иранских языках, и основы каузатива **trās-* остается не вполне ясным. Учитывая двойственность рефлексии сочетания *-rz-*, которое дает в афганском *-žd-* и *-ž-* нет основания афг. *-š-* в презенсе рассматриваемого глагола объяснять влиянием *š* претеритальной основы, скорее всего в данном случае "ослабленный" вариант фонетической рефлексии *-rs-*, более обычная рефлексия которого *-št-*, см. Эдельман 1986, 86—87; Рагоза 1961, 65.

5. афг. *pušīti* (inf. *puštāl*) 'спрашивает, наводит справки' [Зив.: *pušīti* ~ aw *pušīti ye*, aw *pušīti mi*, aw *pušīti di*; 1 sg. praes. *puštām*; в текстах ударение презентных форм не отмечено]

< **puššā́j* < **pārsādā́i* < **pursādā́i* < **prśā́ti* < **prś-sā́-ti* < **prk-skḗ-ti* (*-št-* в презенсе фонетический рефлекс иран. сочетания *-rs-*, см. Эдельман 1986, 86—87, Рагоза 1961, 65. Ср. йидга *prśim* (Yzh), *pārsām* (Ysh, Yg, Yr) 'спрашиваю', а также: авест. praes. *pərəsa-* (part. praet. *paršta-*); сред.-перс. *purs-* [*pwrś-*] (*pursid* [*pwrśyd*]); ново-перс. *purs-* (*pursīd-*); парф. *pwrś-* (*pwrś'd*), согд. будд. *prś-*, ягн. *purs-*, вах. *pārs-*, 3 sg. *pārst* (осн. прош. вр. *pārst-*), шугн. *pēšc-* (*pēšst-*), руш. *pāws-*, хуф. *pāws-*; язг. *pis-*, хотано-сакск. *puls-* (*pulsīndī* 'they ask him') 'спрашивать' < **prśa-* < **prś-sa-* < **prk-skē-* (инхоатив))

: др.-инд. *prcchā́ti* 'спрашивает' (part. praet. pass. *prśtā́-*).

6. афг. *manī* (inf. *manāl*) 'принимает, соглашается, одобряет, слушается, повинуется' [Зив.: *manī* ~ aw *manī ye*, 1 sg. *manām* (несов. в.), при *mānəm* (сов. в.); в текстах: *nā manū* 3 sg. praes., ЗудКРА 441² sub 'несовместимый', в выражении: *salīm akā ye nā manū* 'это не совместимо со здравым смыслом']

< **manā́j* < **manādā́i* < **manvā́te* из **manuté* < **mṇutā́i* (Основа **mṇneu-*: *mṇnu-*. Вопреки В. Гейгеру (G) и Г. Моргенштерне (EVP) к авест. **manav-*, корень *man-* 'denken, meinen', ср. производное: авест. *manavdri-* f. 'Gemahnerin'. Для значения ср. др.-инд. *anu-man-* 'соглашаться, одобрять'. По фонетическим причинам невозможно отнесение к основе от этого же корня **manua-*: авест. praes. *mainya-*, *maniya-* 'denken', др.-перс. *maniya-*; сред.-перс. *men-* [*myñ-*], inf. *menīdan* [*myñytñ*] 'думать'; хотано-сакск. *mañ-* 'to think, care for, honour'; согд. *myñ-* 'думать, полагать, считать', однако возможно альтернативное сравнение с основой авест. praes. *manua-*, итератив от того же корня, при котором следует предполагать тот же тип акцентировки в афганском.)

: др.-инд. *manuté*, 3 л. pl. *manvaté* 'мыслит, думает, считает, полагает'.

7. афг. *kāñāy* (2 pl. impreg. от *kawā́l* 'делать', см. *kāñā́y* Асл 660¹, с пометой *уст.* Сравнение в ряду презенсов возможно ввиду параллельности

ударения *imper.* и *praes.* в афганском) <*karnutá<*krnutá (Основа широко представлена в других иранских языках)

: др.-инд. *krñóti* 'делает, производит, создает'.

8. афг. *kawí* (inf. *kawál*) 'делает, создает, творит' [Зив.: *kawí~aw kawí ye*; окситонеза также во всех источниках: ЗудКрАР 421¹, ЗудРА, во всем словаре, например, 19², 45², bis, 51², 61¹, 76¹, 114¹, 123², 167², 174¹, 174², 193¹, 199¹, 208¹ и далее; ШафГр 1145, ЛебКАР 423, ЛебТабл 851; Асл 710²: *kavú*, *kəví*, это же ударение в ЛебГр, ЛеБРА, ДВЯП и под.]

<*karwāi<*karwād'i<*karvāti (тематизация VIII глагольного класса, из *karauti; по-видимому, нет надежных оснований, чтобы считать это образование заимствованным из новоиндийских языков, ср. EVP, с. 34 (N 70). Так как в других иранских языках отчетливых реликтов этой основы не обнаруживается, возможно, является локальной изоглоссой соответствующему индийскому (локальному!) образованию)

: др.-инд. *karóti* (AV) 'делает, производит, создает'.

9. афг. *yarí* (inf. *yaštál*) 'крутит, скручивает, вьет, плетет' [В идиолекте Зив. отсутствует; *gharú* ЗудКрАР 373², *žarú* ШафГр 1145, ЛебКАР 363, но ЛебТабл 850: *žaru*, что, возможно, под влиянием ударения прененса от глагола *nyštál* с тем же значением]

<yařái<*yardād'i<*gardāyati (Ср. ормури *gal-* 'вязать'<*gardāya-, другую основу, возможно, отражает тадж. диал. *yel-* 'катиться, скатываться' (*сел-*, inf. *гелидан*, *гелдан*, Расторгуева ОТД 5, 227)<*girda-<*grda-, ср. др.-инд. *granthati*, *grathati*. В основе инфинитива *řt*<*-rst-<*-rit-<*-rth-t-)

: др.-инд. *granthāyati* 'плетет, скручивает, связывает, соединяет' (Mayrhofer I, 352). Вокализм в иранском нормализован по огласовке класса каузативов, в индийском сохраняется аномальная вокализация производящей основы. Менее вероятно рассмотрение афганского глагола как возникшего в результате тематизации глагола инфиксного класса *grnāth-mi:*grnθ-ānti, ср. др.-инд. *grnatti* AV, см. Whitney, с. 39. В последнем случае можно по месту ударения сопоставить с др.-инд. *grathnāti* 'связывает, соединяет, составляет' (Böhtlingk) (IX кл., по-видимому, вторично из VII кл., инфиксного).

10. афг. *larí* (inf. *larál*) 'имеет, владеет; хранит, сохраняет' [Зив.: *larí~aw larí ye*; это же ударение в источниках повсеместно: *ларú* ЗудКрАР 112², sub 'пык', 180², sub 'джбр'; *ларú* ЗудРА 30², 35², bis, 40², 97², 154², 155², 175², 281², 293², 305², 313², 507¹ и др.; ШафГр 1145, ЛебКАР 456, ЛебКРА 40, 137, 164, 216, 247, 460, 581, 644, 663 и др.; Асл 755², ЛебТабл 851; 1 sg. *ларьm* ЛебКРА 27, 100, 546, 564, 588, 601, 682, 684; 2 sg. *ларé* Асл 755²; 1 pl. *ларú* ЗудРА 271², ЛебКРА 201; 2 pl. *ларьü* ЛебКРА 72, 101, 541 и т.д.]

<*larái<*daráyati или *dāráyati (Краткостная рефлексация иран. *ā в итеративах и каузативах наблюдается в афганском и в других подобных случаях (см. ниже), но ср. краткостный вариант этой основы, отмеченный в Авесте: *fra-darayōit*. Нормально итеративная основа от данного корня представлена в Авесте с долгим -ā-, рефлекссы которого прослеживаются и в других иранских языках, ср. авест. *praes.*

dāraya- 'halten'; ново-перс. *dāštan*, 1 л. praes. *dāram* 'иметь, обладать, владеть'; осет. *daryn*, *darun* 'держат, содержат; разводит (скот), носить (одежду)'; хорезм. *dār-* 'иметь' (3 л. ед. ч. наст. вр. *dārēc(ā)* 'держит' ХЯ, 72; 1 л. ед. ч. прош. вр. *dārīn* ХЯ, 92; 1 л. ед. ч. соп. *dāriyā* ХЯ, 110 — класс на *-ayā*); согд. *δ'r* 'иметь, держать' (в форме 2 л. pl. praes. *δ'ryd* отражается итеративная основа¹³), ягн. *dor-*: *dorta-* 'держат; показывать'; шугн. *dēr-*, руш. *dēr-*, барт. *dōr-*, сар. *dor-* (где отражен древний *ā* в позиции *i*-умлаута, см. Соколова, с. 42), вах. *dyr-* < **dāraya-*. Такое же итеративное значение свойственно и древнеиндийскому соответствию).

: др.-инд. *dhārayati* 'держит, несет, сохраняет' (Böhlingk).

11. афг. *lwani* (inf. *lustāl*) 'сыплет, рассыпает, посыпает; брызгает, разбрызгивает; опрыскивает' [В идиолекте Зив. отсутствует; лунд. *лавану* Асл 770², 1 sg. *лунэм, лаванэм* Асл 770²]

< **dwanāi* < **dwanāya'd'i* < **dvānāyati* (ср. авест. praes. *-dvānaya-*, *us-dvānaya-* 'hinauf, in die Höhe fliegen machen'; хотано-сакск. *uysvān-* 'to scatter', ягн. *dēvāyn-*, *divāyn-* 'веять'; шугн. *divēn-* 'веять хлеб', руш. *divēn-* 'веять, провеивать'; барт. *divōn-*, сар. *divōn-* 'веять', язг. *δāvān-* 'веять, провеивать (зерно)' (в языках шугнано-язгулямской группы *ā* в позиции *i*-умлаута, см. Соколова, с. 42, для язгулямского рефлекса, см. там же, с. 84—85); ишк. *dvīn-* 'веять' (относительно рефлекса корневого гласного см. предшествующий пример); вах. *byn-*; мундж. *lāvon-* 'веять', йидга *lābān-* 'веять'; ормури *ban-* 'бросать, класть'. Рефлекс короткого *a* наблюдается, по-видимому, лишь в афганском, ормури и хотано-сакском (?). Возможно, здесь наблюдается специфическое развитие др.-иран. *q*. Определенные трудности представляет объяснение основы инфинитива *lust* < *lwast-*, что, по-видимому, заставило Г. Моргенштерне искать связь ее с основой *band-* (см. EVP, 41; IIFL I, 389, IIFL II, 222). Архаическую основу, восходящую к *t*-причастию, из других иранских языков показывают язгулямский и мунджанский: язг. *δāvūd-*, мундж. *lāvey-* (< **dvata-* < **dhvata-* < **dhvnta-*); Г. Моргенштерне связывает с этой основой авест. adj. *bata-* 'winnowed' (IIFL II, 222) (у Бартоломе: 'geschrotet', vom Getreide) (?). Данная основа, по-видимому, была включена в парадигму каузативного глагола из числа форм производящего: *dvāna-* (?) или инхоатива *dvāsa-*, зафиксированного в Авесте; влиянию последнего можно было бы приписать основу **dvasta-*, которая, по-видимому, должна дать в афганском *lwast-*, ср. афг. *ist-* (в *istāl* 'тянуть, вытягивать') < **yasta-* от инхоатива *yasa-* (I, 19).)

: (?) др.-инд. *dhvaṃsāyati* 'сыплет, рассыпает, посыпает, разбрасывает, рассеивает', др.-инд. *dhvasāyati* 'брызгает, прыскает, моросит' (Это сравнение основано на предложенном Г. Рейхельтом сближении данных корней, см. АЕб., с. 458. Оно было бы подкреплено, если бы удалось связать авест. инхоатив *dvāsa-* с др.-инд. *dhvaṃsati* 'падает, распадается, рассыпается, разлетается', прич. *dvasta-* 'рассыпанный; посыпанный', это возможно, если принять, что авест. *dvāsa-* < индо-иранск. **dvansa-* с нефонетическим, восстановленным из форм типа **dvasta-*, *s* и дальнейшим вхождением в инхоативный класс, соответствующий значению глагола. Индо-иран. каузатив

dvansayati должен был дать **dvanhayati* (*dvahayati*), который мог подвергнуться соответствующей перестройке, в связи с перестройкой производящего глагола.

12. афг. *kari* (inf. *karál*) 'сеет, сажает, культивирует' [Зив.: *kari*~*aw kari ye*; ср. 2 sg. *karé* ЗудКрАР 287², sub 'рѣбыл', *karé* ЗудРА 605² sub 'пожать']

<**karáji*<**karáyati*<**kāráyati* или <**karáti*<**krráti* (К авест. *kar*- 'ausschütten', а не к *kar*- 'einfurchen', как у Хр. Бартоломе и Г. Моргенштерне. Ср., однако, точку зрения В.И. Абаева, считающего невозможным разделять эти корни, см. Аб. I, с. 570. Вероятно, итератив, хорошо представленный в Авесте и в других иранских языках, ср. авест. праес. *kāraya*- '(Samen) ausschütten, ausstreuen auf; durch Ansäen anbauen'; кл. перс. *kāštan*, 1 sg. *kāran* 'сеять, засевать, сажать, культивировать'; осет. *kalyn*, *kalun* 'лить, проливать; сыпать, бросать на землю' (l из медиального *kælyn* 'литься<**karya*', см. Аб. I, 570), хотано-сакск. *kēr*-, согд. *kyr*- (**kēr*-) 'сеять'; йидга *kār*- (: *kišč*-) 'сеять, сажать'; язг. *kār*-: *kard*- 'сеять, засевать; возделывать (землю)' (о восхождении этого глагола к итеративной основе см. В.С. Соколова. Ген. отн., с. 85). При принятии идеи В.И. Абаева о единстве корней *kar*- 'ausschütten' и *kar*- 'einfurchen', к этому ряду следует отнести также: авест. праес. *kāraya*- 'einfurchen'; мундж. *kōr*- (: *kišk*-) 'пахать' (ср. в йидга 'сеять, сажать'); ишк. *kir*-: *kyrbd*- 'пахать'; шугн. *čēr*-: *čērt*- 'пахать'; руш. *čēr*-: *čērt*- 'пахать'; вах. *kyr*-: *kāyt*- 'пахать'. Афганский краткостный рефлекс первичного **-ā*- может быть сопоставлен с подобным же явлением в афг. *lari*, ср. также ниже афг. *kaní*. Но, возможно, афганский глагол непосредственно соотносится с др.-инд. глаголом VI класса: на наличие в праиранском глагольных образований разных классов от этого корня указывают отношения в осетинском, см. Абаев 1,359—370)

: др.-инд. *keláyati* (Dhātupāṭha) 'бросает, кидает' (ближайшая к иранской форма и, вероятно, восходящая к индоиранской праформе, об отражении её в ново-индийских языках см. Turner, с. 180 [N 3467]), — итератив от корня **kṛ* 'бросать, сыпать' с диалектным l<*r и вторичным ("ложным") аблаутом: результат трактовки i в др.-инд. *kir*-<**kṛ*- как нулевой ступени от -ai- (др.-инд. *kārayati* только в индийских грамматиках и, по-видимому, лишь в значении каузатива)

: др.-инд. *kiráti* (V) 'выливает, высыпает, встрясают, сеет' (фонетически точное соответствие афганской презентной форме при второй её трактовке).

13. афг. *kaní* (inf. *kanál*) 'роет, копает' [Зив.: *kaní*, по утверждению информанта, глагол *kaní*~inf. *kanál* имеет длительное значение, в отличие от глагола *kāni*~inf. *kāndál*. Вероятно, формы *kūnū* ЗудКрАР 212² sub 'дзān', *kinū* Асл 696¹, ЛибТабл 851, *kānū* Асл 696¹, 2 sg. *kāné* Асл 696¹ отражают именно акцентовку итеративного варианта и, возможно, свидетельствуют о контаминации двух разных основ в этом глаголе в литературном афганском и в ряде афганских диалектов]

<**kanáji*<**kanáyati*<**kānáyati* (Относительно сокращенного рефлекса **ā* см. выше афг. *lari*, *kari*; ср. авест. праес. *kānaya*- (iter.) 'graben', сред.-перс. *gugān*- (*gwk'n*-, ман. *gwg'n*-) 'уничтожать', парф. *vigān*-

(*wug'n-*) 'уничтожать' (ОИЯ 1981, 105, 211); по-видимому, эта же основа отражена в хотано-сакск. *nyāmdā* 'he rejected' <*ni-yān- <*ni-kān- (Bailey, 194), вах. *кын-* 'копать' <*kān-, 3 sg. *кынд*, осн. прош. вр. *кот-*, см. Стеблин-Каменский ИФВЯ 11—16, Соколова ИЯ 1980, 37—40, Стеблин-Каменский ИЯ 1980, 57—66; безусловно фактическое исключение количественных различий первичных *a из проблемы вокалической рефлексации в концепции Т.Н. Пахалиной, см. ОИЯ 1987, 412—419 и, особенно, 460—463, где очевидная связь ваханского распределения основ с иранскими глагольными классами вступает в резкое противоречие с постулируемой автором глубокой перестройкой системы по основам наклонений)

:др.-инд. *khāṇayati* (Ударение не зафиксировано, однако может быть восстановлено, исходя из общего правила акцентовки др.-инд. глаголов на *-aya-*. В древнеиндийском отмечается, по-видимому, лишь каузативное значение данного глагола, но среди новоиндийских его рефлексов встречаются формы, которые могут восходить к итеративному глаголу, см. Turner, с. 200 (N 3811). Не исключено, конечно, что мы имеем дело с собственно иранским образованием, а ново-индийские соответствия представляют собой результат независимого параллельного развития).

14. афг. *rebí* (inf. *ravdál, ravdál, rebál*) 'жнёт, косит, убирает (хлеб)' [praes. 2 sg. *рѣбѣ*, inf. *рѣбыл* ЗудКрАР 287², praes. 2 sg. *ребѣ* ЗудРА 605¹, sub 'пожать', praes. 1 sg. *рѣвѣм* Асл 457², 3 sg. *рѣвѣ* Асл 455¹; inf. *равдál, рѣвдál* Асл 455¹, *рѣбдál* Асл 459², *ребál* Асл 460¹, ЗудРА 207¹, sub 'жать', *ребъл* ЛебКАР 278, ЛебКРА, 204, 312, sub 'жать', 'косить']

<**raupáyati* или **rūpáyati* (Ср. авест. **rūpayēntī*, если 'sie verusachen Erbrechen', а не 'sie täuschen, betrügen (hervorrufen Scheinbilder, falsche Vorstellungen)', как Bartholomae 1532, см. Mayrhofer III, 68; сред.-перс. *hrwb-* (*hrwpt-*) 'открывать', кл. перс. *rubāyem* (inf. *rubūdan*) 'отнимать, похищать' <**rupāya-*, тадж. *rūb-* (inf. *ruftan*), кл. перс. *rōb-* (inf. *rustan*), ново-перс. *rub-* (inf. *roftān*) 'мести, подметать, сметать'; бел. *rōp-* (осн. прош. вр. *rupt-*) 'подметать'; парф. *pārwb-* (осн. прош. вр. *pārwft-*) 'mettre en détout' <**pāti-raup-*; осет. ирон. *rūv-un* (*ryvd*), дигор. *rov-un* (*ruvd*) 'полоть', согд. будд. *rwp-* 'pluck', *pr'wp-*, *pr'rwp-* 'sweep', христ. *rwp-* 'убирать, снимать', ягн. *rip-*, *rub-* (осн. прош. вр. *rupt-*) 'жать хлеб', шугн. *rūb-* (осн. прош. вр. *rūvd-*) 'мести, сгребать', хотано-сакск. *rrūv-* (*rrv-*) 'to remove' <**raup-* 'сметать', *burūv-* (*būrv-*) 'to remove, destroy' <**vi-raup-*; парачи *rūy-* (осн. прош. вр. *rūt-*) 'to sweep')

:др.-инд. *ropáyati* (Вр.) 'вызывает острую боль' ← *'ломает, рвет, пронзает' (Mayrhofer III, 68, Абаев II, 434—435, Bailey 298, 367, Ягн. 316¹, Emmerick 101, 117).

15. афг. *swazí* (inf. *swál*) 'сжигает' [Зив.: *swazí~aw swazí ye* tr. 'сжигать', при *swázi~aw swázi ye* intr. 'гореть'; источники дают окситонированный вариант для значения 'гореть': *свадзѣ* ЗудКрАР 331², *свадзѣ* ЛебКАР 314, 316, ШафГр 1145; *свадзѣ* ЛебТабл 850, — или приводят окситонированный вариант без различения значений: *сезѣ* Асл 535¹. Это, по-видимому, свидетельствует о контаминации двух различных первоначальных основ]

<*saučáyati или *sūčáyati (В большинстве диалектов афганского, по-видимому, произошла контаминация двух основ: *śaučā-* 'гореть' и *śaučāya-* 'жечь', рассматриваемый. презенс в шинвари продолжает ударение каузатива. Г. Моргенштерне видит следы различных основ в двух вариантах: *swazī* <*saučā-, *sezī* <*saučāya-, опираясь на различие в значении этих вариантов, наблюдающееся в диалектах, наиболее отчетливо, по-видимому, в вазирском диалекте: *swəl, swēzā* intrans. ↔ *sēzəl, sēzā* trans. В этом случае любопытным является наличие умлаута (?), обычно не наблюдающееся у афганских презентных основ, восходящих к каузативам и итеративам. Каузативная основа (ср. авест. praes. *saočāya-* 'inflammāre, incitāre') хорошо представлена в восточно-иранских языках: осет. *sūjīn, sojun* 'жечь, поджигать; гореть' (вероятно, также с контаминацией основ); хотаносакск. *sūjs-: sūta-* 'жечь' (3 pl. praes. *pa(m) nā sūjsīndi* 'ноги им сожгут (сжигают)' E V, 59); согд. *swč-: swyt-* 'зажигать' (subj. 3 sg. *swč'w TS 12, 47*; inf. *swč'w TS 3, 178, 6, 172*, part. pass. *swytw TS 5, 111, 7, 138*), ягн. *suč-, soč-: sučta, sušta* 'жечь'. Следует отметить, что ни сакский, ни согдийский (и ягнобский) не дают каких-либо следов умлаута. Основа инфинитива *sw-* <*suxta-, см. EVP, с. 71).

: др.-инд. *śocáyati* (V) 'зажигает, мучит'. Интересны формы каузатива с нулевой огласовкой корня, обнаруживаемые в Ригведе: *śucáyantam* (RV 872, 8), *śucáyantas* (RV 147, 1), *śucáyabhis* (RV 352, 1, 2; 830, 6), — которые в афг. могли бы дать **səzi*, форму довольно близкую к варианту *sezī*, который мог бы возникнуть в результате замены исчезающего в безударном положении э под влиянием парной формы *wezī*. Однако для проверки этого предположения слишком мало фактов.

(b) Афганские формы с подвижным ударением (приставочные *oxytona* и *oxytona* с долготным корнем)

(1) Формы со слоговой приставкой.

16. афг. *rāzī* (inf. *rātlāl.*) 'приходит' [Зив.: 1 sg. *rāzəm*, 3 sg. *rāzi*, II позиция не зафиксирована; подвижность ударения устанавливается по вариативности акцентовки в источниках: *rādzu* ЗудКрАР, 276¹, 407¹ sub 'кшйта', *rādzu* ЗудРА 301¹ sub 'клонить', 444¹ sub 'нет', 453² sub 'нрав', sub 'нравиться', 823¹ sub 'случаться', 856¹ sub 'спать', 928² sub 'тянуть', 981² sub 'ходить', 984¹ sub 'хотеться', 992² sub 'часто', 1003¹ sub 'чудиться', 1018² sub 'являться', ШафГр 1144, ЛебГр 174, ЛебКАР 264, Асл 438²; ср. также *rādza*, пов. несов. от *rātlāl* Асл 438² ~ *rādzu* ЗудКрАР 394² sub 'kācā', *rādzu* ДвЯП 80, *rāzī* ОИЯ 1987, 95, 96, 132, 139, bis, буд. несов. 3 sg. *rāzī bə, bə rāzī* 'будет приходить' ОИЯ 1987, 96, *bə dālta rāzī* 'будет приходить сюда' ОИЯ 1987, 96, *darzəm* 'буду приходить' ОИЯ 1987, 100; <**rā-zawāi* ~ **rā-zawāi* <**adra-čyawā'ti*]

~ афг. *zī, sí, šī* 'идет' (<**čyawā'ti, šyawā'ti*. Позиционное распределение рефлексов *š* и *č* не ясно. Для иранского ударения акцентовка др.-инд. *čyāvate* 'передвигается' не показательна, так как иранский глагол относился к нетематическому классу: авест. *šyav-, šav- ~ šv-* 'sich in Bewegung setzen',-и, следовательно, должен был иметь подвижную акц. парадигму. Обобщение окситонезы показывает и развитие в хотаносакском: praes. 1 sg. *tsū*, 1 pl. *tsām*, 3 pl. *tsīda* 'идти').

17. афг. *áxli* (inf. *axistál*) 'берет, получает' [Зив.: *áxli* ~ *aw áxli ye*, т.е. постоянное ударение на исторической приставке, однако вариативность акцентровки в источниках указывает на первоначальный подвижный тип, в шинвари, по-видимому, результат генерализации начального ударения; *áxli* ЗудКрАР 18¹, bis, *áxlu* ШафГр 1143, ЛебГр 108, 185, 198, 199, ЛебКАР, 25, ДвЯП 48, Асл 34¹, 1 sg. *áxlm* ЛебГр 205, *áxlm* ЛебГр 183, 2 sg. *áxle* ЛебГр 203, ср. также пов. несов. 2 sg. *áxla* ЛебГр 131, 2 pl. *áxlyú* ЛебГр 131 ~ *axlyú* ЛебТабл 846, 1 sg. *axlm* ЛебГр 131, *áxlm* ЛебГр 181; < **á-xəlāi* ~ **a-xəlāi* < **ā-xidáti*]

~ др.-инд. *khidáti* 'жмет' (для значения ср.-др.-инд. *ā-khid-* 'an sich reissen').

18. афг. *rāwri* (inf. *rāwṛál*) 'приносит' [Зив.: *rāwri* ~ *aw rāwri ye*, ср. также *pāwri* Асл 442¹; < **rā-wəṛāi* ~ **rā-wəṛāi* < **aṛrā-barāti*]

~ афг. *wri* 'несет, уносит, переносит' (< **wəṛāi* < **barāti*; выравнивание первоначально атематического типа с подвижным ударением, ср. др.-инд. *bhārti*, pl. *bhrānti* 'несет'; подробности см. выше).

19. афг. *wāžni* (inf. *wažál*) 'убивает' [Зив.: *wāžni* ~ *aw wažni ye*, при варианте: *aw wāžni ye*; источники и другие информанты окситонированный вариант не подтверждают, Зиргуна Риштин: *aw wāžni ye*, так же Зурмати Мохаммед Наби; *wāžni* ЗудКрАР 529¹, *wāžni* ШафГр 1146, ЛебКАР 566, ЛебТабл 852, Асл 947¹, ЛебГр 109; по-видимому, в большинстве диалектов произошла генерализация начального ударения; < **wā-žənāi* ~ **wa-žənāi* < **awa-žənāti*. Выравнивание атематического типа, ср. авест. *jan-* ~ *yn-* 'schlagen']

~ др.-инд. *hānti*, du. *hatás*, pl. *ghnānti* 'убивает'.

20. афг. *preždi* (inf. *prežodál*) 'оставляет, покидает, позволяет' [Зив.: *preždi* ~ *aw preždi ye*, подвижный тип подтверждается вариативностью акцентровки в источниках: *preždū* ЗудКрАР 105², *preždu* ШафГр 1143, ЛебГр 220, ЛебКАР 93, *preždu* ЛебТабл 848 ~ *preždi* ОИЯ 1987, 94 и парадигма презенса от этого глагола: sg. 1. *preždām*, 2. *preždé*, 3. *preždi*, pl. 1. *preždū*, 2. *preždāy*, 3. *preždi* ОИЯ 1987, 95; < **pre-ərzāi* ~ **pre-ərzāi* < **parai-hərzāti* < **parai-sr jāti*]

~ афг. *ždi* 'кладет' (< **ərzāi* < **hərzāti* < **sr jāti*, ср. др.-инд. *sr jāti* 'освобождает, бросает, низвергает').

Примечание. Форма *iždi*, вероятно, отражает основу с приставкой **vi*; < **yiž-di* < **yərzāi* < **vy-ərzāi* < **vi-ərzāi* < **vi-hərzāi* < **vi-hərzāti* с сохранением первоначально приставочноударного варианта подвижного акцентного типа.

21. афг. *áw(o)ri* (inf. *awuštál*) 'перевертывается' (Зив.: *áwri*, II позиция не отмечена; подвижный тип устанавливается по вариативности акцентровки в источниках: *áwru* ЛебТабл 847, Асл 88¹, 1 sg. *áwṛəm* Асл 88¹, *áwṛəm* Вечка 111 ~ *awoṛú* ЗудКрАР 48¹, *awoṛú* ШафГр 1143, ЛебКАР 56, *awarú* ЛебТабл 847 (неясна форма *awúru* ЛебГр 108); < **á-wəṛāi* ~ **a-wəṛāi* < **ā-wəṛtáti* < **ā-wṛtáti*, перестройка атематического типа **vārtti*; **vṛtáti*. В Авесте этот тип не зафиксирован, но его наличие в иранском весьма вероятно: в Авесте данный корень вообще встречается лишь один раз, а др.-инд. и другие и.-е. языки указывают на первичность атематического типа. Для ситуации в иранском ср. авест. *varət-* 'vertere' (отмечена презентная основа *varəta-*), сред.-перс. *ward-* (inf. *waštan*) 'вращаться, вертеться, поворачиваться, возвра-

щаться', ново-перс. *gärd-* (inf. *gäštän*) 'вращаться, вертеться, кружиться; гулять, прогуливаться; ходить, передвигаться; становиться, делаться'; парф. *wrd-* (осн. прош. вр. *wšf-*) 'se tourner' (Ghilain, 53); согд. будд. *zw'rt-* 'возвращаться', 3 pl. imperf. *zyw'rt'nt* (*zīwariand*), ягн. *zīwort-*, *zūwort-* 'поворачиваться (обратно), возвращаться' (<*uzwart-); хотано-сакск. *bad-* 'вертеться, вращаться', intr. med.: praes. 3 sg. *balitte*, 3 pl. *baqāri* (Emmerick 92, Bailey 267); шугн. *parward-* 'перевернуться, свернуться, скатиться'. Вокализм в афганском и, по-видимому, в шугнанском (ср. Соколова 1967, 56—58) указывает на -r-, в других языках фиксируется полная ступень, либо, как в хотано-сакск., рефлексация амбивалентна. Различие ступеней вокализма при явной общности основы, по-видимому, свидетельствует о вторичной тематизации атематического класса, которая обычно приводит в иранском к окситонированному типу, ср. афганские примеры выше и йидга *worām* (Ysh.) 'тку, плету').

~ др.-инд. **vārtti*~**vrīānti* 'вертеться, кружиться, валиться, кататься', ударение не зафиксировано, сам же атематический тип отмечен в RV 626, 38 (VIII, 6, 38) *varti* (3 sg = *vartti*) и в RV 165, 14 (I, 165, 14) *varitta* (2 pl.), для подтверждения характера ударения ср. удвоенную форму опатива: *vavṛtyām* RV VIII, 7, 33. Ударение др.-инд. формы I класса от этого же корня: *vārtate* 'кружится, вертится'; не может быть принято во внимание, ввиду ее вторичности, см. Николаев-Старостин БСИ 1981, с. 266, 330 (N 84). Неясно, можно ли связать вариант афг. *awūri* с ударением баритонированных форм, типа др.-инд. **vārtti*).

22. афг. *péžani* (inf. *pežandól*) 'знает, признает' [Зив.: *péžani*~*aw péžani* ye, неподвижный акцентный тип с начальным (наприставочным) ударением, который, однако, следует признать вторичным (обобщение начальноударного варианта) ввиду вариативности акцентовки в печатных источниках: *пéжану* ШафГр 1144, ЛебКАР 110, ЛебТабл 848, Асл 202², *па-пéžани* ОИЯ 1987, 96, 1 sg. *пéжанэм* ЗудРА 773² sub 'рука', *пéжанэм* ЛебКРА 245 sub 'знакомый', 1 pl. *пéžани* ОИЯ 1987, 95, 2 pl. *пéжанэй* ЗудРА 254² sub 'знакомый', 255¹ sub 'знать'~*пéжанэй* ЗудКраР 168² sub 'толпына', 374² sub 'rhal', 1 sg. *пéжанэм* ЛебКРА 247 sub 'знать', 2 pl. *пéжанэй* ЛебКРА 247 sub 'знать'; <**pé-žanāi*~**pe-žanāi*<**pat'i-zanāi*'i<**pat'i-zanāi*'i; ср. авест. *pa'ti-zan-* 'jemanden anerkennen' и др. соответствующие]

~ др.-инд. *jānāti* 'знает, признает'

23. афг. *kšémandi* (inf. *kšémandól*) 'жмет, нажимает, сдавливает, делает массаж' [Зив.: *kšémandi*~*aw kšémandi* ye, в печатных источниках акцентованные формы презенса не встречены; <**kšé-man(d)āi*~**kšé-man(d)āi*<**kaše-manā*'ti<**manθ-nā*-ti, -d- в этом случае из основы инфинитива, которая из *manā-*, что, в свою очередь, в результате перестройки первичной др.-иранской формы **masta-* или **māsta-*: афганский глагол по значению примыкает скорее к ряду: авест. praes. *manā-* (<**manθnā* <**manthnā*-), *ā-manā-* 'разминать, раздроблять (посредством удара, толчка)', *vī-manā-* 'толкать (пест)'; язг. *δə-mān-*: *δə-mūd-* (<**manā-*:**mata-*), 1 л. sg. praes. *dəmanin* 'разминать, мять (кожу, шкуру животного для поделок)'; сар. *дытónат*

‘смажу (тестом шкуру)’ (Сар. яз., с. 184, 4); йидга *ləmonám* (<*ni-ma-nāmi<*ni-maṅṅnāmi): прош. *lāmīim* (<*ni-mata-) ‘натирать’; — чем к ряду: хотано-сакск. *maṁth-* ‘взбалтывать, взбивать, мешать’ (3 sg. praes. *maṁthətə* E 2, 16; 3 sg. opt. *maṁthə* E 2, 112); согд. будд. *mṇḍ-* ‘мешать, ворошить’; осет. *z-māntin, āz-māntun* ‘смешивать, мешать’, *a-māntin*, ‘месить, мешать (закаваску для теста)’; парачи *menth-* ‘смазывать, вытирать’ и под. Семантическое расхождение основ, представленных этими рядами, представляется довольно древним, а выведение основы инфинитива из **manthita-* в большей степени искусственно, чем принятие перенесения основы инфинитива в презенс (или контаминации основ), что многократно наблюдается в афганской глагольной системе]

~ др.-инд. *mathnāti* ‘мешает, трет, мнет’ (как в индийском, так и в иранском для данного глагольного корня первичен, по-видимому, VII класс: **mṇáth-mi*: **mṇth-ánti*. В этом случае ударение в др.-инд. *mathnāti* и окситонеза афганского глагола являются нормальным продолжением подвижной акцентной парадигмы индо-иранского, тогда как ударение др.-инд. вариантов: *mānthati, máthati* — результат действия морфонологического правила Соссюра, см. Зализняк А.А. “Из древнеиндийской морфонологии” в кн.: “Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы”, М. 1972, с. 52).

24. афг. *áčawí* (inf. *ačawál*) ‘бросает, кидает, кладет, ставит, воздвигает’ [Зив.: *áčawí~ačawí ye*, подвижный акцентный тип подтверждается вариативностью акцентовки в источниках: *áčawū* ЗудКрАР 41² sub ‘óббáхъсмаѣ’~*ačawū* ЗудКрАР 409¹ sub ‘какарѣ’, ср. также 2 sg. imper. *ačawá* ШафГр 1108; <**áčawāi~*ačawāi<*ā-skabāyāti* или **ā-sčabāyāti*, что является результатом перестройки из инфиксного носового класса, ср. авест., где у перестроенной основы сохраняются омертвевший инфикс: praes. *sčimbaya-*, с префиксами — *ura-skamb-* ‘festmachen’, *fra-skamb-* ‘festmachen, befestigen’]

~ др.-инд. *skabhāyati* (RV) ‘поддерживает, устраивает, укрепляет’, подобная же перестройка инфиксной основы, ср. также др.-инд. *skabhñāti* и *skabhñuvānti*, где иное направление перестройки инфиксной основы (во всех случаях сохраняется первоначальный акцентный тип).

25. афг. *rāwalí* (inf. *rāwustál*) ‘приводит, доставляет’ [Зив.: *rāwali~aw rāwalí ye*; подвижный тип подтверждается также вариативностью акцентовки в источниках: *rāwālū* ЗудКрАР 277², *rāwāli* ШафГр 1144, *rāwāli* ЛебКАР 266, Асл 442¹, ЛебКРА 102 sub ‘волновать’~*rāwālū* ЛебТабл 849, ДвЯП 55, *rawlí* ОИЯ 1987, 94,¹² <**rā-walāi~*rā-walāi<*aθrā-wādāyati*. Итеративная основа прослеживается, начиная с авестийского: авест. *vādaya-* ‘führen’, парф. w’у- ‘вести’, хотано-сакск. *bāya-*, *bāsta-* (praes. 3 sg. *bāyətə*) ‘приводить, приносить’, хорезм. w’zy-, w’zyd- 158, 7 ‘вести, гнать’ (MacKenzie I, с. 553); хорезм. cw’zy-, c’w’zyd 361.2 ‘вводить’ (MacKenzie III, 317)¹⁴, сар. *dywod-*, *dywust-* ‘вводить, вносить’ <**ati-wādāyati*; сар. *zywod-*, *zywust-*; шугн. *ziwēδ-*, *ziwōst-*; руш. *ziwēδ-*, *ziwūst-*; барт. *ziwōδ-*, *ziwōst-* ‘выводить, извлекать, вытаскивать’ <**uz-wādāya-*. В шугнанской группе характер основы отражен в умлаутном ряде: шугн. *ē*, руш. *ē*, барт. *ō*, сар. *o*, см. Соколова

§55—60, специально о данном типе глаголов §57. Для афганского рефлекса ср. *larí* 'имеет'. Основы иного типа от этого корня в иранских языках не обнаруживаются]

~ авест. *vādayati* 'ведет' (<**vādāya-ti*, по общему правилу акцентовки глаголов на *-aya-*)

26. афг. *prékawí* (inf. *prekawál*) 'режет' [Зив.: *prekawí ye*, I позиция не зафиксирована; на подвижный тип указывает вариативность ударения в источниках: *prékaui* ЗудКрАР 47¹ sub 'ўспіна' ~ *prekaui* ЗудРА 301¹ sub 'кин', 3 pl. *prekawí* ОИЯ 1987, 119; <**pré-kawāi* ~ <**pré-kawāi* <**parai-karwād'i* <**parai-karāuti*]

~ афг. *kawí* 'делает' (<**karwād'i* <**karāuti*, ср. др.-инд. *karóti* 'делает', подробности см. выше).

27. афг. *rākawí*, *dārkawí*, *wārkawí* (inf. *rākawál*, *darkawál*, *warkawál*) 'дает (мне, нам), (тебе, вам), (ему, им)' [Зив.: *rākawí~aw rākawí ye*; подвижный тип подтверждается вариативностью акцентовки в источниках: *rākaui* ЗудКрАР 48² sub 'ўшка', *rākaui* ЛеБКРА 44 sub 'беспокоить', 386 sub 'надоедать', 2 pl. *rākaui* ЛеБКРА 279 sub 'какой'; 1 sg. *dārkawm* ЛеБКРА 45 sub 'беспокойство', 592 sub 'рекомендовать', 684 sub 'уверить'; 2 sg. *wārkawe* ЛеБКРА 535 sub 'почём', 651 sub 'стоять' ~ на *darkawí* ЛеБКРА 44 sub 'беспокоить'; *warkawí* ДвЯП 88, 91, ЛеБТабл 852, *warkawí* ЗудРА 791¹ sub 'свидетельство', 3 pl. *warkawí* ЗудРА 669² sub 'признак', 791¹ sub 'свидетельствовать', 1 sg. *warkawm* ЛеБГр 182, bis, ЛеБКРА 252 sub 'из', 2 sg. *warkawé* ЗудРА 811¹ sub 'сколько', ср. также 2 sg. imper. *warkawá* ОИЯ 1987, 20; <**rā-kawāi* ~ *rā-kawāi*, соответственно, <**dār-kawāi* ~ <**dar-kawāi* и <**wār-kawāi* ~ <**war-kawāi* <**aθrā-karāuti*, **aθrā-karāuti*, **awaθrā-karāuti*]

~ афг. *kawí* 'делает' (<**karwād'i* <**karāuti*, ср. др.-инд. *karóti* 'делает', подробности см. выше).

(2) формы с исторической приставкой, потерявшей слоговость.

28. афг. *skāni* (inf. *skāštāl*) 'отрезает, режет, кроит' [Зив.: *skāni~aw skāni ye*; подвижный тип подтверждается вариативностью акцентовки в источниках: *skāni* ЛеБТабл 850 ~ *skāni* ЗудКрАР 324¹, *skāni* ШаФГр 1145, *skāni* ЛеБКАР 309; <**ās-kāni* ~ <**as-kāni* <**us-krīnāti*, перестройка из *(*us*)*krīnāti*, ср. авест. praes. *kānāti* 'schneiden'. Перестройка основы зафиксирована уже в Авесте, ср. варианты: авест. *kānāv-*: *kānāv-*, *kān-*. Основа инфинитива из **kārsta-* <**krīsta-* <**krīta-*)

~ др.-инд. *krīnāti* 'режет' (VI кл. Первичен как в иранском, так и в индийском, вероятно, VII кл.).

29. афг. *mīnzi*, *wīnzi* (inf. *mīnzál*, *wīnzál*) 'моет, стирает' (Зив.: *wīnzi~aw wīnzi ye*, но: *mīnzi~aw mīnzi ye*, однако вариативность акцентовки в источниках указывает скорее на первичную подвижность акцента в обоих вариантах: *mīndzi* Асл 878², 2 sg. imper. *mīndza* Асл 878²; *wīndzi* Асл 964², 2 sg. imper. *wīndza* Асл 964² ~ *mīndzi* ЛеБГр 199¹⁴, 217⁶, imper. 2 sg. *mīndzá* ЛеБГр 217²²; *wīndzi* ЛеБГр 216²¹, 216³², 216³⁶. Предположение о том, что мы имеем дело с контаминацией приставочной основы **mīnzi* и бесприставочной **wīnzi*, плохо согласуется с различной акцентологической рефлексацией их в шинвари. Более приемлемой с акцентологической точки зрения представляется реконструкция

двух основ с разными приставками: <*mvínzi ~ *mvinzi, *vvínzi ~ *vvinzi <*návínzi ~ *navínzi, *vávínzi ~ *vavínzi <*ni-vínčáti, *vi-vínčáti, перестройка из VII класса: *vinákti: *vinčánti. Первоначальное значение было, по-видимому, 'очищает зерно, просеивает', ср. каузатив от этого корня: ново-перс. *bēxtan* 'просеивать', осет. *vijǰn, vejun, yejun* 'собирать, подбирать'; шугн. *par-wēz*, руш. *par-wíz*, барт. *par-wíz*, сар. *par-wéu* 'просеивать': др.-инд. *vi-vecayati* 'разделяет', по-видимому, к этой основе относится и авестийская форма *ava. vaččēinti* 'ausscheiden, aussuchen'. Афганские формы занимают обособленное место среди иранских, непосредственно связываясь с соответствующей древнеиндийской]

~ др.-инд. *vinákti* (Böhtlingk), ср. также парт. *viñcán* (RV, X, 124, 5) 'отделять, просеивать, различать'.

30. афг. *nyári* (inf. *nyāštál*) 'завертывает; скручивает, свертывает; пакует' [Зив.: *nyári~aw nyári ye* и вариант *aw nyári ye*, устойчивый начальноударный тип у Зурмати Мохаммеда Наби (Пактол, 100 км к югу от Кабула) *nyári~aw nyári ye*; этот же начальноударный тип дают печатные источники: *ngǰǰǰpū* ЗудКрАР 506², *ngǰǰǰu* ШафГр 1146, ЛебКАР 546, *ngǰǰǰu* ЛебТабл 502, *ngǰǰǰu* ЛебГр 108; вероятно, подвижный тип с почти полностью проведенной генерализацией начальноударного варианта <*nǰǰǰǰǰǰ~*nǰǰǰǰǰǰ <*ni-gardáya'ti]

~ афг. *γarí* 'крутит, скручивает, вьёт, плетёт' (<*gardáya'ti, ср. др.-инд. *grantháyati* 'плетет, скручивает, связывает, соединяет', *grath-nāti* 'связывает, соединяет, составляет', подробности см. выше).

31. афг. *lwáli* (inf. *lwastál*) 'учится, читает' [Зив.: *lwáli~aw lwáli ye*; у Зурмати Мохаммеда Наби (Пактол, 100 км. к югу от Кабула) устойчиво начальное ударение *lwáli~aw lwáli ye*; подвижный акцентный тип подтверждается вариативностью ударения в печатных источниках: *lwáli* ЗудКрАР 459¹, *lwáli* ЛебГр 108, ШафГр 1146, ЛебКАР 471, 472, ЛебТабл 851; 1 sg. *lwálm* ЛебГр 105~на *lwáli* ЛебГр 174; 1 sg. *lwálm* ЛебГр 131, 140, 186; 2 sg. *lwalé* ЛебГр 92, 215; 3 pl. *lwáli* ЛебГр 175; <*nǰ-wǰǰǰǰǰǰ~*nǰ-wǰǰǰǰǰǰ <*ni-baudáya'ti <*ni-bhaudháya'ti, где **ua* <**au* <**ou*, ср. авест. *baodáya-* (каузатив от корня *baod-* 'sentire') 'zu erkennen geben, riechen', возведение афганской формы к каузативной основе напрашивается в силу ее "активной" семантики; *a* в inf. из praes.: в диалектах отмечается рефлекс нулевой ступени — АJ. *lustál* (praes. *lwálm*), Н. *lustel* (praes. *lwálm*), KhI. *lustál* (praes. *nwálama*), Waz. *lwustál*, наряду с *lwastál* (praes. *lwēlá*), см. EVP 41; *st* в inf. <*tt* <*dt* <*dht*, вместо *zd* <*ddh* <*dht*, по закону Бартоломе]

~ др.-инд. *bodháya'ti* 'будит, оживляет, припоминает, предупреждает, учит'.

32. афг. *žyóri* (*žyorál*) 'защищает, охраняет, предостерегает; освобождает, избавляет; хранит, сберегает' [Зив.: *žyóri~aw žyóri ye*, наряду с *aw žyóri ye*; у Зурмати Мохаммеда Наби (Пактол, 100 км. к югу от Кабула) обобщено конечное ударение: *žyóri~aw žyóri ye*; у Зиргуны Риштин, напротив, регулярно начальное ударение: *aw žyóri ye*, *aw žyóri mi* и под.; подвижный тип подтверждается и вариативностью акцентовки в печатных источниках: *žǰǰǰpū* ЗудКрАР 303² ~ (диал.) *žǰǰǰǰǰǰ* ЗудКрАР 295²; <*šž-ǰǰǰǰǰǰ~*šž-ǰǰǰǰǰǰ <*uz-gāráyá'ti <*uz-

gāráyati, ср. авест. *gārayemi* 'я бужу'. Следы каузативной семантики сохраняются в афганском в значении 'предостерегать', ср. афг. *gōri* 'видит, смотрит']

~ др.-инд. *jāgaráyati* (Böhntlingk) 'будит, побуждает'

Примечание. Особое место занимают в этой группе следующие два глагола:

1. афг. *zdoyí* (inf. *zdoyál*) 'стачивает, обтачивает; трет, растирает (например, коренья) [зодъ́ ЗудКрАР 291]; <*uz-dāwáya'ti < *uz-dāvdyati; в авест. засвидетельствован лишь med., по-видимому, производящей основы с значением 'sich abreiben mit...', непосредственным продолжением которой, вероятно, являются согд. *δ'w* (inf. *δ'w'y*) 'втирать, натирать, намазывать; подметать' TS 3, 88, 162, 196, 241, 279; 'nd'w (subj. 3 sg. 'nd'w't TS 14, 21; 'nd'w' TS 20, 2; opt. 3 sg. 'nd'wy TS 7, 112; inf. 'nd'w'y TS 3, 14) 'намазывать, обмазывать'; ягн. *doç-*: *doçta* 'штукатурить'; йигда *dāum*: *dāvdam* Yzh 'смазывать', и к которой афганский глагол относился, вероятно, как итератив. Связывается Г. Моргенштейне с др.-инд. корнем *dhāv* 'полоскать, мыть, чистить'. Ввиду иранского значения, особенно отчетливо выступающего в афганском (ср. также осет. *dawyn*, *dawun* 'точить, полировать, тереть, гладить' Аб. I, 349—350; орешар. *la-wák* 'растирание, полирование', Зар. Ореш., 41), по-видимому, в этом случае вместе с последним корнем неотделим от корня *dhāv-* 'течь, бежать, убежать', к которому относится как каузатив: семантическое развитие обычно, ср. ст.-слав. *тещу*: *точити*. Маловероятной представляется из-за значительного расхождения в значениях предполагаемая Г. Моргенштейне возможность заимствования из персидского: *zidūdan* (*zedūdān*), *zidāyīdan* (*zedāyīdān*) 'чистить, очищать, отчищать; снимать, выводить (пятна), вытирать (пыль)' (<*uz-dāvaya-)]

~ др.-инд. *dhāvayati* 'побуждает к бегу', *dhāvayati*, -te 'моет' (с незафиксированным ударением). Более близкое к афганскому и, по-видимому, тождественное авестийскому значение 'вытирать, чистить, очищать' сохраняется в первичной форме: *dhāvate*, -ti. Возможно, в др.-инд. произошла контаминация форм с значением 'точить, полировать, чистить' от корня *dhāv-* 'бежать' и форм с значением 'мыть, полоскать', которые могут быть связаны с корнем *dhū-* 'двигать туда-сюда, трести' (Ср. Whitney, с. 82, 83, 84).

2. афг. *nyāri* (inf. *nyārđál*) 'ест, глотает, поглощает пищу' (Зив.: *nyāri~aw nyāri ye*; из других источников ударение презенса этого глагола нам неизвестно; <*nā-yarāji~? *nā-yarāji < *ni-yarā'ti < *ni-garā'ti < *ni-grrēti < *[ni]-g^rrHēti; r в шинвари и в подобных из инфинитива, где <*r, см. различные результаты взаимовлияния основ презенса и инфинитива у Асл 901², EVP 51, ЗудКрАР 506². Ср. осет. (ирон.) *nyqq, yryn*. (дигор.) *niq(q)wærun* 'глотать', вах. *než-yaram* 'проглатывают']

~ др.-инд. *girāti*, *gilāti* 'пожирает, проглатывает' (AV, по А. Debrunner, *Der Typus tuda-* im Altindischen, "Indian and Iranian Studies", London, 1936, с. 489. Он же отмечает, что в AV 6, 135, За *sām girāmi*, а не *girāmi* как у Грассмана и в дальнейшей литературе).

В обоих случаях для надежной характеристики акцентного типа недостаточен материал. Глагол *zdoyál* в идиолекте Зив. отсутствует, а в печатных источниках его презенс встречен лишь один раз (ЗудКрАР 291¹). Устойчивый баритонированный тип глагола *nyārđál*, презенс которого известен нам лишь по Зив., может быть лишь результатом генерализации начальнударного варианта подвижного акцентного типа этого глагола в диалекте шинвари. Теоретически оба случая должны относиться к подвижному акцентному типу.

(3) Бесприставочные глаголы подвижного акцентного типа.

33. афг. *tōžī* (inf. *tōžál*) 'строгает, тешет; обтачивает, скоблит' [Зив.: *tōžī~aw tōžī ye*, конечное ударение в Асл 260¹: *mogú*; <*tō-žāi~tōžāi < *tōžāi < *tāšd't'i; перестройка атематического типа: авест. 3 sg. praes. *avi dim tāšti* '(Holz) in Scheite zerlegen' (Bartholomae 645); по-видимому, именно эта основа со ступенью удлинения, находит однозначное продолжение в средне- и новоиранских языках: сред.-перс. *tāštan* 'резать', курд. *tašîn* 'резать, отрезать, разрезать; рубать'; осет. (ирон.) *dasyun*, (дигор.) *dasum* 'брить'; согд. *t'sš* (*tāš-) 'кроить', ягн. *tōš-* (осн. прош. вр. *tašta*) 'тесать, стругать, обтесы-

вать; скрести, скоблить; брить'; вах. *тыš-* (осн. прош. вр. *tošt-*), 3 sg. praes. *тыšt* 'стругать, тесать, брить, стричь (волосы)' < **tāš-*, см. Стеблин-Каменский ИФВЯ 11—16, Соколова ИЯ 1980, 37—40, Стеблин-Каменский ИЯ 1980, 61. Во всех этих случаях можно было бы восстанавливать итеративную основу **tāšaya-*, непосредственно соответствующую лит. *tašyti* 'тесать, обтесывать', однако ни древнеиранские, ни древнеиндийские материалы не подтверждают наличие этой основы в индо-иранском. Афганская окситонеза или подвижность, как в данном случае, регулярно соотносится с индоиранским атематическим типом, по-видимому, независимо от того, какая огласовка сохраняется при тематизации, ср. афг. *wāžni*, *áw(o/a)ri*, *mīnzi/wīnzi*, *pīāi*, поэтому и в рассматриваемом случае нет, по-видимому, достаточных оснований для реконструкции формы, незафиксированной в древних арийских языках]

~ др.-инд. *tāsti* (AB), 3 pl. *tákṣati* (RV) 'резать, отрезать, разрезать, обрезать; обтесывать, придавать какую-л. форму' (Ударение 3 pl., единственной зафиксированной акцентованной формы от этого глагола, не свидетельствует, по-видимому, о его особом, баритонированном, акцентном типе, ср. иначе Watkins IGr. 29—30, а лишь об акцентовке этого глагола, и ряда ему подобных, по акцентной схеме III класса (т.е. по схеме редуцированных глаголов), таким образом в ведийском этот глагол должен был иметь следующую акцентную кривую презенса: sg. 1. **tāšmi*, 2. **tákṣi*, 3. **tāšti*; du. 1. **tašvās*, 2. **taštḥás*, 3. **taštás*; pl. 1. **tašmās*, 2. **taštḥá*, 3. *tákṣati*).

34. афг. *pīāyi* (inf. *powál*) 'пасёт' [Зив.: *pyāyi* ~ *aw pyāyi ye*, но вариативность акцентовки в печатных источниках свидетельствует о первоначально подвижном акцентном типе: *nūāú* ЗудКрАР 126¹, *nūāúú* ЛебКАР 106 ~ Асл 199¹: *nūāū-* осн. наст. от *powál* 'пасти'; < **pīāyi* ~ **pīāyi* < **pāiyāi* ~ **pāiyāi* < **pāyāi* < **pāyāti*; перестройка атематического типа **pāti* : **paānti*, 2 pl. **pathá*, ср. авест. *pā'ti*, 2 pl. *pāta* и др. 'защищать, стеречь, пасти'. Для путей перестройки в -*ya*-основу ср. авест. 3 sg. conj. act. *pāyāi*]

~ др.-инд. *pāti*, *paānti* 'защищает, -ют', ср. также другие формы: *pāthás*, *pāthá*, *pāhi* и т.д.

35. афг. *léži* (inf. *ležál*, *ležól*) 'грузит; посылает, отправляет, отсылает, направляет' [Зив.: *leži* ~ *aw leži ye* 'и отправляет его', *aw leži mi* 'и отправляет меня', Зурмати Мохаммед Наби из Пактола (в 100 км. к югу от Кабула) дает также подвижный тип: *leži* ~ *aw leži ye*, непереходный глагол в его идиолекте имеет форму *leždi* 'отправляется' с постоянной баритонезой. Начальноударный вариант отмечен в ЗудКрАР 463²: *lēžū* sub 'лэжыл' 'посылать, высылать, отправлять'; < **lēžūi* ~ **lēžāi* < **lēžāi* < **darzáyād'i* < **darzáyati*, ср. авест. praes. *darzaya-* 'festbinden, fesseln', парф. *drz-* 'прикреплять, связывать, скреплять; грузить', *bdrz-* 'разгружать, выгружать, развязывать, отвязывать'; парачи *derz-* (1 sg. *derzém*): *derzi* 'take on one's back', ормури (Канигурам) *daž-* 'грузить, нагружать'; хотано-сакск. *dalsā* 2 sg. conj. med. 'you will load up' < **darzaya-*; сар. *derz-* (1 sg. praes. *đerzam*, 3 sg. *derzd*): *daḫti* 'грузить, вьючить', вах. *dyrz-*: *dəžd-* 'брать, полу-

чать', ягн. *bēdēž-*, *bīdīž-*: *bēdēžta* 'заворачивать, обертывать, покрывать' < **apa-darzaya-*; мундж. *pālōrz-əm* 'я заворачиваю', йидга *pālārz-əm*: *pālīšč-əm* 'заворачивать' < **pari-darzaya-*: **pari-dr̥šta-*]

~ др.-инд. *dr̥mhayati* 'укрепляет' (ударение не зафиксировано, может быть установлено согласно общему правилу акцентовки глаголов на *-aya-*. Тождественная по огласовке иранской др.-инд. форма *darhayati* отмечена, по-видимому, исключительно в грамматиках и является, вероятно, результатом параллельного иранскому процессу выравнивания).

Проведенный анализ практически всего этимологизируемого корпуса афганских презентных основ с относительно полно зафиксированной акцентовкой, по-видимому, показывает следующее:

1. В афганском в области презентных форм несовершенного вида реликтов или в полуразрушенном состоянии сохраняются акцентная система, основные противопоставления которой генетически связаны с основными акцентуационными противопоставлениями индоиранского, а именно с противопоставлениями баритонированного акцентного типа (I и IV классы презентных основ) и подвижно-окситонированного акцентного типа (II, III и V—IX классы), включая в последний и презентные основы с постоянным ударением на суффиксе: глаголы на *-áya-* (= X класс) и глаголы на *-āyá-*.

Первому (баритонированному) индоиранскому акцентному типу соответствуют афганские презентные основы с ударением на корневом гласном. При наличии приставок это накоренное ударение, как правило, сохраняется, и лишь в отдельных диалектах (соответственно, в идиолектах в литературном языке) на долготные приставки возможен сдвиг ударения (преимущественно, с кратких и узких, неустойчивых в количественном отношении, гласных и, значительно реже, также с долгих). Вероятно, этот процесс не имеет спонтанно-фонетического характера, а вызван влиянием приставочноударных форм второго акцентного класса в результате снижения порога различимости ударных и безударных слогов в условиях высокой начальной интенсивности афганского фонетического слова и носит характер спорадического морфонологического процесса. Отдельные случаи появления конечного ударения в формах (бесприставочных) первого акцентного класса вызваны, по-видимому, чисто морфонологическим (аналогическим) влиянием форм и образований, в которых конечное ударение генерализовано.

Второму (подвижно-окситонированному) индоиранскому акцентному типу соответствует II класс афганских презентных основ, который распадается на две основные группы: (а) основы с постоянным конечным ударением и (б) основы с подвижным ударением. Ударение в последней группе в печатных источниках колеблется, т.е. показывается то как конечное, то как начальное, а в диалекте шинвари у большинства таких основ постановка ударения определяется позицией: при наличии энклитики *ye*, *mi* и под. — конечное, в условиях совпадения конца словоформы с концом фонетического слова — начальное.

2. Очевидно, что морфологически определенное (накоренное) место

ударения в афганском I классе совпадает с местом ударения в индоиранских основах первого акцентного типа.

Во II классе афганских презентных основ в группе (а) устойчивое конечное ударение афганских форм совпадает по морфологически определяемому месту с ударением на морфологическом форманте в индоиранских основах второго акцентного типа, а в группе (б) аналогичное совпадение характеризует конечноударный (окситонированный) вариант афганской словоформы.

Согласование соответствий классов основ с соответствиями внутри классов по месту ударения позволяет утверждать, что афганское баритонное ударение I класса словоформ и окситонное ударение II класса словоформ исторически продолжают индоиранское ударение соответствующих основ, т.е. разноместное ударение типа ведийского.

3. Группа (а) II класса афганских презентных основ (окситонированные основы) отличается от группы (б) этого класса (основы с подвижным, неустойчивым акцентом) с первого взгляда тем, что в нее входят приставочные (как с праиранской, так и с афганской точки зрения) основы почти исключительно с краткими гласными: *a*, *ā*, *u* (<*ə*). Характер гласного в *rebi* неясен (*e* или *ə*), а гласный *ā* (<**a*) в *kāṇāy* (как и *-ū-* в *pūṣṭī*) — результат позднего удлинения, к тому же оба глагола отмечены лишь два и один раз и их акцентный тип может быть просто результатом неполного учета акцентных вариантов, ср. примечание на с. 133. Однако это последнее отличие (характер гласных) не является "абсолютным", т.к. в группу (б) наряду с долгосложными основами также входят основы с краткими гласными: *áxli* (<**áxali*), *wážni* (<**wážani*), *skāni*, *áw(o)ri* (<**áwāri*), *áčawi*, *lwáli*. По характеру гласного группа (а) отличается лишь от подгруппы (3) группы (б), в которую входят исключительно долгосложные основы (*ō*, *ā*, *ē*). К сожалению, малочисленность последней подгруппы делает сугубо гипотетической значимость этого отличия для выводов, к которым мы приходим ниже. От всех остальных подгрупп группы (б), т.е. (1) и (2), группу (а) отличает лишь отсутствие приставки: в подгруппы (1) и (2) группы (б) входят глаголы как с историческими приставками, так и с приставками, выделяемыми на синхронном современном уровне афганского языка.

Отличие группы (а) от группы (б) не является "абсолютным" и с другой точки зрения.

Во-первых, они не разделены жестко по корпусу входящих в них основ: в группу (б) входят приставочные образования от основ, бесприставочные формы которых относятся к группе (а); ср. 1) *rāzi* (б) ~ *zi* (а), 2) *rāwri* (б) ~ *wri* (а), 3) *préždi* (б) ~ *ždi* (а), 4) *prékawi* (б) ~ *kawi* (а), 5) *nyāri* (б) ~ *yari* (а).

Во-вторых, устойчивость ударения в формах группы (а) также нельзя даже и в настоящее время считать абсолютной, а, по-видимому, в недалеком прошлом она еще менее могла считаться таковой. Мы имеем в виду акцентовку отрицательных форм от глаголов группы (а).

В персидском языке ударение в отрицательных формах всегда

падает на отрицательную частицу *na*, при этом глагольная форма получает слабое побочное конечное ударение (характерно, что конечное побочное ударение получают в отрицательной форме и те категории, которые в положительной форме имеют ударение на основе при безударных личных окончаниях).

На первый взгляд нечто аналогичное мы наблюдаем и в пушту: ударение падает на отрицательную частицу при безударности формы глагола или при наличии, по-видимому, ослабленного ударения на последней (отсутствует лишь одна деталь — замена наосновного ударения у баритонированных глаголов конечным). Такое ударение последовательно проведено в ОИЯ 1987 (вариант с безударностью формы глагола) и в иллюстративном материале к ЗудРА (вариант с ударным отрицанием и ударной формой глагола, ослабленный характер ударения на последней специально не отмечается).

ОИЯ 1987: *barytona* — 1. *ná-rozəm* 94 (*rózəm* 94), 2. *ná-winəm* 94 (*winəm* 94), 3. *ná-sāti* (3 pl.) 86 (*sāti* 3 pl., 137, *cāmu* Асл. 488², но: *cātū* ЗудКрАР 306², подв. акц. тип?), 4. *ná-rasežəm* 95 (*raséžəm* 95), 5. *ná-terežəm* 95 (*teréžəm* 95), 6. *ná-kšebāsəm* 95 (*kšebāsəm* 95), 7. *ná-nənwuzəm* 95 (*nənwúzəm* 95); *oxytona* — 1. *ná-žəm* 94 (*žəm* 94), 2. *ná-lari* 132, 139 (*lari* 137), 3. *ná-rasawəm* 95, *ná-rasawi* 139 (*rasawəm* 95), 4. *ná-terawəm* 95 (*terawəm* 95), 5. *ná-preždəm* 95 (*preždəm* 95), 6. *ná-rākawəm* 95, *ná-rākawe* 112 (ср. *warkawī* 100, 136, *rakawé* 100), 7. *ná-rāzi* 124 (*rāzi* 132, 139). Однако в текстовых примерах эта акцентовка изредка нарушается и отмечается ударение словоформы при отсутствии ударения на отрицании: *na-péžani* 96, *na-beréžəm* 120, *na-xabaréži* 96, *na-kawəm* 119, — что может быть понятно как свидетельство сохранения (ослабленного?) акцента на словоформе.

ЗудРА: *barytona* — 1. *ná kéžji* 336¹, 422¹, 801¹, 958², 984¹, *bis* (*kéžji* 258¹, 337²), 2. *ná vínəm* 448¹, 450¹ (*vínəm* 120¹, 353¹, 491²), 3. *ná žvārəm* 52², 328², *ná žvāri* 208² (*žvāri* 200²), 4. *ná nísi* 57² (*nísi* 57²), 5. *ná ýāi* 430², 447¹, *bis*, 613¹, 679², 817², 873² (*ýāi* 432²), 6. *ná ləgéžji* 603² (*ləgéžji* 443¹), 7. *ná teréžji* 178¹, 710¹ (*teréžji* 115², 168², 207¹), 8. *ná pohéžəm* 450², 623¹, *ná pohéžji* 353², 450², *ná pohéžəi* 726¹ (*pohéžəm* 623¹, *pohéžji* 89¹, *pohéžəi* 255¹), 9. *ná žundéžji* 224², 10. *ná raséžəm* 635¹, *ná pāraséžji* 203¹ (*raséžji* 196², 413², *pāraséžji* 196¹); *oxytona* — 1. *ná larəm* 115², 421², 426¹, *bis*, 444¹, 447¹, 747¹, *ná larí* 30², 35², *bis*, 40², 97², 154², 155², 175², 255², 256¹, 281², 305², 313², 383², 420², *ter*, 422¹, 425², 438², 449², 507¹, 523¹, 623², 696¹, 758¹, 804², *ter*, 827², 850², 887¹, 893², 965², *ná larú* 102¹ (*larəm* 832¹, 929², *larí* 929¹, *larú* 929¹), 2. *ná kavəm* 76¹, 199¹, *ná kaví* 19², 174¹, 193¹ (*kavəm* 123², *kaví* 547², 894¹), 3. *ná arzí* 162² (*arzí* 370¹), 4. *ná maní* 441², 5. *ná ləgí* 810¹, 6. *ná xvaišaví* 453², а также с приставочным ударением в "подвижном" типе: 7. *ná ráđzi* 166², 444¹, 850², 1018², *ná vārdzi* 624² (*ráđzi* 301¹, 453², *bis*, 823¹), 8. *ná rāprežđi* (3 pl.) 700² (ср. *prežđi* ШафГр 1143). Крайне редко одно из ударений пропущено: *ná gərzi* 583¹ (*gərzi* 114¹, 509²), *ná ýāi* 597¹ (*ýāi* 597¹), но: *na beréžji* 107² (*beréžəm* 287¹).

По-видимому, нет оснований для сомнений в наличии такой системы акцентовки отрицательных форм презенса в литературном афган-

ском языке или общеафганском городском койне. Она тем более представляется оправданной на фоне дари-пуштунского двуязычия. Однако, по-видимому, для пушту в целом, с его многочисленными диалектами эта система не является единственной.

Так, наши наблюдения над акцентовкой отрицательных форм в шинвари по идиолекту Зиваруддина приводят к существенно иной системе.

Здесь сильная акцентовка отрицания проводится при презентных формах II класса как окситонированного так и подвижного типа (к последнему относятся лишь глаголы, которые сохраняют подвижность акцента в шинвари):

Охутона: 1. *ná kři* (*kří*), 2. *ná wři* (*wří*), 3. *ná mǝži* (*mǝži*), 4. *ná pušti* (*pušti*), 5. *ná maní* (*maní*), 6. *ná kawí* (*kawí*), 7. *ná lari* (*lari*), 8. *ná kari* (*kari*), 9. *ná kǝni* (*kǝni*).

Mobile: 1. *ná rāwři*¹⁵ (*rāwři~aw rāwři ye*), 2. *ná wažni* (*wážni~aw wažni ye*), 3. *ná preždi* (*preždi~aw preždi ye*), 4. *ná kšemandi* (*kšemandi~aw kšemandi ye*), 5. *ná rāwali* (*rāwali~aw rāwali ye*), 6. *ná prekawi* (*prekawi ye*), 7. *ná rākawi* (*rākawi~aw rākawi ye*), 8. *ná skǝni* (*skǝni~aw skǝni ye*), 9. *ná nyāri* (*nyāri~aw nyāri ye*), 10. *ná lwali* (*lwali~aw lwali ye*), 11. *ná žyori* (*žyori~aw žyori ye*), 12. *ná toži* (*tóži~aw toži ye*), 13. *ná leži* 'не отправляет' (*léži~aw leži ye*).

В IV позиции, т.е. перед энклитикой, отрицательные формы этого класса не фиксировались с сильным ударением на отрицании, а имели отчетливое ударение на окончании; на отрицании иногда отмечалось ослабленное ударение ('), при этом создавалось впечатление, что отрицание входит в одну тактовую группу с предшествующим союзом:

Охутона: 1. *aw nà wři ye*, 2. *aw na mǝži ye*, 3. *aw nà pušti ye*, 4. *aw nà maní ye* (*aw nà maní mi*, *aw na maní di*), 5. *aw nà kawí ye*, 6. *aw nà lari ye* (*aw nà lari mi*, *aw nà lari di*), 7. *aw na kari ye*, 8. *aw nà kǝni ye*; mobile: 1. *aw na rāwři ye*, 2. *aw na wažni ye* (но также и: *aw na wážni mi*), 3. *aw na preždi ye*, 4. *aw nà kšemandi ye*, 5. *aw na rāwali ye*, 6. *aw nà prekawi ye*, 7. *aw na rākawi ye*, 8. *aw nà skǝni ye*, 9. *aw na winzi ye*, 10. *aw nà lwali ye*, 11. *aw nà žyori ye*, 12. *aw nà toži ye*, 13. *aw na leži ye*.

Примечания. 1. В одном глаголе этого класса в IV позиции отмечено сильное ударение на отрицании: *aw ná kři ye*, *aw ná kři mi*, *aw ná kři di*. 2. В ряде случаев информант указывал на большую обычность порядка с постановкой энклитики *ye* после отрицания. Порядок **na ye* при этом стягивается в *neu*, которое получает более сильное ударение.

В I классе (баритонированном) отрицание получает сильное ударение лишь в бесприставочных основах (и в основах с историческими потерявшими слоговость приставками), характеризующихся краткими и узкими (сокращающимися) гласными в корне (в начальном слоге), при этом в нескольких случаях нами было отмечено слабое (ослабленное) ударение на корне: 1. *ná wùzi* (*aw wùzi ye*), 2. *ná wíni* (*aw wíni ye*), 3. *ná swazi* 'он не горит' (*swázi* 'он горит'), *ná kǝni* (*kǝni* — вариант с "недлительным значением": *day cǝ kǝni* 'он выкапывает ямку' (?) — пример, приведенный информантом, для объяснения значения), 5. *ná yíši* (*yíši*), 6. *ná wáli* (*aw wáli ye*), 7. *ná nisi* (*aw nísi ye*), 8. *ná nyāri* (*aw nyāri ye*). Для этой группы характерно сохранение ударения на отри-

цании и в IV позиции: 1. *aw ná wəli ye*, 2. *aw ná nisi ye*, *aw ná nisi mi*, 3. *aw ná nyəri ye*.

Примечания. 1. Для двух глаголов этой группы с начальным *a*-отрицательные формы зафиксированы со следующим распределением акцента: 1) *ná_árwəm*, *ná_árwí* ~ *aw na árwí ye*; 2) *ná axləm*, *ná axlí* ~ *aw na áxlí ye*, — однако трудно гарантировать надежность установления аудиторами размещения акцентуационных вершин в условиях слитного произношения информантом гласных отрицания и начала словоформы.

2. Вместо IV позиции: *aw na wíni ye*, — информант дал порядок: *aw nəy wíni* (*nəy < na + ye*), — который он считает предпочтительным. Этот порядок следует, вероятно, рассматривать как состоящий из двух тактовых групп: *aw nəy* и *wíni*.

В баритонированных глаголах с долгими гласными и в любых баритонированных глаголах со слоговыми приставками ударение остается, как правило, на основе. На отрицании в ряде случаев было отмечено лишь слабое ударение, что может отражать реакцию аудиторов на сильную начальную интенсивность афганского фонетического слова. Материал можно разделить на следующие группы:

а) Бесприставочные глаголы: 1. *na kǎži*, 2. *nà žǎri*, 3. *na léži* 'не отпрավяется', 4. *nà wǎyi*, 5. *nà bǎsi*, 6. *na góri*, 7. *nà bóli*.

б) Глаголы с фонологически краткосложными приставками: 1. *nà camǎli*, 2. *nà prewúzi*, 3. *nà kšewúzi*, 4. *nà nənwúzi*, 5. *nà poriwúzi*, 6. *nà prebǎsi*, 7. *nà nənabǎsi*, 8. *nà kšekǎži*.

в) Глаголы с фонологически долгосложными приставками: 1. *na rǎkǎžəm*, *na rǎkǎži*, 2. *na rǎbǎsəm*, 3. *na žǎrbǎsəm*, *nà žǎrbǎsi*, 4. *nà rǎywǎřəm*, *na rǎywǎři* (ср. также: *na warywǎři*), 5. *na rǎbółəm*, *na rǎbóli* (ср. также: *na warbóli*); 6. *nà rǎwúžəm*, 7. *nà žǎrwúžəm*, *nà žǎrwúzi*, 8. *na prǎnizəm*, а также: *nà prǎnizi*, 9. *nǎ rǎnisi* (ср. также: *na wǎrnisi*). В последней подгруппе две основы (из трех) с узкими гласными в корне показывают в отрицательных формах оттяжку ударения на долготную приставку (*na prǎnizi*, *na rǎnisi*), на морфологизацию этого процесса указывает, вероятно, тот факт, что оттянутое ударение сохраняется и при лично-направительном префиксе *war-* (*na wǎrnisi*), который не относится к долготным.

В IV позиции в этой группе I класса глаголов сохраняется место акцента отрицательных форм без энклитики, но в словоформах с ударением, передвинутым в III позиции на приставку, возможно, восстанавливается накоренное ударение: а) 1. *aw na kǎži ye*, 2. *aw na wǎyi ye*, 3. *aw na bǎsi ye*, 4. *aw na góri ye*, 5. *aw na bóli ye*; б) 1. *aw na prebǎsi ye*, *aw na prebǎsi mi*, *aw na prebǎsi di*, 2. *aw na nənabǎsi ye*, *aw na nənabǎsi mi*, *aw na nənabǎsi di*, 3. *aw na kšekǎži ye*, *aw na kšekǎži mi*, *aw na kšekǎži di*; в) 1. *aw na rǎkǎži ye*, *aw na rǎkǎži mi*, *aw na rǎkǎži di*; 2. *aw na žǎrbǎsi ye*, *aw na žǎrbǎsi mi*, *aw na žǎrbǎsi di*; 3. *aw na rǎywǎři ye*, *aw na warywǎři ye*; *aw na rǎywǎři mi*, *aw na warywǎři mi*, *aw na rǎywǎři di*, *aw na warywǎři di*; 4. *aw na rǎbóli ye*; *aw na rǎbóli mi*, *aw na warbóli mi*; *aw na rǎbóli di*, *aw na warbóli di*; 5. *aw na prǎnizi ye* (ср. *nà prǎnizi*, но также и: *na prǎnizəm*).

Примечания. 1. Единственное серьезное отклонение от изложенной системы представляет основа *rǎwǎri* (~ *aw rǎwǎri ye*), в отрицательной форме которой ударение оттягивается на отрицание: *nà rǎwǎřəm*. — это оттянутое ударение сохраняется и в IV позиции: *aw na rǎwǎři ye*, — т.е. основа ведет себя как основы I класса с краткими и узкими гласными в корне. Основа относится явно к баритонированному типу (но ср.: *žwǎpě*

ЗудКрАР 382² в примере: *че гһаӀрӀе нӀр-ба вӀрӀе* посл. 'в какой мере попросишь, в такой задолжаешь'), поэтому единственно возможным объяснением представляется принятие эмфазы отрицания при модальном глаголе.

2. Основа *minzi*, возможно, подчиняется правилу для баритонированных бесприставочных глаголов I класса с краткими и узкими гласными, ср. Зив.: *aw ná minzi ye* (та же акцентовка у Зурмати Мохаммеда Наби: *ná minzi* при баритонезе этой основы: *minzi~aw minzi ye*). Однако отмечено и произношение с накоренной акцентовкой: (Зив.) *na minzi*, т.е. по типу долгосложных основ (закрытость и, следовательно, долгота слога?). Не исключено также, что форма с оттяжкой ударения на отрицание является реликтом подвижности акцента, ср. ниже.

3. В некоторых случаях варианты отрицательных форм с перенесенным на отрицание ударением следует рассматривать как реликты подвижности акцента у глаголов, у которых в шинвари генерализован начальнoударный вариант, вследствие чего их презентные основы в целом перешли в I (баритонированный) класс. К этим случаям относятся: 1) *ná pežanəm* (произносится почти как *ná pižanəm*), наряду с обычным: *na pežani*, *na pežani ye*; 2) *ná ružayəm*, *ná ružayi* и даже *aw ná ružayi ye* (результат аналогического перенесения потерявшего парадигматическую привязку варианта в несвойственные для него первично условия), наряду с обычными для I класса: *na ružayi*, *aw ná ružayi mi*, *aw ná ružayi di*. Особого рассмотрения требует случай 3) *ná božəm*, *ná bozi*. Афг. *bōzi* (inf. *botlōl*), 'уведет, угонит' — глагол совершенного вида, печатными источниками фиксируется, по-видимому, его баритонеза: *bōzi* ШафГр 1099, ЛебГр 100, 1 sg. *bōžəm* ЛебКРА 182, ЛебГр 100, 2 sg. *bōže* ЛебГр 190, pl. 1. *bōzu*, 2. *bōžyi*, 3. *bōzi* ЛебГр 100, impreg. 2 sg. *bōza* ШафГр 1109, Асл 134¹, — но в II позиции Зив. дает *bozi ye*, что указывает на подвижный акцентный тип (в I позиции Зив.: *bōzi*). Так как данный глагол восходит к приставочной иранской основе (<*aβa-azād'i<*apa-azā'i, ср. авест. praes. *aza-* 'agere'; inf. <*aβa-asi-<*apa-aži-), его подвижный тип должен указывать на то, что производящий иранский (и индоиранский) глагол *ažati (<*ažeti) имел ударение на тематическом гласном, т.е. относился к VII классу, чему, по-видимому, противоречат показания др.-инд. *ājati* 'гонит' (ср. также praes. act. с приставкой *apa-*: *apājan*<*apa-ajan* RV X, 3, 1). Однако морфонологическое исследование, проведенное С.А. Старостиным и С.Л. Николаевым показало, что корень др.-инд. *aj-* (и.-е. *až-*) относился к I парадигматическому классу и.-е. корней и, следовательно, должен был образовывать не I класс (др.-инд. *ājati*), а VII класс (др.-инд. **ajāti*), см. Николаев—Старостин БСИ 1981, с. 326 (анализ в соответствующих разделах). Переход **ajāti*>*ājati* в древнеиндийском регулярен (морфонологическое правило Соссюра, см. Зализняк А.А. "Из древнеиндийской морфонологии"), к отсутствию этого перехода в иранском ср. выше II класс N 23 афг. *kšēmandi*.

Итак, если отвлечься от частных и от маркировок, связанных с феноменом сильной начальной интенсивности афганского фонетического слова, в шинвари наблюдается следующая система акцентовки отрицательных форм презенса:

I Тип (баритонированный)		II Тип (окситонированно-подвижный)	
Долгосложные и приставочные	Краткосложные (бесприставочные)	Долгосложные	Краткосложные
<i>na wāyi</i> <i>na camāli</i> <i>na bāsi</i> и под.	<i>ná wāli</i> <i>ná swazi</i> <i>ná nisi</i> и под.	<i>ná toži</i> <i>ná nyāri</i> <i>ná kšēmandi</i> и под.	<i>ná lari</i> <i>ná lwali</i> <i>ná rāwali</i> и под.

По-видимому, подобная же система, но без специального усложнения оттяжкой ударения на отрицание у бесприставочных основ I типа с краткими и узкими гласными корня, представлена в иллюстративном материале ЗудКрАР:

I Тип (баритонированные глаголы)

1. *na-lwīžət* 'не падаю' (ка *ды-лвартйā вāлвйжым, ды-мдзыйкū хō на-лвйжым* — 'если с высоты упаду, то с земли не упаду', — с. 458¹), — ср. *lwīžət* 'падаю' (ударение по общему правилу акцентовки глаголов на *-edəl*, ср. пов. несов. *лвэга* Асл 771¹).

2. *na-γwāŕī* 'не хочет' (*сабāк-та-мй һйц зры на-гвāрū* 'я не расположен заниматься', — с. 294¹. 3. sg. pŕaes. вопреки трактовке ЗудКрАР 294¹ как прилагательного, ср. ЗудРА 208 sub 'желать', где аналогичный оборот, по-видимому, рассматривается как глагольный), — ср. *γwāŕī* 'желает, хочет'.

3. *na-kīžī* 'не делается' (*на-йавāзū истинджā лмўндз на-кйжū* — посл. 'молитва не совершается только одним омовением' — с. 549¹) — ср. *kīžī* 'делается' (inf. *kēdəl*).

4. *na-xīžī* 'не поднимается' (*ды-йавы лāс-цыхā так на-хйжū* — посл. 'одна ладонь звука не дает' — с. 444²), — ср. *xīžī* 'поднимается' (*хэжи* ЛеБГр 109, в ЗудКрАР в соответствующей статье представлен окситонированный вариант: *хйжū*, инф. *хатыл*, с. 227², — вероятно, вторичного происхождения).

5. *na-pōhīžī* 'не понимает' (*че на-пōhйжū ды-һāghа двē бāрхū дū* — погов. 'кто не понимает, тот две доли получает' — с. 200²); — ср. *pōhīžī* 'понимает, знает' (*пōhйжū* ЗудКрАР 291² sub 'зар', 416² sub 'кўчнай').

6. *na-pŕāižī* 'не скрывается' (*ды-мўшкō бўй на-пытйжū* — посл. 'запах мускуса на скроешь' — с. 481¹); — ср. *pŕāižī* 'скрывается, прячется' (ударение устанавливается по общему правилу акцентовки глаголов на *-edəl*).

7. *na-māižī* 'не ломается, не разбивается' (*һāра рвадз мангāй на-мāтйжū* — посл. 'кувшин бьется не каждый день' — с. 488²); — ср. *māižī* 'ломается, разбивается' (ударение устанавливается по общему правилу акцентовки глаголов на *-edəl*).

8—9. *na-čaližī* 'не продается, не пускается в обращение' (*бахт че кўта шй санг пāс-мй па-каудый на-чалйжū* — посл. 'когда отвернется счастье, вещи не продашь и за грош' — с. 59¹; *дорвāgh тыл на-чалйжū* — погов. 'ложь не всегда пригодна' — с. 255¹); — ср. *čaližī* 'находится в обращении, имеет хождение; издается, применяется' и под. (*чалйжū*, inf. *чалёдыл*, ЗудКрАР, 194²—195¹).

10. *na-žārūžī* 'не возвращается' (*ла-варха тўрū обā бўрта на-джāрўзū* — посл. 'утекшая вода обратно не возвращается' — с. 522¹); — ср. *žārūžī* 'возвращается' (Приставочный глагол от *wūzi*, inf. *watəl*, должен сохранять ударение на корне, хотя теоретически возможен вариант **žārūžī*, см. выше).

11. *na-γwāŕawī* 'не подмазывает, не маслит' (*мōр-йе на-кйлū-кū шлўмбē гвāрū, лўр-йе на-нйм ман кўчū сар на-гвāравй* — посл. 'мать в деревне подбирается, а дочери нехватает полмана масла для прически' — с. 489²); — ударение формы без отрицания, по-видимому, не отличается по месту, судя по акцентовке других отыменных глаголов на *-aw-*, образованных от баритонированных имен.

12. *wu-na-wāyī* 'не скажет' (*мёры һāghа дый че ву-на-вāй āу вёкū* — посл. 'мужчина, тот, который не говорит, а делает' — с. 494¹); — ср. *wāyī* 'говорит'.

Ср. также ударение глаголов совершенного вида с постоянно ударной приставкой:

13. *na-rǎzē* 'не придешь' (*ты-ба нó на-рǎдзē?* — 'так ты не придешь?' — с. 511¹); — ср. *rǎ-zē* 'ты придешь'.

14. *na-prékawī* 'не отрежет' (*йавы, че лās вы́ркый был-йе ла-аожó на-прékавī* — посл. 'если кто-либо руку подаст, то другой ее не отрежет' — с. 548²); — ср. *prékawī* 'отрежет'.

15. *na-wú-swazē* 'не сгоришь' (*ды-ахангár пыр-дукáн ка на-вú-свад-зē, быцы́рай-ба дырв́алвозū* — посл. 'если в кузнице и не сгоришь, то искра на тебя попадет' — с. 260¹), — ср. *wú-swaze* 'сгоришь', сов. вид от *swáze* 'горишь'.

II. Тип (окситонированные глаголы и глаголы с подвижным акцентом)

1. *ná-tǔt* 'не умру' (*че нá-м́рым, лā-ба цы вú-в́ыным* — погов. 'если не умру, то много увижу', с. 477²); — ср. *tǔt* 'умираю'.

2—5. *ná-larī* 'не имеет' (*й́ры на-кóр-кū нá-ларū та-н́ур-йе пыр-б́ам джóр кый* — посл. 'в доме муки не имеет, а на крыше печь построил', с. 46¹; *йавá чат́акый гһаным нá-ларū* — 'он не имеет ни золотника пшеницы' — с. 188¹; *ды-д́уст лās дард нá-ларū* — погов. 'от руки друга боли не получишь' — с. 253¹; *пыр-мдзы́ка с́урū пыр-а́сман стóрū нá-ларū* — посл. 'он не имеет на земле тени, а на небе звезд' — с. 470²); — ср. *larī* 'имеет'.

6. *ná-larē* 'не имеешь' (*тыр-һághа че ды-кавы́лó пóрǎйена-йе йа нá-ларē коул ма-выркава* — посл. 'пока не имеешь уверенности в деле, не давай обещания', с. 121²); — ср. *larē* 'имеешь'.

7. *ná-kawət* 'не делаю' (*йā нá-кавым йā ды-хры́ кавым* — посл. 'либо не сделаю, либо сделаю как осел' — с. 421¹); — ср. *kawət* 'делаю'.

8. *ná-kawī* 'не делает' (*худáй нá-кавū!* 'не дай бог!' — с. 229¹ — ср. *kawī* 'делает'.

9. *ná-xūrē* 'не ешь' (*че нá-хўрē ла-һághа бágh, гһám-йе валū хўрē, курумсágh!* — посл. 'если ты не пользуешься этим садом, то незачем печалиться о нем, протак!' — с. 376¹); ср. — *xūrē* 'ешь'.

10. *ná-škārī* 'не видно' (*на-тй́арá-кū хпыл сй́урай нá-шкáрū ды-был сй́уру хó-лā-цы кáвē?* — посл. 'в темноте не видно своей тени, так какое-же тебе дело до тени других?' — с. 157²) — фонетический вариант глагола *škāredál* 'виднеться, становиться явным, видимым' с неправильным образованием основы презенса, 3 praes. *škārī*, см. ЗудРА 79²: *й́карū че...* 'явствует, что...' sub 'весь'.

11. *wā-ná-čawī* 'не кинет' (*дóмрū тóп ваһá, че ды-нй́ó-дū вáнáча-вū* — посл. 'так прыгай, чтобы несвалиться' — с. 166¹); — ср. *áčawī* (см. ЗудКрАР 409¹ sub 'какáры', 41² sub 'дóбахы́стай') 'бросает'.

Отрицание инфигуруется между приставкой *a* и корнем, приставка *a* стягивается с приставкой сов. вида *wi* > *wā*. Пример может рассматриваться в данном месте, если принять, что отрицание модифицирует ударение начальной формы *čawī, ср. в группе баритонированных глаголов *wi-na-wāī* 'не скажет'.

Лишь в трех примерах отмечено отклонение от этой системы акцентировки отрицательных форм, а именно, ударение на отрицании в формах презенса от баритонированных глаголов:

1. *ná-gōrī* 'не смотрит' (*бѣ́акл вѣ́андū дзѣ́ врѣ́ста нá-гōрѣ́* — посл. 'глупый идет вперед и назад не оглядывается' — с. 87¹);

2. *ná-kīžī* 'не делается' (*зы гōрым ву-тá-та, ты гōрѣ́ ву-мá-та, хвāрá нá-кѣ́жѣ́ ву-хвā-та* — посл. 'я смотрю на тебя, ты смотришь на меня — и у нас нет желания есть' — с. 398¹);

3. *ná-rōhīžēt* 'не понимаю' (*па-тѣ́кѣ́-бáндū нá-пōдѣ́жѣ́м* 'я ничего не понимаю' — с. 165²).

Эта особенность акцентовки отрицательных форм в иллюстративном материале ЗудКрАР может иметь двоякое объяснение. Возможно, автор словаря опирался на показания информанта, идиолекту которого была присуща диалектная система акцентовки типа той, которую мы обнаруживаем в диалекте шинвари. С другой стороны, следует учитывать, что весь фразовый иллюстративный материал в ЗудКрАР представлен либо фразеологизмами (застывшими словосочетаниями), либо пословицами и поговорками, т.е. корпусом таких речений, которым свойственно сохранение (консервация) архаических способов акцентовки, ср. русск. "разбить *на голову*" или "сорок *двá* *года* — баба *ягода*..." и под. С этой точки зрения, мы в приведенном выше корпусе речений имеем отражение архаической системы акцентовки отрицательных форм в пушту, а три примера, представляющие исключения из этой системы, являются результатом отступления от архаической акцентовки под влиянием господствующей в литературном языке манеры произношения отрицательных форм, что представляется весьма вероятным (особенно для второго примера, в котором в результате переакцентовки нарушена ритмическая форма).

Итак, сопоставление систем акцентовки отрицательных форм презенса несовершенного вида в пушту заставляет предполагать, что системе, господствующей в современном литературном языке, при которой отрицательные формы получают ударение на отрицании независимо от того, к какому акцентуационному классу относятся их положительные формы, предшествовала система, в преобразованном, в той или иной степени, виде сохраняющаяся в диалектах, в которой ударение на отрицании получали лишь отрицательные формы, образованные от презентных основ подвижно-окситонированного класса, а отрицательные формы от презентных основ баритонированного класса сохраняли ударение на корне (основе).

Таким образом, окситонированная группа основ II (подвижно-окситонированного) класса отличается от остальных основ этого класса лишь тем, что в положительной форме эти основы имеют лишь один акцентуационный вариант, а именно, окситонированный, и приобретают начальноударный вариант лишь в отрицательной форме (при прибавлении отрицания) или при присоединении приставки.

4. Вывод, к которому мы пришли в предыдущем разделе, позволяет поставить вопрос об условиях происхождения начальноударного варианта.

Отсутствие начальноударного варианта у положительных форм группы (а) II акцентного класса показывает, что для его возникновения необходимо было наличие гласного (краткого) между началом и концом словоформы. Однако наличие в группе b (1, 2) односложных

основ с кратким гласным (приставочные основы с краткой приставкой и неслоговым корнем, типа: *áxli, wáźni*, — и приставочные основы с неслоговой приставкой и краткостным корнем, типа: *skáñi, mínzi, winzi, lwáli, nyári*), — явным образом противоречит этому условию. Выход из этого противоречия очевиден — возникновение начальноударного варианта следует относить ко времени, когда еще существовали гласные неслоговых корней и приставок, т.е. реконструировать первоначальный вид начальноударных вариантов как **áxali, *wáźani, *áskani, *náwinzi, *wáwinzi, *náwali, *náyari*. Наличие перенесенного ударения на начальном гласном, по-видимому, не могло служить препятствием для редукции этого гласного и подвижке этого ударения вправо, ср. аналогичное явление в именах, где подвижке вправо подверглось первоначальное ударение, а гласный — носитель этого ударения был редуцирован (соответственно, слоговой сонант потерял слоговость):

1. афг. *wlěši, lwěši* f. 'пядь (мера длины)': др.-инд. *vítastis* f. 'пядь (мера длины)';

2. афг. *prāng* m. 'барс, леопард': др.-инд. *pr̥dākus* m. 'барс, леопард';

3. афг. *bár, f. bára* adj. 'верхний; победивший, одержавший верх': др.-инд. *úpara-* adj. 'нижний, задний, поздний';

4. афг. *lár, f. lára* adj. 'нижний, покоренный, незначительный': др.-инд. *ádharma-* adj. 'нижний, более низкий; худший';

5. афг. *běl, f. běla* adj. 'отдельный, одинокий': др.-инд. *ápatyam* n. 'отпрыски, потомство, дети'.

Наличие группы b(3) подвижного акцентного типа, в которой представлены бесприставочные формы с односложной долготной основой, имеющие начальноударный вариант, позволяет внести коррективу в условие, вызвавшее появление начальноударного варианта: для его появления, по-видимому, было достаточно, чтобы вокалическое начало словоформы отделялось от конечного слога, по крайней мере, одной морой, не входящей в конечный слог. Требуется, однако, специальное исследование для лингво-географического и хронологического отождествления процесса, создавшего подвижность акцента в группе b(3), с процессом, прошедшим в группе b(1—2).

Что касается условий, в которых происходило перемещение ударения на начальный слог словоформы или сохранялся конечноударный вариант, при наличии указанного выше условия, то они достаточно хорошо отразились в шинвари. Очевидно, что перемещение ударения на начальный слог словоформы происходило в том случае, когда первоначально ударный конечный слог словоформы занимал также позицию конца фонетического слова, когда же в силу присоединения энклитики конечный слог словоформы становился неконечным слогом фонетического слова, его ударность сохранялась.

Таким образом, подвижная акцентовка II класса презентных основ в афганском возникла в результате процесса передвижки акцента на начальный слог фонетического слова с конца словоформы, если он совпадал с концом фонетического слова, и если его отделяло от начала не менее слога или моры.

Естественно, что данный перенос не мог произойти раньше, чем

произошло стяжение тематических гласных и гласных суффиксов в односложную флексию. Это заставляет нас отказаться от праиранской хронологизации его и рассматривать сходные явления, например, в ормури, как результат параллельного процесса под влиянием афганского, либо в силу тождественных просодических условий.

5. Интерпретации афганской системы ударения в презентных основах до последнего времени мешала кажущаяся уникальность реконструируемого процесса. Это в сущности было основной причиной, заставлявшей искать истоки афганской подвижности в иранской или даже в индоиранской древности. Полученные новые материалы о славянских процессах, приводящих к феномену "новых энклиноменов" (см. Тер-Аванесова А.В. Об одной славянской акцентной инновации — Наст. сборник, с. 215—250), разбивают представление об уникальности афганского процесса и дают прочную основу для его типологической верификации и интерпретации. Следует обратить внимание на целый ряд совпадающих просодических характеристик, сопровождающих такие процессы или даже стимулирующих их: сильная начальная интенсивность фонетического слова, способность акцентуационного контура ситуативно расщепляться на составляющие: музыкальный контур и силовой, способность ситуативно варьировать один из них, сохраняя другой, и под.

Все подобные сходства систем такого просодического типа заслуживают специального подробного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первую часть работы (I) см. в сб.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 67—105.

² Для др.-инд. глагола это понятие условно, т.к. наряду с основами с подвижным ударением включает основы с ударением на тематическом гласном и основообразующем суффиксе.

³ О формах $-\text{enclisopetepa}$ в славянском см. Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, с. 45—54, с. 260—262, а также указанные там работы (с. 48). О процессах образования в славянских диалектах "вторичных энклиноменов" см. Тер-Аванесова А.В. Об одной славянской акцентной инновации. Настоящий сборник, с. 215—250.

⁴ Это распределение было установлено Н.А. Дворянковым при сопоставлении фраз: *čāy nā ryalā_je dčavi* 'наливает чай в пялу'—*dā almarāy_cxa niktayi axli aw ačawī ye* 'берет из шкафа галстук и надевает его'.

⁵ Последний случай может быть интерпретирован и по-другому: возможно, здесь происходит распадение данного отрезка речи на две тактовых группы с самостоятельными ударениями: $*aw_nā$ $*lwalī_je$.

⁶ Очевидно, что для определения акцентного типа достаточно указать акцентовку глагола в двух позициях (I и II), которыми мы и ограничиваемся в приводимых списках.

⁷ Полную документацию приводимых форм см. ниже при анализе материала.

⁸ Акцентологическая ситуация в приставочных глаголах этой группы с трудом поддается наблюдению: по-видимому, при краткосложных приставках существуют две вершины: на отрицании и на корне, сравнительную силу их трудно оценить. При долгосложных приставках: а) в случае корневых гласных \bar{a} , \bar{o} , \bar{e} основное ударение остается на корне, а контур интенсивности отрицания и приставки повышающийся или ровный — слабее основного ударения, но сильнее заударного слога (возможно при этом происходит распадение отрезка на две тактовые группы: $nā_rā$ $*kāž_i$; б) при корневом гласном i (u , a , $ə$?) в позиции III отмечено передвижение ударения на приставку: $na_rānisi$, при $rānisi$ — $aw_rānisi ye$, $na_p_rānizi$ при $p_rānizi$ — $aw_p_rānizi ye$. В позиции IV основное ударение сохраняется на корне: $aw_na_p_rānizi ye$.

- ⁹ Пользуясь приемами генеративной грамматики, можно, по-видимому, свести эти три типа к двум. Для этого следует в основу описания положить вариант с энклитикой и выделить приставку (глаголы же типа *hwāli* записывать как снабженные нулевой приставкой), тогда введение правила (общего и для окситонированного типа), по которому в отсутствие энклитики конечное ударение в приставочных глаголах переносится на приставку, мы получим ударение словоформы. Очевидно, что это правило будет отражать в общем виде диахроническое изменение.
- ¹⁰ Все рассмотренные нами выше односложные глагольные основы окситонированного типа являются краткостными.
- ¹¹ Неубедительна попытка М.Н. Боголюбова связать ягнобские, хотано-сакские и хорезмийские (*māsin* 'я взял', *mās* < *mnās*?: part. perf. pass. *nāda* 'взятый?') с и.-е. корнем *net-* (см. М.Н. Боголюбов. Ягнобский (Новосогдийский) язык. Исследования и материалы. Л., 1957, с.28).
- ¹² Неясно, как следует рассматривать указание Асл 442¹: "*rāvāl* — осн. наст. от *rāvustāl*", — при отмеченном в основной словарной статье наприставочном ударении.
- ¹³ В остальных лицах флексия в согдийском была, по-видимому, выравнена, тогда как 2 pl. praes. показывает различие в зависимости от первоначального типа основы.
- ¹⁴ Хорезмийские примеры приводятся по D.N. MacKenzie. The khwarezmian Glossary, I—III, BSOAS, vol. 33—34, 1970—1971; цифры при примерах указывают соответственно строку и строку, под которой дана соответствующая хорезмийская глосса, в арабско-персидском словаре "Мукаддимат ал-адаб" аз-Земахшари по факсимильному изданию: Zeki Velidi Togan. Khorezmian Glossary of the Muqaddimat al-Adab. Istanbul, 1951.
- ¹⁵ Так (с двумя акцентами) в рабочей записи.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аб. — Абаев
- Абаев I, II, III — *Абаев В.А.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, II, III. М.—Л., Л., 1958, 1973, 1979
- Асл — *Асланов М.Г.* Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966 (цифры обозначают страницы книги, индексы над цифрами столбцы страниц)
- Грюнберг—Стеблин-Каменский Вах. — *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976
- ДвяП — *Дворянков Н.А.* Язык пушту. М., 1960.
- Дыбо СА — *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Ефимов — *Ефимов В.А.* Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
- Зар. Орош. — *Зарубин И.И.* Орошорские тексты и словарь // Труды Памирской экспедиции 1928 г., вып. VI, Лингвистика. Л., 1930.
- Зив. — см. с. 107.
- ЗудКрАР — *Зудин П.Б.* Краткий афганско-русский словарь. М., 1950.
- ЗудРА — *Зудин П.Б.* Русско-афганский словарь. М., 1963.
- ЛебГр — *Лебедев К.А.* Грамматика языка пушту. М., 1956.
- ЛебКАР — *Лебедев К.А.* Карманный афганско-русский словарь. М., 1962.
- ЛебКРА — *Лебедев К.А.* Карманный русско-афганский словарь. М., 1961.
- ЛебТабл — *Лебедев К.А.* Грамматические таблицы языка пушту // *Лебедев К.А., Яцевич Л.С., Калинина Э.М.* Русско-афганский словарь (пушту). М., 1973.
- Николаев—Старостин БСИ 1981 — *Николаев С.Л., Старостин С.А.* Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
- ОИЯ 1979, 1981, 1982, 1987 — Основы иранского языкознания / Под ред. В.И. Абаева, М.Н. Боголюбова, В.С. Расторгуевой. М., 1979, 1981, 1982, 1987.
- Пахалина Вах. — *Пахалина Т.Н.* Ваханский язык. М., 1975.
- Пахалина ОИЯ 1987 — *Пахалина Т.Н.* Ваханский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- Рагоза 1961 — *Рагоза А.Н.* Древнеиранские группы согласных и их отражение в афганском языке (пушту) // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, 1961, N 294, вып. 12.

- Расторгуева ОТД 5 — *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. Выпуск 5. Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963.
- Сар. яз. — *Пахалина Т.Н.* Сарыкольский язык (исследование и материалы), М., 1966.
- Соколова = Соколова 1967 = Соколова Ген. отн.
- Соколова Ген. отн. — *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулянского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова ИЯ 1980 — *Соколова В.С.* К истории вокализма вачачского языка // Иранское языкознание. Ежегодник 1980. М., 1981.
- Стеблин-Каменский ИФВЯ — *Стеблин-Каменский И.М.* Историческая фонетика ваханского языка. АКД. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский ИЯ 1980 — *Стеблин-Каменский И.М.* Историческая классификация ваханских глаголов // Иранское языкознание. Ежегодник 1980. М., 1981.
- ХЯ — *Фрейман А.А.* Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I. М.—Л., 1951.
- Цаболов 1976 — *Цаболов Р.Л.* Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976.
- ШафГр — *Шафеев Д.А.* Краткий грамматический очерк афганского языка // *Зудин П.Б.* Русско-афганский словарь. М., 1963.
- Эдельман 1986 — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Ягн. — *Андреев М.С., Пещерева Е.М.* Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. М.—Л., 1957.
- АЕВ. — *Reichelt Hans.* Avestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1967.
- Bailey — *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge—London—New York—Melbourne, 1974.
- Bartholomae — *Bartholomae Christian.* Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961.
- Bečka — *Bečka Jiří.* A study in Pashto stress. Prague, 1969.
- Böhtlingk — *Böhtlingk Otto.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Theile I—VIII. St.-Petersburg, 1879—1889.
- Emmerick — *Emmerick R.E.* Saka grammatical studies. London, 1968.
- EVP — *Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- G — *Geiger W.* Etymologie und Lautlehre des Afghānischen // Abh. d. Bayr. Ak. d. Wiss. I. Cl., Bd. XX, 1984 (S. 167—222).
- Geiger Et. Bal. — *Geiger W.* Etymologie des Balūči // Abh. d. k. Bayr. Ak. Philos.-Phil. Cl., Bd. XIX, 1894 (S. 105—153).
- Ghilain — *Ghilain A.* Essai sur la langue parthe son système verbal d'après les textes manichéens du Turkestan Oriental. Louvain, 1939 (Bibliothèque du Muséon, 9).
- GIPh 1, 2 — Grundriß des Iranischen Philologie. Bd. I. Abt. 1—2. Straßburg, 1901.
- IIFL I, II — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Oslo, vol. I — 1929; vol. II — 1938.
- Konow, Primer — *Konow St.* Primer of Khotanese Saka // NTS XV, p. 5—136.
- MacKenzie — *MacKenzie D.N.* The Khwarezmian Glossary // BSOAS I — 1970, vol. 33, pt. 3; II — 1971, vol. 34, pt. 1; III — 1971, vol. 34, pt. 3; IV — 1971, vol. 34, pt. 4; V — 1972, vol. 35, pt. 1.
- Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953—1975.
- Morgenstierne NTS IV — *Morgenstierne G.* The Wanetsi dialect of Pashto. A preliminary note // NTS IV, 1930.
- Morgenstierne NTS XII — *Morgenstierne G.* Orthography and soundsystem of the Avesta // NTS XII, 1942.
- NTS — Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, Oslo.
- Penzl — *Penzl Herbert.* A grammar of Pashto. A descriptive study of the dialect of Khandahar, Afghanistan. Washington, 1955.
- Turner — *Turner R.L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.
- Watkins IGr. — *Watkins Calvert.* Geschichte der indogermanischen Verbalflexion // Indogermanische Grammatik hrsg. von Jerzy Kuryłowicz, Bd. III: Formenlehre. Erstes Teil. Heidelberg, 1969.
- Whitney — *Whitney William Dwidht.* The roots, verb-forms and primary derivatives of the Sanscrit language. A supplement to his Sanscrit grammar. Delhi—Varanasi—Patna, 1963 (1st ed. Leipzig 1885).

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, §1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т.е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексийным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем акцентным контуром (данного прилагательного) совокупность сведений обоюродного рода, т.е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пустой* (для всех прилагательных на *-ой*, например, *дурной*, *злой*, *молодой* и т.д.) и *частый* *высокий*, *медленный*, *виноватый*, *одинаковый* (для прилагательных на *-ый*, *-ий* с соответствующим числом слогов и местом ударения). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательно-

сти; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-, -н', -ав-, -ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, §1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *ле-вѣй* сменилось на *лѣвый* под влиянием слова *правѣй* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *лівий* и *десний* — тоже с одинаковым ударением, но только флексионным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слов *босой* имеет флексионное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа *hendia-duoin*) *голый* и *босый* выступает наосновное ударение *босый*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *голый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *босый*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *другой* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второй*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *иной*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *другой* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *втрый*, *иный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *другой*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *втрый* и *иный* сохраняли здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *другий* и *иший*); напротив, древнее *другий* сменило ударение на *другий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *сѣмый* (*седьмой*) и *бсмый* (*восьмой*) на *сѣдмѣй*, *восьмѣй*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шестѣй* (где такое ударение исконно). В то же время известно и проти-

воположное направление выравнивания в этой тройке: *шóбстый, сéмый, вóсьмый*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *первóй*, которое возникло под влиянием слова *вторóй* (разумеется, уже после того, как *вторóй* вытеснило более древнее *втóрый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *впервóе*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *гóрький, слáдкий, кúслый, солёный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горькóй, сладкóй, кúсельй* (и *кúсьльй*), *солонóй*. Смена ударения в *горький* и *сладкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солонóй* на *солóный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солёный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выравнивалось по другим членам ряда. Для слова *кúсельй* (*кúсьльй*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ѣл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *гóрький, слáдкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р.О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие бóльшую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высóкий* (*высóкий, глубóкий, ширóкий, далёкий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *чáстый* (*нúзкий, мёлкий, úзкий, блúзкий*). С исторической точки зрения столь четко единообразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высокий* (возможно, также для *широкий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, §2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близькыи* существовал также вариант *близокыи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120—121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *нúзкий, мёлкий, úзкий, блúзкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§3. Прилагательные производные [с односложной (или двусложной полногласной) основой] или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексийное ударение. "Семан-

тическое ядро" данной группы образуют слова: *глухой, немой, слепой, хромой, кривой* 'одноглазый', *косой* 'косоглазый', *худой, больной, шальной, блаженный*¹. Далее, сюда относятся: *рябый, седой; злой, скупой, лихой, озорной, разбитной, хмельной, чудной* (о человеке), *смешной* (о человеке), ср. еще *чумной* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловной, сволочной, продувной* (отчасти также *пробивной*). Примыкает к данной группе также слово *холостой*². Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включающие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохой* (ср. значение 'тяжело больной'), *дурной* (ср. значение 'шаловой, сумасбродный'), *дрянной, срамной*. Отметим еще просторечные *благой* 'блажной', 'дурной', *смурной, заводной* 'драчливый', 'вспыльчивый', жаргонное *бухой* 'пьяный'.

Замечание 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-ой*, но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупой* 'глупый, бездарный', *простой* 'глуповатый', *пустой* 'легкомысленный', *крутой* (нравом), *сырой* 'тучный и слабосильный', *сухой* 'сухопарый', 'иссохший, сморщенный'.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четко, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определено. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лысый, тощий, хворый, пьяный, лютый, буйный*. Прочие слова подобного рода (*квёлый, хилый, глупый, дикий* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

Замечание 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексийным ударением, например: *тощой, хворой, лютой, глупой, дикой* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появление таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощой* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *пешой, тихой, толстой, частой, черствой, дешевой, суровой, пресной, бурной, грязной, жирной, смурной, горькой, жаркой, крепкой, ловкой, мелкой, приткой, редкой, робкой, тонкой* и т.п. (т.е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, нельзя объяснять правилом о флексийном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описаний (Деулин. сл.) приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-ой* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благой* 'озорной', 'своевольный', *борзой* 'буйный', 'буйный сумасшедший', *глупой, дикой, лихостной* 'злойный', 'злопамятный', *мудрой* 'капризный', *ненавистной* 'злойный', 'ненавидящий', *силой* 'сильный', *страшной* 'плохо выглядящий', *тощой, хворой, хрипой* 'хриплый' и даже *блажкой* 'озорной', 'своевольный' (с нехарактерным для данного говора флексийным ударением при суффиксе *-к*).

Как легко видеть, акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, противоречит общему принципу акцентуа-

ции качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atrašu* 'глухой', *'abkamu* 'немой' и т.п.

Замечание 3. В работе Зализняк 1985, §1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексивное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т.п.: *колдовско́й, ведьмовско́й, ведовско́й, воровско́й, плутовско́й, шельмовско́й, бунтовско́й, шутовско́й, хвастовско́й, мотовско́й, фатовско́й, франтовско́й*. Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овско́й* и рассмотренных выше прилагательных типа *глухо́й, лихо́й, шально́й* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-о́й* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромо́й*: здесь исконным было ударение *хро́мый* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромо́й* под влиянием исконных *слепо́й, глухо́й, немо́й*, и т.д. (см. Булаховский, с. 371; Л.А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово *слепо́й* [укр. *сліпий*]), но более вероятно, что соответствующее "давление" здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хрома́го* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хро́мыи, хро́мии, хро́мыя* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромо́й* (*хромо́ий*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *скупо́й*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skouřu*, словацк. *skúry*, польск. *skąru*), то ударение *скупо́й* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *чудно́й* и *чумно́й*.

Приведенные слова (прежде всего *хромо́й*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексивном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательны не только приобретение нового ударения словом *хромо́й*, но и сохранение старого ударения словами *глухо́й, немо́й, слепо́й, больно́й* и т.д., т.е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лысы́й, пьяны́й, люты́й* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *бѣлый, чѣрный, красны́й, зелѣный, рѳзовый, лиловый, коричневый, белѣсый, пѣстрый, свѣтлый, тѣмный*.

Явное исключение только одно: *голубой*. В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедой, вороной*. Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветной* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пѣстрый*).

в) Слова *работой* и *седой* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что производные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *красный, светлый, темный*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флексивное ударение, например: *белá, белó, белы́* (ср. *черно́, красно́, желто́, пестро́, светло́, темно́* и т.п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк, 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо "работает" в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается "сильнее", чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантиче-

ской группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — 'af'alu), например: 'ahmaru 'красный', 'aswadu 'черный'.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантически сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т.е. антонимия) может приводить к их акцентному "отталкиванию" ("поляризации"), т.е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа "наличие или отсутствие чего-то" или "большая или малая степень чего-то"), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т.е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией³ (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, воздействующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т.е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексийного ударения полных форм при суффиксах -к- или -н'- исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жёсткий—мягкий* или *ра́нный—пóздний*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *бёлый* и *чёрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т.е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному "расщеплению" данного прилагательного. Ср., например, *ста́рый—молодо́й* (с противопоставлением акцентных контуров) и *ста́рый—но́вый* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распро-

страняется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными⁴. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т.е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

Наиболее известный пример семантический группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высо́кий—ни́зкий, глубо́кий—ме́лкий, широ́кий—у́зкий, дале́кий—бли́зкий*. В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие большую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *толсте́нький—ху́денье́кий, длиннова́тый—коро́ткова́тый* и т.п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: "Какое слово противоположно слову *живо́й*?" Он сразу же дает ответ: *ме́ртва́ый* (а не *вя́лый, ску́чный* и т.п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живо́й*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *ста́рый—молодо́й* и *ста́рый—но́вый* или *ле́гкий—тяже́лый* и *ле́гкий—тру́дный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по "Частотному словарю" — Частот. сл.). Внутри пары первым при-

водится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдый, жёсткий—мягкий* в таком положении оказывается только член *жёсткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком "!". Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

<i>большой</i> 2066	— <i>маленький</i> 487	<i>весёлый</i> 183	— <i>грустный</i> 36
	<i>малый</i> 224	<i>смешной</i> 52	
<i>молодой</i> 608	— <i>старый</i> 468	<i>быстрый</i> 157	— <i>медленный</i> 36
<i>новый</i> 1722 (NB)		! <i>умный</i> 151	— <i>глупый</i> 99
		! <i>прямой</i> 142	— <i>кривой</i> 28
<i>высокий</i> 549	— <i>низкий</i> 116	<i>большой</i> 134	— <i>здоровый</i> 89
<i>хороший</i> 535	— <i>плохой</i> 128	! <i>тихий</i> 120	— <i>громкий</i> 39
<i>полный</i> 515	— <i>пустой</i> 123	! <i>твёрдый</i> 117	— <i>мягкий</i> 91
[<i>чёрный</i> 473	— <i>белый</i> 471]	[<i>жёсткий</i> 22]	
<i>разный</i> 341	— <i>одинаковый</i> 51	<i>виноватый</i> 113	— <i>правый</i> ³
<i>различный</i> 291		<i>полезный</i> 93	— <i>вредный</i> 48
<i>широкий</i> 312	— <i>узкий</i> 102	! <i>пьяный</i> 88	— <i>трезвый</i> 12
<i>тяжёлый</i> 296	— <i>лёгкий</i> 152	<i>сухой</i> 87	— <i>мокрый</i> 66
<i>трудный</i> 143 (NB)		! <i>редкий</i> 80	— <i>частый</i> 25
<i>простой</i> 287	— <i>сложный</i> 239	<i>острый</i> 77	— <i>тупой</i> 18
<i>живой</i> 282	— <i>мёртвый</i> 102	<i>голый</i> 73	— <i>одетый</i> 53
<i>добрый</i> 277	— <i>злой</i> 87	<i>тесный</i> 71	— <i>просторный</i> 36
<i>холодный</i> 241	— <i>тёплый</i> 145	<i>толстый</i> 69	— <i>худой</i> 32
	<i>горячий</i> 163 (NB)		<i>тонкий</i> 162 (NB)
<i>богатый</i> 238	— <i>бедный</i> 112	<i>густой</i> 62	— <i>жидкий</i> 27
! <i>сильный</i> 237	— <i>слабый</i> 98	<i>крутой</i> 52	— <i>пологий</i> 13
[<i>тёмный</i> 228	— <i>светлый</i> 116]	[<i>ранний</i> 46	— <i>поздний</i> 45]
! <i>чистый</i> 225	— <i>грязный</i> 59	[<i>горький</i> 43	— <i>сладкий</i> 33]
<i>дорогой</i> 224	— <i>дешёвый</i> 43	<i>голодный</i> 39	— <i>сытый</i> 25
<i>глубокий</i> 216	— <i>мелкий</i> 201	<i>сырой</i> 37	— <i>варёный</i> 5
<i>крупный</i> 349 (NB)		<i>слепой</i> 31	— <i>зрячий</i> 5
<i>близкий</i> 215	— <i>далёкий</i> 107	<i>босой</i> 25	— <i>обутый</i> 2
<i>свободный</i> 198	— <i>занятый</i>	<i>скупо́й</i> 17	— <i>щедрый</i> 12
	(и <i>занятой</i>) 48	<i>женаты́й</i> 16	— <i>холостой</i> 14

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *влажный* и *сырой* в дополнение к *мокрый*, *редкий* в дополнение к *жидкий* и т.п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *яркий—тусклый* или *яркий—бледный* и т.п.) или, на-

оборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сырб́ый—варёный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т.е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета "!") составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*си́льный—сла́бый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *но́вый* встречается чаще, чем *молодо́й, то́нкий* — чаще, чем *худо́й*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодо́й, худо́й*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*но́вый, то́нкий*). Что касается пары *глубо́кий—ме́лкий*, то она прочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-окий* и *-кий* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *крупный—ме́лкий*, хотя *крупный* встречается чаще, чем *глубокий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайном выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *ста́рый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пусто́й* (т.е. все прилагательные с флексийным ударением) — 23 слова (считая вариант *заянто́й*); контур *ча́стый* — 54; контуры *высо́кий* и *ме́дленный* (т.е. с двусложной основой) — 25; контуры *виновáтый, одина́ковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169-170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пусто́й* в этих списках содержится 44, с контуром *ча́стый* — 330 (слова, "расщепленные" по значениям, сосчитаны по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их

несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый, -астый, -атый, -оватый, -ивый, -чивый, -ливый, -имый, -енький*, очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе "хороших антонимов" решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пустой* в класс "хороших антонимов" вошла половина, из слов с контуром *частый* — менее одной шестой, из слов с контурами *высокий* *медленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т.е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *толстый*—*худенький* и т.п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке "хороших антонимов" можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пустой* и с контуром *частый* в нашем списке вполне показательное: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)⁶.

Таким образом, качественные прилагательные на *-ой* явно обнаруживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным контурам (единственное исключение: *прямой*—*кривой*); но это обстоятельство само по себе уже неудивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать существование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании общей статистики прилагательных, числа антонимических пар с противопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко видеть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь самые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли особыми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодой* (но также *новый*)—*старый*, т.е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к одному и тому же контуру типа *частый*, относится именно к таким тройкам, т.е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Большая часть этих прилагательных (более 60) исторически принадлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большой*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексивное. Точнее, исходное слово "расщепилось" на два слова с разным ударением: слово *больший* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большой* отделилось от него как по значению (заменив собою прежнее *великий*), так и по ударению. Этой дифференциации (которая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных говорах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, закреплению акцентовки *больший* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *меньший*, *лучший*, *худший*, *горший* и т.п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большой* за значением 'magnus' могло способствовать противопоставление со словом *малый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение 'magnus' передается, как и в древнерусском, словом *великий*, в данной семантической паре тоже развилась (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *малый* сменилось на современное украинское *малій*⁷.

У слова *сырой* флексивное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупой* см. § 3, о словах *высокий*, *широкий*, *близкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме *c*, т.е. имели в древнерусском флексивное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горячий*, *зрячий*, *варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *светлый*, *твёрдый*, *трезвый* (церковнославянизм), *свободный*; кроме того, *новый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прила-

гательные с суффиксом -к-, например, *то́нкий, го́рький, сла́дкий, жи́дкий, гро́мкий, же́сткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т.е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса -к-); 2) прилагательные *ча́стый, весе́лый, дешё́вый, те́сный, холо́дный, голо́дный, гря́зный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *то́лстый, гру́стный, вре́дный*, но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексийное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепо́й, криво́й, худо́й, большо́й, сме́шной, холосто́й, плохо́й*, также *зло́й* (прилагательное акцентной парадигмы *b*, имеющее, однако, флексийное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранный в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-о́й* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодо́й, плохо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, зло́й, большо́й, сухо́й, тупо́й, круто́й, босо́й, холосто́й* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорого́й, слепо́й, занято́й, густо́й* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флексийное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худо́й* и *сме́шной*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентовки слов *то́лстый* и *гру́стный*, см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, такое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорого́й—дешё́вый* (слова *зря́чий, свобо́дный, жи́дкий*, по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешё́вый, зря́чий, свобо́дный, жи́дкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямо́й—криво́й*.

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *гря́зной, часто́й* сменились на *гря́зный, ча́стый*, несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чи́стый,*

редкий. В условиях противоборства двух тенденций наличие подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т.е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частности, Зализняк 1985, § 3.58—59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI—XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексийным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентов по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

Замечание. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода "чересполосного" соединения разнодиалектных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с "северновеликорусским" ударением, а какие-то другие — с "южновеликорусским". Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистические последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой непоследовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непроходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденция к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т.д.), т.е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого "торможения" тенденций разговорной речи и т.д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переходу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексийному ударе-

нию у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексивное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексивное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чудной, блажной, срамной, дрянной, дурной, смешной, шальной, хмельной, больной, сволочной, баловной, проливной, озорной, разбитной* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветной, коренной, проливной, показной*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ведение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *строгий, тихий, твердый, милый, бодрый, частый* и т.п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *белый, синий, желтый* и т.д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухой, хромой, рябой, лихой* и т.п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *кривой* и *косой* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большой, молодой, пустой, простой, живой, дорогой, сухой, тупой, густой, крутой, сырой, босой, холостой*. В словах *плохой, худой, скупой* (отчасти также *босой, холостой*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому

выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благóй, свято́й, нагóй, младóй*. После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *туго́й и прямо́й*.

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т.е. как производных, так и непроизводных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особо стоит *босóй*, которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.

² С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодóй*, которое первоначально явно имело коннотацию неполноценности.

³ Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л.А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *прямий и кривий* и для *товстий и худий* (Булаховский, с. 367, 370).

⁴ Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *свя́зный и свя́зной, вре́менный и временнóй* и т.п., см. Зализняк 1985, § 1.57.

⁵ *Правый* имеет общую частоту 204, но из этого числа большая часть несомненно приходится на долю прилагательного *правый* 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.

⁶ Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь непроизводных прилагательных с контурами *пустóй* и *ча́стый*. Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *мо́крый, рыхлый, кра́сный*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строгие. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пустóй* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.

⁷ Вероятно, изменение исконного ударения *слабóй* на украинское *слаб́ий* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *си́льный, дуж́ий*; отметим, что Л.А. Булаховский именно ударения *слаб́ий* и *мал́ий* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Булаховский — Булаховский Л.А. Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.

Деулин. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Осовецкого. М., 1969.

Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1985 — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Частот. сл. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.

Jakobson — Jakobson R. Spatial relationships in Slavic adjectives // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ Ъ-ОСНОВ СРЕДНЕГО РОДА
В СЕРБОХОРВАТСКОМ

Реконструкция класса ъ-основ среднего рода (происхождение состава акцентных типов и конфигурация их акцентных кривых) остается во многом открытой проблемой славянской исторической акцентологии. В.М. Иллич-Свитычу (Иллич-Свитыч, 123, 131) удалось установить следующую особенность славянских непронизводных neutra: из категории среднего рода перешли в мужской род все бывшие индоевропейские баритонированные краткосложные основы (в результате фонетического изменения конечного безударного *-om > -ъ*), т.е. такие, которые в славянском должны были дать окситонезу. Таким образом славянский как бы был лишен возможности иметь полноценную исконную конечнударенную акцентную парадигму (а.п.), унаследованную из индоевропейского. Только славянским краткосложным основам окситонированной а.п. соответствуют индоевропейские образования с колонной окситонезой в sg. и баритонезой в pl. (Иллич-Свитыч, 120). Иллич-Свитыч находит названное соответствие следующим славянским лексемам: в sg. **però, *gnězdò, *jědrò, *qtrò, *sidlò, *gьrnò, *dьnò*, в pl. **jětrá/jětrā, *vortá/vórtā, *plutjá/plútjā*.

В состав славянской подвижной а.п. В.М. Иллич-Свитыч (Иллич-Свитыч, 133 и след.) включает имена, "где нисходящая (") интонация корня непервоначальна, но возникла на месте восходящей ("")", и эти имена, как правило, восходят к индоевропейским окситонированным в sg. neutra с долготным корнем: **mēzo, *jāje, *jāro, *vēno, *pīvo, *zolto, *iēsto, *lēdo, *sēno*. Группа краткосложных йотированных основ, составляющих славянский подвижный акцентный тип (а.т.) — **mōrje, *gōrje, *pōlje, *vētje* (удлиненный), как предполагает Иллич-Свитыч, восходит к первоначально баритонированным (в sg.) основам, которые должны бы дать окситонезу (они не перешли в мужской род благодаря йотированности). Четко прослеживается генетическое тождество славянской а а.п. и индоевропейского баритонированного долготного акцентного типа с краткостным корнем (Дыбо 1981, 23).

Таким образом, выявленная Иллич-Свитычем сложность происхождения состава славянских а.п. в рассматриваемом классе основ предполагает трудности в реконструкции их акцентной системы, предопределенные отсутствием строгой преемственности славянских акцентных типов из индоевропейских. А противоречивость самого славянского материала со своей стороны свидетельствует о невозможности однозначной реконструкции праславянской акцентной системы непронизводных neutra.

Однако так или иначе в праславянском восстанавливается система из трех а.п.: *a, b* и *c* (см. таблицы 2, 3, 4). А.п. *a* — с колонной баритонезой по всей парадигме склонения (основы со старым акутом на корневом гласном). Что касается а.п. *b* — с колонной окситонезой в sg. (непосредственно отражающей индоевропейскую ситуацию — (Иллич-Свитыч, 122), то реконструкция pl. этой а.п. вызывает разногласия исследо-

вателей. Иллич-Свитыч (с. 120 и след.) допускал два варианта в N. Acc pl. *perá/*pèrā, *gnězdá/*gnězda. Скляренко (Скляренко 1979, 100) настаивает на конечноударенных формах в N. Acc. и Dat. pl., а также в G. pl. Формы Instr. и Loc. pl. и dual. восстанавливаются им с предконечным ударением (Скляренко 1979, 100, 120). Дыбо предполагает позднеславянскую реконструкцию всех форм pl. (N. и Acc. при условии долготы конечного -ā) и dual. N. Acc. V. и G.L. с вариантами, распределенными по закону Крижанича: долготные — с перенесенным на корень ударением, краткосложные основы с конечным ударением (Дыбо Лекции). Реконструкция с а.п. также разноречива в pl. В sg. — накоренное ударение в изолированных основах и переносимое на клитики в синтагме (формы-энклимена). В pl. в основном существует две реконструкции: одна, представленная в книге В.Г. Скляренко (Скляренко 1979, 100) — с конечным ударением в N. Acc. D. Instr. pl. в dual. G. L. Dat. Instr. и послекорневым в Loc. pl., другая, предложенная в лекциях В.А. Дыбо — с конечным ударением в N. Acc. и Instr. pl. и N. Acc. V. dual., послекорневым в Dat. и накоренным в Loc. pl.

В последнее время привлечение материалов старых письменных памятников помогло уточнить частные реконструкции. В среднеболгарском (Дыбо 1973, 154) восстанавливается система с оттяжкой конечного ударения в sg. *b* а.п., а в pl. здесь произошло разделение *b* а.п. на долготный и краткотный а.т., противопоставленный в N. Acc., а также в Dat. и Loc. (см. табл. 1).

В древнерусском, как отражение праславянской диалектной вариантности, по зонам различаются варианты: N. Acc. pl. (восточная) *мясѧ вратѧ*, но *сѧла чѧсла*; (западная) *мѧса врата* и *селѧ числѧ* (Зализняк, 259, 260). А.А. Зализняк, признавая отсутствие полной ясности природы появления у основ старой *b* а.п. форм с накоренным ударением, определяет эту тенденцию как "дефинализацию ударения" (в sg. — неустойчивая, приведшая к вторичной подвижности, в pl. — возможно, имеющая "чисто морфологический источник" (Зализняк, 184, 242, 245)), которая не была осуществлена до конца, и ее результаты рано подверглись морфологизации и лексикализации (Зализняк, 182—183).

Приступая к анализу южнославянского материала в большой зоне сербохорватского языка, мы не претендуем на пересмотр и решение кардинальных вопросов происхождения и реконструкции славянской акцентной системы *δ*-основ среднего рода. Данное исследование предполагает внести некоторую ясность в сербохорватский материал, который до сих пор использовался в ограниченном объеме и без учета диалектных изменений и процессов. В то время как сербохорватский язык представляет широкий диапазон разносистемного материала, ключ к пониманию которого, как нам кажется, во многом дают непривлекательные до сих пор или недостаточно использованные системы, как староштокавская, зафиксированная в текстах XIV—XVI вв. из юго-западных областей Сербии и юго-восточной Герцеговины¹, чакавско-кайкавская система XVII в. Крижанича и некоторые современные диалектные системы — чакавские, посавские.

Акцентологический анализ *δ*-основ среднего рода выявил такие диалектные различия на территории сербохорватского языка, которые

Таблица I

	a	b		c
		долгосложн.	краткосложн.	
Sg.				
N.	мѣсто	чѣсло	сѣло	мѣре
G.	мѣста			мѣрѣ
D.	мѣстоу			мѣрѣю
Acc.				мѣре, въ море
Instr.				златом (златомъ)
L.				мѣри, въ мѣри
Pl.				
N.	мѣста, мѣста	чѣсла	сѣла	врата
G.				вратѣ
D.		*чѣслоу	*сѣлоу	вратомъ (сердцемъ)
Acc.		чѣсла	сѣла	врата
Instr.		чѣслы	сѣлы	враты (оусты)
L.	мѣстоу, *мѣстау	чѣслѣхъ	сѣлѣхъ *сѣлоу, сѣлау	въ морѣхъ, въ вратѣхъ
Dual.				
N. Acc.		крѣлѣ	и плѣци	
G. Loc.		крѣлѣ		
Instr.		крѣлоу		

вынуждают рассматривать чакавскую и чакавско-кайкавскую XVII в. (Крижанич) системы отдельно от штокавской, лежащей в основе современной литературной сербохорватской системы.

Штокавская система наиболее полно обеспечена современным материалом нормативного языка и прослеживаема в диахронии, благодаря наличию староштокавских памятников XIV—XVI вв. и достаточно обильных диалектных описаний. Современную литературную сербохорватскую акцентную систему *ѡ*-основ среднего рода в общих чертах можно считать прямым продолжением праславянского распределения со следами поздних перестроек различного характера: общесербохорватских и специфических штокавских. В ней прослеживается четыре акцентных типа, которые находятся в определенном соответствии с исконными а.п. В частности, *a* а.п. соответствует I а.т., *b* — II и III (разделившись на исконно долготные — II а.т. и исконно краткостные основы — III а.т.), *c* — IV а.т. (см. таблицы 2, 3, 4, в которых материал расположен по исконным а.п. *a*, *b* и *c*). Таким образом, таблицы прежде всего дают представление о том, как в отдельных (конкретных) системах представлены праславянские а. типы — каким изменениям они подвергались.

I а.т., хорошо сохранивший акцентную кривую исконной *a* а.п. — с колонной баритонезой по всей парадигме склонения, в том числе в N. и Acc. pl. (с кратким нисходящим ударением, рефлексом старого

акута). В G. pl. — рефлекс нового циркумфлекса на корне и конечная долгота: *мѣста дѣла зрѣнѣ жѣла лѣта чѹдѣ*. Однако у большей части основ, как считает Дж. Даничич, G. pl. с кратким нисходящим ударением — тип *мѣста*. Регулярные формы этого типа у основ, завершающихся на две согласные и имеющиеся в G. pl. трехслоговое строение, благодаря "беглому" *а*: *јѹтро: јѹтѣрѣ, нѣдро: нѣдѣрѣ, пѣсмо: пѣсѣмѣ, пѹце: пѹцѣтѣ*. Очевидно в отличие от трехслоговых основ типа *кѹритѹ: кѹрѣтѣ, кѹпитѹ: кѹпѣтѣ* (штокавская передвижка ударения с новоциркумфлексного слога на слог вперед, если он был краткий) в основах с "беглым" *а* появление $\bar{}$ было вызвано уже морфологическими причинами. В состав I а.т. входят: *бѣло блѣто брѣшно врѣло жвѣло јѣто клѣло мѣсто плѹто пѹто рѣло рѣло сѣло сѹто трѹло ѹше чедо шѣло* и др. (Дан., 64). Следует отметить, что три основы исконно *а* а.п. перешли в *с* а.п. (современный IV а.т., второй подтип).

II а.т. (представленный долгосложными основами исконной *в* а.п., сохраняющими, если снять штокавскую ретракцию, исконную акцентную кривую согласно реконструкции с окончательным ударением в *sg.* и *pl.*) — с перенесенным (с окончания на корень по штокавской ретракции) долгим восходящим ударением по всей парадигме склонения ($\bar{}$) в *sg.* и *pl.* В G. pl. наряду с обычной формой *винѹ* у основ с "беглым" *а* встречаются следующие варианты: *пѣсмо: пѣсѣмѣ, вратло: вратѣлѣ, брѣвно: брѣвѣнѣ, гѹвно: гѹвѣнѣ/гѹвѣнѣ* (возможно не без влияния предыдущего а.т. *јѹтѣрѣ*). В состав II а.т. входят: *вѣдро вино вѣлко вратѣ вресло гнѣздо грѹтло гѹмно дѣнце дѣто ждрѣло жиѣне јѣе клѣшта крѣло лѣза лѣне мѣто мѣко бѣе тѣне платно прѣло прѹгло рѣсно рѹно табло сѹкно трѣло ѹдо ѹже ѹста црѣво* и т.д. (Дан., 61—62).

III а.т. (представленный краткосложными основами исконной *в* а.п.) с перенесенным кратким восходящим ($\acute{}$) ударением в *sg.* (что соответствует праславянской реконструкции *в* а.п. и соотносимо со II акцентным типом — см. выше) и перенесенным кратким нисходящим ударением ($\grave{}$) в *pl.*, что является характерной штокавской особенностью. В G. pl. наряду с обычной формой *сѣла пѣрѣ бѣдрѣ рѣбрѣ сѣдлѣ стѣгнѣ* встречаются у основ с "беглым" *а*: *вѣсло: вѣсѣлѣ, дѣбро: дѣбарѣ, кѹпѣ: кѹпѣлѣ, стакло: стакѣлѣ, сѣдло: сѣдѣлѣ, јѣдро: јѣдрѣ, а также бѣдро: бѣдрѣ, рѣбро: рѣбрѣ* (так через G. pl. обрисован состав III акцентного типа (Дан., 63)).

IV а.т., состоящий из двух подтипов долгосложных и краткосложных основ (которые восходят в основном к исконной *с* а.п.; среди основ второго подтипа есть несколько основ исконно *а* а.п., перешедшие в этот а.т. — *житѹ: жѣта — жѣтѣ, мѣсло: мѣсла — масѣлѣ, клѹпко: клѹпка — клѹпѣкѣ*), — с перенесенным ударением (соответственно долгим и кратким нисходящим $\grave{}$ и $\grave{}$) и перенесенным (долгим $\bar{}$ и кратким $\bar{}$ восходящим) — в *pl.*: *злѣто: злѣта — злѣтѣ* G. pl. и *пѣле: пѣла — пѣлѣ* G. pl. В состав этого а.т. входят: (1-ый подтип) *дрѣво злѣто мѣсо мѣво (мѣво) пѣво стѣдо (и стѣдо) сѹнце тѣло тѣсто* и др., (2-ой подтип) *брѣдо: брѣда — брѣдѣ/брѣдѣ* G. pl., *грѣло кѣло ликѹ мѣре дѹко пѣле прѣсо снѣпѣ слѣво срѣце стрѣво* и др. (Дан., 62, 64).

Староштокавская акцентная система, отраженная в текстах XIV—XVI вв.¹, может быть представлена в трех а.т., соответствующих ре-

Таблица 2. I акцентный тип, восходящий к а а.п.

	праславянская реконструкция	староштоклавский	современный литера- турный сербохорват- ский язык
<u>Sg.</u> <u>N.</u>	*mě sto	мѣсто П 1, Ев 9, Сб много	мѣсто
G.	*mě sta	мѣста П 1, Ев 1, Сб 6	мѣста, од места
D.	*mě stu	мѣсту Сб 2	мѣсту
Acc.	*mě sto	на мѣсто П 1, Сб 1, ЖП 1	мѣсто
Instr.	*mě stomъ	мѣстомъ Сб 3	мѣстом
L.	*mě stě	мѣстѣ П 3, Ев 10, Сб 13/мѣстѣ П 1, Сб 1	мѣсту
V.	*mě sto	чѣдо! Ев 3, Сб 6	мѣсто
<u>Pl.</u> <u>N.</u>	*mě stā	мѣста Ев 2, Сб 8/мѣста П 3, Сб 1	мѣста
G.	*mě stъ (mě stъ)	мѣ стъ (мѣ стъ) Сб 4	мѣстā/мѣстā
D.	*mě stomъ	мѣстомъ (мѣстомъ) П 1, Сб 2	мѣстима
Acc.	*mě stā	(см. N.)	мѣста
Instr.	*mě stŭ	чѣди Сб 7	мѣстима
L.	*mě stěxъ	мѣстѣхъ (мѣсто ^x) П 1, Сб 4, ЖП 1	мѣстима
V.	*mě sta	чѣда П 1, Сб 4	мѣста
<u>Dual.</u> N. Acc. V.	*mě stě	чѣдѣ Ев 1	—
G.L.	*mě stŭ	мѣстѣ Сб 1	—
D. Instr.	*mě stoma	лѣтома Сб 1	—

конструированным праславянским а.п. *a*, *b* и *c*. I а.т., восходящий к исконной *a* а.п., характеризуется постоянным ударением на корне по всей парадигме склонения (обозначаемое обычно знаком акута ´) (см. таблицу 2). Перечень всех встретившихся основ I-го а.т.: блáто, блюдо, вѣно (‘плата за невесту’), грѣло, дѣло, желѣзо, жита G. sg., з²рава G. sg., зрѣно, йго, кадѣло, колѣно, корыти Instr. pl., лѣто, мáсло, мѣро (мѣро), мѣсто право, рáло, рáмо, рыло², скѹптро, слѣнца G. sg., стáдо, óтро, чѣдо, гáблько. В G. pl. можно предполагать формы с долгим ударением в корне (отражение рефлекса нового циркумфлекса) и долготой на конце (ср. современное сербохорват. *mѣстā* наряду с *mѣ стā*). Действительно, встретилось несколько примеров с обозначенным долгим корневым ударением (двойным акутом ´´) и конечной долготой (кендемой ´). Очевидно, что данное количество таких примеров не отражает реаль-

чакавско-кайкавский XVII в. (Крижанич)	современные чакавские говоры (Нови 220, Хвар 22, Брач 41)	посавский говор (Ившич)
Ля́то	rǎ lo jǐ dro	mǐsto kòrito 346 473/mjěsto 343
Ля́та	rǎ la jǐ dra	od brǎ šna 462 —
Ля́тѣ	rǎ lu jǐ dru	— —
Ля́то	rǎ lo jǐ dro	mǐsto/mjěsto
Ля́том	rǎ lom jǐ drōn	— kòritōm/ kòritōm 342
Ля́тѣ	rǎ li jǐ dru	mǐstu 471/na mistǐ 344
Ля́то	jǐ dro	
Ля́та	rǎ la jǐ dra	blatǎ 343 kòrita 344
Ля́т Јо́тер	rǎl jǐ dor lǐt/lǐtǐh	jǐ tǎr 334 kòrit(ǎ)/ kòritǎ 346
Литом (без ударения)	rǎ lōn jǐ drima(n)	—
Ля́та	rǎ la jǐ dra	blatǎ kòrita 344
Ля́тми	rǎ li jǐ drima(n)	blatǐ 334
Ля́тѣх	rǎ lǐh jǐ drima(n)	blatǐ 334
Ля́та	jǐ dra	
Ля́ти Ля́тѣ Ля́тма (Ля́тома)		

ной картины: писцы отмечали долготу спорадически: в Сб. блѣдь 1 раз, дѣльб 2 р. (наряду с дѣль 5 р. и дѣль 1 р.), лѣть 3 р. (лѣть 25 р.), чѣдь 5 р. и чѣдѣ Ев. 1 р., Сб. 1 р. (чѣдь Ев. 1 р., Сб. 3 р.).

Отметим G. pl. трехслоговых основ, где еще Станг (Stang, 95) обратил внимание на перенос нового циркумфлекса на предшествующий слог (ср. современный сербохорват. *кòлено*: *кòлѣнā* G. pl., *кòрито*: *кòрѣтā* G. pl.). Данное явление, происходившее до штокавской ретракции (и только на предшествующий краткий), наблюдается и в северных чакавских говорах и у Крижанича. В исследованных памятниках встретилась только одна такая словоформа в Сб. XVI в.: *колѣнь* 1 р. и *колѣнь* 1 р. (при постоянном ударении на втором слоге во всех других формах — *колѣно*, *ѡ колѣна*, *колѣноу*, *колѣно^м*, *колѣнѣ* L. sg., *колѣна* N. Acc. pl. и т.д.). Наличие дублетной формы *колѣнь*, очевид-

Таблица 3. II акцентный тип, восходящий к *б* а.п.

	праславянская реконструкция		староштокавский	
	долгосложные	краткосложные	долгосложные	краткосложные
<u>Sg.</u>				
<u>N.</u>	*krǫlǝ	*gebro ¹	числò П 1, Сб 9	добрò П 7, Ев 5, Сб 4
<u>G.</u>	*krǫlǎ	*gebǫǎ ¹	числǎ Ев 2, Сб 10	добрǎ Сб 3
<u>D.</u>	*krǫlǔ	*gubǫ	числǣ Сб 2, ЖП 1	добрòу Сб 3
<u>Acc.</u>	*krǫlǝ	*gebǫ	(см. N. sg.)	ребрò Сб 1
<u>Instr.</u>	*krǫlǝmь	*gebǫmь	числòмь Ев 1, Сб 2/ чísломь Сб 4	сребрòмь Сб 1/ срèбромь 1
<u>L.</u>	*krǫlǣ	*gebǣ	лицè П 2, Ев 1, Сб 5	добрǣ Сб 1
<u>V.</u>	*krǫlǝ	*gebǫ	гǫмно! Сб 1	
<u>Pl.</u>				
<u>N.</u>	*krǫlǎ/ *krǫlǎ ¹	*gebǫǎ/ gèbǫǎ ¹	гнѣздǎ Ев 1/ гнѣ зда 1	сèлǎ Ев 2, Сб 6/ селǎ П 1
<u>G.</u>	*krǫlǣ	*gèbьgь sèlǣ	крѣль (крѣль) Сб 4	сèлѣ (сèлѣ) Ев 1, Сб 3
<u>D.</u>	*krǫlǝmь	*gebǫmь	крѣлòм ^м Сб 1	—
<u>Acc.</u>	*krǫlǎ/ krǫlǎ ¹	*gebǫǎ/ gèbǫǎ ¹	винǎ (вина) П 1, Ев 3	на рèбрǎ (ребрǎ) П1, Ев 10/ ребрǎ Ев 7, Сб 7, ЖП 1
<u>Instr.</u>	*krǫlǔ	*gebǫ	крѣлѣ Сб 2/ крѣлѣ 1	вèслы Сб 1
<u>L.</u>	*krǫlǣхь	*gebǣхь	крѣлòх ^х Сб 1	сèлѣ ^х Ев 2, Сб 1
<u>V.</u>	*krǫlǎ	*gebǫ		
<u>Dual.</u>				
<u>N. Acc. V.</u>	*krǫlǣ	*gebǣ	крѣлѣ Ев 1, Сб 4/ крѣлѣ Сб 1	
<u>G.L.</u>	*krǫlǔ	*gèbrǔ	—	
<u>D. Instr.</u>	*krǫlǝma	*gebǫma	крѣлòма Сб 2	

¹ См. Иллич-Свитыч с. 120 и след.

но, не может свидетельствовать о позднем характере перетяжки, скорее всего она отражает книжную норму (ср. сред.-болг. *ѡ* точиль (Дыбо 1973, 196); ср. также чакав. *korit*, словен. *korit* (Скляренко 1979; 72—75).

Остановимся на случаях отклонения в акцентуации отдельных форм (или обозначения долгот), которые касаются определенного круга основ и набора форм и, как правило, наблюдаемые в южном памятнике XIV в. П., в котором явно отражена тенденция распространения конечноударенных форм в N. Acc. pl. у исконно баритонированных

современный литературный сербохорватский язык		чакавско-кайкавский XVII в. (Крижанич)	
долгосложные	краткосложные	долгосложные	краткосложные
вѣно	сѣло	Лѣце (licé) Лѣце	dobró
вѣна	сѣла	От Лѣца (лѣца)	dobrá
вѣну	сѣлу	Ко лѣцѣ	dobrú
вѣно, у вѣно	сѣло, у сѣло	Кроз Лѣце	na dobró
вѣном	сѣлом	пред лѣцем	dobròm
вѣну	сѣлу	при Лѣци	въ селѣ
		Лѣце	
вѣна	сѣ ла	Лѣца/ Пѣсма	Бѣдрà steklà/ Окна
вѣнà/ пѣсàмà	сѣлà/ стакàлà	Лѣц, Тлàкен	Дѣн brewèn
вѣнима	сѣ лима	Лѣцем	sèlom
вѣна	сѣ ла	кроз Лѣца	sèla (sèla)
вѣнима	сѣ лима	Лѣцими	—
вѣнима	сѣ лима	Лѣцѣх Лѣца	w sefèch
		Лѣци/ Лѣци, Крили	селà плещѣ бѣдрà
		Лѣцѣ Лицѣма	

основ, связанная, как считает В. А. Дыбо (Дыбо 1981, 158), с сокращением акутовых гласных и представленная в среднеболгарском (см. таблицу 1). В П. все встретившиеся примеры — с конечным ударением в N. Асс. рl. и только трехсложная основа колѣна — с наосновным ударением: дѣлà 2 р. / дѣлà 2 р. (ср. дѣла Ев. 10 р., Сб. несколько десятков), лѣтà 2 р. / лѣтà 1 р. (ср. лѣта Ев. 2 р., Сб. неск. десятков и лѣты Сб. 1 р.), мѣстà 1 р. / мѣстà 2 р. (ср. мѣста Сб. 1 р., мѣста Ев. 2 р., Сб. 8 р.), за чедà 2 р. (ср. чѣда Ев. 5 р., Сб. неск. десятков). В том же П. у двух из четырех назван-

Таблица 3 (окончание)

современные чакавские говоры (Нови 221, Хвар 24, Брач 41)				посавский говор (Ившич)	
	долгосложные	с удлинением	краткосложные	долгосложные	краткосложные
<u>Sg.</u> N.	vīnǫ	súkno	čelǫ	krīlo 341	selǫ 346/ sělo 342
G.	vīnā	súkna	čelā	—	sěla
D.	vīnǫ	súknu	čelǫ	—	—
Acc.	vīnǫ	súkno	čelǫ	krīlo 341	selǫ/sělo
Instr.	vīnǫn	súknon	čelǫn	vīnǫm/vīnǫm 342	selǫm 342
L.		súknu	čelǫ		sělu 465
V.	vīnǫ			krīlo 341	
<u>Pl.</u> N.	vīnā	súkna	caklā stegnā	krīlā 345	sě lā 342
G.	vīnih	súknih	caklīh stegnīh	krīlā 345/ krīlǫ(h) 235	sěi 334, rěbār(ā) 346
D.	vīnǫ ma(n)	súknima(n)	—	vřātǫm 334	—
Acc.	vīnā	súkna	caklā darvā	krīlā 345	rěbrā 346
Instr.	vīnǫ ma(n) krīli	súknima(n)	sedlī (sě dlī)	krīlī 345	sě lī 346
L.	vīnǫ ma(n) krīlīh	súknima(n)	sedlīh (sě dlīh)	krīlī 346/krīlǫ, krīlǫ	
V.			veslīh (vēslīh)		sě lī 335, pǫ seli 335
<u>Dual.</u> N. Acc. V. G.L. D. Instr.					

ных основ конечноударенные формы встретились в L. sg. на делѣ 1 р., мѣстѣ 1 р. (ср. мѣстѣ Сб. 1 р., мѣстѣ П. 3 р., Ев. 10 р., Сб. 13 р.). Отметим также два примера из Ев. XV в. с омеговым окончанием, над которым стоит длинный пологий гравис, обозначающий, как правило, долготу — безударную и ударную (Булатова 1975, 63), для долготы в D. pl. находится параллель в чакавском говоре Нови (см. дальше): Instr. sg. мирǫмь 1 р. (ср. мѣрǫмь 2 р.), D. pl. чедǫмь 1 р. (ср. чѣдомь 4 р., Сб. 8 р., Ж.Р. 1 р.).

Можно полагать, что дублетные окситонированные формы у основ дѣло и мѣсто предопределены неустойчивостью их а.п. Прежде всего зап.-славян. языки показывают рефлекс долготы, т.е. возможную окситонезу (Колесов 1972, 193—194); в др.-русск. также встречаются конечноударенные формы — см. коллекцию примеров у В.В. Колесова (Колесов 1972, 193—195), Т.Г. Хазагерова (Хазагерова, 104—106), В. Кипарского (Kiparsky, 40, 43 и др.), хотя А.А. Зализняк дает эти лексемы без каких-либо помет (Зализняк, 132), в сред.-болгар. В.А. Дыбо нашел в

"киприановских" текстах единичный пример L. pl. дѣлѣ^x и один раз D. pl. по мѣста^m (Дыбо 1973, 196, 168).

Что касается основы лѣто (в обоих значениях 'времени года' и 'годá'), то Хазагеров отмечает в др.-русском исключительно накоренное ударение (Хазагеров, 107) как и Дыбо в сред.-болгарском (Дыбо 1973, 196). Колесов включает эту основу в список исконно баритонированных основ, которые проявляли "акцентологическое безразличие между парадигмами *a* и *b*" и замечает, что это лучше всего отражено в севернорусских рукописях (Колесов 1972, 195). Складенко отмечает в Острожской библии (1581 г.) pl. лѣта и лѣта̄ и в дальнейшем дифференциацию ударения по значению (Складенко 1979, 43). Окситонированные формы в N. Acc. pl. (без вариантов!) в нашем материале представлены только в П.

Ту же исконную *a* а.п. восстанавливается и у основы чедо (Зализняк, 132; Колесов 1972, 192—193; Складенко 1979, 101; хотя в сред.-болгарском наряду с чѣда в N. Acc. pl. встречается чѣдѣ (Дыбо 1973, 168) и Loc. pl. ѡ чѣдѣ^x (Дыбо 1973, 197)).

II а.т., восходящий к исконной *b* а.п. и расчлененный в современном литературном сербохорватском на два а.т. по долготе — краткости корня, в староштакавских текстах представлен, пожалуй, как единый а.т., который характеризуется в общем колонной окситонезой в sg. (случаи иной акцентовки будут рассмотрены ниже), а в pl. — наличием дублетных форм в N. Acc. с конечным/накоренным ударением и форм с накоренным ударением в остальных падежах (см. таблицу 3). Перечень всех встретившихся основ II а.т.: бръвнѡ, бѣдрѡ, вѣдрѡ, Instr. sg., вѣслы Instr. pl., винѡ, гнѣздѡ, гоумнѡ, днѡ, добрѡ, вратѡ/врата, желѡ, крилѡ N. pl., лице, лѡно, млѣкѡ, нѣдрѡ, перѡ, ребрѡ, роунѡ, селѡ, сребрѡ, стѣгно, сѣнѡ, сцѣглѡ, ѡ оужѣ G. sg. 'веревка', оустѡ, челѡ, числѡ, чрѣсла, гѣдрѣ^x Loc. pl., гѣица; трехслоговое врѣтѣне L. sg. перешло в I а.т., как в архаичных штокавских говорах *рѣшето*: *рѣшета* (Томановић, 79). В определении исконной а.п. основы врата имеются разногласия; относят ее к *b* а.п. (Складенко 1979, 101), безоговорочно к *c* (Зализняк, 138) и даже к *a* или *b* — с колебаниями (Хазагеров, 142). Ст.-штокавский материал скорее свидетельствует в пользу *b* а.п. (или *b/c*), т.к. отсутствуют случаи переноса ударения на предлог, характерные для *c*, а конечнотонированная форма N. Acc. pl. (как дублетная к баритонированной) здесь встретила только в П. (см. а.п.): врата Ев. 4, Сб. 13 / вратѡ П. 1, Ев. 1, Сб. 13, ѡ вратѣ (врѣть) П. 1, Сб. 5, вратѡ D. pl. Сб. 3, враты Instr. pl. Сб. 4, вратѣхъ Loc. pl. П. 2. (вратѡ^x) Сб. 2.

В N. Acc. sg. пять долгосложных и две краткосложных основы имеют дублетные формы с накоренным ударением: винѡ П. (винѡ) 2, Ев. 8, Сб. 9, Ж.Р. 1 / вѣно Сб. 4, Ж.Р. 1; лице П. 2, Ев. 11, Сб. 9 / лице Сб. неск. десятков; млѣкѡ Сб. 5, млѣкѡ 1 / млѣко Сб. 1; роунѡ (роунѡ) Сб. 2 / роуно Сб. 5, на роуно 1; сѣнѡ Сб. 1 / сѣно Ев. 1; селѡ (селѡ селѡ) П. 2, Ев. 10, Сб. 3, Ж.Р. 1 / сѣло (сѣло) П. 2, Сб. 1; сребрѡ (сребрѡ) Ев. 6, Сб. много, Ж.П. 1 / сребро П. 1. Три первые основы встретились с дублетными формами в текстах XVI в., где можно было бы предположить отражение штокавской ретракции, если бы не древнерусские параллели, отмечаемые исследователями: Род. ед. вина и т.д., Им. В. ед.

Таблица 4. III акцентный тип, восходящий к с а.п.

	праславянская реконструкция		староштокавский	
	долго- сложные	кратко- сложные	долгосложные	краткосложные
Sg. N.	*zôlto	*mòr'e	злáто (злáто) П 3, Ев 3, Сб 25	мóре Ев 4, Сб 14, (мóре) ЖП 1
G.	*zôlta	*mòr'a	злáта П 1, Ев 1, Сб 20	мóра П 1, Ев 7, Сб 2
D.	*zôltu	*mòr'u	злáтѣ Сб 4	мóрѣ Ев 4, Сб 3, пó мóрю П 1, Ев 3, Сб 2
Acc.	*zôlto	*mòr'e	мéсо Сб 1	нá мóре Ев 2, Сб 2
Instr.	*zôltomъ	*mòr'emъ	злáтомъ П 1, Ев 1, Сб 12	мóремъ Сб 3
L.	*zôltě	*mòr'e	злáте Сб 1, нá дрѣвѣ Сб 2	мóри Сб 10, прѣ мори Ев 2, Сб 1
V.	*zôlto	*mòr'e	чрѣвѣ Сб 2	
Pl. N.	*zoltá	*mor'à	месá П 1, Сб 1/месá Сб 1	кóла Сб 1
G.	*zoltъ	*mòrъ	мéсь Сб 3	—
D.	*zoltomъ	*mor'em	—	пóлга ^М Сб 1
Acc.	*zoltá	*mor'à	дрѣвá П 1, Ев 1/дрѣва Сб 1	кóла Сб 1
Instr.	*zoltý	*mor'ý	—	—
L.	*zoltěхъ	*mòrěхъ	—	—
V.	*zolta	*mòr'a	—	—
Dual. N. Acc. V.	*zôltě	*mòr'ě	—	мóрѣ Сб. 1
G.L.	*zoltú	*mor'ú	—	
D. Instr.	*zoltomá	*mor'emá	—	

лице и т.д. (Колесов 1972, 25), млéко молóко и т.д. (Там же 31). Об этом явлении, названном А.А. Зализняком (Зализняк, 182) для восточнославянских языков "дефинизацией ударения", говорилось выше.

Основа сѣно, встретившаяся с таким ударением в Ев. XV в., имеет неустойчивую а.п.: в вост.-славян. — с а.п. (Колесов 1972, 30), зап.-славянские языки дают рефлексы краткостей, т.е. не *b* а.п., а южнославянские свидетельствуют о *b/c* а.п. (болг. *сенó*, словен. *senô*, сербохорват. *сијено* = сѣно).

Краткосложные основы сребро и село встретились с накоренным ударением главным образом в П., отражая особенности южного па-

современный литературный сербохорватский язык		чакавско-кайкавский XVII в. (Крижанич)		
долго-сложные	кратко-сложные	долго-сложные	с удлинением	краткосложные
злѣто	пѣле	blāgo	môre	пѣле
злѣта	пѣла	blāga, ôt mesa	môria, ôт морја	рѣуа, от Рѣуа, из поля
злѣту	пѣлу	blāgu	môriu, по морю	по польу
злѣто, ѹ злато	пѣле, ѹ поле	zlāto	ná more	—
злѣтом	пѣлем	zlātom	со мѡрем	ôlowem
злѣту	пѣлу	ná solncu	при мѡрѹ, нѣ морјѹ	w'pôlye, w'pôlyu, нѣ польѹ
злѣто	пѣле	—	—	—
злѣта	пѣла	Blāga	Крѡсна Мѡра	Нѣба Слѡва
злѣтѣ	пѣлѣ	—	Крѡсен	рѣу Сѣрдец
злѣтима	пѣлима	—		слѡвом
злѣта	пѣла	Blāga		слѡва
злѣтима	пѣлима	—		Пѣлими slôwmi/слѡвми
злѣтима	пѣлима	w'berlich		Пѣлих (сѣрдцих)/на pôlyech
—	—	—	—	—
				ná oczi очѣма

мятника (ср. сред.-болг. — таблица 1). Еще о двух краткосложных основах, встретившихся в N. Acc. sg. с накоренным ударением: лѡно Ев. 1, стѣгно Сб. 1. Для первой основы показания славянских языков протворечивы: в сред.-болг. — *b* а.п. (Дыбо 1973, 169 и др.), вост.-славян. материал дает *лонѡ* и *лѡно* (в словаре Берынды), укр. *лѡно*, белорусск. *лонѡ* (Колесов 1969, 26; Скляренко 1979, 101), несмотря на это Хазагеров определяет исконную *b* а.п. (Хазагеров, 145), Зализняк — так же *b* а.п. с пометой "нов. *a*" (Зализняк, 135). В говоре Ев. эта основа, по видимому, не относится к окситонированной а.п.: лѡно, (на, въ) лѡнѣ Лос. sg. (но в П. на лонѣ). Основа стѣгно Сб. 1, въ стѣгнахъ Ев. 1; в вост.-

Таблица 4 (окончание)

	современные чакавские говоры (Нови 221, 262; Хвар 23, 22, 25)		
	долгосложные	с удлинением	краткосложные
<u>Sg.</u>			
N.	mêso klûko 23	—	pǝje, pǝje 22
G.	klûka	dǝ môra	pǝja, krǝj mora
D.	klûku	—	pǝju
Acc.	klûko	nǝ môre	—
Instr.	klûkon	—	—
L.	klûku	—	vǝ poji
V.	—	—	—
<u>Pl.</u>			
N.	klûka/klukǝ	mǝra	pǝja slǝva
G.	klûkih	—	pǝj/pǝjih
D.	klûkima(n)	—	—
Acc.	klûka	—	—
Instr.	klûkima(n)	—	—
L.	klûkima(n)	—	—
V.	—	—	pǝjih 25/pǝjima(n)
<u>Dual.</u>			
N. Acc. V.			
G.L.			
D. Instr.			

славянских языках представлена как окситонированная (Колесов 1969, 26; Хазагерев, 145; Скляренко 1979, 101); ср. у Крижанича *stegnǝ* (в сред.-болг. текстах, исследованных Дыбо, данная основа не встретилась). Единственная трехсложная основа, встретившаяся в староштокавских памятниках, имеет ударение на первом слоге: *vrǝtǝne* Лос. sg. Сб. 1.

Особо остановимся на форме Instr. sg. Здесь наблюдается преобладание варианта с накоренным ударением: прежде всего нет ни одной основы, которая бы имела только конечноударенные формы. Большинство примеров с накоренным ударением, и некоторые из этого ряда имеют дублетные формы с наконечным ударением. Притом, как видно из примеров, накоренное ударение представлено у основ долгосложных и краткосложных: *vǝdrǝm* Сб. 1, *сь вѣномь* Ж.П. 1, *жѣломь* Сб. 1, *лицѣмь* Ев. 5, Сб. 2, Ж.П. 1 / *лицѣмь* Ев. 2, *млѣкомь* Сб. 5 / *млѣкѡмь* 2, *пѣромь* Сб. 1, *срѣбрѡмь* Сб. 1 / *срѣбрѡмь* 1, *чѣслѡмь* (чѣслѡмь) Сб. 4 / *числѡмь* Ев. 1, Сб. 2 р. Проследивая аналогичный процесс в др.-русском, В.В. Колесов рассматривает его в плане ликвидации противопоставления между а.п. *b* и *c* — с одной стороны, и оформления противопоставления Instr. sg. и D. pl. у основ *b* а.п. — с другой. Колесов отмечает, что на завершающем этапе этих изменений происходит установ-

посавские говоры (Ившич)		
долгосложные	с удлинением	краткосложные
mêso 341 mêsa 466 — mêso 467 mêsôm 342 mêsu 341 —	môrje 231 — — môrjôm 333 nâ môrju 341 —	pð e 341 pð a 470, ìz kola 474 — pð e, ù kolo 473, ù srce 472 — pð u 470, nâ po u, ù po u 341 —
mêsa 344 — — mêsa 344 — —	— — — — —	po ã 343 pð 334, kðl (kðli) 334 kðlom 334 — po ĩ 344, kðlĩ 346 po ĩ 334, kðlĩ 346, nâ kolĩ 346

ление в Instr. sg. накоренного ударения в словах исконно подвижной и окситонированной а.п. и наконечного ударения в D. pl. у этих же основ (Колесов 1972, 159—160). В старштокавских текстах такого акцентологического противопоставления не наблюдается: здесь формы D. pl. *b* и, очевидно, с а.п. (см. ниже) имеют одинаково накоренное ударение, таким образом Instr. sg. и D. pl. не противопоставлены, скорее идет нивелировка этих форм. Voc. sg. представлен единичным примером из Ев. с накоренным ударением гмно.

Акцентуация форм мн. ч. II-го а.т. в старштокавском больше напоминает систему Крижанича, чем современную литературную норму, где у долгосложных основ (после снятия штокавской ретракции) — колонная окситонеза, а у краткосложных — накоренное ударение. В ст.-штокавском в формах D., Instr. и Loc. pl. — постоянно накоренное ударение и у основ долгосложных и у краткосложных (выпадает основа оуста в D. и Instr., что можно связать с колебанием а.т., ср. в сред.-болг. Дыбо устанавливает у этой основы с а.п. (Дыбо 1973, 171 и др.)): D. pl. (долгосложные) крѣл^м Сб. 1, лицо^м Сб. 2, оусто^м Сб. 1 / оустомъ П. 1, Ев. 2, Сб. 1 ~ (краткосложные не встретились); Instr. pl. (долгосложные) бѣдры Сб. 1, крѣлы Сб. 2 / крѣлѣ 1, нѣдры Сб. 1, оустѣ Ев. 1, Сб. 8 ~ (краткосложные) вѣслы Сб. 1; Loc. pl. (долгосложные) крѣло^х

Сб. 1, лице^x Сб. 2 (лицѣ^x) Сб. 1 / лицѣ^x Сб. 1, нѣдрѣ^x (нѣдрѣ^x) Сб. 8, оустѣ^x Сб. 4, чрѣслѣ^x Ев. 1, Сб. 1 ~ (краткосложные) рѣбрѣ^x Сб. 1, сѣлѣхъ Ев. 2, Сб. 1, въ стѣгнахъ Ев. 1.

У Крижанича акцентное распределение в D., Instr. и Loc. pl. зависит от долготы/ краткости основы: у долготных основ находим долгое перенесенное ударение (˘), краткосложные в основном сохраняют окситонное ударение. Instr. pl. (поздние морфологические формы) (долгосложные) *wrātmī* Пол. 69, *lūcūmī* Гр. 5 ~ (краткосложные) —: Loc. pl. (долгосложные) *čūsleχ* Гр. 158¹ (*czūsleχ* Пол. 149), *wrāteχ* Пол. 134, *w'pīsmeteχ* Пол. 290, *w'sūkneχ* Пол. 66 ~ (краткосложные) *na plečēeχ* Пол. 37, *npēclō^x* Гр. 23², *selūx* Гр. 26¹ (*w'selēeχ* Пол. 203), но здесь уже есть следы выравнивания по долготным основам: *no cēleχ* Гр. 178¹ (*sēleχ*, *sēleχ* Пол. 299, 36), которые видим и в D. pl. — *ko wrātom* Вып. III, 22, *sūkneχ* Пол. 45, и *sēlom* Пол. 70. Аналогичное распределение находим в архаичных чакавских говорах — см. Нови (таблица 3).

Таким образом появление в староштаковских текстах форм D., Instr. и Loc. pl. с накоренным ударением в исконно окситонированной а.п. можно попытаться объяснить как результат действия закона Крижанича, по которому ударение с долгого (внутреннего или конечного) слога передвигалось на слог вперед, если этот слог был долгим, и оставалось на месте, если слог был кратким. По-видимому, в староштаковском довольно рано прошло выравнивание по долгосложным основам, тенденция которого отчетливо проглядывается и у самого Крижанича. Таким образом, это еще одна гипотеза к уже имеющимся объяснениям баритонированных форм в а.п. *b*, которые появились, очевидно, еще в позднепраславянском. У В.Г. Складенко³ дан обзор (Складенко, 48—58) таких гипотез, как фонетического, так и морфологического свойства. Наиболее популярным стало мнение Х. Станга: в Loc. pl. ударение с циркумфлектированного — *ěxъ* переносилось на слог вперед, образуя новоакутовую интонацию, а затем это ударение распространялось на другие падежи (Stang, 82—83).

Едва ли не более трудную проблему представляют баритонированные формы в N и Acc. pl. Оговоримся, что в староштаковских текстах отсутствует акцентологическое противопоставление этих форм, которое предполагал для древнерусского Колесов (Колесов 1969, 28), но не поддержал на большом обследованном материале Зализняк (Зализняк, 254). В староштаковских текстах в N. Acc. pl. представлены дублетные формы: старые окситонные как будто преобладают у долгосложных основ, а с накоренным ударением — у основ краткосложных (это не согласуется с наблюдениями Складенко, что "активнее и раньше" этот процесс перенесения ударения с конца на корень шел в первично долготных основах (Складенко 1977, 51)): (долгосложные) *vinā* Ев. 2 (*vinā⁴* П. 1, Ев. 1), *крилā* Сб. 1, *челā* Сб. 1, *чрѣслā* Ев. 2, Сб. 2, (*чрѣслā* П. 1, Ев. 1), *гнѣзда¹* Ев. 1 / *гнѣзда* Ев. 1, *лицā* П. 1, Ев. 3 + *лицā* 1 (*лицй* 1), Сб. 10 (+ *лицй*) 1, Ж.П. 2 / *лицā* Ев. 1, (+ *лицй* 1), *нѣдра* П. 2, Сб. 1, *врата¹* П. 1, Ев. 1, Сб. 13 / *врата* Ев. (+ *врата*) 4, Сб. 13, может быть с небольшим перевесом баритонированных форм — *оуста* П. 1, Ев. 6 (*оустй* 1), Сб. много / *оуста* Ев. 5, (*оустā* 1), Сб. 2; (краткосложные) *пѣрā⁴* Сб. 1, *рѣбра* Ев. 7, Сб. 7, Ж.Р. 1 (у Крижанича это слово

тоже только с накоренным ударением *рѣбра*), селá⁴ П. 1 / сѣла Ев. 2, Сб. 6, гáица Ев. 2.

Для объяснения данной перетяжки по закону Крижанича необходимо предположить долготу на конечном $-ā$. Определенный материал для этого имеется: еще А. А. Шахматовым отмечены случаи в славонском говоре начала XIX в. Брлича *ústà písmà vrátà nebzàà vremenà* (Шахматов 1888. 65—66), в чакавском говоре Нови *bremenà nebesà ramenà* (Белич, 222)⁵. Распределение у самого Крижанича в формах N. и Acc. pl. в общем соответствует сформулированной выше закономерности: (долгосложные) *vràta Dljèta súkna čúsla (czúsla)*, хотя есть и *Vratá Winá Púsmà* ~ (краткосложные) *bedrà steklà plecà perà*, но есть и *Vèsla Ókna Rēbra sēla*. Но в староштокавском, где баритонированные формы прежде всего наблюдаются у краткосложных основ, нельзя говорить о распределении по закону Крижанича.

В двойственном числе весьма малочисленные примеры (с долгосложной основой) показывают старое окситонированное в N. Acc. и послекорневое в D. Instr. ударение: Крилѣ Ев. 1, Сб. 4 / крѣлѣ Сб. 1, крилѡма Сб. 2. В чакавско-кайкавском диалекте XVII в. в N. Acc. dual. проглядывается распределение в соответствии с законом Крижанича: (долгосложные) *lǐци крѣли* ~ (краткосложные) *селѣ плецѣи бедрѣи* (правда, есть и *лѣци = лѣци* — с краткостью на конце, поэтому выравнивание).

Таким образом, II а.т. в староштокавских текстах, восходящий к исконной *b* а.п., можно рассматривать как единый, в одних отношениях близкий к соответствующему а.т. Крижанича, только несколько продвинутый: здесь прошло выравнивание по долготным основам в sg., в других — близкий к литературному штоковскому: в pl. краткосложные основы имеют накоренное ударение во всех формах, в то время как долгосложные в N. и Acc. pl. сохраняют конечноударенные формы, употребляемые как дублетные к баритонированным.

III а.т., восходящий к исконной *s* а.п., в sg. представлен во всех рассматриваемых системах (современном литературном сербохорватском, староштокавском, Крижанича и современным чакавским диалектам, а также в посавском) как вполне соответствующий праславянской реконструкции и, следовательно, идентичный в этих сербохорватских системах: в sg. ударение накоренное во всех формах с переносом его на энклитики в G., D., Acc. и Loc. При этом у основ исконно долготных и с поздним удлинением отмечено долгое ударение, а у краткосложных — краткое (‘и’ в литературном сербохорватском и в чакавских говорах, ^ и ‘ — у Крижанича). В староштокавских текстах, как правило, количественная характеристика ударения не обозначена, кроме единичных примеров: мѣса G. sg. Сб. 1, мѣсь G. pl. Сб. 1, чрѣ во Сб. 1. В pl. сербохорватский материал дает в общем две разные системы: современный литературный — с одной стороны, и Крижанич — с другой. Староштокавский материал слишком скудный, чтобы получить представление об акцентной кривой. И все же, пожалуй, этот материал напоминает больше ситуацию Крижанича (с баритонированными формами во всех падежах), чем современный литературный сербохорватский, где после снятия штокавской ретракции — ударение окситонное.

Перечень всех встретившихся основ III а.т. в староштокавских

текстах: брашно, брьдо, гóре, дрѣво, ёзеро, злато, ко́ло, ли́ха G. sg., ло́же, ме́со, мо́ре, не́бо, о́лово, пи́во, по́лга G. sg., прѣсо, срѣце; так в сред.-болг. (Дыбо 1973, 198), но в др.-русск. (Зализняк, 135) — "изредка с"), чръво. Исследователям известна неустойчивость а.п. слова брашно: в др.-русск. с с отклонениями к *b* и новое *a* (Зализняк, 168), у Крижанича *a* а.п., т.к. все баритонированные формы с кратким ударением (*брашно-брашна-брашно*, *ob Brásznu*, *брашен* G. pl.), то же в чакавском *brǎšno-brǎšna* pl., сред.-болг. с а.п. (Дыбо 1973, 198—199)). В ст.-штокавск. следует различать а.п. *b/c* в п. (брашно, брашнâ G. sg., брашнâ Acc. pl. брашнѡмъ D. pl.) и *a* или *c* в остальных текстах (в пользу *c* — единичное свидетельство не брашно Ев.): брашно Ев. 5, Сб. 5, брашна G. sg. Ев. 3, Сб. 3, брашнъ D. sg. Сб. 1, брашна N. Acc. pl. Ев. 2, брашьнь G. pl. Сб. 2, брашны Instr. Сб. 1, брашно^x Loc. pl. Сб. 1. Это слово при обсуждении конфигурации акцентной кривой III а.т. не учитывается. О слове ложе: *c* а.п. определяет Колесов (Колесов 1969, 29), но в сред.-болг. (Дыбо 1973, 169 и др.) и др.-русск. (Зализняк, 135) — *b* а.п., причем Зализняк замечает "откл. к *a*").

Прежде всего назовем все случаи с переносом ударения на энклитики: Acc. sg. на́ море Ев. 2, Сб. 2, вѣ́ море Ев. 11, на́ небо П. 1, (на́ ѳбо) Ев. 5, Сб. 6, на́ срѣце Сб. 2; G. sg. ѳз ли́ха (!) Сб. 2 (ср. из ли́ха Сб. 1), ѳс чръва Сб. 2; D. sg. по́ морю П. 1, Ев. 3, Сб. 2, кѣ́ морю Ев. 1, по́ полю Сб. 1; Loc. sg. на́ дрѣвѣ Сб. 2, прѣ́ мори Ев. 2, Сб. 1, вѣ́ мори Ев. 2, на́ мори Ев. 3, на́ поли Сб. 1, вѣ́ чръвѣ Ев. 3, на́ чръвѣ Сб. 1.

Instr. sg. не является формой-энклиномена (ср. перечень всех встретившихся примеров): дрѣво^m Сб. 5, златомъ П. 1, Ев. 1, Сб. 12, мо́ремъ Сб. 3, о́ловомъ Сб. 1, пи́вомъ Сб. 1.

Отметим у ряда основ, прежде всего с основой **tort*, **tolt* колебание ударения⁶, а точнее конечноударенные формы (хотя и единичные и только в одном памятнике — Сб.): златѡ Сб. 1 (ср. злато Сб. 25, П. 3, Пв. 3, Ж.П. 1), дрѣва́ G. sg. Сб. 1 (ср. дрѣва Сб. 18, Ев. 1), чръвѣ́ D. sg. Сб. 1 (ср. чръвѣ Сб. 2), чръвѣ́ Loc. sg. Сб. 2 (ср. чръвѣ Сб. 11, на́ чръвѣ Сб. 1 и др.).

Окситонированные формы зафиксированы у основы гóре (гóре, гòре) П. 3, Ев. 4, Сб. 3/горѣ Сб. 1 и Loc. sg. горѣ́ Сб. 1; ср. в др.-русск. памятнике XIV в. Чудовском Новом Завете также наряду с обычными гòре гòре есть и горѣ́ вамъ (Колесов 1969, 29). Единичный пример из Сб. небѡ наряду с на́ ѳбо Сб. 6.

В N. и Acc. pl. обычны баритонированные формы, хотя дважды в П. и в единичных случаях из Ев. и Сб. встретились примеры с окончательным ударением: дрѣва́ Сб. 1/дрѣва́ П. 1, Ев. 1 (если этот пример отделить от группы **tort* — см. выше), ко́ла Сб. 1 (ко́лы 2), ло́жа Сб. 1, ме́са Сб. 1/месà П. 1; Сб. 1. Аналогичные примеры в N. pl. выявлены Колесовым в древнерусских текстах. Он считает окончательное ударение новым и чаще при долгом гласном корня (Колесов 1969, 31). Зализняк (Зализняк, 254 и след.) выделил в древнерусском две зоны, противопоставленные акцентовой этих падежей: (восточная) *мясà вратá*, (западная) *мѣса вратá* или компромиссные системы.

Во всяком случае очевидно, что основная масса примеров отражает не раннештокавскую ситуацию (предшествующую современному литературному *злата по́ла*), а систему, напоминающую Крижанича, тем

более, что еще примеры из Сб. с баритонированными формами в D. pl. (ѣзеро^м I, полга^м I) и Acc. dual. (мѳрѣ I) также согласуются с материалом Крижанича.

Итак, различия в акцентных кривых а.т., восходящих к праславянской с а.п., представленные в сербохорватских системах (штокавской — с одной стороны и Крижанича — с другой) следует признать достаточно ранними.

Привлечение материала сербохорватских диалектов помогает уточнить направления и пути эволюции акцентных систем δ -основ среднего рода, отчетливо проглядываемой через перестройку акцентных типов.

Рассмотрим прежде всего штокавские системы, отличные от литературной, I а.т., в основе которого была праславянская а а.п., вобрал в себя краткосложные основы исконной с а.п., т.е. последние имели краткое ударение на корне в sg. и pl. (как и исконные основы а а.п. с рефлексом старого акута), но только с переносом (спорадическим) ударения на предлоги в G., D., Acc., Loc. sg. Такая ситуация наблюдается в староштокавских текстах (а также в системе Крижанича и в чакавском — см. таблицы 2 и 4). Подобную перестройку находим в ряде архаичных штокавских говорах Зеты, Черногории и Восточной Герцеговины, т.е. примерно той же локализации, что и изученные староштокавские тексты.

Зетский говор села Лепетана (Томановић, 78—81): I а.т. (<а а.п.) *мјесто* — *мјеста* мн. ч., *зрно*, *грло*, *брдо*, *стадо*, *једро*; (<краткосложных с а.п.) *кѡло* — *кѡла* мн. ч.; (<трехсловных основ *b* а.п.) *рѣшето* — *рѣшета* мн. ч. Один пример отмечен типа литературного *жито* — мн. ч. *жита* (т.е. переход основы а а.п. → с а.п.) *брдо* — *брда* Род. ед., *брда* Им. мн. Перенос ударения на предлог уже не характеризует только основы исконной с а.п.: *на небо*, *за ухо*, *за уши*, но и *ѡколо грла*. II а.т. (<краткосложных основ исконной *b* а.п.) *селѡ* — *селѧ* Род ед., *селѧ* мн. ч.; III а.т. (<части долгосложных основ *b* а.п.) *вино* — *вина*; IV а.т. (<долгосложных основ исконной с а.п. и части долгосложных основ *b* а.п.) *злато* — *злата* мн. ч. и *гумно* — *гумна* мн. ч., *врѧта*, *јаје* — *јаја* мн. ч.

Востоchnoгерцеговинский говор (Ускочки) (Станић, 122—124): I а.т. (<а а.п.) *мљесто* — *мљеста* мн. ч., *блато* *брдо* *врѡло* *грло* *жито* *зрно* *јато* *јѡло* *нѡдра* *рѡло* *сѡло* *сито* *шило* *чудо*; (краткосложные с а.п.) *кѡло* *ѡво* *слѡво* *ѡко* *пѡље* *мѡре* *срце* и только *дрво* — Им. В. мн. *дрва*; II а.т. (<краткосложных *b* а.п.) *сѡло* — *сѡла* Р. ед., мн. ч. *сѡла* — *сѡлѧ*, *рѡбро* — *рѡбра* мн. ч., *стѡкло* *стѡгну* *вѡсло* *дѡбро* *ѡкно* *пѡро* *плѡће* (как в литературном сербохорватском); III а.т. (<долгосложных *b* а.п.) *вино* — *вина* Р. ед., *вина* мн. ч., *брвно* *врѧта* *гѡвно* *гѡвно* *крѡло* *мито* *мѡдо* *руно* *сѡдно* *стѡдо* *стѡбло* *сѡкно* *ѡста* *јаје* *јајце* *писмо* *ѡже* и др.; IV а.т. (<долгосложных с а.п.) *мѡсо* — *мѡса* Р. ед., *мѡса* мн. ч., *злато* *мливо* *сѡнце* *тѡло*.

Еще более продвинута система черногорского пиперского говора (Стевановић, 105—107): I а.т. (<а а.п.) *блато* *брдо* *жито* *јѡло* *јутро* *љето* *мѡсло* *мљесто* *рѡло* *сѡло* *сито* *стѡдо* *чудо*; (<краткосложных с а.п.) *пѡље* — *пѡља* мн. ч., также *мѡре* *кѡло* *ѡко* *прѡсо* *зѡбно*; (< части краткосложных *b* а.п., но со старыми формами в Р. ед. *и(с) сѡлѧ*, Тв. ед.

пёрѡм, Мест. ед. *селѹ чѣлѹ*), *сѣло* — мн. ч. *сѣла*, так же *вѣсло*, *чѣло*, *пѣро*, *стѣкло*; наряду с трехслоговыми исконной *а* а.п. *кольѣно корѹто копѹто*, сюда же вошли *в* а.п. *решѣто* — *решѣта* мн. ч., *вретѣно* — *вретѣна* мн. ч. (Стевановић, 108—112). Перенос ударения на предлог в виде ^т здесь наблюдается не только с основ исконной *с* а.п. (*нѣ поље*, *ѹз мора*, *ѡд срѣца* и т.д.), но и исконной *а* а.п. (*ѹ блато*, *нѣ лето*, *ѡд зрна*, *зѣ грло* и т.д.) и даже *в* а.п. (*ѹ село*, *ѹ перо*). Однако в списке примеров, где лексема сохраняет свое ударение, числятся исключительно исконные *а* и *в* а.п.: *за жѣло*, *на сѹто*, *за вѣсло*; II а.т. (<долгосложных и части краткосложных *в* а.п.): *крѹлѡ* — [*крѹлѣ*] мн. ч., так же *врѣтлѡ ѡкнѡ*; *бѣдрѡ добрѡ* *жерѡ плѣћѣ* *ребрѡ седлѡ* *сребрѡ стегнѡ*; III а.т. (<долгосложных *с* а.п.): *блѣго мѣсо* *млѣво пиво* *сѹнце*, с переносом ударения на предлог: *ѹ злѣто*, *ѡ(ѡ) злѣта*, *зѣ злѣто*, *ѹ мѣсо* и т.д.

В большинстве штокавских говоров перестройка в намеченном направлении пошла дальше: происходило последовательное перераспределение основ по акцентным типам в зависимости от долготы и краткости корневого гласного. В результате все краткосложные основы (целиком *а* а.п. и краткосложные *с* и *в* а.п.) объединились в один а.т., а долгосложные (*в* и *с* а.п.) — в другой. Такие акцентные системы представлены в говорах южной Черногории и западной Метохии, где прошел фонетический перенос типа жѣна, сѣло.

Говор Врачана (приалбанская полоса округа Скадара) (Петровић 1, 2, 3) I а.т. (<*а* а.п.) *зрѣно* — *зрна* мн.ч. 250³, мн. ч.: *блѣта* *жѹта* 180³, (<краткосложных *с* а.п.) *пѡл'е* 171², мн. ч. *пѡл'а* *кѡла дрѡва* 180³, (<краткосложных *в* а.п.) *бѣдро* — *бѣдра* мн. ч., *пѣро* — *пѣра* мн. ч.; *рѣбро* — *рѣбра* мн. ч., *сѣло* — *сѣла* мн. ч. 180³; II а.т. (<долгосложных *с* а.п.): [*злѣто* — *злѣта*] мн. ч., *ѡ злѣта* 174³, (<долгосложных *в* а.п.) [*пѹсмо* — *пѹсма*] мн. ч., *прѣко пѹсма* 166², *врѣта* 180². Перенос ударения на предлог в виде ^т одинаково наблюдается у всех основ: *зѣ грло*, *ѹ жито*, *нѣ лето* 174³; *нѣ море* 181², *ѹ перо*, *нѣ чело*, *ѹ село* 174², *нѣ врѣта*, *нѣ крѹла* 180³, *бѣз мѣса*, *ѡ злѣта* 174³. Следует однако отметить, что основы старой *в* а.п. (как краткосложные, входящие в I а.т., так и долгосложные из II-го а.т.) имеют во мн. ч. — в Дат., Твор. и Мест. реликтовые формы с послекорневым ударением: *перѹма* *селѹма* *ребрѹма* *бѣдрѹма* *пот-крѹл'ѹма* *за-врѣтѹма* 180³.

Аналогичную картину находим в старочерногорских и среднекапунских говорах (Пешикан), где принцип перераспределения основ по долготе / краткости корня проведен последовательно и в других морфологических классах, например, в *i*-глаголах (Булатова 1975, 111 и др.): I а.т. (<*а* а.п.) *грло* — *грла* — мн. ч. *грла* 231, *жѹто* — *жѹта* 237, *копѹто* — *копѹта* 63, (<краткосложных *с* а.п.) *пѡље* — *пѡља* 269, *мѡре* — *мѡра* 257, *слѡво* — *слѡва* 279, *кѡла* (но *кол'ѹма*) 247, (<краткосложных *в* а.п.) *сѣло* — *сѣла* 277, *рѣбро* — *рѣбра* 274, а также *чѣло* 291, *срѣбро* *стѣкло* 280, *ѡдбро* 234, *седло* 277, *ѡкно* 263 и т.д.; II а.т. (<долгосложных *в* а.п.) *пѹсмо* — мн. ч. *пѹсма* — Род. мн. *пѹсмѣ* / *пѹсмѣма*, Дат. мн. *пѹсмима* / *пѹсмѣма* (по сравнению с предыдущим говором формы с послекорневым ударением остались только в Дат мн., к тому же как дублетные к новым морфологически выравненным *пѹсмима*), (<долгосложных *с* а.п.) *мѣсо* — *мѣса*, *мѣсима* 255, а также *злѣто* 240, *тѹјесто*

283 и т.д. Перенос ударения на предлог в виде` одинаково у всех основ: *zā grlo nā љето, nā дно, проzā село, ŷ добро, ŷ кола* и т.д. 53.

Косовско-метохийский говор (Елезовић) I а.т. (<a а.п.) *мѣсто* — *мѣста* I, 400, *мѣсло* — *мѣсла* I, 390, (< краткосложных с а.п.) *пѣље* — *пѣља* II, 99, *мѣро* — *мѣра* I, 417, (< краткосложных b а.п.) *сѣло* — *сѣла* II, 216, *стѣкло* II, 264, *нѣдра* II, 574; сюда же относятся трехслоговые (исконной a а.п.) *корѷто* I, 314 и (b а.п.) *решѣто* — *решѣта* II, 176; II а.т. (<долгосложных с а.п.) *мѣсо* — *мѣса* I, 400, *злѣто* II, 565, (<долгосложных b а.п.) *гнѣздо* — *гнѣзда* I, с 99, *крѷло* I, 329, *вѷно* II, 554. Перенос ударения на предлог в этой продвинутой системе весьма факультативен и кажется остался присущим краткосложным основам исконной с а.п.: *пѣ пољу* II, 99, *ŷ поље* II, 100, *но низ пѣље* II, 570, *ŷ око* II, 548, *нѣ око, ŷ очи* II, 24, *ѡд срѣца, испѡд срѣца* II, 263, *нѣ моро* II, 549, ср. на *мѣро* там же (4 раза). Ср. у *злѣто* II, 551, на *врѣта* II, 561, у *сѣло, у чѣло, у крѷло* II, 563, на *мѣсто* I, 400 и т.д.

Аналогичная система и в говоре Вировитицы — Славонская подравина (Sekereš, 190², 182²): I а.т. (<a а.п.) *жѣто бѣдо*, (< краткосложных с а.п.) *рѡlje* — *рѡlja* 156², *дѣво* — мн. ч. *дѣва*, (< краткосложных b а.п.) *ѡкно рѣво плѣче стѣкло чѣло сѣло рѣбро сѣдло сѣбро вѣсло*, трехслоговые (b а.п.) *решѣто* — *решѣта, вретѣно*; II а.т. (<долгосложных с а.п.) *мѣсо* — *мѣса, злѣто пѣво блѣго*, (<долгосложных b а.п.) *крѷло* — *крѷла, мѣто, пѣсто прѣло runo вѣно плѣтно сѷкно длѣто гнѣздо*.

Итак, рассмотрена акцентная система, эволюция которой определялась тенденцией перераспределения основ по акцентным типам в зависимости от долготы/краткости корневого гласного. Но эта тенденция наложилась (и перекрыла ее) на фонетическую закономерность, действовавшую, очевидно, с позднепраславянского периода (т.к. следы ее находятся и в древнерусском и в среднеболгарском (Дыбо, Лекции) — это так называемый закон Крижанича, результаты действия которого отразились прежде всего на формах множественного числа а.п. b: долгосложные основы b а.п. в G. Instr. Loc. pl. получили накоренное ударение.

Если признать крайним (древним) звеном этой хронологической цепочки староштокавскую систему, то механизм перестройки описываемых идентичных систем может быть представлен следующим образом: 1) Долгосложные основы исконной b а.п. в pl. (кроме, возможно, N. и Acc.) по закону Крижанича получили накоренное ударение (староштокавский и Крижанич). 2) Краткосложные основы исконной с а.п. с кратким баритонированным ударением по всей парадигме склонения (т.е. в sg. и pl.) под действием указанной тенденции объединились с основами a а.п., сохранив свою особенность переносить ударение на предлоги (староштокавский, Крижанич, ср. также зетский говор села Лепетана и восточногерцеговинский ускокчий говор). 3) Долгосложные основы (исконных b и с а.п.) в pl. представляли один а.т. — с долгим накоренным ударением (система Крижанича, но у Крижанича наблюдается тенденция утверждения такого ударения и в краткосложных основах b а.п.). 4) Краткосложные основы исконной b а.п. переходили в а.т. краткостных основ (a и с краткосложных) (черногорский пиперский говор; но у Крижанича эти основы получали долгое перенесенное ударение на корне, как долгосложные основы b и с а.п., что в корне

отличает систему Крижанича от штокавских систем, в которых краткосложные основы *b* а.п. с кратким нисходящим (неперенесенным) ударением на корне, как у основ *a* а.п.). Это старая характерная особенность штокавской системы, отличающая ее от системы Крижанича и южночакавской). 5). И наконец в один а.т. объединились долгие сложные основы исконных *b* и *c* а.п. — т.е. основы *b* а.п. и в *sg.* перешли в *c* а.п. (говоры южной Черногории, Косова и Метохии).

Чакавская акцентная система *ǰ*-основ среднего рода отлична от рассмотренных штокавских и в основном, пожалуй, лучше сохраняет акцентное распределение, наследованное от праславянского (см. табл. 3). 1). Следы действия закона Крижанича здесь просматриваются отчетливее: *b* а.п. — *pl.* (Белич, 221) *G. vīnih ~ caklih, D. krīlōn ~ sedlōn, Instr. krīli ~ sedli, Loc. krīlih ~ sedlih*, хотя и здесь в качестве дублетных форм находим образования с баритонезой (как в литературном штокавском): *sēla, sēdāl G. — sēdli Instr. — sēdlih Loc.* 2). Также как и в штокавском здесь краткосложные основы *c* а.п. перешли (с кратким нисходящим ударением на корне) в *a* а.п. (Hraste 1935, 22) (*a* а.п.) *đilo — dila — dilih, jidro li to si to* и (*c* а.п.) *đko — đka — pl. đka, pđje pl. pđja — pđjih, slōvo*, (Hraste 1935, 221, 226, 265) *kđlo — pl. kđla — kđlih* и т.д. С сохранением у основ *c* а.п. особенности переноса ударения на предлог: *krđj mora* (Белич, 262), *pūl poja, ū more* (Hraste 1935, 22), *ū more, nā more* (Hraste 1940, 36). 3) Основы, восходящие к исконной *b* а.п., в *sg.* сохраняют окситонезу — хорошо краткосложные, частично долгие сложные (*krīlǰ želǰ*), в *pl.* — см. пункт (1). Отметим сохранение старых форм трехслоговыми основами: *rešetǰ — rešetā, vretenǰ — pl. vretenā* (Белич, 221). Но есть признаки начала смешения долгие сложные *b* и *c* а.т. (т.е. *b* → *c*), ср. (Hraste 1935, 23; Hraste 1940, 41) *rūno — rūna, jōje — jōja*, но *pl. jōjā* (ср. *c* а.п. *mēso — mēsa, zlōto* и т.д.). Часть основ имеет перенесенное ударение *sūkno, písno* (Hraste 1935, 23; Hraste 1940, 41). 4). Долгие сложные основы, восходящие к исконной *c* а.п., сохраняют свой облик, но в *pl.* наблюдается появление форм как в а.п. *b*: *sūnce — pl. sūnca* (и *sūnce, nā sūnce*) (Белич, 221).

Как видим, чакавская система подверглась изменениям в меньшей степени, чем штокавские, эволюция которых была подчинена перестройке по долготе/краткости корневого гласного, хотя и в чакавском можно говорить об объединении в один а.т. основ *a* и краткосложных *c* а.п. (на базе *a* а.п.).

Переходя к анализу современной литературной сербохорватской системы, сразу же заметим, что эта штокавская система стоит особняком от рассмотренных выше как штокавских, так и чакавской и чакавско-кайкавской Крижанича систем. Но она не является искусственно созданной, уникальной. Из имеющихся современных диалектных систем её аналог находим в говоре Воеводины (Баната) (Секулић) (*a* а.п.: *město* 142 — *města* Род. ед. 120 — *на мѣсту* 136, *блѣто* 122, *зрѣно* 141, *лѣто* 152...; *b* а.п. *млѣко* (у *млѣко*) 121 — *млѣка* Род. ед., *на ~ крѣлу* 138, *сѣло* — *сѣла* Род. ед. — *сѣла* Вин. мн. 119; *c* а.п. *сѣно* 118 — *сѣна* Род. ед. 133, *звѣно* 175, *у пѣле* и *у поље* 158). Но наиболее интересные параллели находятся в посавских говорах, описанных Ст. Ивšичем (Ivšić 1913) при том, что они имеют свои специфические особенности

(как рефлекс нового акута — только после краткости, а после долготы наблюдается переход его в новый циркумфлекс) (см. таблицу 4).

1. Штокавская система, лежащая в основе сербохорватского литературного языка, не несет на себе следов действия закона Крижанича, утраченные, возможно, в связи с морфологическими инновациями во множественном числе. И, следовательно, долгосложные основы иконной *b* а.п. представляют собой тип с колонной окситонезой (если снять штокавскую ретракцию). В посавских говорах, если и были перетяжки по закону Крижанича, то они стерты той особенностью, связанной с рефлексом нового акута, которая указана выше.

2. Тенденция к объединению в один а.т. основ *a* и краткосложных *c* а.п., прослеживаемая в рассмотренных системах (штокавских, чакавских и Крижанича), в литературном языке если и намечена, то направлена своеобразно: здесь основы *a* а.п. имеют тенденцию к переходу в *c* а.п., ср. уже упоминавшиеся в начале статьи случаи: *жѣто*: мн. ч. *жѣта*, *мѣсло*: мн. ч. *мѣсла*, *клѣпко*: мн. ч. *клѣпка*. Может быть следует обратить внимание и на случаи переноса ударения на предлоги в виде $\grave{}$, характеризующие исконную *c* а.п.: *ѣ море*, *ѣз мора*, *ѣ око*, *ѣз ока*, *ѣ поље*, *зѣ срце*, *ѣ срце*, *ѣд слова*, *ѣд слова*, *нѣ дрво* (краткосложные); *ѣд злѣта*, *ѣ злѣта*, *ѣ мѣсо*, *бѣз мѣса*, *ѣ мѣво*, *нѣ тѣло* (долгосложные). Сравни обычный для исконных основ *a* а.п. и *b* а.п. перенос ударения на предлог по штокавской ретракции в виде $\grave{}$: *нѣ место*, *ѣ блато*, *ѣз јата* (*a* а.п.); *ѣ ребра*, *нѣ селима*, *ѣз нѣсѣма* (*b* а.п.) и т.д., хотя встречаются примеры с поздним выравниванием *нѣ зрно*, *нѣ лето*, *бѣз лета*, *ѣз јутра*. В подобном направлении довольно последовательно идет процесс объединения основ *a* и краткосложных *c* а.п. в один а.т. на базе *c* а.п., хотя есть и колебания к *a* а.п. (во мн. ч.) в посавских говорах, описанных Ившичем (Ivšić 1913, 343): *клѣпко*: *klupkǎ / klǔpkǎ*, *zvǔno*: *zvonǎ*, *žĭto*: *žitǎ* и *žĭtǎ*, *blǎto*: мн. ч. *blatǎ*, *mĕstǎ* 344, Тв. ед. *blatĭ*, Мест. ед. *blatĭ*, *na mistĭ* 344, но есть и *mĭstu* 471, *žĭtĭ* 346, ср. там же *pǒle* 341 — *polǎ* и *pǒlǎ* 343, ед. ч. Тв. и Мест. *poŕi drvĭ* 344, 334, 346, *kǒlo*: *kǒlǎ* 343.

3. Краткосложные основы *b* а.п., составляющие отдельный а.т., в *sg.* непосредственно продолжают праславянские окситонированные формы, а в *pl.* имеют характерную штокавскую особенность — краткое нисходящее ударение на корне во всех формах (*G. pl.* — см. в таблице 3). Примечательно, что характер ударения, перенесенного с этих форм на предлоги (восходящее краткое $\grave{}$), свидетельствует о вторичном, позднем (в связи со штокавской ретракцией) переносе, который прошел у основ *c* $\grave{}$ и $\grave{}$ на корне, восходящих к *a* а.п. (ср. *мѣсто*: *нѣ место*, *чѣдо*: *ѣд чуда*, *нѣдра*: *ѣ недра* и т.д.) и *b* а.п. (*Acc. pl. рѣбра* — *ѣ ребра*, *нѣ ребрима*, *бѣз ребѣрǎ*, *G. pl. сѣлǎ*: *сѣ сѣлǎ* и т.д.). В то время как у основ, восходящих к *c* а.п. (*c* $\grave{}$ и $\grave{}$ на корне), ударение на предлоги переносится в виде $\grave{}$ (*злѣто*: *ѣ злѣто*, *ѣд злѣта*, *тѣло*: *прѣко тѣла*, *мѣре*: *ѣ море*, *ѣз мора*, *нѣ ѣ*: *ѣ поље* и т.д.). Аналогичная ситуация опять же в посавских говорах (Ivšić 1913, 346, 342) *b* а.п. *sedlǔ* (*sĕdlo*), *rebrǔ* (*rĕbro*): *N. Acc. pl. rĕbrǎ*, *dobrǔ* (*dǒbro*): *N. Acc. pl. dǒbrǎ*, *bedrǔ* (*bĕdro*): *N. Acc. pl. bĕdrǎ sĕlǎ pĕrǎ plĕčǎ*, *Instr. pl. sĕlĭ sĕdlĭ*, *rĕbrĭ*, *pĕrĭ*, *Loc. pl. pĕrĭ rĕbrĭ sĕdlĭ* и т.д. По характеру перенесенного ударения на предлог тоже можно распознать *b*

и с а.п.: *b* а.п. Лос. pl. *sěli: pò seli* 335, с а.п. *iz kola* 474, *ũ kolo* 473, *ũ srce* 472, *ũ poļu* 341, *nã poļu* 470, *nã mōrju* 341 (*mōrje* 231).

Правда, и ряд исконных основ *a* а.п. (возможно с колебанием а.т. *a/c*) встречаются с таким перенесенным ударением (см. выше): **гр̑ло*: *nã гр̑ло*, *з̑рно*: *nã з̑рно*, *л̑то*: *nã лето*, *б̑з лета*, *ј̑тро*: *ũз ј̑тра*.

Особо остановимся на одном из значимых явлений в акцентуации *ǫ*-основ *neutra* — ударении в формах *N*. Асс. pl. Анализируя среднеболгарский материал (не отделяя *neutra ǫ*-основ от основ на согласный, поскольку взаимовлияние обоих классов основ несомненно), В.А. Дыбо писал: "Если принять, что в болгарском так же, как и в сербско-хорватском на каком-то этапе произошло сокращение акутированных гласных, то будет понятна тенденция к распространению конечного ударения формы *nom.-асс. pl.*, на основы а.п. *a*, которая в разной степени фиксируется текстами XIV в. Этот процесс в конечном счете приводит к распространению ударения на окончании во мн. числе у всех непрозводных основ ср. р.: немногочисленная группа первоначально долгосложных имен а.п. *b* подчиняется общей тенденции" (Дыбо 1973, 155). Однако в сербохорватском ареале тенденция распространения наконечного ударения на основы *a* а.п. не получила всеобщего развития (см. таблицу 2), и, как свидетельствуют проведенные параллели с консонантными основами, не обнаруживается постоянной прямой связи с их акцентовкой (см. ниже). Пожалуй, исключения составляют славонские говоры, в которых данная тенденция зафиксирована еще в середине XIX в. у Брлича (Ivšić 1913, 342, сноска 3) и продолжает развиваться в последующие десятилетия. Ившич отмечал в славонском посавском говоре (Ivšić 1913, 343, 344) *blatā žitā mĕstā klupkā* как *poļā brđā zvonā* и как *sjemenā čudesā ramenā vimenā imenā nebesā telesā vremenā*, хотя есть и *pōļā žī tā klūpkā slō vā*. Однако трехсложные основы *a* а.п. здесь не получали конечного ударения: *kòrita* (Ivšić 1913, 344), ср. и у Брлича *kolĕnā* (Ivšić 1913, 342, сноска 2). В говорах славонской подравины (шаптиновачский), также описанных Ившичем, этот процесс пошел дальше, захватывая и трехсложные основы *a* а.п. (Ivšić 1907, 178): *Blatā* (топоним), *žito: žitā*, *zvonā brđā klupkā* и *koritā/korīta* и *kolĕna* (Ivšić 1907, 180), там же ср. консонантные основы, имеющие перенесенное с конца ударение во множ. числе: *brĕ me – brĕ mena* Род. ед.: *brĕména* Им. В. мн., как *nĕ bo: nebésa*.

В остальных рассмотренных системах *a* а.т. хорошо сохраняет свой исконный облик. Можно было бы предположить, что в современном литературном сербохорватском при солидном преобладании лексем с конечным ударением, перенесенном по штокавской ретракции (это лексемы, восходящие к исконным а.п. *b* — долгосложным *vīna nĕsma krĭla* и *s mĕsa zláta* и *pōļa mōra*), такие формы могли распространиться и на основы *a* а.п. Однако к трем названным 130 лет назад Даничичем лексемам *a* а.п., получившим во множ. числе ударение с а.п. (*жĭта клупка м̑сла*) современные словари не прибавляют ни одной новой, напротив, множ. число от *м̑сла* в РСХКНЈ (Речник) указано *м̑сла*. То, что разбираемая тенденция имела место, но не получила дальнейшего развития, говорят и редкие случаи в штокавских говорах, в которых шла перестройка акцентной системы по долготе/краткости

основ: *бр̄до* : *бр̄да* (Томановић, 78) и, следовательно, такой а.т. вообще обречен на ликвидацию в этих говорах (т.к. краткосложные основы с а.п. имевшие некогда конечное ударение в pl. переходят/перешли в а.п. а). В то же время консонантные основы (на *-en-*) исконной а а.п. в литературном штокавском в pl. утратили свою баритонезу, получив формы с а.п.: *бр̄ме* : *бр̄мена*, *вим̄ена* *рам̄ена* *тем̄ена* *знам̄ена* (как *вр̄мена* *пл̄мена* *им̄ена* и как *тел̄еса* *неб̄еса*).

Староштокавский материал также, пожалуй, не дает основания определенно говорить о тенденции распространения конечноударенных форм у *ǝ*-основ а а.п. в N. Acc. pl. (кроме южного памятника XIV в. — П., в котором ситуация ближе к болгарскому). Отдельные отступления, если и не связаны с неустойчивостью а.п. ряда лексем (как трактовалось выше), то характер и число таких примеров не оставляют оснований для предположения об активно действующей тенденции. Ситуацию с основами на согласный в староштокавском, видимо, можно рассматривать как предшествующую современной литературной: здесь конечноударенные формы у основ а а.п. в N. Acc. явно имеют тенденцию утвердиться: П. — *бр̄мен̄а* 1, *чюд̄ес̄а* 1 и *чюд̄ес̄а* (*чюд̄ес̄а*) 3, ср. в Ев. *бр̄мен̄а* 2, *имен̄а* 1 и *чюд̄еса* 2, в Сб. *бр̄мена* 1, *им̄ена* 4/*имен̄а* 1, *знамена* 2, *с̄мена* 4/*семен̄а* 2, *чюд̄еса* 10/*чюд̄ес̄а* 1, *пл̄мена* 2 (*пл̄им̄ена* 1).

У Крижанича основы обоих классов а а.п. в N. Acc. pl. последовательно употребляются с баритонезой: *Bláta Déla rála Lúma Múcta (mésta) na Múcta Júta* (такое же ударение у краткосложных основ с а.п.: *не́ба сло́ва Ко́ла ро́луа*); консонантные основы: *br̄me* : *br̄mena*, *na rámena*, *zn̄amena*, *im̄ena* 1/*imen̄a*, [*wr̄mena* — *b/c* а.п.].

В чакавских говорах хорошо сохраняющих баритонированные формы у основ на *-ǝ-* в N. Acc. pl. (Белич, 220) *jāsla jīla rāla čūda dēla b̄r̄da jādra jīta jūtra lēta s̄dra s̄ita*, но *na mestá (na mestíh)*, *kor̄ita [kolēna]*; (Hraste 1935, 22) *jīdra s̄dra s̄ita kolīna kop̄ito*; (Hraste 1940, 41) *īdro : īdra [īta s̄ita]*, у консонантных основ более (Хвар) или менее (Брач) наблюдается распространение конечноударенных форм (Hraste 1940, 42) *br̄im̄ena v̄im̄ena s̄im̄ena im̄ena r̄am̄ena?* но *čudes̄a*; (Hraste 1935, 25) *brim̄en̄a im̄en̄a ramen̄a*; переходное состояние наблюдается в Нови (Белич, 222) *r̄am̄ena/ramen̄a*, *im̄ena/im̄en̄a*, *s̄im̄ena/simen̄a*, *sl̄im̄ena/slim̄en̄a*.

Что касается распределения разных типов ударения в N. Acc. pl. *ǝ*-основ а.п. *b* и *c*, то здесь полярные позиции занимают современная литературная штокавская система, с одной стороны, и система Крижанича — с другой⁷. Первая система предполагает в доштокавском состоянии (до штокавской ретракции) наконечное ударение у основ с а.п. (*мес̄а* > *м̄еса*, *пол̄а* > *п̄ола*) и долгосложных основ *b* а.п. (*вин̄а* > *в̄ина*); а у краткосложных основ *b* а.п. — "дефинизированные" формы с кратким нисходящим ударением (т.е. неперенесенным) на корне (*с̄ѣла*). Вторая система (Крижанича), напротив, характеризуется накоренным ударением у основ с а.п. (*Blāga néba*) и у долгосложных *b* а.п. (*Lūca Čūsna Vr̄ata s̄akna Dlj̄eta*), а краткосложные основы *b* а.п. имеют конечноударенные формы (*Бед̄ра̄ пл̄е̄а̄ пер̄а̄ стек̄ла̄*). Кажущиеся отступления (у долгосложных *Win̄a Vr̄at̄a*, у краткосложных *V̄esla Ōkna R̄ebra*), по сути дела, только подчеркивают принцип распределения

по закону Крижанича: на предшествующую долготу ударение перетягивалось (*Věsla Ōkna Rěbra*, очевидно, со вторичным удлинением), предшествующая краткость ударение не перетягивала (очевидно, *Winá Vratá* воспринимались с краткостным корнем). Необъяснимым остается один пример *Pūsma = Pūsma* — предшествующая долгота не перетянула ударения.

Акцентовка консонантных основ, восходящих к *b* а.п., во всех рассматриваемых системах одинакова: литературный сербохорватский *děte* : *děmeta*, Крижанич *Dūmé* : *Duměma*, чакавские говоры Нови (Белич, 184), Хвар, (Hraste 1935, 25), Вргада (Jurišić, 45) *dītē* : *dītēta*, посавский (Ivšić 1913, 164) *dīte* : *dītēta*. А.т., восходящий к *c* а.п., у Крижанича не совпадает ни с чакавскими говорами, ни с литературным штокавским: литературный сербохорватский *vrěme* : *vrěmena*, *něbo* : *neběsa*, *mělo* : *melěsa*, ср. чакавский (Hraste 1935, 25) *vrīme* : *vrīmenā*, *nebesā*, *telesā*; (Rožić), *vrīmen^oā*, *nebesā*, *tilešā*, посавский (Ivšić 1913, 163, 251) *vrīme* : *vrīmenā*, *nebesā*, *telesā*, а у Крижанича *Слово* : *Словěса*, *Тило* : *telěса*, *чудěса небěса очěса* (основа *vrīmé* : *Wrěmena* составляет особый а.т., ср. в чакавском Нови (Белич, 222) *vrīme* : *vrīmenā/vrīmena*) — кайкавские формы: ср. (Rožić, 128—129) *něbo* : *neběsa*, *čuděса*.

Поскольку акцентологическая картина в консонантных основах, восходящих к а.п. *b* и *c*, не проясняет ситуации в *ō*-основах, попытаемся нащупать возможную состыковку двух полярных систем (литературной штокавской и Крижанича) через диалектный материал чакавских и посавских говоров.

Южночакавские островные диалекты (Хвар, Брач и примыкающий к ним Сусак, с более размытой системой) в исконных основах *b* а.п. представляют как бы отправную систему для обеих полярных: здесь находим окситонезу у долгосложных и краткосложных основ (Hraste 1935, 24, 23) *vīnd* : *vīndā*, *dīitō* : *dītā*, *gnīzdō* : *gnīzdā*, *mīlkō* : *mīlkā*, *sōdānd* : *sōdnā*, *črīvā*, а также с новым перенесенным ударением *sūkno* : *sūkna*, *pīsmo* ~ *čelō* : *člā*, *darvō* : [*darvā*], *hrelō* : [*hrelā*], *kold* : [*kolā*], *perō* : [*perā*], *rebrō* : [*rebrā*], *sedlō* : [*sedlā*], *putō* : [*putā*], *selō* : [*selā*], *stegnō* : [*stegnā*], *veslō* : [*veslā*], *caklō* : [*caklā*]; трехсловные — *rešetō*, *vretenō*; (Hraste 1940, 41, 27, 13, 17) *vīnd* : *vīndā*, *mūlō* : [*mūlā*], *krīlō* : [*krīlā*] 42, *lītō* (dleto) : [*lītā*], *gnīzddō* : [*gnīzddā*], *mīlkō* : [*mīlkā*], а также с новым перенесенным ударением — *pīsmo* : *pīsmā*, *sūkno* : [*sūkna*], *vrō^ota*, *jětra* ~ *čelō* : *čelā*, *srebrō* : [*srebrā*], *rebrō* (*lebrō*) : [*rebrā*], *perō* : [*perā*], *sedlō* : [*sedlā*], *selō* : [*selā*], *stablō* : [*stablā*], *stegnō* : [*stegnā*], *veskō* : [*veslā*], трехсловные — *rešetō*, *vretenō* (Hamm, 108) *vīnd* : *vīndā* ~ *steynd* : *steyndā*, *perō* : *perā* 171, *selō* : *selā* 90, *lebrō/l'ebro* : *l'ebbrā/l'ěbra* 90.

Система Крижанича отличается от южночакавских диалектов перенесенным с конца ударением в N. Acc. pl. у долгосложных основ (по закону Крижанича), а литературную штокавскую систему отличает перенесенное конечное ударение в N. Acc. pl. у краткосложных основ ("дефинализованные" формы).

В северночакавском говоре Нови зафиксировано дальнейшее развитие системы Хвар-Брач, но не непосредственно следующий этап (возможно, намеки на который имеются в говоре Суска): это прежде всего, последовательно проведенный перенос ударения в pl. у краткосложных

основ (Белич, 221, 220) *čelǎ* : *čèla*, *perǎ* : *pèra*, *sedlǎ* : *sèdla*, *selǎ* : *sèla*, *stegnǎ* : *stègna*, *staklǎ* : *stàkla*, *veslǎ* : *vèsla*, *plècǎ* : *plèca*.

В говоре Суска при общей южночаквской акцентвке (*vīnǎ* ~ *perǎ* — см. выше) встречаются примеры *veslǎ* : *vèsla*, *l'ebǎ* : *l'èbra* (Hamm, 108, 90), т.е. с перенесенным ударением в виде краткого нисходящего и долгого восходящего (в основе со вторичным удлинением). Аналогичный последнему находим единичный пример в говоре Нови (Белич, 221) *vīna* наряду с регулярными формами с новоштокавским переносом (*krilǎ* : *krīla*, *līcǎ* : *līca*, *pīsmǎ* : *pīsma*, *vrāta*). Староштокавский материал, фиксирующий нерегулярные перетяжки прежде всего у краткосложных основ и меньше — у долгосложных (см. выше стр. 178), также примыкают сюда. По этим отдельным случаям нельзя получить представление об условиях такой перетяжки в краткосложных основах. Иную ступень развития рассматриваемой тенденции, возможно, демонстрирует материал чаковского говора острова Вргады и посавского славонского говора, в которых проведены последовательно перетяжки как у основ краткостных, так и долготных.

Вргада (Jurišić) *krīlǎ*, *pīsmǎ* : *pīsmǎā*, *vīnǎ* : *vīnǎā*, *mītǎ* : *mītǎā*, *vrǎtǎ* ~ краткосложные — *dobrǎ* : *dǎbrǎā*, *krelǎ* : *krèlǎā*, *perǎ* : *pèrǎā*, *selǎ* : *sèlǎā*, *plècǎā*, *stegnǎ* : *stègǎnā*, *caklǎ* : *cǎkǎā*, *veslǎ* : *vèslǎā*; посавский (Ivšić 1913, 345) долгосложные — *krīlo* : *krīlā*, *vīno* 341 : *vīnā* 202, *pīsmo* : *pīsmā* / *pīsma*, *vrātā* 346, *ūstā* 346, *vīnā* 202 ~ краткосложные — *perǎ* / *pèro* : *pèrā*, *rèbrā*, *plècā*, *selǎ* / *sèlo* : *sèlā* 346, 342, *dǎbrā* 346, *sedlǎ* : *sèdlā* 346, *bedrǎ* : *bèdrā*. Тот факт, что в обоих последних говорах все основы (долгосложные и краткосложные) в N. Acc. pl. имеют конечную долготу, может свидетельствовать в пользу закона Станга, по которому ударение с внутренних или конечных циркумфлектированных долгих слогов перемещалось на предшествующий слог в виде нового акута.

Таким образом, при наличии двух различных (несовместимых) систем, какими являются современная литературная штокавская — с одной стороны, и система Крижанича — с другой, сербохорватская диалектология располагает системами (среднечаковская — острова Вргады и посавская славонская, а также отчасти северночаковская Нови), в которых оказываются совмещенными различительные особенности полярных систем. Другими словами, указанные диалектные системы демонстрируют возможность сочетания обеих перетяжек — в долготных и краткостных основах. Однако остается открытым вопрос об условиях, определивших развитие полярных систем. Если в говоре Вргады, славонском посавском и Нови развитие системы регулировалось законом Станга, а в системе Крижанича (оказывающейся в данном случае уникальной) — действием закона Крижанича, то требует объяснения перетяжка исключительно у краткосложных основ, которая (как показывает материал прежде всего Нови) проводилась очень четко и последовательно и охватывала подавляющую массу говоров — как штокавских, так и чаковских и — что самое важное — могла не быть связанной с перетяжкой у долгосложных основ, а предшествовала ей. Если эту перетяжку связывать с праславянским процессом "дефинализации" ударения, наблюдаемом в восточнославянских языках, то остается необъяснимым — как избежали этого процесса южночаквские говоры и говор Крижанича.

Полярными системы Крижанича и современная литературная штокавская остаются и в а.п. с. Диалектный материал в данном случае согласуется в основном с Крижаничем: в рассматриваемых чакавских говорах ударение в N. Acc. pl. главным образом накоренное — и в основах долгосложных (долгое ударение) и в основах краткосложных (краткое ударение), т.е. налицо довольно последовательно проведенный процесс выравнивания N. Acc. pl. по sg. Однако наряду с такими "крижаничевскими" формами в этих же говорах встречаются и формы с наконечным ударением в южночакавском (Хвар) — у долгосложных основ в качестве дублетных форм к баритонированным, в северночакавском (Нови) — у отдельных лексем (правда, оттянутое по новоштокавской ретракции, т.е. восходящее) в среднечакавском (Вргада) — у долгосложных и краткосложных основ, причем одинаково долгое — как рефлекс нового акута.

Брач (Hraste 1940, 41) долгосложные — *klûko* : *klûka*, *mêso* : *mêsa*, *môre* : *môra*, *rûno* : [*rûna*], *sîno* : [*sîna*], *ûje* : [*ûja*], *sûnce* : [*sûnca*] 35, *zlôto* : [*zlôta*] 63 ~ краткосложные — *pôje* : [*pôja*]; Хвар (Hraste 1935, 24, 23) *klûko* : *klûka/klukâ*, *sûnce* : *sûnca/suncâ*, *mêso* : [*mêsa*], *môre* : [*môra*], *rûno* : *rûna*, *sêno* : [*sêna*], *iîsto* : [*iîsta*], *zlôto* : [*zlôta*] ~ *pôje* : [*pôja*]; Нови (Белич, 221, 220) *mêso* : *mêsa*, *môre* : *môra*, *sêno* : *sêna*, *zlâto* : [*zlâta*], *sûnce/sûnce* : *sûncâ* ~ *pôja*, *kôlo* : [*kôa*]; Вргада (Jurišić) *blâgo* : *blâga*, *rûno* : *rûna*, *sûnce* : *sûncâ* ~ *kôlo* : *kôpâ*, *krôsnâ*, *pôje* : *polâ*, *ôlovo* : *ôlovâ*.

Эти окситонированные формы, по-видимому, отражают более раннее состояние в с.а.п. В славянских посавских говорах представлены в краткосложных основах все возможные формы: от литературных штокавских до "крижаничевских", т.е. от форм с наконечным ударением — к формам с перенесенным этим ударением на корень с конечной долготой и, наконец, с просто перенесенным с конца восходящим ударением как у краткосложных, так и у долгосложных основ (как в литературном штокавском) (Ivšić 1913, 344, 343) *mêso* 341 : *mêsa*, *jâje* : *jâja*, *zlâto* : [*zlâta*] ~ *pôje* 341 : *pôja/pôjâ/pôjâ*, *dřvo* 342 : *drvâ/drvâ/drvâ*.

Староштокавский материал (довольно скудный — см. с. 180), где у долгосложных — окситонированные формы с дублетными баритонированными, а у краткосложных — баритонированные, может быть, тоже (вместе с посавским) показывает, что в краткосложных основах перетяжка конечного ударения прошла раньше и фонетическим путем, а у долгосложных прошло выравнивание по единственному числу. Иными словами, староштокавский материал можно интерпретировать двояко: или как развивающийся по пути системы Крижанича, или в русле общештокавской тенденции перераспределения акцентных типов по долготе/краткости корневого гласного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. далее использованные (с полной эксерпцией примеров) материалы из староштокавских рукописей XIV—XVI вв.: (П) — Патерик алфавитный из Колашина, середина XIV в., 383 л., ГПБ — собр. Гильф. N 50; (Ев) — Евангелие-апракос (полный), первая треть XV в., 410 л. + III л. (предисловие), ГБЛ — ф. 178 N 7364; (СБ) — Сборник слов 1509 г. из монастыря Пивы, ГПБ — собр. Гильф. N 56, 561 л. (см. Булатова 1975);

(ЖП, ЖР) — два отрывка из сборника ГПБ — собр. Гильф. F 1488, начало XVI в.: отрывок из Житейника: Житие преп. Петки и Иллариона Мегленского, писанное патриархом Евфимием (л. 65—83) и отрывок из четы-минси: Житие преп. Иоанна Рьльского (л. 40—50). Более подробную характеристику этих памятников см.: Булатова Р. В. Акцентуация приставочных *postverbal* δ -основ в сербохорватском языке // Сов. славяновед., 1982, N 4. С. 96.

² Знак двойного акута имеет в этих случаях чисто графическую функцию, он пишется над буквами (греч.) \acute{u} и \acute{y} . Заметим, однако, что В. В. Колесов на чешском материале предполагает "очевидную подвижность" у *рыло* (Колесов 1972, с. 194).

³ Сам В. Г. Скляренко на староукраинском и диалектном материале строит праславянскую реконструкцию в Instr. и L. pl. с накоренным ударением, а в D. pl. — с флексивным (Скляренко 1977, с. 52—54). Накоренное ударение в N. Acc. pl. он объясняет аналогией с другими падежами множественного числа.

⁴ Камора может не обозначать ударения: она часто ставится в конце слова между сонорным и гласным, как бы объединяя их.

⁵ В. А. Дыбо (Дыбо Лекции) отмечает выход долготных окончаний за пределы южнославянской области: в данной позиции долгота наблюдается в словацком.

⁶ Впервые о колебании ударения в словах *борошно, дерево, золото, черево* сказал Матевс — *W. K. Matthews. Russian Historical Grammar. L., 1960. S. 180.*

⁷ Еще А. А. Шахматов, проведя сравнение системы ударения Крижанича и Вука, заметил, что диалектная основа Крижанича и штокавская — разные: ни одна не лежит в основе другой, но обе системы восходят к одному общему типу, от которого уклонился как говор Крижанича, так и штокавский (Шахматов 1895, с. 99, 204, 206).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Белич — *Белич А.* Заметки по чакавским говорам // ИОРЯС 1909, т. XIV, кн. 2.

Булатова 1975 — *Булатова Р. В.* Старосербская глагольная акцентуация: Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения. М., 1975.

Булатова Криж. — *Булатова Р. В.* Место акцентологической системы Крижанича в истории хорватско-сербской просодии // Сборник *Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb* (в печати), где использованы материалы из трудов Крижанича Политика. М., 1965 (примеры латиницей), "Грамаѓично iskazanje ob rúskom jeziku popá Júrka Крижанича..." (издано Бодянским). М., 1859 (примеры кириллицей) и некоторых других сочинений.

Дан. — *Даничић З.* Спрски акценти. Београд-Земун, 1925.

Дыбо Лекции — *Дыбо В. А.* Лекции по славянской акцентологии, прочитанные в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1974—1975 гг. (рукопись).

Дыбо 1973 — *Дыбо В. А.* Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII—XIV вв. // Изв. на Ин-та за български език. БАН, кн. XXII. София, 1973.

Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Елезовић — *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Св. 1—2. Београд, 1932—1935 (СДЗБ књ. IV, VI).

Зализняк — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

ЗФЛ — Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад.

Иллич-Свитыч — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности. СПб. (до революции), М.; Л. (после революции).

ЈФ — Јужнословенски филолог. Београд.

Колесов 1969 — *Колесов В. В.* Ударение Neutra о-основ // ИОРЯС 1969. Вып. 1.

Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском. Л., 1972.

Петровић — *Петровић Др.* Из синтаксичке проблематике говора Врачана // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. Књ. XVI/1. 1973 [1]; Књ. XVII/1, 1974 [2]; ЗФЛ XVI/2, 1973 [3].

Пешикан — *Пешикан М. Б.* Староцрногорски, средњокатунски и лешански говори. Београд, 1965 (СДЗБ књ. XV).

- Речник — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. САНУ. Београд, 1984. Књ. XII.
- РФВ — Русский филологический вестник. Варшава.
- СДЗБ — Српски дијалектолошки зборник. Београд.
- Секулић — Секулић Н. Збирка дијалекатских текстова из Војводине // СДЗБ књ. XXVII, 1981.
- Скляренко 1977 — Скляренко В. Г. З історії акцентуації іменників середнього роду о-основ (іменники з флексивним наголосом) // Мовознавство 3 (63). К., 1977.
- Скляренко 1979 — Скляренко В. Г. Історія акцентуації іменників середнього роду української мови. К., 1979.
- Станић — Станић М. Ускочки акценат // СДЗБ. Књ. XXVIII, 1982.
- Стевановић — Стевановић М. Систем акцентуації у пиперском говору // СДЗБ. Књ. X, 1940.
- Томановић — Томановић В. Акценат у говору села Лепетана (Бока Которска) // ЈФ. Књ. XIV, 1935.
- Хазагеров — Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
- Шахматов 1888 — Шахматов А. А. К истории сербско-хорватских ударений // РФВ. Т. XXVII, N 2. 1888.
- Шахматов 1895 — Шахматов А. А. Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении // РФВ. Т. XXXIV. N 3—4. 1895.
- Hamn — Hamn J., Hraste M., Guberina P. Govor otoka Suska // HDZ. Knj. 1. 1956.
- HDZ — Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb.
- Hraste 1935 — Hraste M. Čakavski dijalekat ostrva Hvara // ЈФ. Књ. XIV. 1935.
- Hraste 1940 — Hraste M. Čakavski dijalekat ostrva Brača // СДЗБ. Књ. X, 1940.
- Ivšić 1907 — Ivšić Stj. Šaptinovačko narječje // Rad JAZU. Knj. 168. 1907.
- Ivšić 1913 — Ivšić Stj. Današnji posavski govor // Rad JAZU. Knj. 196, 197. 1913.
- Jurišić — Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. Dio II. Zagreb, 1973.
- Kiparsky — Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Neweklowski — Neweklowski G. Ein Beitrag zum čakavischen; die kroatische Mundart von Eisenhuttl im Sudlichen Burgenland // ЗФЛ XVI/2, 1973.
- Rad JAZU — Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.
- Rožić — Rožić V. Kajkavski dijalekat u Prigorju // Rad JAZU. Knj. 116, 1893.
- Sekereš — Sekereš Stj. Govor Vitrovice i okoline // ЗФЛ. XVII/2. 1974 [1]; ЗФЛ. XVIII/2. 1975 [2].
- Stang — Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

И. А. КОРНИЛАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ XVIII в.

Русское ударение XVIII в. мало исследовано. В этой области происходит пока преимущественно накопление материала. Характеризуя источники по ударению XVIII в., отмечают их неполноту, разнородность, неодинаковую степень достоверности, хронологически неравномерное распределение¹. Для надежной интерпретации акцентологических данных XVIII в. немаловажное значение имеет изучение орфографической и лексикографической традиций, введение в оборот акцентологии новых источников. В настоящей статье названные вопросы рассматриваются на материале акцентуированных изданий гражданской печати (текстов, словарей), кроме цельногравированных. Исследуются также некоторые аспекты акцентуации имен существительных.

История фиксации ударения в рассматриваемых изданиях гражданской печати XVIII в. включает три этапа: 1) 1708—1709 гг. — сплошная

акцентуация текстов; далее до 1734 г. издания не акцентуированы; 2) с 1734 г. — выборочная акцентуация слов-омографов; 3) с 1771 г. — сплошная акцентуация словников в словарях.

Самые первые издания гражданской печати (начало 1708 г., Московский Печатный двор) не имели надстрочных знаков. Во второй половине 1708 — начале 1709 г., т.е. в период действия распоряжения Петра I "ставить... силы так же, как и в прежней печати было"², вышли в свет шесть акцентуированных книг: так называемая "Геометрическая книга" (М., 1708, 255 (?) С.; перевод с немецкого Я.В. Брюса), О превращении фигур плоских во иныя такова же содержания (М., 1708, 22 С.; составитель — Я.В. Брюс), Побеждающая крепость... А.Э. Боргсдорфа (М., 1708, 55 С.), Римплера манира о строении крепостей (М., 1708, 54, 4 нн С.; автор — Г. Римплер), Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати А.Э. Боргсдорфа (М., 1709, 75 С.), Приемы циркуля и линейки... (М., 1709, 353, 12 нн С., акцентуированы страницы 15—32; новое издание "Геометрической книги"). Тем же шрифтом напечатан открытый лист "Объявление баталии меж его царским величеством российским и швецким генералом графом Левенгоптом..." (М., 1708)³. Неединообразное оформление "Приемов циркуля и линейки..." (начиная со страницы 33, текст без знаков ударения) свидетельствует, что указание Петра I об отмене "сил" было исполнено незамедлительно⁴.

В названных изданиях, как и в старопечатных, акцентуация сплошная; сохранены два знака "сил" — вария в абсолютном конце слова, оксия в прочих случаях (спиритус и камора отсутствуют). Эту двучленную систему надстрочных знаков можно условно назвать "новопечатной". Все издания представляют особый интерес как источники сведений об ударении в специальной терминологии (математической, военной).

Восстановление акцентных знаков в книгах гражданской печати связано с орфографическими правилами 1735 г., когда "над словами двоякого знаменования определено ставить силу"⁵. Употребление знаков ударения как средство различения омографов оговорено в трудах В.Е. Адодурова, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова и др.⁶ Б.А. Успенский отмечает, что соответствующая функция акцентных знаков прослеживается уже в старых церковнославянских букварях, где можно найти длинные перечни противопоставлений такого рода⁷.

В практике изданий гражданской печати середины и конца XVIII в. использование знаков ударения для различения омографов было факультативным. Так, Н.Г. Курганов подчеркивает, что "силы употребляются боле в славенских книгах"⁸, А.А. Барсов пишет, что "надстрочные ударения" "ныне в некоторых типографиях не употребляются, иногда же по крайней мере к различению двух буквами сходствующих, но знаменованием разнствующих слов употреблялись и употребляются..."⁹ Тем не менее издания, в которых рассматриваемое правило соблюдается (например, вышеназванные издания 1748 г. Тредиаковского и 1755 г. Ломоносова), дают ценный материал, в частности, об ударении, подвижном в пределах словоизменительной парадигмы (тогда как словарями подвижное ударение не фиксируется вплоть до самого конца

XIX в.). Некоторые примеры из Третьяковского: *начал* (глагол), *сторонь* (Р. ед.), *материю* (альтернатива, очевидно, — *материю* Т. ед.), *по большей части, три части* и т.п. (альтернативной может быть форма П. ед. (в) *частей*, зафиксированная в словаре Д.Н. Ушакова применительно к *часть* "отделение полиции", или форма императива *частей* от глагола *частить*); помимо омографов, там же встречаются акцентуированные заимствованные существительные и производные от них, ср. *лотерия, Зенон, Платоновой Академии, драматическая, трагедийальная, комедийальная* и т.п.¹⁰

Первым словарем гражданской печати со сплошной акцентуацией словника явился "Российской Целлариус..." Ф. Гельтергофа (М., 1771, далее сокращенно: РЦ 1771¹¹). Нововведение предназначалось для иностранцев, изучающих русский язык; в предисловии к словарю отмечено, что "над каждым словом поставленные силы могут иностранному не иначе как приятны быть, когда, напротив того, оных недостаток наводит скуку, особливо ежели кто желает выучиться языку без учителя"¹². Несмотря на наличие старопечатных (акцентуированных) лексиконов, сама идея обучения ударению по словарям еще в середине XVIII в. была нетривиальной. Так, Третьяковский в качестве пособия по ударению для иностранцев называет стихотворные тексты и не упоминает лексиконы¹³.

Словари последней трети XVIII в. со сплошной акцентуацией словника превосходят старопечатные лексиконы по акцентологической (и вообще по грамматической) информативности. В последних регулярно фиксируется лишь исходная словоформа. В новых словарях в заголовок словарной статьи вводятся также сведения о словоизменительном типе. При этом используются: цифровые индексы (РЦ 1771, РЛ 1778 того же автора), цифровые индексы (у существительных) с указанием исхода косвенной формы (форм) (СВРС) или только сокращенная запись косвенных форм (Н. 1780, САР 1789, Г. 1799)¹⁴. В словарях Гельтергофа дополнительно указываются особенности словоизменения, в частности флексийное ударение Р. падежа у существительных мужского рода, например: РЦ 1771: *горшóк, м. 2, -шкá, нашатырь, м. 2, -я, нéбо, ср. 2, мн. небесá, óко, ср. 2, мн. очí* (так!), *сижú, -дúшь, -дéть, служú, -жишь, -жítь, стою, 2, стоя́ть*. В СВРС косвенные формы не акцентуированы, ср. *абасы, -сов, м., мн. 2, агá, -ги, м. 1, азардúровать [в чем], -дирую, -ешь, ассигновáть [кому, что], -ную, -ешь*. В последней группе словарей акцентуированы все формы существительных и глаголов, входящие в заголовок статьи, ср.: САР 1789: *гайдúк, -кá м., дитя́, дитя́-ти ср., дресвá, -вй ж., журиó, -рúшь, -рúл, -рúть, лгú, лжéшь, солгáл, солгú, лгáть, солгáть* (относительно прилагательных единства нет, ср. САР 1789: *окладный, -нáя, -нóе, но Н. 1780: соляной, -ая, -ое*). Таким образом, в большинстве словарей 70—90-х гг. XVIII в. фиксируется ударение И. и Р. падежей ед. числа (мн. для *pluralia tantum*) существительных, инфинитива и ряда личных форм глаголов. Сверх того, в РЦ 1771, РЛ 1778, Н. 1780 акцентуированы иллюстрации употребления заголовочного слова, т.е. даются нерегулярные сведения об ударении прочих словоформ. Ср., например, в Н. 1780: *лошадь, -и, сойтú с лошадí, на лошади́ за кем гнáться, прáвить лошадей; магнитный,*

-ая, -ое, магнитные полюсы; тубель, -фля, носить тубли, ходить в туфлях (так!).

Интерпретация фактического материала вышеназванных словарей затруднена тем, что ударение косвенных форм фиксируется не вполне последовательно. Об этом свидетельствуют противоречивые показания в пределах одного словаря и результаты сопоставления данных разных словарей, ср., например: РЦ 1771: *каплун*, -á (с. 198), но *каплун* (с. 619); *фонáрь* при *фонáрь*, -я в Н. 1780, САР 1789, Г. 1799; РЛ 1778: *монастырь* при *монастырь*, -я в РЦ 1771, Н. 1780, САР 1789, Г. 1799; Н. 1780: *карандáш*, -а, но *рисовáть карандашém*, *бирюзá*, -ы; САР 1789: *рундук*, -а при *рундук*, -á в Н. 1780, Г. 1799, а также в САР 1806; Г. 1799: *курдюк*, -а при *курдюк*, -á в Н. 1780, САР 1789, *клобук*, -а при *клобук*, -á в РЦ 1771, Н. 1780, САР 1789, *бадья*, -и и т.д. Указанная непоследовательность может объясняться частичным сохранением более старых лексикографических традиций, небрежностью издания, но в ряде случаев не исключены и колебания ударения.

По оценке современника — А.А. Барсова, акцентуированными словарями надо пользоваться "с рассмотрением и осторожностью, потому что в некоторых из них, иностранцами изданных, премногие ударения изображены ложно"¹⁵. Исходя из времени написания "Российской грамматики", можно предполагать, что имеются в виду словари Гельтергофа и Нордстета. Укажем некоторые очевидные огрехи применительно к исходной словоформе: РЦ 1771: *евáнгелист* (с. 159), *бáика* (в РЛ 1778 эти ошибки исправлены, ср. *евангелист*, *бáишá*); Н. 1780: *розá*, -ы (но *цветник* с *рóзами*), *коррèктура*.

Относительно начертаний надстрочных знаков у грамматистов середины — конца XVIII в. нет единства взглядов. Адодуров, Барсов и др., а также академическая грамматика 1802 г. придерживаются "новопечатной" системы, Тредиаковский и Ломоносов выступают за унификацию — единый акцентный знак независимо от характера ударного слога¹⁶. В практике изданий гражданской печати середины и конца века нередко смешение "новопечатной" и "унифицированной" систем. Оно наблюдается, в частности, в РЦ 1771, СВРС, Г. 1799. В то же время САР 1789 последовательно придерживается "новопечатной" системы, Н. 1780 — "унифицированной".

* * *

Акцентуированные источники XVIII в. позволяют уточнить хронологию формирования закономерностей акцентуации современного русского языка. Ниже рассматриваются некоторые аспекты акцентной эволюции на материале заимствованных существительных с неодносложной исходной словоформой. Данный материал на каждом этапе акцентной истории особо показателен, поскольку, будучи свободными от старых акцентных традиций русского языка, заимствования (прежде всего, новая лексика) являются активными "проводниками акцентных инноваций".

В памятниках конца XVI—XVII вв. акцентуация заимствований определяется тремя основными принципами.

Основы, "чуждые" с узальной и/или морфонологической точки зрения (важнейший признак последних — отсутствие внешнего совпадения или хотя бы сходства финали основы с исконными суффиксами), акцентуируются в соответствии со следующими двумя принципами. Согласно принципу 1 (этимологическому), ударение неподвижно и ставится на том же слоге, что и в языке-источнике, или в соответствии с традицией произношения, основанной на обобщении правил акцентуации определенных классов слов в иностранных языках. Принцип 2 (морфонологический) требует неподвижного ударения на последнем слоге основы.

Акцентуация "привычных" субстантивных заимствованных основ — лексически освоенных и одновременно имеющих финали, омонимичные (созвучные) исконным суффиксам, копирует акцентуацию соответствующих русских производных существительных (принцип 3, морфонологический).

Примеры акцентовок по данным Курантов второй половины XVII в. (ЦГАДА, ф.155, опись 1; акцентуированная скоропись, почерки разные)¹⁷: принцип 1: названия городов: *дрэздена* 1680, N 4, 110 Р. ед., *колень* 1679, N 5, 139 В. ед. (Кёльн), *лондона* 1671, N 7, 22, 28, 89 Р. ед. и т.п. (9 раз), *лн^с скрона* 1676, N 8, 41 Р. ед.; нарицательные существительные: *биск^сп^т* 1667, N 10, 214 и т.п. (11 раз), *б^срмистры* 1677, N 7 (1), 277 И. мн., *к^ср^с фистрь* (так!) 1679, N 5, 67, 201 и т.п. (13 раз); принцип 2: *дрездэна* 1680, N 4, 17 Р. ед., *келэна* 1682, N 5, 41 Р. ед., *ло^тдо^на* 1677, N 7 (1), 118, *лон^с до^на* 1677, N 7 (1), 262 Р. ед., *ланцк^ро^на* 1677, N 7 (1), 135 Р. ед. (аналогично еще трижды), *Орд^ак^турта* 1681, N 5, 230, *Оранк^турта* 1682, N 5, 50 Р. ед.; *вини^юсв* 1679, N 5, 35 Д. ед. (фамилия); биск^спами 1667, N 10, 326 Т. мн., *б^ср^с мист^с ромь* 1666, N 11, 120 Д. мн., *к^ср^с Оис^ст^срь* 1682, N 5, 356 И. ед., *кур^с Оистра* 1682, N 5, 356 Р. ед.; формально удовлетворяют обоим принципам: *везиремь* 1670, N 8, 165 Т. ед., *ча^шша* 1681, N 5, 186 В. ед. (должностное лицо; не исключен также эффект дефинализации ударения); принцип 3: *казаки* 1667, N 10, 211 И. мн., *казак^товь* 1667, N 10, 127 Р. мн. и т.п. (20 раз)¹⁸, *т^ср^ка* 1674, N 7, 426 Р. ед. и т.п., *сек^с рет^ар^с* 1671, N 7, 89 В. ед., *везиря* 1667, N 10, 216 Р. ед. и т.п. (7 раз), *ча^шш^а* 1677, N 7 (1), 103 Р. ед., *ча^шца* 1667, N 10, 343, *ча^шш^а* 1668, N 4, 117 В. ед.

У отдельных древних заимствований (*мастер*, *парус*, *ересь*, *орда*, *скамья*) зафиксировано подвижное ударение, свойственное определенным группам исконных непроизводных слов; во всех этих случаях имеет место неполное акцентное противопоставление числовых полупарадигм, ср., например: Тр.: *мастерь* 79б... (10 раз), *масте^р* 107б И. ед., *мастера* 428б Р. ед., *мастеры* 52, 223б... (11 раз) И. мн., *мастеровь* 157б, 240... (5 раз), *мастеровь* 180, 232 Р. мн.; К. 1670: *ѣресь* 11, 12... (5 раз) И. ед., *ѣреси* 8, 198 Р. ед., 14 И. мн., *ѣресей* 24, 26 Р. мн.; Сб.: *т^ср^и грэб^сныя скамьи было* 797 И. мн., *с^скамей* 797 Р. мн. при П. 1701 *скамь* λ 118б И. ед.

Современная акцентная подсистема заимствований значительно усложнилась по сравнению со старовеликорусской; синхронические закономерности акцентуации определяются прагматическими, морфологическими, морфонологическими, семантическими свойствами слова, в меньшей степени также некоторыми другими факторами.

Ввиду ограниченного объема статьи укажем лишь основные направления семантизации ударения: 1) развитие во мн. ч. ударения на последнем слоге основы у существительных м.р. — названий лиц по национальной, этнической и т.п. принадлежности¹⁹; 2) только у непроезводных основ: а) в мужском роде — развитие в ед. ч. флексийного ударения у названий материальных предметов, животных, фигур и ударения на предпоследнем (редко третьем от конца) слоге основы у названий нерасчлененных однородных масс, абстрактных понятий, направлений²⁰; б) в женск. р. (И. ед. -а) — развитие в ед. ч. флексийного ударения у "неисчисляемых", т.е. у названий нерасчлененных однородных масс (в том числе деревьев, промысловых рыб, собирательных), абстрактных понятий. Примеры акцентных инноваций в современном литературном языке, объясняемых действием данных семантических закономерностей (в соответствии с рекомендациями Орфоэп. 1983): *поляки, -ов*, ед. -як, -а, *казаки, -ов*, ед. -ák, -а, *пруссáки, -ов*, ед. -ák, -а, *калмы́ки, -ов*, ед. -ык, -а, *болга́ры, -áр*, *инду́с, -а*; *карту́з, -á*, *буга́й, -я́*; *ви́смут, -а*, *же́мчуг, -а* (вещество), ср. *жемчу́га, -óв* (изделия из жемчуга), *на́нсук, -а*, *принци́п, -а*, *симво́л, -а*, *азиму́т, -а*; *маца́, -ы́*, *фольга́, -ы́*, *камбала́, -ы́*, *кета́, -ы́*, *муштра́, -ы́*. В некоторых семантических группах изменения ударения представлены только за пределами литературной нормы, ср. *валéт, -лътá*, *пихта́, -ы́*, жаргонизм *фирма́* (фирменная одежда).

Новый период в истории ударения заимствований начинается в XVIII в.; по сравнению с вышеизложенными принципами предшествующего периода источниками XVIII в. зафиксированы следующие акцентные инновации:

1) вторичное ударение на предпоследнем слоге основы у существительных на гласную плюс *-лог, -метр, -граф, -соф*, на *-ум, -ер, -ор, -ис, -ус, -ия(а), -ик(а)*, например: СВРС, САР 1789: *астрóлог, -а*, Г. 1799: *астрóлòг, -а*, ср. П. 1704: *áстролòгъ*, РЦ 1771, Н. 1780: *астролóг, -а*; САР 1789: *геóметр, -а*, ср. Н. 1780, Г. 1799: *геомéтр, -а*; САР 1789: *хронóграф, -а*, ср. П. 1701: *хроногáрфъ* 1136, Н. 1780, Г. 1799: *хроногáрф, -а*; САР 1789, Г. 1799: *фило́соф, -а*, ср. КМБ: *филосо́фа* 1266 Р. ед. и т.п. (24 раза), Гр.: *филосо́фъ* 79 и т.п. (9 раз), К. 1670: *Филосо́фъ* 98 и т.п. (21 раз), Сб.: *Филосо́фий* 8046 И. мн., Н. 1780: *Филосо́ф, -а*; Г. 1709 (экземпляр ЦГАДА), знаки ударения над предпоследней гласной основы замазаны краской как ошибочные: *курвiлiнeусь* 23, *микстiлiнeусь* 23, *квiлатeрумь* 28, *ректiлiнeусь* 23, но *ректiлiнeусь* 24²¹ (правильным, с точки зрения латыни, в данных четырех случаях является ударение на третьем от конца слоге основы); Постников: *с⁶ харáктеромь* 1706 г., ср. *характeрь, без⁷ характeра* 1703 г.²²; САР 1789, Г. 1799: *фо́сфор, -а*, ср. Н. 1780, САР 1806: *фосфо́р, -а* (греч. φωσφόρος); СВРС: *апокали́пис, -а*, ср. Н. 1780, САР 1789, Г. 1799: *апока́липис, -а* (греч. ἀποκάλυψις); САР 1789: *амвросiя, -и*, ср. П. 1704: *амвросiа*; САР 1789: *му́зыка, -зы́ки* (так!), Г. 1799: *му́зыка, -и*, ср. Куранты: *музы́ки* 1667, N 10, 328 Р. ед., аналогично еще дважды, К. 1670: *музы́ки* 282 И. мн. (музыканты), 357 В. мн. (музыкальные инструменты), РЦ 1771: *музы́ка*;

2) поляризация ударения числовых полупарадигм у существительных мужского рода с двусложной начальноударной и трехсложной средин-

ноударной словоформой И. ед. (И. мн. -а): Херасков: мн. *паруса*²³, ср. КМБ: *парусы* 31 В. мн., К. 1670: (на) *парусы* 392 В. мн., Сб.: *парусы* 819 И. мн., П. 1704: *парусы собираю* В. мн. и т.п.; Барсов: *докторы* и *доктора*, *профессоры* и *профессора*, *колерь* (так! очевидная описка) и *колера* И. мн.²⁴, ср. Тр.: И. мн. *докторове* 65, 846... (91 раз), *докторове* 1416, 394, *докторове* 93, *докторове* 55; *докторы* 50, 87, *докторы* 856 и *докторы* 546 (в последнем случае вария, очевидно, не передает ударения);

3) семантизация ударения: РЦ 1771, Н. 1780, САР 1789, Г. 1799: *кара́сь*, -я, ср. Леч. о *кара́сь* 146, 996, И. мн. *кара́си* 996²⁵; Н. 1780: *камба́ла*, -ы (так! ср. выше о непоследовательности акцентовки формы Р. падежа), ср. САР 1789, Г. 1799: *ка́мбала*, -ы;

4) вторичное ударение на первом гласном сочетания *ау*: САР 1789: *га́убуца*, -ы (так!), ср. ПВ 1703—1705: *го́убицы* За И. мн., *го́убиць* За Р. мн. и т.п.; ПВ 1703, 1706: *це́йха́сь* 826 В. ед., *цехга́сь* 3586 М. ед., ср. РЦ 1771: *це́йггаус*.

Проявления вышеназванных тенденций в XVIII столетии еще не очень ярки. В дальнейшем их продуктивность непрерывно возрастает. В источниках XVIII в. нет еще надежных свидетельств на материале заимствований, в частности, таких явлений, как поляризация чисел у существительных ж.р. на -а (типа *тюрьма́* — мн. *тюрьмы́*), вторичное ударение на последнем слоге основы у названий национальностей и т.п. Новое ударение в указанных случаях документируется источниками XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русского языка XVIII века: Проект. Л., 1977. С. 130.

² Судьба "сил" прослеживается по переписке Петра I, инициатора введения гражданского шрифта, и И.А. Мусина-Пушкина, возглавлявшего Монастырский приказ, в ведении которого находился (с 1701 г.) Печатный двор. Будучи в походах, Петр I получал образцы новых изданий, письменно отмечал их недостатки и давал соответствующие распоряжения. 8 мая 1708 г. он приказал в книгах новой печати "ставить... силы так же, как и в прежней печати было" (Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. VII. Вып. 1. С. 159). По получении акцентуированных книг Римплера и Боргсдорфа Петр нашел, что печать в них "зело перед прежнею худа, не чиста и толста", и велел "посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежние, а именно против кумплементальной и слюзной..." (4 января 1709 г. — Там же. Т. IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 12). Таким образом, в качестве образцовых были отмечены книги, изданные еще без знаков ударения, — Приклады, како пишутся комплементы разные... (М., 1708) и Книга о способах, творящих водохождение рек свободное (М., 1708). В ответном письме И.А. Мусин-Пушкин, ссылаясь на мнение мастеров, сообщал, что "печать не такова чиста и глатка", в частности потому, что "ставлены акценты (или верхние силы)", и просил дальнейших указаний (16 января 1709 г. — Там же. Т. IX. Вып. 2. М., 1952, С. 542—543). В письме от 25 января 1709 г. последовало распоряжение Петра I впредь печатать без акцентных знаков (Там же. Т. IX. Вып. 1. С. 50).

³ См.: Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955, С. 74—76, 78—80, 82—83, 85—86.

⁴ Интересно, что в старопечатных Ведомостях за 1708—1711, 1713—1714 гг. (издававшихся там же) плотность акцентуации меняется в зависимости от употребления акцентных знаков в изданиях гражданской печати. Спиритус, однако, сохранялся (как не фигурирующий в указаниях царя). Таким образом, нововведения, касавшиеся гражданских книг новой печати, были своеобразно внедрены и в старопечатные издания нецерковного содержания.

- ⁵ *Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... СПб., 1748. С. 360 (примечание). Но акцентуацию омографов находим уже в издании 1734 г. "Немецкой грамматики..." М. Шванвица (СПб.; "вторым тиснением"). Известно, что в подготовке этого издания принимал участие В.Е. Адоуров (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. III. С. 373).
- ⁶ См.: *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке: (Доломоновский период отечественной русистики). М., 1975. С. 161; *Тредиаковский В.* Указ. соч. С. 234; *Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 61; [Барсов А.А.] Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании. М., 1768. С. 57—58.
- ⁷ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 207 (сноска).
- ⁸ [Курганов Н.Г.] Российская универсальная грамматика или всеобщее писмословие... СПб., 1769. С. 102.
- ⁹ *Барсов А.А.* Российская грамматика. М., 1981. С. 79. Время написания — 1783—1788 гг.
- ¹⁰ *Тредиаковский В.* Указ. соч., Посвящение и с. 3—5. Здесь и далее примеры из источников середины и конца XVIII в. цитируются в современной орфографии, в отличие от материала XVI — начала XVIII в., где сохраняются все особенности написания оригинала (издания).
- ¹¹ Перечень полных названий рассматриваемых далее источников приводится в конце работы.
- ¹² *Гельтергоф Ф.* Российской Целлариус или Этимологической российской лексикон... М., 1771. Л. 2 об. Отметим также, что в более ранних словарях того же автора, ориентированных на русских учащихся ("Немецкой Целлариус..." М., 1765, "Французской Целлариус..." М., 1769), акцентированы только омографы.
- ¹³ См.: *Тредиаковский В.* Указ. соч. С. 243—245.
- ¹⁴ Имеются также словари гражданской печати со сплошной акцентуацией словника, продолжающие традиции старопечатных лексиконов, ср. *Алексеев П.* Церковный словарь или истолкование речений словенских древних... М., 1773, Дополнение... М., 1776, 2-е изд. СПб., 1794.
- ¹⁵ *Барсов А.А.* Российская грамматика. С. 82.
- ¹⁶ См.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 161; [Барсов А.А.] Азбука... С. 57—58; *Он же.* Российская грамматика. С. 79; Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской Академиею. СПб., 1802. С. 37; *Тредиаковский В.* Указ. соч. С. 235—236; *Ломоносов М.* Указ. соч., С. 51, 61.
- ¹⁷ При цитировании Курантов указывается год, номер дела, номер листа, Петровских Ведомостей — год, страница и столбец (а — левый, б — правый) издания, прочих памятников XVI — начала XVIII в. — номер листа или страницы издания (буквой б обозначена оборотная сторона листа).
- ¹⁸ Отметим также зафиксированное в Курантах единичное *ка́зѣки* 1674, N 7, 145 б И.ми. с характерным для данного почерка (и ряда других) надстрочным знаком \wedge над предударной гласной.
- ¹⁹ Ср.: *Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 89—90.
- ²⁰ Таким образом, налицо сходство семантически обусловленного распределения ударения у неодносложных и односложных существительных мужского рода; о последних см. вышеназванную работу А.А. Зализняка, с. 78—80.
- ²¹ В других виденных нами экземплярах Г.1709 (Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) последняя форма исправлена подобно прочим: *ректѣлѣушь* 24.
- ²² Цит. по: *Сумкина А.И.* Письма П.В. Постникова (конец XVII — начало XVIII в.) // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 186.
- ²³ Цит. по: *Колесов В.В.* Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв.: (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972. Ч. I. С. 36.
- ²⁴ *Барсов А.А.* Российская грамматика. С. 124.
- ²⁵ Цит. по: *Колесов В.В.* Указ. соч. С. 41.

В отличие от материала, приводимого во второй части настоящей статьи, *карась* — общеславянское слово недостаточно ясного происхождения (см.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 9. С. 152; *Коломиец В.Т.* Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983. С. 127—130).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Г. 1709 — Приемы циркуля и линейки... М., 1709.
Г. 1799 — *Гейм И.* Новый российско-французско-немецкий словарь... М., 1799—1802. Ч. I-III.
К. 1670 — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. По изданию: Космография 1670. СПб., 1878—1881.
КМБ — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. — Гос. биб-ка СССР им. В.И. Ленина, ф. 152, N 2.
Куранты — Куранты (вести, вестовые письма), XVII в. — ЦГАДА, ф. 155, опись 1. Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. — ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Колобова, N 649.
Н. 1780 — *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь... СПб., 1780—1782. Ч. I—II.
Орфоэп. 1983 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.
П. 1701 — *Поликарпов Ф.* Краткое собрание имен по главизнам расположенное...// Поликарпов Ф. Букварь... М., 1701. Л. 80—121 второй пагинации.
П. 1704 — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный... М., 1704.
ПВ — Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1.
РЛ 1778 — *Гельтергоф Ф.* Российской лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом... М., 1778.
РЦ 1771 — *Гельтергоф Ф.* Российской Целлариус... М., 1771.
САР 1789 — Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794. Ч. I—VI.
САР 1806 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806—1822.
Сб. — Сборник, конец XVII или начало XVIII в. — ПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. XVII. 21.
СВРС — Словарь русского языка, сочиняемый Вольным Российским собранием при Императорском Московском университете: Буква А. [М., около 1776 г.] — По изд.: Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 316—326.
Тр. — Травник и лечебник, XVI-XVII вв. — Гос. биб-ка СССР им. В.И. Ленина, ф. 37, N 431.

К.К. БОГАТЫРЕВ

АКЦЕНТУАЦИЯ ПОМОРСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Источником материала для данной работы послужили следующие северолехитские диалекты: словинцкий, былякский, кашубский и переходный кочевский.

Как известно, в словинском и былякском диалектах у прилагательных различаются два акцентных типа: прилагательные типа 1 имеют постоянное ударение на фиксированном слоге основы, прилагательные типа 2 — конечное ударение при односложной основе, или предконечное, если основа содержит более одного слога. (Типу 1 соответствует аналогичный акцентный тип у существительных; тип

2 у существительных представлен подвижной схемой ударения). Кроме того, существует еще одно акцентологически обусловленное явление, заметное, хотя и в разной степени, во всех названных диалектах: праславянские долгие гласные имеют в них два типа рефлексов, называемых далее суженными и несуженными; первые отражают общеславянскую интонацию нового акута, вторые — все остальные сочетания просодических параметров (при этом следует, правда, учесть, что суженные гласные возникают, независимо от акцентуации, в так называемых перестроенных [новых закрытых] слогах перед звонкими согласными).

Ниже делается попытка проследить, в какой степени эти два акцентологически значимых параметра отражают праславянскую систему акцентных парадигм.

Далее без ссылки на источник приводится материал, взятый из следующих словарей: словинцкого (SW), кашубского (SGK), кочевского (SK), а также моравского (Bartoš), чакавского (Hraste) и словенского (Pleteršnik). Для словинцкого диалекта принята упрощенная транскрипция.

НЕПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Акцентная парадигма а

Основы с исходом на глухой согласный

1. Словинц. *sexi* 'тихий', былякск. *sexe* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *tichy* (при чеш. *tichy*), чак. *iħ*. ж.р. *iħa* (диалектный вариант *tihā*), ср. р. *iħo*, сербохорв. *mīx, mīxū*, а. п. а в ст.-сербском (Дыбо 1981 с. 88), а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус., укр. *mīxий*, см. также Дыбо 1981, с. 108. Словен. *iħ* (при форме женского рода *iħa*) явно вторично.

2. Словинц. *čisti* 'чистый', былякск. *čestē* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *čisty* (при чеш. *čisty*), чак. *čīst*, ж. р. *čīsta* (диалектный вариант *čīstā*), ср. р. *čīsto*, сербохорв. *čīst, čīstū*, а. п. а в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), словен. *čīst, čīsta*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *чīстый*, укр. *чīстий*.

3. Словинц. *lēsī* 'лысый', — словацк. *lysy* (при чеш. *lysy*), словен. *liša* (ж. р.) при форме мужского рода *liš*, рус. *лысый*, укр. *лісий*.

4. Словинц. *seīi* 'fett', — чак. *sīi*, ж. р. *sīta* (диалектный вариант *sītā*), ср. р. *sīto*, сербохорв. *sīt, sītū* словен. *sīt, sīta*, рус. *сытый*, укр. *сїтий*; неясно словацк. *sūty* (при чеш. *suty*). См. также Дыбо 1981, с. 117.

Основы с исходом на звонкий согласный

1. Словинц. *māli* 'маленький', кашуб. *maī*, вариант *māli*, — малопольск. *mały* (Kusała, с. 230), ср. также наречие *mało* (Kusała, с. 246), словацк. *malý* (но субстантивированное наречие *málo*), чеш. *malý* (субстантивированное наречие *málo*), моравск. *mały*, чак. *mōli*, сербохорв. *māo*, ж.р. *māla, mālū* (с новым циркумфлексом); а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *мáлый* (но укр. *малїий*).

2. Словинц. *mjīli* 'милый', — словацк. *milý*, чеш. *milý*, моравск.

milý, чак. *mīli*, а. п. а в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), ср. также сербохорв. *mīlo* (adv.); словен. *mīl, mīla*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *ми́лый*, укр. *ми́лий*.

3. Словинц. *právī* 'правый, dexter', кашуб. *pravi*, — малопольск. *pravā* (ж. р.) (Kusała), словацк. *pravý*, чеш. *pravý* (ср. также наречие *právě*), моравск. *práv*, сербохорв. *prāв*, ж. р. *prāва; prāви*, а. п. а в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88); а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *пра́вый* (но укр. *праві́ий*). Неясно чак. *prāvo* (adv.), словен. *prāv* (при членной форме *právī*). См. также Дыбо 1981, с. 108, 110, 123.

4. Словинц. *sěví* (вариант *seví*) 'серый', — словацк. *sivý* 'седой, серый', чеш. *sivý*, моравск. *sivý*, сербохорв. *сiва* (ж. р.) при явно вторичной форме мужского рода *сiв* (*сiв* в словаре Вука Караджича), словен. *siv, síva*, рус. *сiвый*, укр. *сiвий*; неясно чак. *sīv*, ж. р. *sīvá*, ср. р. *sīvo; sīvi*.

5. Словинц. *slabí* 'слабый', былякск. *slabé* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *slabi*, — словацк. *slabý*, чеш. *slabý*, сербохорв. *слаб*, *слаби*, словен. *slāb, slāba*, рус. *сла́бый* (но укр. *слабíий*). В чакавском ожидаемое *slāb*, ж. р. *slāba* отмечено наряду с диалектным вариантом *slōb*, ж. р. *slabā*, ср. р. *slābo*.

6. Словинц. *stārī* 'старый', кашуб. *stari* (вариант *stāri*) — словацк. *starý*, чеш. *stár, stárý*, моравск. *starý*, сербохорв. *стār* (при членной форме *стārū*), словен. *stār, ж. р. stāra*; а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *ста́рый* (но укр. *старíий*).

7. Словинц. *šarí* 'серый', былякск. *šaré* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *šari*, — словацк. *šerý*, чеш. *šerý*, словен. ж. р. *séra* (при форме мужского рода *sēr*), рус. *се́рый*, укр. *сiрий*.

8. Словинц. *zdróví* 'здоровый', кашуб. *zdrowi*, — словацк. *zdravý*, чеш. *zdráv, zdravý*, сербохорв. *здрāв*, ж. р. *здрāва; здрāви*, словен. *zdrāv, ж. р. zdráva*, рус. *здорóвый*, укр. *здорóвий*.

9. Словинц. *xīrī* 'хитрый', — словацк. *chytrý*, чеш. *chytrý*, моравск. *chytrý*, сербохорв. *хiтар*, ж. р. *хiтра; хiтрū*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *хи́трый*, укр. *хiтри́ий*.

10. Словинц. *jasní* 'ясный, светлый', кашуб. *jasni*, — словацк. *jasný* (при чеш. *jasný*), сербохорв. *јасан*, ж. р. *јасна, јаснū*, словен. *jasen, ж. р. jasna*, рус. *я́сный*, в украинском варьирование: *я́сний/ясни́й*. [Последние два примера малопоказательны].

Акцентная парадигма ь

Долготные корни

Основы с исходом на глухой

1. Словинц. *glūpī* 'глупый', — словацк. *hlúpu*, чеш. *hloupý* сербохорв. *глуп*, ж. р. *глупа; глупū*, а. п. ь с отклонениями в сторону а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *глу́пый*, укр. *глу́пий*, см. также Дыбо 1981, с. 108; неясно словен. *glūp*.

2. Словинц. *skōpī* 'geizig', кашуб. *skopi*, — малопольск. *skopy* (Kusała, с. 242), польск. *skopy*, словацк. *skúpu*, чеш. *skoupý*, сербохорв. *скуп*, ж. р. *скупа; скупū* 'дорогой, ценный', словен. *skōp*, ж. р. *skōpa*; неясно рус. *скупóй*, укр. *скупíий*.

Основы с исходом на звонкий

1. Словинц. *bjǎli* 'белый', кашуб. *b'ali*, — малопольск. *b'aju* (Кусажа, с. 49, 67), ж. р. *b'ajã* (idem, с. 56, 63), ср. р. *b'aje* (idem, с. 60), словацк. *biely*, чеш. *bílý*, моравск. *bítý*, а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), сербохорв. *bilo* (со вторичным сокращением), также *bijela*, *běl*, *bila*, ж. р. *bijela*; *bijeli*, словен. *bél*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *белый*, укр. *білий*.

2. Словинц. *čarni* 'черный', кашуб. *čarni*, — малопольск. *čarny* (Кусажа, с. 49, 166), словацк. *čierny*, сербохорв. *црн*, ж. р. *црна*; *црнi*, а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), словен. *črn*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *чёрный*, укр. *чорний*. Неясно чак. *čoran*, ж. р. *čornã*, ср. р. *čornã*.

3. Словинц. *mǒdri* 'мудрый', кашуб. *mǒdri*, — малопольск. *mǒdry* (Кусажа), польск. *mądry*, словацк. *múdry*, чеш. *moudrý*, моравск. *múdry*, сербохорв. *мудар*; *мудри*, а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *мудрый*, укр. *мудрий*.

4. Словинц. *nǎgli* 'срочный, горопливый, вспыльчивый', [ср. кашуб. *nagle/nagle* (adv.)], — малопольск. *nǎgu* (Кусажа), словацк. *náhly*, чеш. *náhlý*, моравск. *náhly*, сербохорв. *nǎga*, ж. р. *nǎga*; *nǎgli*, словен. *nágel*, ж. р. *nǎga*, рус. *наглый*, укр. *наглий* 'быстрый. внезапный'.

5. Словинц. *třézvi* 'трезвый', кашуб. *třézvi*, — словацк. *triezvy*, словен. *tréžav*, ж. р. *[tré]zva*, рус. *трезвый*, укр. *тверезий*.

Краткостные корни

1. Словинц. *dǒbri* 'хороший, добрый', — чак. *dǒbar*, ж. р. *dobrã*, ср. р. *dobrǒ*, сербохорв. *дǒбар*, ж. р. *дǒбра*; *дǒбри*, а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 81), словен. *dǒbǎr*, ж. р. *dǒbra*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), закрытое *ǒ* (с незначительными отклонениями) в памятниках и диалектах (Васильев 1929, с. 70—71; Стадникова 1984), рус. *добрый*, укр. *добрий*.

2. Словинц. *gǒli* 'голый', — чак. *gǒl*, ж. р. *golã*, ср. р. *golǒ*, сербохорв. *гǒл*, ж. р. *гǒла*; *гǒли*, словен. *gǒl*, ж. р. *gǒla*, а. п. б др.-русском (Зализняк 1985), закрытое *ǒ* в диалектах (Васильев 1929, с. 70, 71; Стадникова 1984), рус. *голый*, укр. *голий*.

3. Словинц. *xromi* 'хромой', — а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), словен. *hrǒm*, ж. р. *hrǒma*, а. п. б (с отклонениями в сторону а. п. *с*) в др.-русском (Зализняк 1985), закрытое *ǒ* в др.-русских памятниках (Васильев 1929, с. 70; Стадникова 1984) [но совр. рус. *хромой*, укр. *хромий*].

4. Словинц. *skori* 'проворный, быстрый', — а. п. б в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 88), в др.-русском — переход в а. п. *с* (Зализняк 1985), открытое *ǒ* (с отклонениями) в памятниках и диалектах (Стадникова 1984) [но ср. совр. рус. *скóрый*, укр. *скóрий*].

Акцентная парадигма с

Долготные корни

Основы с исходом на глухой

1. Словинц. *čqsti* 'частый', кашуб. *čqsti*, — польск. *częsty*, словацк. *častý*, чеш. *častý*, сербохорв. *čest*, ж. р. *česta*; *čestū* (вариант *čestū*), ср. также словен. диал. *čestō* (adv.), вариант *čęsto*, укр. *частий* (но рус. *частый*).

2. Словинц. *gqsti* 'густой', былякск. *gqsté* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *gqsti*, — малопольск. *gęsty* (Kusała, с. 46, 29), ср. также наречие *gęsto*, польск. *gęsty*, словацк. *hustý*, чеш. *hustý*, сербохорв. *gŭst*, ж. р. *gŭsta*; *gŭstū* (*gŭstī* в диалекте г. Дубровник), словен. *gŕst*, ж. р. *gŕsta*, рус. *густой*.

3. Словинц. *glęxi* 'глухой', былякск. *glęxé* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *hluchý*, чеш. *hluchý*, моравск. *hluchý*, сербохорв. *glŭh*, ж. р. *glŭha*; *glŭhū*, словен. *glŭh*, ж. р. *glŭha*.

4. Словинц. *kašī* 'с куцом, обрубленным хвостом', кашуб. *keši*, — польск. *kęsy* (Brückner), словацк. *kusy* 'неполный, скупой, отрывочный', чеш. *kusý*, сербохорв. *kŭs*, ж. р. *kŭsa*; *kŭsū*.

5. Словинц. *krqti* 'круглый, кривой', кашуб. *krqti*, — малопольск. *kręty* (Kusała), польск. *kręty* 'извилистый', словацк. *krutý* 'крутой, жестокий', чеш. *krutý* idem, сербохорв. *krŭt*, ж. р. *krŭta*; *krŭtū*, словен. *krŕt* 'heftig'.

6. Словинц. *pusti* 'пустой, пустынный', — словацк. *pustý*, чеш. *pustý*, сербохорв. *pŭst*, ж. р. *pŭsta*; *pŭstū*. а. п. с в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 89), словен. *pŭst*, ж. р. *pŭsta*; а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *пустой*, укр. *пустий*.

7. Словинц. *sęxi* 'сухой; скудный', былякск. *sęxé* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *suchý*, чеш. *suchý*, моравск. *suchý*, сербохорв. *sŭh*, *sŭha*; *sŭhū*, а. п. с в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 89), словен. *sŭh*, ж. р. *sŭha*. а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *сухой*, укр. *сухий*.

8. Словинц. *slepi* 'слепой', былякск. *slepé* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *slepi*, — малопольск. *ślepy*, ж. р. *slępà* (Kusała, с. 189, 68), словацк. *slепý*, чеш. *slепý*, моравск. *sl'epý*, сербохорв. *slŭjen*, ж. р. *slŭjēna*; *slŭjenū*, а. п. с в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 89), словен. *slēp*, *slēpa*, рус. *слепой*, укр. *сліпий*.

9. Словинц. *svqti* 'святой', былякск. *svqté* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *svqti* 'добродетельный', — малопольск. *święty* (Kusała), польск. *święty* 'святой, священный', словацк. *svätý*, чеш. *svatý*, сербохорв. *svēt*, ж. р. *svēta*; *svētū*, словен. *svēt*, ж. р. *svēta*, рус. *святой*, укр. *святий*.

10. Словинц. *tqpi* 'тупой; тупоумный, глупый', былякск. *tqpé* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *tqpi*, — малопольск. *tepi* (Kusała), польск. *tepi*, словацк. *turý*, чеш. *turý*, моравск. *turý*, сербохорв. *tŭn*, ж. р. *tŭna*; *tŭnū*, рус. *тупой*, укр. *тупий*; неясно словен. *tōp*, ж. р. *tōpa*.

11. Сюда же можно отнести субстантивированное прилагательное: словинц. *zloti* 'злотый, марка', былякск. *zloté* (Bronisch 1896,

с. 351), кашуб. *złoti*, — польск. *złoty*, словацк. *zlatý* ‘золотой’, чеш. *zlatý* idem, сербохорв. *złām* idem, словен. *zlāt*, ж. р. *zláta* idem, рус. *золотой*, укр. *золотий*.

Основы с исходом на звонкий

1. Словинц. *bladi* ‘бледный’, былякск. *bladé* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *bladi*, — малопольск. *blady* (Кусажа), словацк. *bledý*, чеш. *bledý*, моравск. *bl'edý*, сербохорв. *blūjed*, ж. р. *blūjeda*; *blūjedū*, словен. *blēd*, ж. р. *blēda*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985).

2. Словинц. *cali* ‘целый’, былякск. *calé* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *cañ*, — малопольск. *caчу* (Кусажа), словацк. *cely*, чеш. *cely*, моравск. *cely*, сербохорв. *цѣо* (<*cījel), ж. р. *цѣјела* (варианты *цѣо*, *цѣла*; *цѣо*, *цѣла*), а. п. с в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 89), словен. *сѣл*, ж. р. *сѣла*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985) [но совр. рус. *цѣлый*, укр. *цѣлий*].

3. Словинц. *cēzi* ‘чужой’, былякск. *cēzē* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *cudzý*, чеш. *cizý*, сербохорв. *тѣѣ*, ж. р. *тѣѣа*; *тѣѣū*, словен. *tūj*, ж. р. *tūja*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *чужой*, укр. *чужий*.

4. Словинц. *čvardi* ‘твердый’, былякск. *čvardé* (Bronisch 1896, с. 351), — малопольск. *tfardā* (ж. р.), ср. также наречие *tfardo* (Кусажа), словацк. *tvrdý*, моравск. *tvrdý*, сербохорв. *тврѣд*; *тврѣдū*, словен. *tvrd*, ж. р. *tvrda* (вариант *tfd*, ж. р. *tfdā*), а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), укр. *твердый* (но рус. *твёрдый*), см. также Дыбо 1981, с. 109.

5. Словинц. *drēg* ‘другой’, — словацк. *druhý* ‘второй’, чеш. *druhý* idem, словен. *drāg*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985); неясно сербохорв. *дрѣгū*.

6. Словинц. *drog* ‘дорогой’, — словацк. *drahý*, чеш. *drahý*, сербохорв. *дрѣг*, ж. р. *дрѣга*; *дрѣгū*, словен. *drāg*, *drāga*; а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *дорогой*, укр. *дорогий*.

7. Словинц. *zēvi* ‘дикий’, былякск. *dzēvē* (Bronisch 1896, с. 351). — словацк. *divý*, чеш. *divý*.

8. Словинц. *gnili* ‘гнилой’, — словацк. *hnily*, моравск. *hnily*, сербохорв. *гнѣо* (вариант *гнѣл*), ж. р. *гнѣла*; *гнѣлū* (*gnīlī* в диалекте г. Дубровник), словен. *gnīl*, ж. р. *gnīla*, рус. *гнилой*, укр. *гнилий*.

9. Словинц. *xudi* ‘худой, слабый, вялый’, былякск. *xudé* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *chudý*, чеш. *chudý*, моравск. *chudý*, сербохорв. *хѣд*, ж. р. *хѣда*; *хѣдū*, словен. *hūd*, ж. р. *hūda*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *худой*, укр. *худий*.

10. Словинц. *jari* ‘свежий, бодрый’, кашуб. *jari*, — малопольск. *iare* (ср. р.) ‘яровой’ (Кусажа), словацк. *jarý*, сербохорв. *јѣр*, (форма женского рода *јѣра* по-видимому вторична); *јѣрū* ‘яровой’, словен. *јѣр*, ж. р. *јѣра* ‘яровой’; неясно рус. *ярый*, укр. *ярый*.

11. Словинц. *krēvi* ‘кривой’, былякск. *krēvē* (Bronisch 1896, 351), — словацк. *křivý*, чеш. *křivý*, моравск. *křivý*, сербохорв. *крѣва*, ж. р. *крѣва*; *крѣвū*, словен. *křiv*, ж. р. *křiva*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985; Дыбо 1981, с. 109), рус. *кривой*, укр. *кривий*.

12. Словинц. *pag* ‘голый, нагой’, кашуб. *pag*, — малопольск.

nag'i (Кусаґа), словацк. *nahý*, чеш. *nahý*, сербохорв. *nâg*, ж. р. *nâga*; *nâgû*, а. п. с в ст.-сербском (Дыбо 1981, с. 89), словен. *nâg*, р. *nâga*, рус. *наго́й*, укр. *нагі́й*.

13. Словинц. *ñemi* 'немой', кашуб. *ñemi*, — малопольск. *ñemy* (Кусаґа), словацк. *netý*, чеш. *nětý*, сербохорв. *ñijem*, ж. р. *ñijema* (вариант *ñem*, ж. р. *ñema*); *ñijemû* (вариант *ñemû*), словен. *ñet*, ж. р. *ñeta*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *немо́й*.

14. Словинц. *šadi* 'шершавый, хриплый', былякск. *šadě* (Bronisch 1896, с. 351), кашуб. *šadi* 'взъерошенный', — словацк. *šedý* 'серый, сизый', чеш. *šedý* idem. сербохорв. *šijed*, ж. р. *šijeda*; *šijedû*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *седо́й*.

15. Словинц. *taġ'i* 'крепкий, дельный, жесткий', кашуб. *taġ'i*, — польск. *taġi* 'полный', словацк. *tuhy* 'твердый, крепкий', чеш. *tuhy* 'жесткий, твердый', моравск. *tuhy*, словен. *tôg*, ж. р. *tôga* 'жесткий, тугой', а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *туго́й*, укр. *тугі́й*.

16. Словинц. *živi* 'живой', былякск. *živě* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *živý*, чеш. *živý*, моравск. *živý*, сербохорв. *živъ*, ж. р. *živъa*; *živû*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *живо́й*, укр. *живи́й*.

В одном случае в корне представлен суженный гласный: словинц. *žirzi* 'смелый' (с аномальным развитием **ʁ* > *ir* [вместо *ar*]), — словацк. *drzy*, словен. *drž*, ж. р. *drža*.

Краткостный корень

Словинц. *bósi* 'босой', — сербохорв. *bôc*, ж. р. *bôca*; *bôcû*, словен. *bôc*, ж. р. *bôsa*, а. п. с в др.-русском (Зализняк 1985), о открытое в памятниках и диалектах (Васильев 1929, с. 43, 44; Стадникова 1984), рус. *босо́й* (но укр. *боси́й*).

Итак, прилагательные а. п. а с основой, оканчивающейся на глухой согласный, всегда имеют несуженные корневые гласные, а основы с исходом на звонкий согласный — как суженные, так и несуженные. В словинцком диалекте формы с несуженными гласными в корне могут иметь как корневое, так и конечное ударение, формы с суженными гласными — только корневое.

У прилагательных а. п. б с долготными корнями корневой гласный всегда представлен суженным рефлексом, ударение в словинцком всегда корневое; у краткостных корней — как корневое, так и конечное.

Для а. п. с (долготные корни) в словинцком обычно ударение на окончании при несуженном корневом гласном (исключение *dirzi*), единственный краткостный корень (*bósi*) имеет корневое ударение.

В былякском диалекте наибольшее количество конечноударных форм (16) отмечено для а. п. с, для а. п. а — 4, для а. п. б — ни одной.

Отражение в поморском акцентных парадигм б и с не требует специальных объяснений. Непонятны колебания в отражении корневого гласного у прилагательных а. п. а (они наблюдаются только у основ с исходом на звонкий согласный). Напомним, что в членной форме у имен а.п. а и б равно ожидается ударение на корне (Hartmann 1936), причем для а. п. а — акутовое, а для а. п. б — новоакутовое

(*il'xъjъ, bĕl'ъjъ, čĕst'ъjъ*). В нечленных формах для а. п. а реконструируется акутовое ударение на корне (*il'xъ, il'xa, il'xo*), для а. п. б — новоакутовое ударение на корне в форме N. Sg. мужского рода и конечное — для N. Sg. женского и среднего рода (*bĕl'ъ, bĕl'á, bĕl'ô*); для а. п. с — конечное ударение в форме N. Sg. женского рода и фразовая безударность (славянский циркумфлекс) — для мужского и среднего (*čĕst'ъ, čĕst'á, čĕst'ô*). Таким образом, если возводить поморские прилагательные с суженным корневым гласным к членным формам (что наиболее естественно), то позиция удлинения отсутствует: за корнем следует редуцированный гласный в сильной позиции или гласный полного образования, а если предположить, что вокализм поморских прилагательных отражает акцентуацию славянских кратких форм, то остается неясным, почему колебания наблюдаются только у имен а. п. а, — так как формы с перестроенным корневым слогом (N. Sg. мужского рода) одинаково представлены во всех трех акцентных парадигмах.

ДЕНОМИНАТИВЫ

Зависимость акцентно-обусловленных характеристик отыменных производных от акцентного статуса производящей основы в некоторых поморских диалектах можно заметить для двух суффиксов: "плюсового" *-ъj- и "минусового" *-ьл-. Материал словинцкого и кашубского диалектов детально исследован в монографии В.А. Дыбо (Дыбо 1981, с. 168—170 и табл. 61). Установлено, что производные от имен а. п. а и а. п. б имеют накоренное ударение, а производные от имен а. п. с — конечное. [При этом для производных от имен а. п. а в праславянском реконструируется неподвижное акутовое ударение на основе (*bǫb-ъj-ъ, *bǫb-ъj-а, *bǫb-ъj-е), для производных от имен а. п. б — неподвижное новоакутовое ударение на основе (*bŭč-ъj-ъ, *bŭč-ъj-а, *bŭč-ъj-е), для производных от а. п. с — тип со вторичной подвижностью (*gŭs-ъj-ъ, *gŭs-ъj-á, *gŭs-ъj-é)]; Ситуация в классе производных с суф. *-ьл- оказывается гораздо более запутанной. Следы старого распределения можно заметить лишь у деноминативов: с производящей основой, оканчивающейся на глухой согласный.

Производные от имен акцентной парадигмы а

Основы с исходом на глухой

1. Словинц. *lĕtni* 'теплый, тепловатый'; кашуб. *letni*, — **lĕto*, а. п. а: словинц. *lato*, L. Sg. *lĕcĕ* 'лето'; во мн. и дв. числе также 'годы', кашуб. *lato*, — малопольск. L. Sg. *v lece* (Кусаля), великопольск. *lato* (Кульбакин 1903, с. 14), словацк. *leto*, чеш. *lĕto* (но моравск. *l'eto*), чак. *lto*, сербохорв. *lĕto*, словен. *lĕto*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *лѣто*, укр. *лѣто*. См. также Иллич-Свитыч 1963, с. 150 (и-е. акцентные соответствия).

2. Словинц. *pjĕrsni* 'грудной', кашуб. *pĕrsni* 'грудной (о младенце)', — <**pŕrsъ*, а. п. а: словинц. *pjĕrsĕ* [*pjĕr*]sĭ, I. Pl. [*pjĕr*]smĭ (pl. tantum) 'грудь', былякск. G. Pl. *pĕrsi* (Bronisch 1896, с. 349), кашуб. *pĕrs*,

[pěrs]ě (ě обозначает особую реализацию несуженного /e/ перед /r/), кочевск. *pěrs*, [pěrs]i. — словацк. *prsia* (pl. tantum), чак. *pārsi*, сербохорв. *přsi*, словен. *přsi*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985). См. также Дыбо 1981, с. 23 (балтийские акцентные соответствия).

3. Словинц. *řepni* 'die Rüben betreffend' — <**řępa*, а. п. а: словинц. *řępa*, I. Sg. *řęp* 'репа', кашуб. *řępa*, — великопольск. *żępa* (Кульбакин 1903, с. 14), словацк. *repa*, чеш. *řpa*, моравск. *řępa*, чак. *řpa*, сербохорв. *pęna*, словен. *řępa*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *pęna*, укр. *pіna*.

4. Словинц. *šętni* 'recht fett', — <**šęťь*, *šęťa*, *šęťo*, а. п. а: словинц. *šęti* 'fett', — чак. *šit*, ж. р. *šita* (диалектный вариант *šitā*), ср. р. *šito*, сербохорв. *šit*, *šiti*, словен. *šit*, *šita*, рус. *сытый*, укр. *сумий*; неясно словацк. *šytu* (при чеш. *syty*). См. также Дыбо 1981, с. 117.

5. Словинц. *vјętřni* 'ветренный', кашуб. *vętřni*, — <**vętřь*, а. п. а: словинц. *vјätęr*, [vјätřu], L. Sg. *vјętřę* [в PW приведена конечноударная форма L. Pl. *vјętřęx*, что противоречит как SW, так и "Словинцкой грамматике": ср. Lorentz 1903, с. 137] 'ветер', былякск. *väter*, G. Pl. *väterof* (Bronisch 1896, с. 349), кашуб. *vater*, — великопольск. *vatr*, *vatra* (Кульбакин 1903, с. 14), чак. *vitar*, *vitra*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), а. п. а или б в восточноболгарском (Дыбо 1973); в словацк. *vietor* (при чеш. *vitr*, моравск. *vętr*), а чак. (Нови) G. Sg. *vętra* при N. Sg. *vętār* (Белич 1909, с. 212), в словен. *vętęr* по-видимому вторичное удлинение. См. также van Wijk 1922, с. 14.

6. Словинц. *žętni* 'das Korn betreffend', — <**žęťo*, а. п. а: словинц. *žęto*, [žę]ta 'зерно, рожь', — словацк. *žito* (при чеш. *žito*), чак. *žito* 'овес', сербохорв. *žitо* 'зерновой хлеб, пшеница', словен. *žitо* 'зерно, рожь', а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985, а также 1979, с. 71), рус., укр. *жу́то*.

Основы с исходом на звонкий

1. Словинц. *čudni* 'чудесный', — <**čędo*, а. п. а: словацк. *čudo*, чак. *čędo* (adv.), сербохорв. *čudo*, словен. *čędo* (-es-основа), неподвижный акцентный тип (с рядом вторичных отклонений) в восточноболгарском (Дыбо 1973, с. 196—197), а. п. а (с переходом в а. п. е) в др.-русском (Зализняк 1985). См. также Дыбо 1981, с. 74, 91 (акцентуация производных на -ьл- в др.-русском и ср.-болгарском).

2. Словинц. *tјętřni* 'мерный, предназначенный для измерения; небольшой, умеренных размеров', — <**męra*, а. п. а: словинц. *tјјara* 'мера', кашуб. *tјara* — малопольск. *tјara* (Кусажа), великопольск. *tјara* (Кульбакин 1903, с. 14), сербохорв. *męra*, словен. *tјęra*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *męра*, укр. *mјra*; неясно словацк. *tјera*, моравск. *tјra* (при чеш. *tјra*).

3. Словинц. *mřozni* 'морозный', кашуб. *mrozni*, — <**mřorzь*, а. п. а: словинц. *mřarz*, *mřarzu*, L. Sg. *mřarzu* (вариант *mřoz*, *mřozu*, L. Sg. *mrozę*) 'мороз', былякск. L. Sg. *mrozę* (Bronisch 1896, с. 347), кашуб. *mřoz*, *mrozę*, кочевск. *mřoz*, *mrozę*, — польск. *mřoz*, *mroza*, чеш. *mřaz*, моравск. *mřaz*, в.-луж. *mřoz*, *mřoza* (см. Дыбо 1963, с. 68), чак. *mřdz*, *mřāza*, сербохорв. *mřāz*, *mřāza*, словен. *mřaz*, *mřāza*,

а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *морóз*, См. также van Wijk 1922, с. 26.

4. Словинц. *vjěrní* 'верный; верующий', кашуб. *věrní*, — <**věra*, а. п. а: словинц. *vjára*, [vjá]rě, D.—L. Sg. *vjěřě* 'вера', кашуб. *vara*, [var]ě, — чак. *vra*, сербохорв. *věpa*, а. п. а в др.-русском (Зализняк 1985); неясно словацк. *viera* 'вера' (но ср. словацк. диал. *vera* 'помолвка' [Kálat]) при чеш. *vira*, моравск. *vira*.

5. Словинц. *žilni* 'die Adern betreffend' <**žila*, а. п. а: словинц. *žěla*, [žě]lě, G. Pl. *žil* 'жила, вена', — словацк. *žila*, чеш. *žila*, моравск. *žila*, чак. *žila*, сербохорв. *жи́ла*, данные восточноболгарских памятников указывают на а. п. а или з (Дыбо 1973), а. п. з в др.-русском (Зализняк 1985), рус., укр. *жи́ла*.

В двух случаях находим несуженный гласный в корне:

1. Словинц. *xmélni* 'den Hopfen betreffend' <**xmělъ*, а. п. а: словинц. *xmjél*, *xmjělu*, L. Sg. *xmjelú* 'хмель, *humulus lupulus*' (но кашуб. *xmél*, [xměl]u, кочевск. *xmínel*, [xmínel]u), — словацк. *chmel'*, чеш. *chmel*, словен. *hmelj*, *hmélja*. Суженный гласный в кашубском и кочевском согласуется с малопольск. *xmyl*, *xmylu*, вариант *myl*, *mylu* (Kusała). Неясно сербохорв. *хмѣль*, *хмѣља*.

2. Словинц. *rāni* 'утренний; ранний; своевременный', кашуб. *reni*, — <**rāno*(o), а. п. а: словинц. *rāno* 'утро', — малопольск. *rano* (Kusała), ср. также акцентуацию прилагательных и наречий: чак. *rāno*, сербохорв. *ра́но* (adv.), рус., укр. *ра́но* (adv.), неясно словацк. *rāno* (при чеш. *rāno*).

Производные от имен акцентной парадигмы б (долготные корни)

Основы с исходом на глухой

1. Словинц. *mlěčni* 'молочный', кашуб. *mlěčni*, — <**melkó*, а. п. б: словинц. *mlěko* 'молоко', кашуб. *mlěko*, вариант *mělko*, кочевск. *mlěko*, — малопольск. *mlykno* (Kusała), великопольск. *mliko* (Кульбакин 1903, с. 48), словацк. *mlieko*, чеш. *mlěko*, в.-луж. *mlóko* (Дыбо 1963, с. 67), чак. *mlíkǎ*, сербохорв. *млѐко*, словен. *mlěko*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус., укр. *молоко́*.

2. Словинц. *mǒčni* 'мучной', кашуб. *mǒčni*, — <**mǒka*, A. Sg. *mokǒ*, а. п. б: словинц. *mǒka*, I. Sg. *mǒkǒ* 'мука, farina', былякск. I. Sg. *mǒkó* (Bronisch 1896, с. 349), — малопольск. *mǒka* (Kusała), словацк. *múka*, чеш. *mouka*, моравск. *mouka*, чак. *mūkǎ*; (Нови) *mūkǎ*, [A. Sg. *mūkǎ*] (Белич 1909, с. 228), сербохорв. *му́ка*, A. Sg. *му́ку*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *мука́*, A. Sg. *муку́*, укр. *мука́*.

3. Словинц. *páršni* 'истлевший, изъеденный червями', — <**pǒrхъ*, <**pǒrхъ* а. п. б: словинц. *pǒrх*, [pǒr]хú 'мусор; мука; порошно' (но также *parх*; [pár]хú, без указаний на подвижный акцент; кашуб. *parх* 'пороша'; в обоих случаях возможна контаминация с **pǒrхъ*, а. п. з для этого слова реконструируется и.-е. баритонированная парадигма (Иллич-Свитыч 1963, с. 117) и, следовательно, ожидается а. п. б, однако словен. *pǒh* 'пыль, труха' указывает на а. п. з.

4. Словинц. *přečnī* 'упрямый; поперечный', кашуб. *přečni*, — < **pérkь* < < **perkь*, а. п. *б*: словинц. *prěkq* 'поперек' (adv.), — очевидно, застывшая форма I. Sg. существительного **perkь*, не засвидетельствованного в поморских диалектах, — словацк. *priek* 'противодействие', чеш. *přík* 'сопротивление, несправедливость'; ср. также акцентуацию глагола **perčiti*: словинц. *přečis* (sq) 'возражать, перечить', 1 л. ед. ч. *přečq*, кашуб. *přečes*, 3 л. ед. ч. *přeči*, — словацк. *priečiť sa* 'вызывать отвращение; противоречить', чеш. *příčiti se* 'противоречить, сопротивляться'. ст.-хорв. *Prūчим, Запрūчим* (Гр., с. 245), сербохорв. *прéчити, прéчим*; неясно рус. *перéчу, перéчишь, перéчить*.

5. Словинц. *řečnī* 'речной', кашуб. *řečni*, — < **řekā*, А. Sg. *řekq*, а. п. *б*: словинц. *řeka* [в G. Sg. отмечен вариант с несущим корневым гласным: *řeki/řeki*], I. Sg. *řekó*, — малопольск. *Żyka* (Кусаля), великопольск. *Żyka* (Кульбакин 1903, с. 14, 108), словацк. *riecka*, чак. *řkā*, а. п. *б* с отклонениями в сторону а. п. *с* в др.-русском (Зализняк 1985). См. также Дыбо 1973; 1981, с. 156.

6. Словинц. *slīčnī* 'красивый, изящный': если возводить это слово к славянскому **licē* (Machek, с. 453), то суженный корневой гласный закономерен, ср. также словацк. *líčny* (Káľal); однако чак. *slīka* 'картинка', сербохорв. *slīka* idem указывают на а. п. *а* (здесь можно предположить вторичные изменения акцентуации под влиянием префикса).

7. Словинц. *smjěšnī* 'смешной' (вариант *smješni*), кашуб. *smiešni*, — < **směxь* < **směxь* [возможна также альтернативная реконструкция а. п. *с* **směxь*]: словинц. *smjěx*, былякск. [smjěx], L. Pl. *smjěxi* (Bronisch 1896, с. 347), кашуб. *smjěx*, кочевск. *šmjěx*, — великопольск. *śmiech* (Кульбакин 1903), словацк. *smiech*, чеш. *smích*, моравск. *smích*, чак. *smīch, smīhā*. В ряде языков однако — рефлексы а. п. *с*: сербохорв. *смѣх, смѣха*, словен. *smêx*; в др.-русском преобладает а. п. *с*, но изредка встречается и а. п. *б* (Зализняк 1985).

8. Словинц. *vjěřxni* 'верхний', кашуб. *věřxni*, — < **vьrхь* < **vьrхь*, а. п. *б*: словинц. *vjěřx*, [vjěřx] 'верх', кашуб. *věřx*, [věřx]u; в кочевском диалекте варьирование: *věřx*, [věřx]u, но отмечена также форма *Na věřxu*, — моравск. *vřch* (также *vrch*) 'гора', чак. *vřh* (диалектные варианты *vārĥ, vōrĥ*), *vrĥā* (вариант *vōrĥā*); (Нови) *vřh*, *vrĥā* (Белич 1909, с. 214), сербохорв. *врѣх, врѣха*, а. п. *б* в др.-русском (Зализняк 1985); вторично словацк. *vrch*, словен. *vřh, vrĥa/vrĥā*; (старая *u*-основа). См. Иллич-Свитыч 1963, с. 145—146; Дыбо 1981, с. 21 (балтийские, и.-е. акцентные соответствия).

Основы с исходом на звонкий

1. Словинц. *sqđnī* 'судебный, связанный с судом', — < **sqđь* < **sqđь*, а. п. *б*: словинц. *sqđ*, [sqđ]u 'суд', кашуб. *sqđ*, [sqđ]u, — малопольск. *sqđ*, *sqđu* (Кусаля), польск. *sqđ*, *sqđu*, словацк. *súd*, чеш. *soud*, моравск. *soud*, чак. *sūd, sūdā*; (Нови) *súd, sūdā* (Белич 1909, с. 214), сербохорв. *суд, суда*, словен. *sqđ*, а. п. *б* в др.-русском, а. п. *б* или *а* в восточноболгарском (Дыбо 1973). См. Дыбо 1981, с. 79 (акцентуация производного на *-л-), а также van Wijk 1922, с. 12.

2. Словинц. *střěbřni* 'серебрянный', кашуб. *srěbřni*, — <*serbró/*srbrbró*, а. п. б: словинц. *střěbro* 'серебро', кашуб. *srěbro* (варианты *srěbło, střěbro, střěbřo* etc), — словацк. *striebro*, чеш. *střlbro*, в.-луж. *slěbro* (Дыбо 1963, с. 67), чак. *srebrǒ*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *серебрó*, укр. *серебрó, срібло́* (вариант *срібло*); неясно словен. *srebrō*.

3. Словинц. *střódni* 'die Heerde betreffend', — <*čerdá, А. Sg. *čerdǒ*, а. п. б: словинц. *střóda* 'стадо' [в G. Sg. отмечен вариант с несуженным корневым гласным: *střóde|střóde*], I. Sg. *střodǒ* — суженный корневой гласный в ряде лехитских диалектов (Арефьев 1979, с. 42), словацк. *črieda*, чеш. *třída*, в.-луж. *črjóda* (см. Дыбо 1963, с. 67), сербохорв. *чрѣда*, А. Sg. *чрѣду*, а. п. б в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *череда́*, *чере́ду*, укр. *череда́*; неясно польск. *trzoda*, чак. (Нови) *črědǎ*, А. Sg. *črědu* (Белич 1909, с. 238). См. также Иллич-Свитыч 1963, с. 106—107.

4. Словинц. *trǔdni* 'трудный, тяжелый' — <*trúds<*trudǔ: словинц. *trúd, trǔdǔ* 'труд', — чак. *trūd, trūdǎ*: (Нови) *trúd, trūdǎ* (Белич 1909, с. 214), сербохорв. *трѹд, трѹда*. а.п. б в др.-русском (Зализняк 1985): а.п. б или а в восточноболгарском (Дыбо 1977, с. 233; Дыбо 1973); неясно словацк. *trud*, чеш. *trud*, моравск. *trud*, словен. *trúd*.

5. Словинц. *vǔdni* 'бедренный' — <*úds<*udǔ, а.п. б: словинц. *vúd, vǔda* 'бедро', былякск. *út*, G. Pl. *úďǒf* (Bronisch 1896, с. 348), — словацк. *úd*, чеш. *úd*, словен. *úd*. Неясно сербохорв. *ýd, ýda*: в др.-русском — а.п. а наряду с а.п. с (Зализняк 1985), что возможно объясняется церковнославянским происхождением этого слова.

Производные от имен акцентной парадигмы с

Основы с исходом на глухой

Долготные корни

1. Словинц. *lésni* (субстантивированное прилагательное) 'лесничий', кашуб. *lesni* 'лесной', — *lěsz, а.п. с; словинц. *las*, [lǎ]sa. L. Sg. *lěsē*, G. Pl. *lasǒv*. I. Pl. [la]smí, L. Pl. *lesěx* 'лес', кашуб. *las*, L. Sg. *v lasu/v lese*, — малопольск. *las* (Кусажа), великопольск. *las* (Кульбакин 1903, с. 14), словацк. *les*, чеш. *les*, сербохорв. *лѣс, лѣса*, словен. *lēs, lesǎ|lesǔ*, а.п. с в др.-русском (Зализняк 1985).

2. Словинц. *pársnǎ* (ж.р.) 'супоросая (о свинье)', кашуб. *prosnǎ*, — <*pǒrsę, а.п. с: словинц. *pársq*, кашуб. *parsq/prosq*, польск. *prosię*, словацк. *prasa*, чеш. *prasy*, сербохорв. *прѣсе*, словен. *prasē* (вариант *prase*) [см. Дыбо 1981, с. 143].

3. Словинц. *pjǎtni* 'die Fersen betreffend', — <*pęta, А. Sg. *pętu*, а.п. с: словинц.: *pjǎta*, [pjǎ]tǎ, I. Sg. *pjǎtǒ* 'пятка', кашуб. *pǎta*, [pǎ]tǎ, — польск. *pięta*, словацк. *pǎta*, чеш. *pata*, чак. *pęitǎ*, А. Sg. *pętu*, а.п. с (наряду с а.п. б) в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *пята́* (но А. Sg. *пята́*), укр. *п'ятá*.

4. Словинц. *vúšni* 'ушной', — <*úxo, а.п. с: словинц. *vúxo*, L. Sg. *vuxú*, G. Du. *vušú* 'ухо', былякск. L. Sg. *vuxú* (Bronisch 1896, с. 348), — словацк. *ucho*, чеш. *ucho*, словен. *uhǒ*, [uš]ésa, а.п. с в восточноболгарском, старохорватском (Дыбо 1981, с. 37) и др.-русском (Дыбо 1981, там же; Зализняк 1985), рус. *ýхо*, укр. *ýхо, вухó*; неясно чак. *ùho*, сербохорв. *Ухо*.

Краткостные корни

1. Словинц. *kórnī* 'шестидесятый', — <**korá*, A. Sg. *kòpǝ*: словинц. *kópa*, [kób]pě, I. Sg. *korǝ* 'копа, шесть десятков', — а.п. е в др.-русском (Зализняк 1985), укр. *kopá* [неясно чак. *kòpa*].

2. Словинц. *kósinī* 'den Knochen betreffend', — <**kòstь*: словинц. *kosc*, [kós]cě, G. Pl. *kosci*, I. Pl. [ko]scmí, былякск. G. Pl. *kosci* (Bronisch 1896, с. 349), — сербохорв. *kòst*, *kòsti*, словен. *kòst*, [kós]tí, а.п. е в др.-русском (Зализняк 1985), открытое э в памятниках и диалектах (Стадникова 1984).

3. Словинц. *nócnī* (вариант *nocnī*) 'ночной', — <**nòчь*: словинц. *nos*, [nó]cě, G. Pl. *nosí*, I. Pl. [no]cmí 'ночь', былякск. G. Pl. *nosí* (Bronisch 1896, с. 349), — чак. *nòc*, *nòci*, сербохорв. *nòh*, *nòhi*, словен. *nòc*, *nocí*, подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1973), а.п. е в др.-русском (Зализняк 1985), открытое э в памятниках и диалектах (Стадникова 1984).

4. Словинц. *vócnī* 'die Augen betreffend', — <**òko*: словинц. *voko*, L. Sg. *vokú*, G. Du. *vočú* 'глаз', былякск. L. Sg. *vokú* (Bronisch 1896, с. 348), — чак. *òko*, сербохорв. *òko*, *òka*, словен. *okò*, N. Pl. *očèsa*, а.п. е в старохорватском (Дыбо 1981, с. 37) и др.-русском (Дыбо 1981, там же; Зализняк 1985), рус. *òko*, укр. *òko*, *òko*, открытое э в памятниках и диалектах (Стадникова 1984).

Основы с исходом на звонкий

Долготные корни

1. Словинц. *dřévnī* 'den Baum, das Holz betreffend', — <**děrvno*, а.п. е: словинц. *dřévo*, D. Pl. *dřevóm* 'дерево', кашуб. *dřévo*, — малопольск. *żřévo* (Кусаца), польск. *drzewo*, словацк. *drevo*, чеш. *dřévo*, моравск. *dřévo*, в.-луж. *drjevo* (Дыбо 1963, с. 70), чак. *dřivo* (диалектный вариант *dārvo*), сербохорв. *дрéво*, словен. *drěvò*, [drev]ěsa, подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1973), а.п. е в др.-русском (Зализняк 1985), рус., укр. *дéрево*.

2. Словинц. *glóvni* 'главный', — <**golvá*, A. Sg. *golvǝ*, а.п. с: словинц. *glóva*, I. Sg. *glovǝ*, 'голова', былякск. I. Sg. *glolvǝ* (Bronisch 1896, с. 349), кашуб. *glóva*, кочевск. *glóva*, — польск. *glowa*, словацк. *hlava*, чеш. *hlava*, моравск. *hlava*, в.-луж. *hłowa* (см. Дыбо 1963, с. 70), чак. (Нови) *glāvǝ*, [A. Sg. *glāvu*] (Белич 1909, с. 228), сербохорв. *gláva*, A. Sg. *glāvu*, словен. *gláva*, *gláve*/*glavě*, а.п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус., укр. *голова*, A. Sg. *го́лову*.

3. Словинц. *pjívni* 'das Bier betreffend', <**pívo*, а.п. с (но в словинцком — суженный корневой гласный): словинц. *pjivo*, [pjí]va 'пиво', — словацк. *pivo*, чеш. *pivo*, чак. *pívo* 'напиток', сербохорв. *núvo*, а.п. с в др.-русском (Зализняк 1985), рус. укр. *núvo* (но словен. *pívo*); см. также Дыбо 1981, с. 152 [акцентуация производных на *-ьс(e)].

4. Словинц. *slédni* 'последний', кашуб. *slédni*, — для существительного **slědъ* можно предположить а.п. б с ранним переходом в а.п. с: словацк. *sled* 'последовательность', чеш. *sled* idem, сербохорв. *slěd*, словен. *slěd*, *slěda*/*slědū*, а.п. с в ср.-болгарском (Дыбо 1973) и др.-

русском (Зализняк 1985); ср., однако, акцентуацию глагола **slěditi*: словинц. *slezěc* 'выслеживать', 1 л. ед. ч. *slězq*, словацк. *sliedit'*, чеш. *slíditi*, ст.-хорв. *Slûdim*, *Poslûdim* (Гр., с. 224); но словен. *slęditi*, *slędfm*.

5. Словинц. *vjîdni*, 'светлый', — для существительного **vîdъ* предполагается а.п. *с*, но в словинцком — суженный гласный в корне: словинц. *vjîd*, *vjîdu* 'свет', былякск. [*viđ*], G. Pl. *viđof* (Bronisch 1896, с. 348) [подвижный акцент при суженном корневом гласном], — чак. *vîd*, сербохорв. *vîd*, *vîda*, словен. *vîd*, подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1973), а.п. *с* в др.-русском (Зализняк 1985); [старая и-основа]. См. также van Wijk 1922, с. 12.

6. Словинц. *živni* 'кормящий, дающий пропитание', — <**zlvъ*, *živъ*, *zlvо*, а.п. *с*; словинц. *žëvi* 'живой', былякск. *žëvé* (Bronisch 1896, с. 351), — словацк. *živý*, чеш. *živý*, моравск. *živý*, сербохорв. *жив*, ж.р. *жива*; *живи*, а.п. *с* в др.-русском (Зализняк 1985), рус. *живой*, укр. *живий*.

Краткостные корни

1. Словинц. *dôlni* 'нижний', — <**adlъ*: словинц. *dôl*, *dôlu*, L. Sg. *dolíu* 'яма', — сербохорв. *дô*, *дôла*, словен. *dôl* [неясно чак. *dôl*, *dôlâ* 'долина'], подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1977, с. 225), а.п. *с* в др.-русском, ср. также открытое *э* в наречиях *долъ*, *долу* (Васильев 1929, с. 27; Стадникова 1984; Зализняк 1979, с. 64; 1985). См. также Иллич-Свитыч 1963, с. 143, van Wijk 1922, с. 19.

2. Словинц. *rodni* 'родственный', — <**rôdъ*: словинц. *rôd*, *rôdu* 'род, семья; пол, *sexus*' [подвижный тип по указанию грамматики (Logents 1903, с. 174); в словаре конечноударные формы отсутствуют], — чак. (Нови) *rôd*, *rôda* (Белич 1909, с. 209), сербохорв. *pôd*, *pôda*, словен. *rôd*, *rôda*/*rodâ*/*rodû*, подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1973), а.п. *с* в др.-русском, открытое *э* в памятниках и диалектах (Васильев 1929, с. 24—26, 28; Зализняк 1979, с. 64; 1985; Стадникова 1984). См. также van Wijk 1922, с. 21.

3. Словинц. *sôlni* 'das Salz betreffend'; а также *sloni* 'соленый', — <**sdlъ*: словинц. *sôl*, *sôlë*, 1. Sg. *solô* 'соль', — чак. *sôl*, *sôli*, словен. *sôl*, *solf*, а.п. *с* в др.-русском (Зализняк 1985), открытое *э* в памятниках и диалектах (Стадникова 1984).

Неясные и отклоняющиеся случаи

1. Словинц. *spěšni* 'спешный, торопливый', — для существительного **spěxъ* следует предположить а.п. *с*, но в соответствующем *i*-глаголе также представлен суженный гласный: словинц. *spjěšec* 'спешить, торопиться', 1 л. ед.ч. *spjěšq*, — чеш. *pospěšiti* (*si*) [также *pri-*, *u-*], данные других славянских языков указывают, однако, на а.п. *с*; словацк. *spešiti sa* (Káľal), ст.-хорв. *Спишим се*, *Поспишим* (Гр., с. 247), а.п. *с* в др.-русском (Зализняк 1985); неясно словен. *spěšiti* (в словаре Плелетершика эта форма дана без ударения), 1 л. ед. ч. *spěšim*; ожидается а.п. *с*; словацк. *spech* 'успех, выгода' (Káľal), чеш. *spěch* 'спешка', словен. *spěh*, *spěha*/*spěhi* idem, ср. также рус. *наспех*, не к *спěху*.

2. Словинц. *světni* 'сверкающий, светящийся', — суженный вокализм

не согласуется с а.п. с существительного *svěť словинц. *svjat*, [svjá]ta, L. Sg. *svjécě* 'мир, mundus', но былякск. *svat*, G. Pl. [svatǫf] (Bronisch 1896, с. 348), кашуб. *svat*. [svat]a, — малопольск. *śfat*, *śfatu*, *ve śfete* (Kusała), великопольск. *svat*, *svatu* (Кульбакин 1903, с. 14), словацк. *svet*, чеш. *svět*, моравск. *svět*, чак. *svit*, сербохорв. *svět*, *světa*, словен. *svēt*, *svētā*, подвижный акцентный тип в восточноболгарском (Дыбо 1973; 1977, с. 205, 207), а.п. с в др.-русском (Зализняк 1985); можно предположить влияние итератива *světiti: словинц. *svjécěc* 'светить, освещать', 1 л. ед. ч. *svjécq*, кашуб. *svęcęc*, 3 л. ед. ч.: *svęci* (в РВ приводится вариант 1 л. ед. ч. с несуженным вокализмом: *svjécq* со ссылкой на словарь Рамулта, не всегда надежный), — словацк. *svietit'* (*sa*), чеш. *svítiti* (*se*), ст.-хорв. *Svǫtium*, *Prosǫvǫtium* (Гр., с. 243), словен. *svétiti*, *svétim*; в др.-русском (Зализняк 1981, с. 154) и ср.-болгарском (Дыбо 1983, с. 12—13) — а.п. б с отклонениями в сторону а.п. с. В. А. Дыбо объясняет отклонения отражением старого противопоставления "итератив-деноминатив" с распространением в большинстве современных языков акцентовки итератива (Дыбо 1983, с. 13, сноска 16). Действительно, для отыменного глагола следовало бы ожидать а.п. с в соответствии с акцентной парадигмой существительного *svěť. Итак, распределение рефлексов первоначально долгих гласных в корнях, оканчивающихся на глухой согласный, вполне соответствует ожидаемому: суженный гласный у производных от имен а.п. б, несуженный — у всех прочих. В классе корней, оканчивающихся на звонкий согласный, преобладают суженные рефлексы: у 5 из 7 производных от имен а.п. а и у всех производных от имен а.п. б и с. Сравнение с классом основ на глухой согласный, а также отклонения в группе деноминативов, образованных от имен а.п. а, позволяют считать это явление вторичным. Ударение у производных с суф. *-ьл- обычно корневое (за исключением двух слов с краткостными корнями, восходящими к а.п. с). [Напомним, что для прилагательных, образованных от имен а.п. а, реконструируется неподвижное акутовое ударение на основе *věryль, *věryла, *věryно), для прилагательных, образованных от имен а.п. б, — ударение на редуцированном гласном суффикса с последующей оттяжкой на предшествующий слог в тех случаях, когда редуцированный оказывается в слабой позиции (*grěзьль, *grěзьла, *grěзьно), и для а.п. с — тип с маргинальной подвижностью (*dъlзьль, *dъlзьна, *dъlзьно), см. Дыбо 1981, с. 94].

Разница в распределении у производных с двумя суффиксами аналогичной структуры: редуцированный + звонкий сонант объясняется, во первых, их принадлежностью к двум различным морфонологическим классам ("плюсовому" и "минусовому"), а во-вторых, тем, что производные с суффиксом *-ьл- восходят, скорее всего, к членным формам, а производные на *-ьл- — к нечленным, так как славянские притяжательные прилагательные уже в древности не имели членных форм (Дыбо 1981, с. 159, ср. Вайан 1952, с. 157—158, Толстой 1957, с. 91—94 и др.). Таким образом, в парадигме прилагательных с суффиксом *-ьл- следует реконструировать чередование перестроенных и неперестроенных слогов: *bъb-ьл-ь, ж.р. *bъb-ьл-а, ср. род *bъb-

bj-e; **byč'-bj-ь*, ж. р. **byč'-bj-a*, ср. род **byč'-bj-e*; **gǫs'-bj-ь*, ж. р. **gǫs'-bj-a*, ср. род **gǫs'-bj-e*, и т.п., а у прилагательных на *-*ьл-* слог, предшествующий суффиксу, всегда оказывается перестроенным: **žil'-ьл-ьь*, **тǫч'-ьл-ьь*, **ziv'-ьл-ьь* (в остальных формах за суффиксом всегда следует слог, содержащий гласный полного образования).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Арефьев 1979 — *Арефьев В.В.* Отражение праславянской акцентологической системы в польских диалектах. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Белич 1909 — *Белич А.* Заметки по чакавским говорам // ИОРЯС. Т. 14. Кн. 2. 1909. С. 181—266.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Васильев 1929 — *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929.
- Дыбо 1963 — *Дыбо В.А.* Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 54—83.
- Дыбо 1973 — *Дыбо В.А.* Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII—XIV веков // Изв. на ин-та за български език. Кн. XXII. 1973. С. 151—210.
- Дыбо 1977 — *Дыбо В.А.* Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева-Долобко // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 189—272.
- Дыбо 1981 — *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1983 — *Дыбо В.А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные. (Материалы к реконструкции). II // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 3—67.
- Зализняк 1979 — *Зализняк А.А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное" // СБЯ. М., 1979. С. 47—128.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1983.
- Кульбакин 1903 — *Кульбакин С.М.* К истории и диалектологии польского языка. I. Фонетика сваждцского говора. II. Возникновение общепольских долгот // Сборник ОРЯС. СПб., 1903. Т. LXXIII. 4.
- Стадникова 1984 — *Стадникова Е.В.* Влияние акцентной системы на фонологическую. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Толстой 1957 — *Толстой Н.И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // ВСЯ. 1957. N 2.
- Bartoš — *Bartoš Fr.* Dialektický slovník moravský. Č. 1—2. Pr., 1905.
- Bronisch 1896 — *Bronisch G.* Kaschubischen Dialectstudien // Archiv für slavische Philologie. XVIII. S. 321—408.
- Hartmann 1936 — *Hartmann H.* Studien über die Betonung der Adjektiven im Russischen. Leipzig, 1936.
- Hraste — *Hraste M., Šimunović P.* Čakavisch-deutsches Lexikon. Köln; Wien, 1979.
- Káral — *Káral M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica. 1924.
- Kucała — *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Lorentz 1903 — *Dr. Friedrich Lorentz.* Slovinzische Grammatik. СПб., 1903.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemeski slovar. Ljubljana. I—II. 1894—1895.
- PW — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. B. 1958—1983. Bd. 1—5.
- RJA — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Zagreb. 1880—1970. I—XVIII.
- SGK — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1967—1976. T. 1—7.
- SK — *Sychta B.* Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1980—1984. T. 1—3.
- SW — *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. СПб., 1908—1912. Bd. 1—2.
- Van Wyk 1922 — *van Wijk N.* Zum baltischen und slavischen Akzentverschiebungsgesetz // Indogermanische Forschungen. Bd. 40. S. 1—40.

ОБ ОДНОЙ СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ

0.0. В диалектах ряда индоевропейских языков с разноместным подвижным ударением, занимающих, как правило, небольшую компактную область на территории распространения этих языков, наблюдается сходное акцентное явление: перенос ударения с конечного слога (конечной моры) на начальный слог (начальную мору), притом что ударение неконечных слогов (мор) сохраняет свое место. Это явление в настоящее время известно в славянских диалектах: современных русских (Заонежье) и сербохорватских (Славония), а также отражено в некоторых северозападных русских памятниках 16—17 вв. (ср. Морозова 1978, Зализняк 1985, с. 185'), в жемайтских говорах литовского языка (Лаучюте 1979) и в афганских диалектах (глагольная акцентуация) (см. статью В.А. Дыбо в настоящем сборнике). Некоторые частные условия переноса ударения и сопутствующий ему комплекс фонетических и просодических явлений различаются в названных диалектах довольно сильно.

Так, в жемайтских говорах ударение переносится с любого конечного слога словоформы на начальный (о роли клитик в системе переноса ударения в известной нам литературе не говорится). Неперенесенное и перенесенное ударения различаются тем, что первое "наводит" второстепенное ударение только на последующие долгие слоги, а второе — также на краткие. Под ударением, как основным (перенесенным и неперенесенным), так и второстепенным, сохраняется тоновая характеристика долгого слога. "Снятие" эффекта переноса ударения, а также второстепенного ударения, дает акцентную систему, практически совпадающую с литовской литературной (Лаучюте, 1979).

В славянских системах ударение переносится в пределах фонетического слова, причем славонские говоры различаются между собой условиями переноса (с конечного краткого слога — в одних говорах, с конечной моры — в других). Перенесенному ударению в славонских говорах свойственна интонация особого качества, а в говорах Заонежья с ним связано появление двух дополнительных фонем — дифтонгов средне-нижнего подъема. В тех же заонежских говорах фонетическому слову с перенесенным ударением свойственно нетривиальное соотношение тонального и "силового" контуров. И в заонежских, и в славонских говорах исконно конечноударные словоформы (фонетические слова) могут иметь два "обрамляющих" ударения — на первом и на последнем слоге.

Словоформы с перенесенным ударением в славянских диалектах ведут себя подобно формам-энклиноменам в праславянском: ударение у них стоит на крайнем слоге (море) слева, при возможности перемещаясь еще левее — на проклитику; присоединение энклитики удерживает конечное ударение словоформы на месте, поскольку конечный слог словоформы при этом перестает быть конечным слогом фонетического слова. Система "новых энклиноменов", возникших из конечноударных

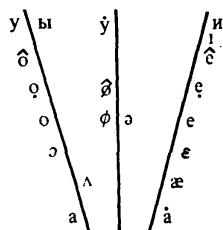
форм, "накладывается" в этих диалектах на систему акцентных парадигм, восходящую к праславянскому.

В предлагаемой статье сопоставлен механизм появления "новых энклименов" в говорах Заонежья и Славонии. Основное место отводится заонежскому материалу: автор пытался продемонстрировать принцип "новых энклименов" на примере акцентуации *i*-глаголов в заонежских говорах. Главным образом используются материалы, собранные автором и О.Г. Пономаревой во время экспедиций 1986—1988 гг. в селах Кажма, Космозеро, Типиницы, Тамбицы, Кузаранда, Великая Нива, Падмозеро и Паяницы Медвежьегорского р-на КАССР, а также следующие материалы: наши расшифровки магнитофонных записей, сделанных экспедицией под руководством С.С. Высотского в 1959 г. в с. Кажма и его окрестностях и хранящиеся в фонотеке ИРЯ АН СССР, записи А.А. Шахматова 1884 и 1886 годов, опубликованные Н.П. Гринковой (Гринкова), материалы картотеки Словаря русских говоров Карелии (СРГК) и сборника "Сказки Заонежья" (Петрозаводск, 1986).

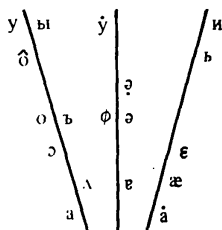
Примеры "новых энклименов" в славонских говорах взяты из статей Й. Голица 1907—1912 гг., посвященных акцентуации посавского говора Церны (Голич), и заметки А. Клаича об ударении и долготах в подравском говоре в окрестностях Валпова (Клаич).

0.1. В работе применяется следующая транскрипция: для согласных — буквы кириллицы и знаки *j*, *γ* (задненебная звонкая аффриката, встречается в заонежских говорах наряду с задненебным звонким взрывным *z*); аффрицированность остальных смычных не обозначается; *ʃ* (лабиализованное веллярное *л*). Мягкость согласных обозначается апострофом, полумягкость — точкой справа от буквы, в верхней части строки. Для гласных используется следующая система обозначений:

гласные под ударением:

безударные гласные:

Используются следующие знаки ударения: ' — сильное ударение, характеризующееся высоким тоном и долготой ударного гласного, — слабое ударение, для которого характерны небольшое, по сравнению с ', повышение тона и меньшая долгота ударного гласного.

1.0. В русской диалектологической литературе перенос ударения с конечного слога на начальный и связанные с ним явления вокализма в говорах Заонежья принято называть ляпаньем (так, а также ляпсаньем, называют свою манеру говорить сами жители Заонежья; последнее

наименование, по мнению исследователей, является одним из доказательств субстратного происхождения ляпанья: оно связывается с названием карельского племени, ср. Высотский 1967, с. 33, Ардентов, с. 88, Гринкова, с. 388). Ляпанье отмечалось в Заонежье со времен экспедиций П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга (напр., Рыбников IV, с. 287). Интерпретировать ляпанье как перенос ударения с конечного слога словоформы на начальный предложил Н.Я. Коренев, защитивший в 1949 г. в Петрозаводском университете дипломную работу, в которой описал правила постановки ударения в говоре своей родной деревни Вороний Остров (Ардентов, с.77). Правила переноса ударения с конечного слога на начальный одинаковы во всех говорах Заонежья (Ардентов, с.77, Колесов, с.53).

1.1. В заонежских говорах появление "новых энклименов" нерегулярно; в этих говорах слово имеет два варианта акцентной кривой — с ляпаньем и с конечным ударением. Как правило, только с конечным ударением встречаются заимствования из литературного языка, особенно термины.

Нерегулярность ляпанья отмечалась еще А.А. Шахматовым (Гринкова, с. 371). В настоящее время оно свойственно речи людей не моложе 40—50 лет и считается неправильным и некультурным способом выражаться (в особенности ляпанье юго-западных говоров). Ляпанья стараются избегать в официальной речи и в разговорах с неместными; поэтому в текстах, записанных собирателями, встречаемость ляпанья сравнительно низка: в наших записях и в текстах, записанных С.С. Высотским, оно имеет место в 30-70% возможных позиций у разных информантов, а в остальных случаях выступает конечное ударение. В разговоре односельчан, даже довольно молодых, ляпанье встречается практически всюду, где для этого есть условия. По-видимому, подобная языковая ситуация существовала в Заонежье уже в прошлом веке. Что касается "внутрисистемной" допустимости варьирования конечно- и начальнударных форм, то мы в настоящее время не беремся утверждать, что конечное ударение полностью исключалось на более ранних стадиях развития заонежских говоров. Для такого утверждения необходимо обнаружить некоторый просодический архаизм, который позволил бы дать фонетическую интерпретацию переходу конечноударных фонетических слов в начальнударные.

1.2. В заонежских говорах ударение переносится с конечного слога в фонетических словах с любым количеством слогов: *жыв'эт* 3 ед., *ц'эпл'эт* (род. мн.), *у нас* (двусложные слова); *Рэжэс'ва* (род. ед.), *кэйдуну* (им. мн.), *на'руб'ит* (наст. вр., 3 ед.) (трехсложные слова); *б'эз мужыка*, *п'эр'эб'эжыт* (четырёхсложные слова); *п'эр'эд Рэжэс'вэм* (пятисложное слово) (Косм.).

Помимо переноса ударения на безударные проклитики, представленного огромным количеством примеров, встречается изредка перенос ударения на ударные слова, примыкающие слева к исконно конечноударным словоформам. В наших примерах это односложные числительные, реже — местоимения и существительные: *двá ч'аса*, *двá раза*, ср. также *двá ч'еса́*, *двá разá* (Каж.), *двá рас*, *п'эд' гьдьф*,

два мужыка, два стъжл'а (Косм.), тр'у рубл'и (Янд.), тр'у сука (Косм.), до с'ух пър, п'ос'л'е зак'ат сон'ц'а (Янд.). В этом также можно усмотреть аналогию "новых энклиноменов" со "старыми", которые в сочетании с ортогоническими словоформами, синтаксически связанными с ними, становились безударными (см. примеры из Чудовского Нового Завета в: Дыбо СА, с. 52, а также в заонежских говорах: с'ей г'ят, с'б' г'ду, два дн'и (всюду), аб ад'ин д'ен' (Каж.), Хр'ист'б'вд'зн', до Ил'јина дн'и, до П'етр'ова дн'и, л К'ур'ик'ва дн'и (Сел.), тр'у г'да, ф'т'у п'ру (Косм.), два к'элба (Косм.); сюда же, по-видимому, относятся сложения с существительным озеро: К'об'ш'эз'ера, В'ил'з'ера, К'он'д'ез'ера, К'ор'æх'з'ера (Янд.).

Среди проклитик особое место занимает отрицательная частица *не*: изредка перенесенное ударение ставится не на нее, а на слог, следующий за ней: *н'е заблуд'ис'*, *н'е ўг'од'иш* (Куз.), при *н'е захват'и'* (Куз.), *н'а р'эск'ажу* (Косм.). В отдельных случаях (но не в приведенных выше) ударение типа *н'е заблуд'ис'* может быть отмечено ошибочно из-за специфического тонального контура, характеризующегося повышением тона на начальном слоге "новых энклиноменов" и резким понижением тона и удлинением гласного второго слога.

Переноса ударения с конечного слога на отрицательную частицу *ни* не происходит; перенесенное ударение ставится на слог, следующий за *ни*: *н'ик'эл'л', н'ич'эл'га, н'ик'уды, н'ик'эл'уды, н'икак'ый, ср. н'ик'уд'б, н'ик'уд'а, н'икак'б'ј* (Каж.).

Появлению "новых энклиноменов" препятствуют следующие энклитики: частица *-ся* — у глаголов; у местоимений и местоименных прилагательных — частицы *-ка, -кава, -ни* (неопределенная), *-то, -си* (исторически — возвратное местоимение ?): *ч'ег'б'-тл, ч'ег'б'-н'и, кол'к'б'-н'и, 'сколько-нибудь'; т'еб'у'-кл, с'еб'у'-к'ва; в'д'инс'и, в'д'нас'и, в'д'ныс'и* им. мн., *л'дн'я'с'и, л'дн'я'г'б'с'и* род. ед., *л'дн'ям'с'и* и *л'дн'ям'с'им* тв. ед. м., дат. мн. 'один'.

Помимо перечисленных случаев, безударные постпозитивные служебные слова и местоимения, входящие в одну тактовую группу с конечноударной словоформой, не препятствуют образованию "новых энклиноменов": *п'р'иду да, в'оз'му да* (Куз.), *д'а'јут'л'и* (В.Н.), при *кол'б'д да* (В.Н.) 'колоть', инф. Это относится и к частице *-ка*, присоединяемой к глаголу: *п'осм'ятр'и'-кл* (В.Н.).

1.3.0. "Новые" и "старые" энклиномены ведут себя одинаково еще в одном отношении. Принцип рефлексии гласных неверхнего-нижнего подъема под перенесенным и неперенесенным ударением и в безударном положении в заонежских говорах типологически тождествен "великорусскому" принципу распределения открытого и закрытого *о* (об этом принципе см.: Зализняк 1985, с. 173), а именно: в части заонежских говоров под перенесенным ударением и в безударной позиции от рефлексов **о, *ъ, *е, *э, *ѣ* одинаковы или близки и резко отличаются от рефлексов тех же гласных под неперенесенным ударением; аналогичным образом, "великорусский" принцип распределения закрытого и открытого *о* из **о* заключается в том, что первое имеет место под ударением в ортогонических словоформах, а второе — под ударением в формах-энклиноменах ("старых") и в безударной

позиции. Таким образом, в отношении рефлексов *о (а в системе с "новыми энклиноменами" — и в отношении рефлексов других гласных неверхнего—ненижнего подъема) позиция под ударением в "старых" и "новых" энклиноменах тождественна безударной позиции. Рефлексы гласных верхнего и нижнего подъемов под перенесенным и неперенесенным ударением и в безударной позиции одинаковы.

Поскольку вокализм заонежских говоров рассматривается специально в другой нашей работе (Тер-Аванесова, в печати), здесь мы ограничимся самым кратким его обзором, в котором опущено описание гласных верхнего и нижнего подъемов.²

1.3.1. Рефлексы гласных *о и *ъ (а также *у перед *ј*) под перенесенным ударением представлены в следующей таблице:

нас. п. п.-с. гласные	Каж., Косм., Сел. (юг, запад)	Куз., Выр. (северо-восток)	Падм., Паян., В.Н., Палт. (север)
* <i>о</i>	о, ɔ	о, ɔ	ɔ
* <i>ъ</i>	э, о	о, ɔ	ɔ
* <i>ъ</i> , * <i>уј</i> в корнях	э, о	э, о	ɔ
* <i>ѣ</i> , * <i>уј</i> , * <i>ој</i> во флексиях	ѣ, э	ѣ, э	ɔ, ѣ
<i>ѡл'</i>	ѣ, э	ѣ, э	э

Примечание. На первом месте располагается более частотный вариант. **о* — **о* под автономным ударением, **ъ*—**о* под автоматическим ударением (об автономном и автоматическом ударении см. Зализняк 1985, с. 118—120).

Рефлексом **о* во всех заонежских говорах является закрытое о ([*ъ*]) или [ɔ]: *мѡжлт*, *поѡѡста*, *в лѡткѣ*, *стѡл*, *ѡкнѡ*, *нѡс'ѡт*, *дѡрѡгу*, *пѡрѡк* и др.

Рефлексы **ъ* различаются по заонежским говорам: в говоре юга и запада это открытое о: *хѡлдна*, *хѡлдна*, *прѡб'илл* ср. р., *прѡн'ит*, *бѡрлзду*, *нѡц'* (Об.), *зѡлтл*, *дѡм*, *ѡѡз'ерлм* (Каж.), *поѡѡда*, *ѡ'ен'ју* (Косм.) (впрочем, у некоторых информантов на месте **ъ* нередко произносится закрытое о, особенно в формах вин. ед. существительных старого **а*-склонения с подвижным ударением: *вѡду* (Каж., Косм.) — и в формах м., ср. р. и мн. ч. прошедшего времени глаголов с корнями на нешумные подвижной а.п.: *прѡжыт*, *нѡбыл'и* (Косм.)); в говорах севера и северо-востока — закрытое о: *гѡлаву*, *прѡдат*, *ѡкалл дѡма* (Куз.), *ѡз'ера*, *ѡс'ѡн'* (Падм.)).

Рефлексом ненапряженного **ъ* и **у* перед *ј* в корнях в говорах юга, запада и северо-востока является открытое о: *л'ѡсѡк* (Об.), *дѡш*, *нашѡса*, *рѡт*, *спѡн'иллс'* (Косм.), *лѡп*, *дѡц'и* (Каж.), *пѡсѡк*, *л'ѡсѡк* (Куз.), *крѡју*, *рѡју* I ед., *рѡј*, *мѡј* пов. накл. (Каж., Сел., Косм., Куз.); в северном говоре — закрытое о: *дѡшч*, *крѡшыт*, *крѡју*, *крѡј* (Падм.).

Рефлексами **ъ* перед *ј* во флексиях является огубленный гласный среднего ряда, среднего подъема [ɔ] и его неогубленная параллель [э]. (в северном говоре наряду с ними возможен и звук [ɔ]). Эти же гласные произносятся во флексиях косвенных падежей ед. числа ж. рода местоимений и прилагательных (т.е. на месте **о*, **у* перед *ј*) и тв. ед. существительных **а*-склонения (т.е. на месте **о*): *бол'шѡј*, *другѡј*,

бъл'нѣ́ж, густáј им. ед. м., *у однѣ́ж, у тáј, вáснѣ́ж, жнáј* (Каж., Косм., Сел.), *молодѣ́ж* им. ед. м., косв. пад. ед. ж. (Куз., Палт.), *мьльдѣ́ж, мьльдѣ́ж* им. ед. м. (Падм., Палт.). Рефлексами напряженного *ъ перед [н], смягченного в результате йотации или в сочетаниях [-н'-ј] <*н'ь- (позиция возникновения напряженного *ъ, указанная С.Л. Николаевым, см. Николаев, в печати) являются [э], реже [ф]: *поддѣ́н'је* (Куз., Палт., Косм.), *поддѣ́н'је* (Куз., Сел.) 'основание стога'.

Таким образом, на территории Заонежья встречается 3 системы рефлексов *о и *ъ под перенесенным ударением: в "южной" системе (Каж., Косм., Сел.) рефлексы *ѡ и *ъ совпадают друг с другом и отличаются от рефлексов *ѡ, в "северо-восточной" (Куз., Выр.) различаются рефлексы *о и *ъ, а в "северной" (Падм., Паян., Палт., В.Н.) рефлексы тех же гласных различаются только перед [н'ј].

Рефлексы гласных *е, *ь и *ѣ под перенесенным ударением одинаковы во всех говорах Заонежья:

п.-с. гласные \ позиции	перед С ³	перед С ³	перед j во флексиях	на конце слова
*е	ѣ	е, е	ѣ, э	ѣ, ѣ
*ь	ѣ, е	ѣ, ѣ, е, е	—	—
*ѣ	ѣ (ѣ)	ѣ, I, и	—	и (ѣ)

Примечание. В таблице не учитываются рефлексы *ѣ во флексиях существительных *а-основ и местоимений ([ы] — при твердом исходе основы, [и] — при мягком).

Рефлексы *е: *ѡдѣ́жа, вáзѣ́т, клѣ́ск; п'ѣц; дьц'ѣр'и; мојѣ́ж, к'јѣ́ж, к'јáј, ко божјѣ́ж, фс'ѣ́ж* род. ед. ж.; *мојѣ́ж, фс'ѣ́ж*; рефлексы *ь: *с трѣ́ма, м'ѡртѣ́ж; п'ѣрѣ́ж. с'ѣрлп, д'ѣн', п'ен'ѣц'ѣк, кэн'ѣц'ѣк*; рефлексы *ѣ: *м'ѣ́ра, јѣ́ха; з'в'ѣ́ды, гн'ѣ́да* им. мн., *б'ис'ѣ́да* ([ф] на месте *ѣ произносится только в этих трех корнях); *п'ѣ́с'н'и; пол'ѣ́с'н'ик, ц'ѣ́д'ит; на стол'ѣ́, фс'ѣ́, в окн'ѣ́.*

Как показывают приведенные примеры, рефлексами гласных неверхне-нижнего подъёмов оказываются звуки среднего, верхне-среднего и даже верхнего подъёмов. Опуская выкладки об их дополнительной дистрибуции, укажем, что под перенесенным ударением в заонежских говорах различаются фонемы /ѡ/, /о/, /ѣ/ и /е/, причем каждая из описанных систем рефлексов *о и *ъ обуславливает отличное от двух других соотношение фонем /ѡ/ и /о/ с морфемным словарем диалекта.

1.3.2. Рефлексы *о, *ъ, *е, *ь и *ѣ под перенесенным ударением показаны в следующей таблице:

	юг, запад		северо-восток		север	
	перед С	перед С'	перед С	перед С'	перед С	перед С'
*о, *ъ	ѡ (ѡ, ѡ ѡѡ)		ѡ(о)		ѡ	
*е, *ь	ѡ, ѣ (ѣ)	ѣж, е, е	э, э (ѣ)	е, е	ѣ, е, е	е
*ѣ	ѣ (ѣ, ѡ)	ѣ, I, и	е	ѣ, и	е	ѣ, и

Говоры юга и запада отличаются от других говоров Заонежья произношением под перенесенным ударением на месте указанных праславянских гласных дифтонгов средне-нижнего подъема. Относительная длительность фаз такого дифтонга может быть различна, вплоть до того, что вместо него можно слышать монофтонг средне-нижнего подъема (о дифтонгичности звуков неверхнего-нижнего подъема под перенесенным ударением в говорах юга и запада см. Высотский 1967, сс. 32—34; о трудностях восприятия этих дифтонгов на слух см. Ардентов, с. 79).

Рефлексы *о, *ь: *ѡна, рѡл'н'ишус', прѡл' с'ѡб'ѡ, пѡл' фс'аму, ѡл' Рѡжас'ви, сѡхъй, прѡѡ'и, вѡдлѡй, кѡлѡлат', сѡлѡд'ѡш, сѡлѡрат', сѡл' мнѡй*; после губных согласных и в начале слова первая фаза дифтонга может иметь более низкий подъем: *ѡдѡдам, ѡдѡна, ѡдѡ Бѡр'ес'к'их, пѡлѡват', ф' свѡдѡу, пѡлѡрс'ѡт, пѡлѡют*.

Рефлексы *е, *ь перед С: *н'ѡсла, с'ѡлѡтра, л'ѡлѡга, б'ѡлѡру, н'ѡсу, с'ѡлѡру, к' сл'ѡлам, фс'ѡлѡды; кв'ѡтут', кр'ѡѡсты, ч'ѡѡльнѡк, л'ѡѡжыт, жѡѡна, с'ѡѡстра, н'ѡ попрѡс'ѡт', н'ѡ лѡ'ин*; рефлексы *е, *ь перед С': *б'ѡр'ѡгу, т'ѡл'ѡт, жѡѡн'ихъм, т'ѡб'ѡ, в'ѡз'ѡт, в'ѡд'ѡм, т'ѡб'ѡ, н'ѡс'ѡш, кр'ѡс'т'ѡт'.*

Рефлексы *ѣ перед С: *б'ѡѡжыш, тр'ѡшш'ѡт, м'ѡшк'ѡ, л'ѡс'вѡ'к, с'т'ѡна, гн'ѡздо; гн'ѡлда, б'ѡѡют'* (последние два примера — из Каж.); имеется также к'ѡфѡа (ср. также к'ѡфѡѡ), где, по-видимому, сохраняется архаический рефлекс *ѣ перед твердым согласным; рефлексы *ѣ перед С': *с'ѡд'ѡт, л'ѡн'ѡт, л'ѡч'ѡт, с'ѡм'ѡна, с'ѡм'ѡна*. Как видно из приведенных примеров, между мягкими согласными рефлексы *е, *ь и *ѣ, как правило, лишены дифтонгичности и имеют более высокий подъем, отчасти совпадая с рефлексами тех же гласных под перенесенным ударением.

В говоре Куз. и Выр. под перенесенным ударением гласные *о, *ь, *е, *ь и *ѣ отражаются в виде монофтонгов средне-нижнего подъема; между мягкими согласными произносятся звуки более высокого подъема.

Рефлексы *о, *ь: *пѡжд'ѡм, сѡжд'ѡш, прѡц'ѡжу, вѡтѡм, кѡр'ѡц', ѡцѡн'ѡт'*; после губных согласных может произноситься о среднего подъема: *мѡльтък, пѡжд'ѡм, вѡтѡклѡм'*.

Рефлексами *е, *ь под перенесенным ударением перед твердыми согласными в северо-восточном говоре, как правило, оказываются огубленные гласные: *б'ѡру, -ѡт', п'ѡкут', тр'ѡпат', с'ѡру, ч'ѡму, фч'ѡра, с'л'ѡза, ч'ѡльнѡк*; на месте *е в более редких случаях произносится звук среднего ряда, среднего подъема [ф]: *б'ѡру, п'ѡкут'*. Неогубленный рефлекс в этой позиции всегда имеет *е в отрицательной частице *не*: *н'ѡ адна, н'ѡ мѡг'ѡи, н'ѡ хѡд'ѡ*, — и в большинстве случаев — *ь в корнях структуры *ТьГ, *ТьТ: *кр'ѡсты, ч'ѡр'ѡѡ, с'ѡрпѡм*.

Рефлексы *ѣ перед С: *б'ѡѡют', б'ѡѡм, р'ѡка*.

На месте *е, *ь, *ѣ перед мягкими согласными в северо-восточном говоре, как и в юго-западном, произносятся звуки среднего и верхне-среднего подъема (а на месте *ѣ — также и нижнего подъема. Рефлексы *е: *пл'ѡл'ѡ, т'ѡп'ѡр', п'ѡр'ѡдаѡт', м'ѡн'ѡ, в'ѡд'ѡт*; рефлексы *ь: *ч'ѡр'ѡѡ, в'ѡр'ѡх, с'ѡр'ѡна*; рефлексы *ѣ: *в'ѡл'ѡт, јѡд'ѡт*.

Таким образом, в говорах юга, запада и северо-востока Заонежья системы вокализма под перенесенным ударением устроены одинаково: в области среднего подъема в этих говорах имеются особые фонемы /ə/ (в соответствии с *o, *ъ, *e, *ь) и /æ/ (в соответствии с *ѣ), отличающиеся от фонем, представленных в области среднего подъема под перенесенным ударением. Реализации этих фонем в говоре юга и запада с одной стороны и в говоре северо-востока — с другой — резко различны: не между мягкими согласными в первом выступают дифтонги средне-нижнего подъема əл и еæ, во втором — монофтонги более высокого подъема ə и е. Небольшое различие вокализма под перенесенным ударением в этих двух говорах заключается в том, что в северо-восточном говоре рефлексам *e и *ъ перед твердыми согласными последовательнее, чем на юге и западе, становятся лабиализованные гласные.

В северном говоре на месте *o и *ъ под перенесенным ударением произносится закрытое o, совпадающее по качеству с рефлексам *o и *ъ под перенесенным ударением: *кóн'ец', сóб'ер'ет, пóльтнл, мóрлс, óб'эр'эт, сóрву, кóлдунъф*. Рефлексы *e, *ъ, *ѣ в северном говоре относятся: огубленные и неогубленные между мягкими согласными — к области среднего и верхне-среднего подъема, неогубленные перед твердым согласным — к области среднего и средне-нижнего подъема. Рефлексы *e, *ъ перед С: *фч'ѣра, ч'ѣга, ч'ѣльньк, б'ѣру, л'ѣгла, ж'ѣга, тр'ѣста; н'ѣ бр'ѣд'и, н'ѣ м'ѣк, с'ѣрна*; рефлексы *e, *ъ перед С': *бр'ѣс'т'и, б'ѣр'ет'е, в'ѣр'лх*.

Рефлексы *ѣ перед С: *с'л'ѣдлм, пл'ѣшы* (ср. *пл'ѣшы* им. мн.), *з'в'ѣзда* им. ед., *гн'ѣздл* им. ед.; рефлексы *ѣ перед С': *в л'ѣс'ах* (ср. *в л'ес'ах*) *кв'ѣт'им'* инф., *в л'ис'ах*

Таким образом, в северном говоре рефлексы *o, *ъ, *ѣ между мягкими согласными и в большинстве случаев — *e и *ъ — одинаковы под перенесенным и перенесенным ударениями. Различие рефлексов в этих позициях наблюдается только у *e в отрицательной частице *не* (под перенесенным ударением — [ε], [e], под перенесенным — [e], [ε]) и у *ѣ перед твердыми согласными (под перенесенным ударением — [e], под перенесенным — [ѣ], [и], [и]). Эти два специфических рефлекса *e и *ѣ представляют особую фонему /ε/ (возникающую только под перенесенным ударением).

1.3.3. Безударный вокализм одинаков или практически одинаков во всех говорах Заонежья. В следующей таблице показана его часть, относящаяся к области неверхнего-нижнего подъема:

позиции п.-с. гласные	перед С	перед С'	на конце слова
*o	ə, л, ь (o, ђ, а)		—
*ъ			
*e	ф, ж, е, а, э	ε, е, ε, э	ф, ж, е, ε, —
*ь			—
*ѣ	ж, ε, е, э	ѣ, и, э, і	и, і, э

Таблица показывает большое разнообразие рефлексов гласных *о, *ъ, *е, *ь и *ѣ. Среди рефлексов *о и *ъ [э] и [л], по-видимому, в большей степени характерны для архаического слоя говоров юга, запада и северо-востока а [ъ] в этой позиции преобладает в северном говоре и у молодого поколения вообще. Помимо этого, [э] и [ъ] как будто более часто встречаются в предударных слогах, а [л] и даже [а] — в заударных. Наряду с [э] в безударном положении встречается звук более высокого подъема — [о] (тот же символ используется как упрощенный вариант транскрипции). [Ѡ] мы слышали в I предударном слоге после губных согласных перед ударными узкими гласными; по-видимому, закрытое о в предударном слоге возможно только на месте *о. Следующие примеры характеризуют архаическое произношение юго-западного говора (Сел., Об.): *кэрѠф, ухэд'ил'у, двэрэвѠй, кэтѠры, пѠфс'уду, в элднэ, л'этэм, нэ нѠц'аэм; ворѠут', Ѡост'ин'эц'; покѠйн'иц'а, хорѠшы, бѠдврѠд'иц'; пѠлтлм, с кэр'ѣтай, дѠл ч'егл, надѠл'ул, гѠлдлф, с'ед'мѠл, хад'ил'и; бѠбѠк, тѠвѠрѠм, рѠбѠту, бѠл'ишьи, мѠл'иц'и'а, ѠтѠйд'аѠт; пѠѠѠста, мѠрѠз'ит, пѠбѠл'ишѠ.* Поскольку на месте *а в заонежских говорах произносится в безударном положении [а] или [л], заонежскую систему безударного вокализма после твердых согласных можно считать неполным (и непоследовательным) оканьем.

Таким образом, в архаическом слое заонежских говоров рефлексами *о и *ъ в большинстве случаев являются гласные среднего подъема.

Рефлексы *е, *ь и *ѣ перед твердыми согласными в заонежских говорах одинаковы и также относятся к области средне-нижнего подъема. Среди них имеются как гласные переднего ряда (э, е), так и непереднего ([э], [ѣ], [ф]), причем перед последними губные согласные становятся полумягкими, а остальные согласные смягчаются меньше, чем в других позициях. Рефлексы *е; *выѠвльк'Ѡт, нѠп'эк'Ѡт, ид'Ѡт, б'ѣр'Ѡт, нѠб'эр'Ѡш, в'ѠснѠй, нѠ в'ѠснѠ, б'Ѡэл фс'аѠга, в'Ѡз'аѠт, пѠлл'аѠжу, Ѡз'аѠра, пѠрнѠф, пр'Ѡдет, н'адѠѠжылас', кѠм'ешк'и, пр'Ѡн'сѠла, в'ѠснѠй, ч'Ѡтыр'а, пр'Ѡн'эсѠла, нѠб'аѠру;* рефлексы *ь: *кр'аѠсты, кр'ѣсты, д'ѣржѠл'и, с'ѣрѠм;* рефлексы *ѣ: *р'ѠкѠ, прѠб'ѣжыѠт, б'аѠжыѠт'а, п'ѣстѠн'Ѡ, дѠв'Ѡнд'Ѡц'Ѡт', р'ѠкѠ.*

Рефлексами *е, *ь и *ѣ между мягкими согласными являются гласные среднего и верхне-среднего подъема (а рефлексами *ѣ — также гласные верхнего подъема); так же, как и перед твердыми согласными, перед мягкими произносятся гласные как переднего, так и непереднего ряда. Рефлексы *е: *нѠп'эк'Ѡт, д'эр'ѣвн'и, фс'эр'эд'Ѡны, мѠл'эн'к'и, пр'Ѡв'эз'и, пр'Ѡв'ез'ѣт, пр'Ѡн'ес'ѣт;* рефлексы *ь: *кр'эс'т'Ѡт, Ѡлт'ѣц', Ѡс'т'ин'ѣц';* рефлексы *ѣ: *лѠэн'Ѡт, л'ѣп'Ѡла, л'иц'Ѡла.*

В конце слова *е имеет такие же рефлексы, как и перед твердыми согласными: *блѠвл'ѣшч'Ѡн'Ѡ, цѠрѠѠт'а, дѠѠт'а, ч'Ѡтыр'а, вѠз'н'эс'ѣн'Ѡ; кѠѠа-как, н'эбѠл'ишьѠ;* на месте *ѣ в конце слова, как и перед мягкими согласными произносится [и], [э] и [и]: *в бѠнк'Ѡ, на пѠжн'и, т'ѣбѠ, в маѠз'Ѡн'и, в нарѠд'и, в л'ул'к'Ѡ.*

Очевидно, в безударной позиции в области ненижнего-неверхнего подъема противопоставлены 2 фонемы: /э/ (в соответствии с *о, *ъ, *е, *ь) и /ѣ/ (в соответствии с *ѣ).

Таким образом, в Заонежье выделяются 3 диалекта, различающихся: 1) рефлексами *o и *ъ под перенесенным ударением (диалект юга и запада (Кажма, Космозеро, Типиницы, Тамбицы, Сенная Губа, Волкострв, Великая Губа и др.), в котором *ò и *ъ дают открытое o, а *ó — закрытое; диалект северо-востока (Кузаранда, Вырозеро), в котором открытое o произносится на месте *ъ, а закрытое — на месте *o (как *ò, так и *ó) и диалект севера (Падмозеро, Паяницы, Фоймогуба, Великая Нива, Палтега), где рефлексы *o и *ъ различаются только перед [н'] ([н'j]): в этой позиции *o дает закрытое o, а *ъ — звуки [ø] и [э]); на фонологическом уровне эти различия отражаются в противопоставлении фонем /ð/ и /o/⁴; 2) наличием-отсутствием особых фонем под перенесенным ударением (/ɔ/ и /æ/ в диалектах юга, запада и северо-востока, /ε/ — в северном диалекте); 3) реализациями этих фонем (дифтонги средне-нижнего подъема в диалекте юга и запада, монофтонги среднего и средне-нижнего подъема — в северном диалекте).

В юго-западном и северо-восточном говорах устройство систем вокализма, а также в целом — реализации фонем под перенесенным ударением и в безударной позиции одинаковы и отличаются от устройства вокализма и реализаций фонем под перенесенным ударением (эти различия касаются главным образом области неверхнего-нижнего подъемов). В северном говоре единственной фонемой, появление которой связано с перенесенным ударением, является /ε/. Среди других фонем неверхнего-нижнего подъема /ð/ и /e/ в северном говоре встречаются как под перенесенным, так и под перенесенным ударением, а /ê/ и /o/ — только под перенесенным ударением (поскольку для второй в позиции перенесенного ударения нет условий, а отсутствие первой под перенесенным ударением объясняется тем, что она соответствует тем же этимологическим гласным, что и фонема /ε/. В целом вокализм северного говора носит компромиссный характер: наличие /ε/ свидетельствует о частичном совпадении вокализма под перенесенным ударением с безударным вокализмом, а характер прочих фонем неверхнего-нижнего подъема — о противопоставлении ударного вокализма безударному.

1.4. В заонежских говорах "новые энклиномены" могут иметь два "обрамляющих" ударения — на первом и на последнем слоге, — обычно не одинаковых по силе: *гэ́лвэр'э́т, гэ́лвэр'и́м, гэ́вэр'и́т, нэгьвэр'и́, зэ́лэ'т, пр'и́шл'и, дэ́внэ, э́лнэ, м'э́э́н'э, пэ́лтлм, губы* (род. ед.), *хэ́дт'и́т, д'и́т'и́, ху́дэ́й, т э́ллькнэ, пр'и́в'э́зү́т, пр'и́в'э́злэ́, н'э́ сьл'э́т, б'э́э́р'и́* (Высотский, Кост., Ес., Курич.); *э́лнэ, зэ́ рэ́с, нэ́ г'э́гэ́* (на него), *у́ твэ́йэ́, о́лэ́д Бэ́р'э́с'к'и́х* (Каж.), *н'э́э́ гэ́вэр'и́* (Косм.), *у́ нэ́с* (Тамб.).

В Кажме и Космозере отмечены также случаи начальной интенсивности не у конечноударных словоформ: *н'э́ кэмслмфл'ц'и* (Косм.), *пэ́спасэ́йу* (Каж.). Возможно, приведенные примеры являются остатками старого "силового" контура фонетического слова, которому была свойственна начальная интенсивность.

1.5. "Новым энклиноменам" в описываемых говорах свойственно несколько типов тональных контуров, находящихся в нетривиальном

соотношении с начальнoударным "силовым" контуром. Приводимые ниже типы тональных контуров определены нами на слух; позже они были подтверждены интонограммами.

Для словоформ с неперенесенным ударением характерен высокий или восходящий тон ударного слога и низкий тон безударных слогов; вариантами этого тонального контура, обусловленными позицией во фразе, являются контур с ровным тоном и контур с высоким тоном предударной части, более низким — ударного слога и еще более пониженным — заударного. У "новых энклиноменов" встречаются следующие типы тональных контуров:

1) Восходящий высокий тон ударного слога, низкий тон безударных слогов (тот же тип, что и у словоформ с неперенесенным ударением). Представлен в записях С.С. Высотского из деревень Костино, Есино и Куричины: *гълвэр'йм, нагъвэр'й, пр'ишл'й, давн'д, элн'й, м'ен'э, пълт'эм, худ'ай, т'эллокнэ, пр'ив'эзут', пр'ив'эзл'а, н'э съл'ат*; а также в наших записях: *у' жей, элн'а, н'э мьг'у, жьв'эдм* (Каж.), *кэлр'эф* (Тамб.). Вариантом этого типа является контур с нисходящим тоном ударного слога и низким тоном безударных слогов, причем ударному слогу соответствует наиболее высокий тон: *свэл'своя', на' жбуэ, н'эмьг'у, жьв'эдм* (Каж.).

2) Восходящий тон конечного слога, низкий тон предшествующих слогов: *у' нас, т'ак'й, т'уд'ы* (Каж.), *н'э гъвэр'й* (Косм.), *у' нас, у' м'енэ* (Тамб.). В приведенных примерах конечное ударение "расщепляется" на просодическое составляющие, одна из которых — "сила" — переносится на начальный слог, а другая — восходящий тон — остается на конечном слоге.

3) Восходящий тон на начальном и конечном слогах, низкий тон на внутренних слогах (тональный контур этого типа аналогичен "обрамляющим" силовым ударениям "новых энклиноменов"): *у' стар'ик'а, на' г'эгэ* 'на него' (Каж.). К этому же типу следует отнести тональный контур с нисходящим тоном первого слога, восходящим — последнего и низким тоном внутренних слогов: максимальная высота тона крайних слогов примерно одинакова: *прэл' с'бб'э, одт'эц', за' рас, у' тв'ейей, рэл'сл'а, у' жух, у' нас* (Каж.), *гэл'ры, у' с'в'ин'ей* (Тамб.), *элт'эц'* (Косм.).

4) Восходящий тон ударного слога и ровный высокий тон безударных слогов (по-видимому, вариант контура с ровным тоном): *у' м'фн'э, бэлд' б'эр'ес' к'их'* (Каж.).

Таким образом, в описываемых говорах у "новых энклиноменов" свободно варьируются 4 типа тональных контуров: ровный, с восходящим (высоким) тоном на начальном, на конечном и одновременно на начальном и конечном слогах. "Силовые" контуры "новых энклиноменов" образуют аналогично устроенные типы: с начальной, с конечной интенсивностью и с двумя "обрамляющими усилениями", — также находящиеся в отношении свободного варьирования (или дополнительно распределенные в зависимости от фразовой интонации?). Как показывают приведенные примеры, сочетаться друг с другом могут тональные и "силовые" контуры разных типов.

По-видимому, более архаичными являются тональные и "силовые"

контуры "новых энклиноменов" с выделенным первым слогом и, возможно, с одновременным выделением начального и конечного слогов. Сочетание "конечноударного" тонального контура с "начальноударным" силовым, по-видимому, является инновацией, поскольку встречается только в наших записях, тогда как в более старых записях С.С. Высотского из той же местности у "новых энклиноменов" преобладают тональные контуры с повышением на начальном слоге в сочетании с начальной интенсивностью или с двумя "обрамляющими" ударениями.

В текстах, записанных С.С. Высотским, встретилось два случая восходящего тона на первом слоге не у конечно- и начальноударных словоформ: *пѣхбд'иш*, *длм'ишка* (Кост.). Возможно, они представляют собой остатки старого тонального контура словоформ, характеризовавшегося восходящим тоном начального слога.

Таким образом, в заонежских говорах возможны начальная интенсивность и высокий тон начального слога словоформ и фонетических слов с любым местом ударения. Можно предполагать, что в прошлом эти явления были регулярны в заонежских говорах и явились фонетическими условиями, вызвавшими процесс образования "новых энклиноменов".

1.6. Ниже место "новых энклиноменов" в акцентной системе заонежских говоров показано на пример акцентуации *i*-глаголов.

Система ударения *i*-глаголов описывается с опорой на реконструкцию их акцентных парадигм в праславянском, предложенную Р.В. Булатовой, В.А. Дыбо и С.Л. Николаевым в докладе к X Международному съезду славистов. Согласно этой реконструкции, у *i*-глаголов в праславянском различалось 4 акцентных парадигмы: а.п. *a*, *b*₁, *b*₂ и *c*. Итеративы относились к а.п. *a* и *b*, каузативы и деноминативы — к а.п. *a*, *b*₂ и *c*. У глаголов а.п. *b*₁ в презенсе во всех славянских диалектах происходила оттяжка ударения на корень по закону Станга, а у глаголов а.п. *b*₂ оттяжка ударения на корень в формах презенса (кроме 1 ед.) происходила в одних диалектах и не происходила в других, в третьих и четвертых ее наличие-отсутствие зависело от старой долготы-краткости корневого гласного (Булатова, Дыбо, Николаев).

При описании акцентуации *i*-глаголов допускаются упрощения транскрипции, нивелирующие различия гласных типа *o*, *e* (только в примерах из северного и северо-восточного говоров Заонежья).

1.6.1. Акцентные парадигмы *i*-глаголов в заонежских говорах представлены в следующей таблице:

		а.п. α	а.п. β	а.п. γ
презенс, 1 л. ед. ч. др. формы презенса	НПУ	пр'ибл'и́жус'	хожу́	нас'м'ешу́
	НЭ	—	хѡ́жу	нас'м'ешу
	НПУ	пр'ибл'и́з'иц'ца	хѡд'ят	нас'м'ешы́т
прош. вр., м.р.	НЭ	—	—	нас'м'ешы́т
	НПУ	пр'ибл'и́з'и́са	хѡд'и́т	нас'м'ешы́т
	НЭ	—	хѡд'и́т	нас'м'ешы́т

		а.п. α	а.п. β	а.п. γ
ж. р.	НПУ	пр'ибл'из'илас'	хэд'ила	нас'м'ешыла
ср. р.	НПУ	пр'ибл'из'илос'	заход'ило	нас'м'ешыло
мн. ч.	НПУ	пр'ибл'из'ил'ис'	хэд'ил'и	нас'м'ешыл'и
инфинитив	НПУ	пр'ибл'из'иц'ца	хэд'ит'	нас'м'ешыт'
	НЭ	—	хэд'ит'	нас'м'ешыт'

		а.п. δ	а.п. δ'	а.п. ε	а.п. ε'
презенс, I л. ед. ч.	НПУ			оппал'у	гн'евл'у
др. формы презенса	НЭ			оппал'у	гн'евал'у
	НПУ	т'ел'иц'ца	кот'иц'ца	оппал'ит	гн'ев'ит
	НЭ	—	—	—	гн'ев'ит
прош. вр., м. и ср. р.	НПУ			оппал'и	гн'ев'и
ж. р.	НПУ	т'ел'илас'	кэт'илас'	оппал'ило	ръзгн'ев'ило
	НЭ	т'ел'илас'	кэлт'илас'	оппал'ила	ръзгн'ев'ила
мн. ч.	НПУ	т'ел'ил'ис'	кэт'ил'ис'	пал'ил'и	ръзгн'ев'ил'и
	НЭ	т'ел'ил'ис'	кэлт'ил'ис'	—	—
инфинитив	НПУ	т'ел'иц'ца	кэт'иц'ца	оппал'ит'	ръзгн'ев'ит'

Примечания. НПУ — перенесенное ударение; НЭ — "новый энклينوмен". Знак — обозначает отсутствие по системным соображениям, пропуск — отсутствие по узуальным соображениям; в ряде случаев, когда возникновение "новых энклينوменов" системно невозможно, графа НЭ, парная к НПУ, отсутствует. α — колонное накоренное ударение, β — смежно-подвижное ударение (на корне — в одних формах, на слоге, следующем за корнем, в других), γ — флексийное ударение в презенсе, насуффиксальное — в прошедшем времени и инфинитиве, δ — смежно-подвижное ударение в презенсе, флексийное ударение в формах женского рода и энклитических формах прошедшего времени и инфинитиве, δ' — флексийное ударение в презенсе, формах женского рода и энклитических формах прошедшего времени, насуффиксальное ударение в инфинитиве, ε — смежно-подвижное ударение в презенсе, накоренное — в прошедшем времени (и инфинитиве), ε' — флексийное ударение в презенсе, накоренное ударение в прошедшем времени (и инфинитиве) (без учета переноса ударения в "новых энклينوменах").

Указанные акцентные парадигмы обладают разной мощностью и разной устойчивостью. Наиболее значительны по охвату лексики а.п. α, β и γ; а.п. δ и δ' встречаются только у глаголов со значением 'родить (ся)'; к а.п. ε и ε' относятся несколько глаголов, принадлежавших в праславянском к а.п. b₂ и c; как правило, а.п. δ, δ', ε и ε' не являются единственно возможным способом акцентуации глагола как в рамках диалекта, так и идиолекта.

В целом акцентуация i-глаголов в заонежских говорах имеет довольно неустойчивый характер: у одного и того же глагола может быть две или даже три вариантных акцентовки. Наибольшее единообразие свойственно глаголам а.п. α, практически не имеющим подобных колебаний.

Устройство остальных акцентных парадигм свидетельствует об относительной самостоятельности акцентуации форм презенса и прошед-

шего времени. За пределами а.п.а в презенсе имеет место экспансия смежно-подвижного ударения; при этом смежно-подвижное и флекссионное ударение сосуществует у значительного числа *i*-глаголов. Исключительно смежно-подвижное ударение свойственно сравнительно небольшой группе итеративов, относившихся в праславянском к а.п. *b*₁. У остальных глаголов (относившихся в праславянском к а.п. *b*₂ и *c*) выбор между смежно-подвижным и флекссионным ударением в презенсе зависит от ряда условий, отчасти тех же, что определяют акцентуацию презенса *i*-глаголов в современном русском литературном языке (ср. Зализняк 1985, сс. 27—29). Те глаголы, ударение которых не зависит от этих условий, в большей или меньше степени сохраняют старую акцентуацию. В особенности это свойственно глаголам а.п. *b*₂ с краткостным корнем; различия в их ударении позволяют утверждать, что современные говоры Заонежья восходят к двум древним диалектам. Ударение *i*-глаголов с долготным корнем в этом отношении менее показательно. Преобладание а.п. β у долготных *i*-глаголов а.п. *b*₂ отличает их совокупность от совокупности глаголов а.п. *c*, у большинства которых а.п. β и γ выступают как варианты. Лишь небольшое число долготных глаголов а.п. *b*₂ и *c*, главным образом, непереходных, относятся в заонежских говорах только к а.п. γ .

1.6.2. К а.п. α в заонежских говорах относятся глаголы праславянской а.п. *a* ("старые" каузативы, итератив *лазитъ* и образования от именных основ а.п. *a*), а также ряд глаголов, у которых накоренное ударение может быть вторичным или для которых а.п. *a* восстанавливается в качестве одного из вариантов ударения: *избáвл'у, -в'ит, збáв'ат* 'оставить, покинуть; выбросить', -ил'и, -лас'; *убáв'ит^б; пр'ибл'и́жус'*; -з'иц'ц'а (Куз., Выр., Палт.), -и́тса, -илас'; -и́лос'; -ил'ис'; -иц'ц'а инф.; *пр'ибл'и́жус'*; *пр'ибл'и́жыц'ц'а* 3 ед. (Куз.); *пр'ибр'ѣд'иц'ц'а* 3 ед., -и́льс' (Выр., Палт.); *бура́в'и́т* (Сел.), -и́т' (Выр.); *бр'бу́ш* (Каж.), *бр'о́с'ит, -ила, -ил'и, -ит'*; *бу́ч'у, поб'уч'ит* (Каж., Падм., Палт., Сел.), -ил'и, -и́т' 'отбеливать белье в щелоке'; *поч'и́шч'у, поч'и́с'т'и́т* (Выр.), -и́т, -ил'и, -и́т'; *чу́д'иц'ц'а* 3 ед. (Каж., Сел.), -и́льс' (Каж., Выр.), в Выр. также *поч'уд'и́льс'* (возможно, контаминация с *очутиться*); *продыр'áв'и́т, -и́т* (Выр., Сел.); *нагáд'и́т* (Сел.); *уáд'и́т* (Сел.), *уáт'иц'ц'а* 3 ед., -и́лас' (Выр.), *нагáт'и́т, -и́т* (Куз.), *зуáт'и́т, -и́т* (Сел.) 'тошнить, блевать', редко — 'мостить дорогу'; *гláжу, п'у́лáд'ат, -ила; г'ят'б'вл'у, г'ят'д'в'иш, -ил'и; г'ра́б'л'у, г'ра́б'ит, -ила, -и́т* "грести граблями"; *г'орб'л'ус', г'орб'иц'ц'а* 3 ед., инф., -и́тса, -и́лас'; -ил'ис' (Куз., Тамб., В.Н., Сел.), в Куз. и В.Н. более старым читают смежно-подвижное ударение: *г'орб'ац'ц'а, у'рб'и́л'ис', г'р'б'иц'ц'а* инф.; *ж'ѣжджу, ж'ѣд'и́т, -ил'и; по'жáзв'ит, -ила* (Куз.), 'подшучивать, издеваться'; *закл'ѣйу* (Сел.), -и́т' (Куз.); *закл'и́ну', -и́т, -ило* (Куз.); *кот'áт'иц'ц'а* 3 ед., -и́лас' 'рождать котят' (Падм.); *лк'уч'и́т* (Куз.); *ку́д'ес'ит, пок'уд'ес'им, -ил'и, -и́т* (Куз.), *куд'ес'ит, -и́т* (Сел.) 'гадать; колдовать'; *заквáшу, п'тквáс'ит* (Куз., В.Н., Сел.), -и́лас' (Куз.), -ил'и (Сел.), в Падм. и В.Н. также *наквáшу, наквáс'ит, квáс'и́т; к'орч'у* (Падм.), -ис'с'а, -иц'ц'а 3 ед., инф. (Куз., Сел.); *и́скриц'ц'а* 3 ед., -и́лас' (Куз.); *лáжу, лáд'иц'ц'а* 3 ед., инф., -и́т, *ила, -ил'и* 'лечить; чинить, поправлять; собираться, намереваться; делать, устраивать; иметь хорошие взаимоотношения'; *лáк'м'иц'ц'а* 3 ед., (Куз.),

-*илас'* (Сел.); *залáп'ит, облáп'ит* (Куз., В.Н., Сел.) 'схватить, обнять'; *н'е лáз'ят, -ила, -ит'* (Куз., В.Н., Сел.); *залáс'т'ис'с'е, -иц'ца инф.* (Каж.); *намáсл'ис'с'а, -ит'* (Куз.) 'намазать маслом, кремом, одеколоном; пачкать'; *зам'ят'ит, -ила* (Сел., Куз.), *р'ыз'м'ят'ит, -ит'* (Куз.), *пр'изам'ят'ила* (Каж.); *с'м'ят'ис'с'а, с'м'ят'ис'с'а 3 ед., инф.* (Куз.) 'сблизиться, подойти вплотную'; *с'м'ят'ис'с'а, -ыла* (веки) (В.Н.); *м'яр'б'ч'у, -ит, -ит, -ила, ит'* (Куз., В.Н. Сел.), а также *м'яр'ч'у, м'яр'б'ч'ит, нам'яр'ч'ила, зам'яр'ч'ит, НЭ: п'ом'яр'ч'ит* (Куз., В.Н., Сел.) (морочить голову); *зам'яр'б'з'ит, -ило* (Куз., Сел., Каж.); *зам'уч'у, -иц'ца 3 ед., инф., -ит, -ила; пом'ул'у, -ит, -ит'* (Куз.) 'плакать, расстраиваться'; *нам'ыл'у -ит, -ит, -ила; п'мысл'ит, -ила; умн'б'ж'ит, -ылас'; зам'б'вл'у* (Куз.), *зам'б'л'ит, -ила* (Куз., Сел.); *замут'ар'ит, -илас'* (Сел.), *помыт'ар'итса* (Куз.) 'мучиться'; *п'ер'еинн'ач'ит'; пр'ин'ев'б'л'у, пон'ев'б'л'ит; зан'ич'у, -ит, -ит'* (Куз.) 'пропускать нить в иголку'; *зан'уд'ит'* (В.Н.), но также *п'он'ужу* (НЭ), *п'он'уд'ит* (Куз.); *х'б'т'иц'ца 3 ед., инф.* (Куз.), *-итса* (Сел.) 'ходить на охоту' (старшее поколение в этом значении употребляет также *пол'есоват*); *б'езоб'р'аз'ит, -ит'* (Косм.); *нап'ар'ус', -иц'ца 3 ед., инф. -ила, -ил'и* (Куз., Як., Палт., Сел.) 'погружать в пар, обрабатывать паром', в Сел. также *пар'ил'и* (репу); тот же глагол в значении 'высиживать птенцов' в невозвратных формах акцентуируется по а.п. а: *п'ар'ит, зап'ар'ила, а* в возвратных — по а.п. у: *пар'иц'ца 3 ед., -илас'* (Сел.); *спл'ав'у, спл'ав'ит, -ит, -ил'и, -ит'* 'сплавлять лес; избавляться от ч.-л.'; *р'спл'ав'ит, -ит'* 'растопить, расплавить'; *п'ен'иц'ца 3 ед., -илас', -итса* (Куз., Сел.), также *нап'ен'итса* (Куз.); *б'есп'ок'б'иц'ца 3 ед., инф., -итса, -ит'; спл'об'шыц'ца 3 ед., -ытса, -ылас'* (В.Н.) 'испугаться'; чаще в этом значении употребляется *спл'ох'аться*; также *фспл'ох'ыла, -ылас'* (Куз., Сел.); *п'ер'еп'ом'ниш, -ит, -ила, -ит'* (Выр.); *п'п'рав'л'у, -ит, -ила, -ит'* 'поправлять, чинить', в т.ч. 'точить' (косу); *пр'р'б'ч'ит, -ит; пр'р'уж'иц'ца 3 ед., инф., -ылас', -ыл'и, -ит'* 'перевернуть; опрокинуться'; *исп'ор'ч'у, исп'ор'т'ит, -ац'ца, -ила, -ил'ис'; п'аз'ат, -ил'и, -ит'* (Куз.) 'делать паз'; *нап'ит'у, -ит'; р'сп'ок'с'т'иш, -ила* (Янд.) 'валить войлок?'; *опоз'бр'ит, пр'ипоз'бр'ила* (Сел.); *п'еч'ал'иц'ца 3 ед., инф.; фстр'ят'ит, стр'ит'илас'; нару'шу, -ит, -ыла* (В.Н., Падм.), также *наруш'ила* (Янд.) 'разрушить, убить, погубить'; *скáл'иц'ца 3 ед., инф., -итса; р'ссл'аб'ит, -ит; засл'ав'ил'и* 'заработать прославлением Христа в Рождество', *хр'истасл'ав'ит'* (Тип., В.Н.); *исст'ар'ус', -илас'; дэст'ав'л'ус'* (Каж.), *вт'ав'ит, -ил'и, -ит'; усб'в'ес'т'ит, -ила; р'ссп'ор'ил'и, -ила; ссб'р'ил'ис'; наск'уч'ила; шч'ур'иц'ца 3 ед., инф.* (Выр., Падм.); *р'ст'аиш, -ила* (Сел., С.Г.) 'растопить'; *т'ешу, т'ешыл'и* 'нянчить'; *уда'т, науд'ат, -ит, -ил'и, -ит; пров'ад'ит, пов'ад'итса; ув'аж'ит, -ыла* (Каж.); *пов'ис'иц'ца 3 ед., -итса* (возвратная форма имеет значения 'вешаться' и 'висеть'); *п'х'ит'ит, -ит'* (Куз.), а также *п'х'ит'ит, п'х'ит'ит, -ил'и* (В.Н., Сел.); *х'ухор'ит, -ит'* 'работать мельником' (Куз., С.Г., Влк.); *п'зар'ил'ис'* (Сел.); *пож'ал'ис'с'е* (Куз.), *-илас'* (Куз., Падм.); *п'дж'ар'у, -иш, -ила; глаб'л'у, -ит, -ил'и, -ит'* (Куз.); *зак'б'ч'у, -ила; нам'орш'иц'ца 3 ед., инф.* (Куз.); *запруд'ит'* (Куз.).

К а.п. а в заонежских говорах относятся также следующие глаголы, принадлежавшие в праславянском к а.п. *b₂* и с:

1) глаголы с начальным **ort* корня: *р'бл'у, р'б'ит, нар'б'ит, -ит'*

нарбшч'у, нарбс'т'ит, -ит, -ила, -ил'и, -ит'; рьзрдз'н'ит, -ит, -ил'и, -ит' 'раскидать, разбросать';

2) несколько глаголов с о в корне и исходом корня на j: стб'ит, -ило; стрб'ит -ил'и, рьсстрб'илас', -иц'ца инф.; удвб'ю, -ит, -ит'; гнб'иц'ца 3 ед., инф., -илас' (Куз., Палт.); чаще у этого глагола встречается а.п. β: гнб'иц'ца 3 ед., гнб'илас' (В.Н., Куз., Палт.), а.п. γ: гнб'иц'ца 3 ед., -илас' (Куз., В.Н., Косм.), а.п. ε': гнб'иц'ца 3 ед., гнб'илас' (Куз.); глаголы кроить, доить, поить, однако, акцентуируются только по а.п. β и γ, кроить — также по а.п. ε';

3) глаголы с краткостным корнем родить и ложить в большинстве невозвратных форм акцентуируются по а.п. α, а у невозвратных преобладает а.п. γ (у родить — также а.п. ε'); пльб'жу, -ит, -ыт, -ыла, -ыл'и, -ыт', также пльжыс'с'е, слъжылас'; рб'жу, рбд'ит, -ила, -ит'; также рьд'ила (В.Н., Палт.); род'иц'ца, -иц'са, -илас', рьд'илас', ит'; также рбд'иц'ца (Каж., Палт., В.Н., Падм., Сел.); к а.п. α в Куз. относится также глагол вопить: вбп'ит, навбп'иц'ца, лтвбп'ит';

4) в части говоров — глагол стрелить, а также, возможно, группа глаголов с долготным корнем, у которых имеющийся материал не позволяет различить а.п. α и ε (а у дразнить также ε): застр'ил'у, -ит, -ит' (Куз., Сел., Влк.), также застр'ил'у, застр'ел'ит, -ит' (Падм.), застр'ел'ит, -ит' (Сел.); подрз'н'ит' (Сел.); зблз'н'ит, -ит' (Каж.) (обе формы, возможно, НЭ); зак'ур'ит, -ит' (Каж., Влк.); б'ес'иц'ца, зб'ес'иц'са, -илас', также зб'ес'иц'са (Каж.), оч'ут'иц'ца 3 ед., -иц'са, -илас' (Куз.); зал'ип'ит, -ила (В.Н.); лц'н'ит, -ит' (Каж.);

5) часть отадъективных глаголов с каузативным значением ('делать(ся) таким-то'); поб'ил'у, -им, -ит'; -ила; также поб'ел'ит, б'ил'ил'и (НЭ) (Падм.); удобр'у, -ит, -ила, -ил'и, -ит' (Палт., Сел., Каж.), также удобр'ат (Выр.), удобр'у, удобр'ат (Падм.); рьз'яс'н'иц'ца 3 ед., рьз'яс'н'яла ср. р. 'становиться ясным, безоблачным' (о погоде); также рьз'ес'н'илас' (Сел.); (в значении 'объяснять' этот глагол имеет флексийное ударение: об'ес'н'ит, об'ес'н'ит (НЭ) (Куз.); ъпкарб'ч'у, ъпкарб'т'ит (Сел., В.Н.), ук'рб'ч'у, ук'рб'т'ит (Куз., Палт., В.Н.), также ук'рб'ч'у (НЭ), ук'рб'т'ила (Куз.); скбс'иц'са, лкб'илас' 'становиться косым' (о постройках); покр'ив'лу, покр'ив'иц'са, -илос', -иц'ца 3 ед., инф.; также кри'ив'ит (Палт.); збл'ехч'ит (Сел.), -ит' (Куз.); рьз'м'акч'у, -ит, -ила, -ит' (Куз., Сел.), также рьз'м'екч'у, -ит' (Куз.); пом'ед'лу, -ит, -ила (Сел.); ум'ен'ш'ит, -ыт' (Сел.); ун'из'ит; збнб'в'ит, -ит, -ит'; также злбнб'в'ит (НЭ) (Тамб., Сел.); на а.п. α может указывать и изолированная форма пондв'ит (В.Н., Палт, Куз.); у этого глагола шире представлены а.п. β и γ; завбстр'у, -ит, -иц'ила, -ит' (В.Н., Сел.), также завбстр'у, -ит' (Сел.); на а.п. α может указывать также завбстр'ит (Куз., В.Н., Тамб.); нередко этот глагол встречается и с флексийным ударением; обр'ежу, обр'ед'ит, -ила, -ит (В.Н., Сел.) 'прополоть, проредить'; также прор'ед'ит (Падм.); потс'ин'ила, пьтс'ин'у (Куз.), также пьтс'ин'у, пьтс'ин'ила (Падм.); стрбжыт' (Сел.) 'держат в строгости; заставлять к.-л. вести себя в рамках принятых форм поведения'; лт'епл'ил'и (Янд.) 'утеплить'; с'т'емн'илас' (Косм.); захвб'р'ит, -ила 'заболеть'; б'ас'иц'ца 3 ед., инф., -илас' (В.Н.) 'украшаться'; поч'ер'н'у, -ит, -ила (Выр., В.Н.), также поч'ер'н'у (НЭ), поч'ер'н'ит, -ила (Куз.), нач'ер'н'у, -ит (НЭ) (В.Н.), ч'ер'н'ит' (Сел., Палт.);

б) отсубстантивные глаголы, семантическая связь которых с производимым именем выражается формулой 'покрывать X-м': *зас'н'ѣжыт*, -ыла ср. р. (В.Н.), ср. *с'н'ѣжыт* 'идти' (о снеге); *ѣл'ис'т'иц'ца* 3 ед., -ил'ис' (Сел.); *гр'ѣз'иц'ца* 3 ед., инф. (Сел.); приведенные примеры могут указывать и на а.п. ε'.

1.6.3. За пределами а.п. α основную проблему представляет выбор между а.п. β и γ и шире — между смежно-подвижным и флексийным ударением в презенсе. Ниже делается попытка установить некоторые закономерности выбора между этими а.п. или хотя бы преобладания той или иной акцентовки. Как было сказано, у значительной части i-глаголов а.п. β и γ свободно варьируются.

Итеративы, относившиеся в праславянском к а.п. *b*₁, в заонежских говорах довольно последовательно акцентуируются по а.п. β: *блужу*, *заблужус'*, *блуд'ит*, *заблуд'иц'ца*, -и'са, -и'лас'; *побръжу*, *пъбрѣд'ит*, *брьд'ила*. -и'т; НЭ: *побрѣд'ит'* (Куз.), *брьд'ит'*; *пъбрьд'ит'* (Сел., Тамб.); *догон'у*, *гѣн'ут*, *догон'ила* (Выр., Палт., Сел.); НЭ: *гѣн'у* (Выр.), *ѣдгѣн'у* (Косм.); *пръвъжу*, *завѣд'ит*, *вѣд'и'т*, -и'л'и, -и'т; НЭ: *прѣлвѣжу* (Каж.); *навѣжу*, *навѣз'ит*, *вѣз'и'л'и*, НЭ: *вѣз'и'т* (Падм.), *вѣз'и'т* (Каж., Тип.); *волоц'у*, *волѣч'ит*, *волоц'ила*, НЭ: *волач'у*, *завѣлч'и'т* (Куз.); *вѣл'у*, *повѣн'ит*, *вѣн'ила*, -ѣ'л'и, НЭ: *пѣлвѣл'у*. (Сел.); *кѣлѣч'ус'*, *кѣлѣт'ит*, НЭ: *пѣ*, *пр'и*, *зѣкѣлч'у*, *пѣ*, *пр'и'кѣлѣт'и'т*, *скѣлат'и'т* (Куз., В.Н., Падм.); *накуп'ит*, *куп'ила*, НЭ: *накуп'л'у*, -и'т (Куз., Тип.); *куп'ит'*, -и'т (Падм.); *ѣтлѣм'иц'ца*, *ѣтлѣм'и'т*, НЭ: *ѣтлѣм'л'у*, -и'т, -и'т' (Падм., Куз.), *ѣтлуп'и'т* (Куз.) 'бить; чистить картофель'; *получ'ит*, *получ'и'т*, НЭ: *получ'у*, -и'т (Куз., В.Н.), *пѣллуц'и'т* (Сел.); *н'ѣ луб'ит*, *л'уб'ила*, НЭ: *пѣл'убл'у*, -и'т (Куз.), *н'ѣ л'убл'у* (Падм.), *н'ѣ л'убл'у* (Каж.), *л'уб'и'т*, *зам'ѣсит*, *зам'ѣсила*, НЭ: *зам'ѣшу*, -и'т; *мол'ус'* *мѣл'иц'ца*, *мѣл'и'лас'*, -и'ц'ца, НЭ: *мѣл'ус'*, *пѣмѣл'ус'* (Куз., В.Н.), *мѣл'л'ус'* (Каж.); *мѣлѣт'ит*, *мѣлѣт'и'л'и*, НЭ: *мѣлач'у*, *смѣлат'и'т* (Куз.); *ѣмѣч'и'ш*, *мѣч'и'л'и*, НЭ: *нѣ*, *зѣмѣч'у*, -и'т, -и'т' (Падм., Тип., Куз., В.Н.), *н'ѣ мѣч'и'т* (Каж.); *зам'ут'ит*, НЭ: *зѣмуч'у*, *м'ут'ит'*; *вынѣс'им*, *нѣс'и'т*, -и'л'и, НЭ: *нѣшу*, *пр'и'нѣшу* (Куз.); *прош'у*, *пѣпрѣс'ит*, *прѣс'ила*, -и'т', НЭ: *прѣлс'и'т*, *н'ѣ пѣпрѣс'и'т* (Каж.); *наруб'ит*, *наруб'и'л'и*, НЭ: *нѣрубл'у*, *руб'ит* (Падм.); *наскѣч'ит*, *наскѣч'и'т*, -и'ла, НЭ: *сѣскач'у*, *наскѣч'и'т*, -и'т' (Падм., Куз., В.Н.); *пѣслужыт*, НЭ: *зѣслужыт*, *ѣпслужыт'* (Каж., Сел.); *тч'у*, *натѣч'ит*, НЭ: *нѣтч'у*, -и'т, *тѣч'и'т*, -и'т' (Куз., Выр., В.Н.); *пѣхъжу*, *пѣхѣ'ит*, *пѣхѣд'и'т*, -и'ла, -и'т', НЭ: *пр'и'хъжу*, *схѣжу* (Падм., В.Н., Палт.), *хѣл'жу*, *н'ѣ хъжу*; *хѣлд'и'т*, *пѣлхѣд'и'т*, *хѣлд'ит'* (Каж., Тип., Сел.).

У шести глаголов а.п. *b*₁ в презенсе отмечено флексийное ударение, причем 4 примера записано от информантки из Палт., которые, вероятно, объясняются особенностями ее идиолекта: *вѣлч'и'т* (Куз.), *ѣтлѣм'и'т* (Палт.), *зам'ис'ѣт* (Кост., С.Г.), *замут'и'т* (Палт.), *наскѣч'и'т* (Палт.), *натѣч'и'т* (Палт.). Глагол *вопить* в Куз. может иметь накоренное ударение (см. выше). Наконец, глаголы *томить* и *утолить*, по-видимому, заимствованные из литературного языка (ср. неправильное произношение *утолить*), акцентуируются соответственно по а.п. γ и а.п. γ/β; *удѣл'ит* (жажду) (В.Н.); *тѣм'и'ц'ца* 3 ед. инф. -и'лас' (Куз., Тамб.), также *утѣм'и'ц'ца*, *утом'и'т* (В.Н.).

Выбор между а.п. β и γ у i -глаголов, относившихся в праславянском к а.п. b_2 и c , можно определить следующими правилами, в значительной части совпадающими с аналогичными правилами, установленными А.А. Зализняком для современного русского литературного языка (Зализняк 1985, сс. 27—29) (формулировки правил цитируются далее по А.А. Зализняку).

В заонежских говорах рассматриваемые глаголы относятся к а.п. γ , "если слог перед *-ить* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро, оло*)": *к'ип'ет'им* (Косм.), НЭ: *к'ип'ет'æt* (Сел.); *пошев'ел'ит, -ит, -ила, -ит', иц'ца* (Куз., Косм.), но также *шев'ел'ит* (Куз.); *эслаб'эд'ит, эсваб'эд'ит, -эц'ца*, НЭ: *бслаб'эжу, бслаб'эд'ит, -ит, -ит'* (Падм., Куз., В.Н., Палт.), но также *асваб'эд'ит* (Падм.); *эшьльмат'ила* (Каж.), НЭ: *бшьльмат'ит* (Падм.) 'ошеломить'; *пльс'т'ит* (Сел.); *этэмс'т'ит, -ит'* (Сел.), НЭ: *отамс'т'ит, отамш'ч'у* (Куз., Выр.). Исключение — *эстанб'виц'ца* (Падм.).

i -глаголы праславянских а.п. b_2 и c с односложным корнем, "имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменной характер, получают в презенсе флексии ударение"; отклонения от этого правила в заонежских говорах наблюдаются у глаголов с корневым [у], [é], [и] и корнями структуры *TORT и реже — *TЪRT, у которых встречается акцентуация по а.п. β в качестве вариантной. Модели семантического соотношения отыменных i -глаголов с исходными именами, при которых реализуется данное правило, в заонежских говорах и литературном языке, по-видимому, одинаковы. Для переходных глаголов, отсубстантивные модели: 'обрабатывать с помощью X': *с'вер'л'ит, -ит'* (Сел.); *дуб'ит, -ил'и* (Выр., Сел.), но также *надуб'ат, -ит'* (В.Н.); *бьрн'ит, -ит'* (Каж.), но также *бьрн'ит* (Каж., Падм.); 'покрывать X-ом': *позолот'ит, -ат, -ит'* (Куз.) 'позолотить; одарить к.-л.'; *пос'ер'ебр'ит, -ит'* (Куз.); *оп'ер'иц'ца, -илас'* (Сел.); *смъл'ит, -ит, -ил'и* (Сел., В.Н.), но также *насмол'ит* (Падм.), *смол'ит* (Сел.), НЭ: *насмъл'у, -ит'* (Падм.), *н'е смъл'ят* (В.Н.); *нас'л'ед'ит*, НЭ: *нас'л'ед'ит* (Куз.) 'оставить следы'; *эпс'ем'ен'иц'ца, -илас'* (Сел.); *пэс'л'ун'ит*, но также *нас'л'ун'ит* (Падм., В.Н.), НЭ: *нас'л'ун'у, -ит'* (Падм.); 'снабдить X-ом': *поп'ер'ч'ила*, НЭ: *пн'ер'ч'у, -ит, -ит, -ит'*; *п'ер'ч'ит'* (Куз.); *сльд'ит, -ил'и, -ит'*; НЭ: *сбллад'ит, -ит'* (Куз., В.Н.), но также *пытсалаб'д'ит* (В.Н.) 'делать пишу пряной, класть сахар, соль'; *зац'эн'ит, -ит'* Тамб. 'приделать к ч.-л. цепь, посадить на цепь'; *квет'ят* (Колесов, с. 54); *вооруж'иц'ца, -ылса* (Падм., В.Н.); *пом'ес'т'ит* (Падм.), НЭ: *пэм'еш'ч'у, пэм'ес'т'ит, -ит'* (Куз.); *адалж'ит* (Каж.), НЭ: *бдылж'ит* (Падм.), но также *адблж'ит* (Падм.); *борозд'ит*, НЭ: *ббразд'иш* (Куз.); *мьс'т'ит, -ила*, НЭ: *зэмьс'т'ит, -ит'* (Куз., В.Н., Палт.) 'застелить слоём досок', ср. *мост* 'настил'; *стрьп'ит/эстреп'ит, -ит'* (В.Н.) 'крыть крышу', ср. *строп, остропка* 'нижний настил досок, основа крыши'; 'делать X-ом': *о-, запуст'ишьт* (Падм., В.Н., Сел.), НЭ: *эпуст'ишу, -ыл, -ит'* (В.Н.); *ос'ирот'ит, -ит'* (Сел.); 'вызывать X' ('испытывать X' — для возвратных глаголов): *стыд'ят, -ис'с'е* (Куз., Палт., В.Н.), НЭ: *пр'истыд'ит* (Куз.); *страшыц'ца, -ыл'ис'* (Палт., В.Н., Сел.); *нас'м'еш'ит, -ыл, НЭ: нас'м'еш'у, -ит, -ыл, см'еш'ит*, но также *нас'м'еш'ит* (Падм.); *рьз'жерс'т'иц'ца/рьз'жер'ес'т'иц'ца*,

-*йса* (Куз.); отадъективная модель 'делать таким-то': *упрѣч'н'у, -йт, -йт'* (Палт.); *с'л'еп'ит, -ила* (Сел.), НЭ: *с'л'еп'ит* (Сел.), *џс'л'еп'ит* (В.Н.); НЭ: *обнаж'у, -ыт, -ыт'* (Куз.); *ум'ер'тв'ит -ила*, НЭ: *ум'ер'твл'у, ум'ер'тв'ит, -ит'* (Куз., В.Н.); *рѣз'м'ел'ч'ила*, НЭ: *рѣз'м'ел'чу, -ит, -ит'* (Куз.); *укр'ѣп'ит* (Сел.), НЭ: *закр'еп'лу, з'а, укр'ѣп'ит, -ит'* (Куз., В.Н.), но также *укр'ѣп'ит* (Куз.); *рѣз'ер'иц'ца* 3 ед., НЭ: *рѣз'ер'ит* (В.Н.); *ожыв'ила*, НЭ: *џжыв'ит* (Куз.), но также *ажыв'ит* (В.Н.); *глуш'у, -ыт* (Куз., Сел.), *глуш'ыт* (Куз.), НЭ: *глуш'ыт, -ыт'* (В.Н.), *наглуш'ыт* (Каж.), но также *на-, оглуш'ыт* (Падм., Каж., Выр., Палт., В.Н., Сел.); *глуб'ит* (Палт.), но также *у-, оглуб'ит, -ит'* (Выр., Куз., В.Н.); *нач'ер'н'у, -йт* (В.Н.); *наѣстр'у, -йт*, НЭ: *наѣстр'у, -ит* (Куз., В.Н.); *понов'ит* (Куз., В.Н.) (другие способы акцентуации последних трех слов представлены в списке глаголов а.п. а);

для непереходных глаголов, отсубстантивные модели: 'испытывать Х': *скѣр'бл'у, -б'ит* (В.Н.); *рѣз'грус'т'ит, -йт, -ила, -ил'и, -йт'* (Сел., Куз., Каж., Падм., В.Н.), НЭ: *погруш'чу, погрус'т'ит, -ит, грус'т'ит'* (Падм., Куз., В.Н.), но также *загрус'т'ит* (Куз.); 'делать(ся) подобно (-ым) Х-у': *тыл'иц'ца* (Янд.); *в'ихр'иц'ца* 3 ед. (Колесов, с. 57); 'предаваться Х-у': *сует'ис'с'а* 3 ед., инф. (Тамб.); *нагр'еш'у, гр'еш'иц'ца, -ис'с'ѣ* (Падм., Куз., В.Н., Палт.), *сѣур'ѣш'ыт* (Сел., Тамб.), НЭ: *нагр'ѣшу, -ыт, -ыт', гр'ѣш'ыт* (Каж.), *гр'ѣш'ыт* (Косм.) 'подвергать(ся) Х-у': *пѣказ'н'ит*, НЭ: *исказ'н'у, к'аз'н'ит, пѣказ'н'ит* (Падм., Куз., В.Н., Палт.); *пѣст'иц'ца, пѣст'ит* (значения возвратной и невозвратной форм одинаковы) (В.Н.); *ушыб'ис'с'а* (Колесов, с. 56), *-йса* (Сел.); 'испускать Х': *прос'л'ез'иц'ца, -илас'* (Падм., В.Н.); *дым'ит, -ила*, НЭ: *дым'ит*; в В.Н. у этого глагола — накоренное ударение в презенсе, на-суффиксальное — в прош. времени: *надымл'у, -ит, надымл'ит* (НЭ); *ч'ѣд'ит* (Каж., Падм.); *насмърд'ит, -ит* (Сел., В.Н.), НЭ: *насмърд'ит, -ит* (Куз.); но также *насмърд'ит* (Падм., В.Н.); *голос'ит, -ила, -ил'и* (Каж., Куз., Палт., В.Н., Тамб.), НЭ: *гѣльшу, гѣльс'ит, -ит'* (Куз., Палт.), но также *гѣлѣс'ит* (В.Н., Куз., Палт.); к этой же модели могут быть отнесены отыменные глаголы, обозначающие погоду: *с'н'ѣж'ыт* (В.Н.); *дѣждж'ыт, -ылл* (Выр., Н., Падм.), *дѣждж'ит, -ит, -илл* (В.Н., Сел.); *хэлэд'ит* (Сел.) — а также не отыменные глаголы погоды и состояния: *мърс'ит* (Палт.); *кут'ит* 'быть' (о снежной буре) (Косм.); *зноб'ит -ило* (Куз.); отадъективные модели: 'вести себя таким-то образом': *д'ерз'ит, -ил'и* (Каж., Тип.); *р'езв'иц'ца* (Падм., В.Н., Сел.); *шал'ит* (Палт.); *гър'д'иц'ца* 3 ед., инф., *-йса*, НЭ: *гѣржус'* (В.Н.), также *гѣр'д'иц'ца* 3 ед. (Куз.) (ударение, которое информантка сочла более архаичным); *грубл'у, нагруб'ит, -ила* (Каж., Куз., Тамб., Сел., В.Н., Палт.), НЭ: *нарурубл'у, наруруб'ит, груб'ит, -ит'* (Каж., Куз.), но также *грубл'у, нагруб'ит, -ила* (Падм., Куз., Сел., Тамб., Палт.); *мълд'иц'ца, -илас*, НЭ: *мължус'* (Куз., В.Н., Палт., Сел.), но также *мълѣд'иц'ца* (Куз.); 'делать чересчур так-то': *ч'ас'т'ит, -ит, -йт'* (Выр.); *быстр'иш* (Выр.); 'быть (казаться) таким-то': НЭ: *зѣгър'ч'ит, гѣр'ч'ит* (Падм.).

Таким образом, отличие акцентуации отыменных *i*-глаголов в литературном языке и в заонежских говорах заключается в том, что в последних флексивное ударение в презенсе (а.п. γ) не является еди-

нственно возможной акцентуацией данных глаголов. Во-первых, часть их относится в заонежских говорах к а.п. *a* (более половины зафиксированных отадъективных глаголов, образованных по модели 'делать (ся) таким-то', отсубстантивные глаголы, образованные по моделям 'покрывать X-ом' (*снеж-, гряз-, лист-*) и 'испускать X' (*дым-, голос-*), во-вторых, глаголы с корнями структуры *TORT и *TЪRT и с корневым [y] (в редких случаях также с [o], [и] и [e] в корне) могут иметь в качестве вариантного смежно-подвижное ударение.

Как и в литературном языке, в заонежских говорах глаголы речи относятся к а.п. *γ*: *гъвр'йт, -йл'и*, НЭ: *гôвор'у, -ит* (Падм., Выр. Куз., Палт., Як., В.Н.), *гълъвр'у, -иш, -иш'и, гъвр'иш, гълъвр'ет* (Каж., Косм., Сел., Об., Тип., Тамб.); *тв'ер'д'йт* (Выр.); *соопши'йт* (Падм.) *набэрэз'д'йт, -йт*, НЭ: *бôраз'д'ит* (Куз.) 'перечить; говорить вздор'; *сьлд'ат, пътсьлд'йл'и*, НЭ: *сôлад'ит, -ит'* (Выр., Куз.) 'болтать, трепаться'; *блрхл'ит* (Сел.) 'говорить вздор'.

Правила акцентуации остальных глаголов а.п. *b₂* и *c* в заонежских говорах и литературном языке, по-видимому, различны. В отличие от литературного языка, в заонежских говорах практически не играет роли переходность-непереходность глагола. Нежесткая зависимость акцентуации *i*-глаголов от переходности-непереходности проявляется лишь в следующих немногочисленных случаях: 1) непереходные глаголы а.п. *c* с долготным корнем акцентируются только по а.п. *γ*: *бурл'ит, -иш' ит, -ило* (Выр.); *дорожу', -йт, -ыла*, НЭ: *дôрлжу, -ыт, -ыт'* (Палт., В.Н.); *пърэс'иц'ица, -илас'* (Куз., Падм.); *гнус'иц'ица, -йтса*, НЭ: *пôгнушус'* (Куз.) 'расстроиться', — тогда как у большинства переходных а.п. *γ* и *β* сосуществуют; 2) несколько глаголов а.п. *c* и один — а.п. *b₂* имеют различную акцентуацию (статистически или у отдельных информантов) возвратных и невозвратных форм. К ним относятся: *морить* (*β/γ* — невозвр., *γ* — возвр. формы): *умър'у, умър'у* (НЭ), *умър'йт, -ила, -йт'* (Куз., Сел., В.Н.), *умбр'ит* (Палт., Куз.), *умър'ис'е, -иц'ица* 3 ед. (В.Н., Сел.); *садить* (*β* — невозвр., *β/γ* — возвр. формы): *пъсажу пълсажу* (НЭ), *пъсáд'ит, -ила, сад'иц'ица, досáд'иц'ица* 'пораниться'; *ложить, родить* (*α* — невозвр., возвр., *α/γ* — возвр. формы): *полбжу, -ыт, -ыла, -ыц'ица, лъжыц'ица, -йтса; рбжу, рбд'ит, -ила, рбд'иц'ица, рд'иц'ица, -йтса; плодить* (*β* — невозвр., возвр., *γ* — невозвр.) *наплъжу, наплъжу* (НЭ), *наплбд'ит, -иц'ица, -ила, -ил'ис'* (Падм., Куз., В.Н., Сел., Тамб.), *лад'иц'ица* (В.Н.); *делить, мирить* (*β/γ* — возвр. и невозвр., у отдельных информантов — *β* — невозвр., *γ* — возвр. формы): *ръз'дил'ат, -йт, -йл'и, -иц'ица* (Тамб., Сел., Каж., Выр.), *ръз'д'лит* (Палт., В.Н.), *д'лит'ес'* (Сел.); у информантки из Выр.: *подил'иц'ица, роз'дил'ит; пъм'ир'ис', пъм'ир'иц'ица* (Куз., Палт., Тамб., Сел.), *м'ир'иц'ица* (Выр.), *пъм'ир'ит* (Падм.); у информантки из В.Н. — *пъм'ир'ит, пъм'ир'иц'ица*.

В остальных случаях, представляющих собой подавляющее большинство глаголов а.п. *b₂* и *c*, заонежская акцентуация более или менее зависит от праславянской, а у *i*-глаголов а.п. *b₂* — также от количества корневого гласного. У глаголов а.п. *b₂* с краткостным корнем можно усмотреть различие акцентуации по говорам, причем соответствующие изоглоссы совпадают с изоглоссами наличия-отсутствия дифтонгов

я и *ея* под перенесенным ударением. В говорах, где имеются дифтонги ниже-среднего подъема, большинство краткостных глаголов а.п. *b*₂ имеет флексийное ударение в презенсе, а в говорах, где таких дифтонгов нет, названные глаголы имеют смежно-подвижное ударение. Впрочем, абсолютно четкого территориального распределения а.п. *β* и *γ* у краткостных глаголов а.п. *b*₂ не наблюдается в современных заонежских говорах: у части информантов акцентуация того или иного глагола может отличаться от акцентуации, типичной для их местности: *бъжус', ббжыс'с'а, бжыл'ис', -ытса* (Падм., Выр., Куз., Палт., В.Н., также Тамб., Сел.), НЭ: *ббжус'* (Куз.) / *бжыц'ц'а* 3 ед. (Каж., также В.Н.); *пръгльч'у, пръглот'ит, пръгльт'ила, -ит', НЭ: прбгльч'у, прбгльт'ит* (Падм., Куз., Выр., В.Н.), также *пръглот'ит* (Тамб.) / *пръгльт'ит, НЭ: прбгльт'иш, -ит'* (Каж., Сел.); *пъзвбн'ит, звьн'ила, -ил'и, -ит'* (Куз., В.Н., Янд., Як., также Каж., Сел.), НЭ: *пбзвбн'у* (Куз.) / *завзвн'ит, НЭ: пбзвбн'у* (Косм.), также *зван'ит* (Выр., Куз.); *сыскбн'имс'а, -илас', -иц'ц'а, НЭ: накбпл'у* (Куз., В.Н., Падм.) / *скбп'ит~скбп'ят* (Сел.); *кбт'иц'ц'а* 3 ед., *-иц'ц'а* инф. (Выр., Куз., В.Н., Палт., также Каж.) / *кът'иц'ц'а* 3 ед., инф. (Сел. Тамб.); *ръскрбит, ръскрб'йт, -ит'*; НЭ: *на-, рбскрб'у, -ит'* (Падм., Куз., В.Н.) / *рбскрб'ит* (Сел., также Палт.); *накрбшит, кршыл'а, НЭ: накрбшу, -ыт, -ыт'* (Куз., Падм., В.Н.) / *покрбшит* (Сел., также Палт.); *кр'ес'т'иц'ц'а, окр'ес'т'ит, кр'ес'т'ил'и, -иц'ц'а, НЭ: зкр'ешч'у, закр'ес'т'ит* (Падм., Выр., В.Н., Палт.), также *п'ер'екр'ес'т'ит, -иц'ц'а* (Каж.) / *кр'ес'т'ит, -ил'и, НЭ: кр'ас'т'ит, -ит'; п'ар'акр'ес'т'ит* (Сел., Тамб.), также НЭ: *зкр'ес'т'ит, -ит'* (Куз., В.Н.); *побор'мит, квр'м'ил'и, -ила, -иц'ц'а, НЭ: накрбм'м'л'у -ит, -ит'* (Падм., Куз., В.Н., также Каж., Тамб.) / *накрбм'ит, пръкор'м'ис'с'е~НЭ: н'ас'пъкр'мит* (Сел.); *наплъж'у, наплбд'ит, НЭ: наплъжу, наплбд'ит'* (о флексийном ударении возвратных форм презенса см. выше) (Падм., Куз., В.Н., также Тамб.) / *наплбд'ит~наплбд'ит* (Сел.); *пъс'ел'иц'ц'а, с'ел'ил'ис', -иц'ц'а, НЭ: пбс'ел'ус'* (Падм., В.Н., Палт.) / *пъс'ел'иц'ц'а* 3 ед., *-ылса* (Сел.); *пр'ислбн'иц'ц'а, пр'ислбн'ылса НЭ: пр'ислбн'ус'* (Палм., Куз., В.Н.) / *пр'ислбн'иц'ц'а* 3 ед., *-ылса* (Сел., также Палт.); *шч'ен'иц'ц'а* 3 ед. Куз., В.Н., Палт., также Каж., Сел.) / *шч'ен'иц'ц'а* 3 ед. (Тамб.); *т'ел'иц'ц'а* 3 ед. (Куз., В.Н., Палт.) / *т'ел'иц'ц'а* 3 ед. (Каж., Тип., Тамб., Сел.); *рбствър'у, рбствър'ит, твэр'ила, НЭ: рбствър'у* (Куз., В.Н., Палт.) / *рбствър'ит, -ила* (Сел.) 'открыть (дверь)', 'делать тесто'.

У следующих *i*-глаголов а.п. *b*₂ с краткостным корнем не наблюдается указанного выше территориального распределения акцентуации по а.п. *β* и *γ*: *загбл'ит, загбл'ил'ис', -ит'* / НЭ: *збгбл'ит* (Куз.); *наклбн'иц'ц'а, НЭ: наклбн'ус'* (Падм., Выр., Куз., Палт., В.Н., Сел., Тамб.) / *наклбн'иц'ц'а* (В.Н., Палт.); *пбкбс'ит, къс'ила, НЭ: пбкошу, -ит, ит'* (Падм., Каж., Куз., Палт., В.Н., Косм., Сел.) / *кбс'ит, -ят, НЭ: кдс'ят, кблс'ит* (Каж., Сел.), *накбс'ит* (Куз., В.Н.); *урбн'ит, срън'ила, -ит, -ит'* (Падм., В.Н., Янд., Сел., Куз.), НЭ: *србн'у, -ит, -ит'* (Падм., В.Н.) / *урбн'ит* (Куз.); *сыскбл'ит, скбл'ит'ес'* (Падм., Куз., Сел.), НЭ: *сбскабл'у* (Падм.) / *пъскбл'ит, -иц'ц'а* (В.Н., Палт., Сел.); *пътсбб'ит, пътсбб'ит, -ила* (Падм., Сел., Тип., В.Н., Палт.) / НЭ: *пбтсбб'ит* (Куз.); *пбсбл'ит, пътсбл'ит'* (Падм., Каж., Куз., В.Н., Палт., Як., Сел., Косм.), НЭ: *пбсбл'у, -ит'* (Падм.) / *сол'ят* (Каж.),

НЭ: *н'а сол'аѣт* (Кост.), *п'осол'им* (Куз.); *натв'ор'ит* (В.Н.) / *тв'ор'иц'и'а, -ит* (Сел.), НЭ: *тв'ор'ит, н'атвор'ит, -ит* (Выр., Куз., В.Н.) 'делать, совершать'.

Краткостные *i*-глаголы а.п. b_2 , относящиеся в заонежских говорах к а.п. β : *насор'у, насбр'иш* (Каж.); *утбн'аѣт, потоп'ила* (в воде) (Сел., В.Н.); *натбн'иш, -иц'и'а, тпн'ил'и* 'топить' (печь), 'топить, плавить', (Каж., Падм., Куз., В.Н., Косм., Сел.); *з'аножу* (НЭ), *занб'з'ит, занв'з'ила* (В.Н.); *п'одр'оц'ит, дрвч'ила* (Каж., В.Н.), НЭ: *п'одрвч'у* (В.Н.); к а.п. γ : *отвор'ит, отвор'ила* (Куз., В.Н.).

Таким образом краткостные глаголы а.п. b_2 делятся на следующие три группы: 1) глаголы, у которых а.п. β и γ довольно последовательно распределены территориально: а.п. β — Падм., Куз., Выр., Як., Палт., В.Н., а.п. γ — Каж., Сел., Косм., Тамб.; как было видно из примеров, это распределение нельзя считать жестким: и в тех, и в других говорах, за исключением Падм., имеются отклонения; 2) глаголы, у которых а.п. β и γ трудно считать территориально распределенными; (или у них это распределение иное, нежели у глаголов группы 1); 3) глаголы, у которых зафиксирована только а.п. β . Наличие третьей группы, а также отклонения от а.п. γ в южных и западных говорах, свидетельствуют об экспансии смежно-подвижного ударения, по-видимому, связанной с междиалектным и/или суперстратным влиянием. Что касается флексийного ударения в презенсе, то оно, помимо южных и западных говоров, представлено в Куз. и Выр., а в В.Н. и Палт. почти все формы с флексийным ударением записаны от информантов, долгое время живших на территории южного диалекта. По-видимому, Куз. и Выр. также представляют собой "очаг" флексийного ударения в презенсе краткостных *i*-глаголов а.п. b_2 , в большей степени, чем юг и запад Заонежья, подвергшийся влиянию противоположной системы. С этим выводом сопряжено наличие особых фонем /*э*/ и /*е*/ под перенесенным ударением, отличающихся от *о* и *е* под перенесенным ударением, в говорах Выр. и Куз., — явление, по-видимому, сопровождающее акцентуацию краткостных глаголов а.п. b_2 по а.п. γ .

Акцентуация глаголов а.п. b_2 с долготным корнем, по-видимому одинакова во всех заонежских говорах и подчиняется следующим закономерностям: 1) по а.п. γ акцентуируются только некоторые непереходные глаголы (см. выше); 2) основной акцентуацией остальных непереходных и переходных глаголов является а.п. β ; большинство долготных глаголов а.п. b_2 , относящихся в заонежских говорах к а.п. β , — это глаголы с корневым [у] или рефлексами сочетаний *ТОRT, *ТЪRT; 3) у части глаголов наблюдается колебание а.п. β и γ ; у большинства этих глаголов указанные выше морфонологические признаки отсутствуют. Глаголы а.п. β : *отворб'т'иц'и'а, в'вр'ит'ила, -иц'и'а* (Куз., Янд.); *п'кач'у, п'к'ат'ит* (Палт., Куз., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *п'окач'у, -ит'* (Куз., В.Н.); *закр'ужит, -ыц'и'а, кружыл'ис'* (Каж., Курич., Куз., В.Н., Кост), НЭ: *з'акружус'* (Куз., В.Н.); *сокр'ушит, р'скрушыл'а*, НЭ: *р'скрушу* (Падм., Куз., В.Н.); *этк'ус'ит* (Падм., Куз., Палт., В.Н., Сел.), НЭ: *этк'ушу* (Куз., В.Н.); *зак'ур'ит, накур'и'ѣа* (Куз., В.Н., Палт., Тамб.), НЭ: *з'акур'у* (Падм., Каж.); *раз'л'ич'иш* (Каж.); *л'ич'у, зал'ич'ит*,

л'ѣч'ѣт, -ѣла, -ѣт' (Падм., Каж., Кост., Куз., Тамб., В.Н., Палт., Сел.), НЭ: зѣл'ѣч'у, -ѣт' (Куз.), л'ѣч'ѣт' (Тип.), л'ѣч'ѣт' (Сел.); залѣд'ѣт, залѣд'ѣт, -ѣт; -ѣл'ѣ, НЭ: залѣжу, залѣд'ѣт, -ѣт' (Куз., Палт., В.Н., Сел.); налѣшч'ѣт, НЭ: налѣшч'у, -ѣт' (Куз., В.Н., Палт.); наплѣс'ѣт'ѣт' (В.Н.); запруд'ѣт, НЭ: запружу, запруд'ѣт'ѣт' (В.Н.); с'ѣр'д'ѣт'ѣс', ѣтс'ѣр'д'ѣт'ѣц'ѣа, с'ѣр'д'ѣтсѣа, -ѣлас' (Падм., Куз., Палт., В.Н., Сел.), НЭ: рѣс'с'ѣржус' (В.Н.); остѣд'ѣт, прѣстѣд'ѣтс'ѣс'ѣ, остѣд'ѣт' (Падм., Куз., В.Н., Палт., Сел.); НЭ: ъстѣжу, прѣстѣжус', стѣд'ѣт, застѣд'ѣт', -ѣт' (Падм., В.Н.); настѣп'ѣт, стѣп'ѣла, -ѣт; НЭ: настѣпл'ѣ, стѣп'ѣт' (Каж., Падм.), стѣп'ѣл (Тип.); тлрѣн'ѣт, -ѣц'ѣа (Куз., В.Н., Сел., Косм.); трѣд'ѣт'ѣц'ѣа (Куз.); потѣжѣт (Куз., Сел., В.Н.); хѣрѣн'ѣт, -ѣц'ѣа, хѣрѣн'ѣла, НЭ: хѣлрлн'ѣт', -ѣт' (Сел.); рѣсхѣл'ѣт, хѣл'ѣла, -ѣт' (Сел., Куз.), НЭ: рѣсхѣл'ѣ (Куз.), хѣл'ѣт, -ѣт', рѣлсхѣл'ѣт' (Сел.); лч'ѣт'ѣц'ѣа, лч'ѣт'ѣлас' (Палт., В.Н., Тамб.), оч'ѣд'ѣт'ѣц'ѣа, ѣч'ѣд'ѣтсѣа (Куз.) (контаминация с чудиться); нац'ѣп'ѣт, пр'ѣц'ѣп'ѣтсѣа (Выр.), зацѣп'ѣт'ѣц'ѣа, -ѣт' (В.Н., Палт., Куз.), зац'ѣт'ѣт' (В.Н., Сел.), НЭ: пр'ѣц'ѣп'ѣл'ѣс' (Выр.), зацѣпл'ѣ (Палт., В.Н.);

глаголы с колебанием а.п. β и γ: з'ѣс'ѣт'ѣц'ѣа, б'ѣс'ѣтсѣа, -ѣц'ѣа (Падм., Куз., Выр., В.Н.) / б'ѣс'ѣт'ѣц'ѣа 3 ед., инф. (Тамб.); зблѣзн'ѣ, зблѣзн'ѣт, зблѣзн'ѣт, НЭ: зблѣзн'ѣт' (Выр., Куз., В.Н.) / зблѣзн'ѣт, -ѣл'ѣ (Куз., В.Н., Косм.); гн'ѣз'д'ѣт'ѣц'ѣа 3 ед., гн'ѣз'д'ѣт'ѣц'ѣа инф. (Куз.) / гн'ѣз'д'ѣт'ѣц'ѣа 3 ед., инф., -ѣлас' (Падм., Каж., Куз., В.Н., Палт., Сел., Тамб.); задѣв'ѣт, дав'ѣла, -ѣл'ѣ, -ѣт' (Каж., Выр., В.Н., Палт., Сел., Тамб.), НЭ: рѣздавл'ѣ, -ѣт' (Палт., В.Н.) / задав'ѣт, -ѣла, (Падм.), НЭ: рѣздавл'ѣ, -ѣт (Куз.); пѣткл'ѣч'ѣт, фкл'ѣч'ѣла, НЭ: пѣткл'ѣч'ѣт'ѣт, -ѣт, фкл'ѣч'ѣт'ѣт' (Падм., В.Н., Куз.) / фкл'ѣч'ѣт (Сел.); накрут'ѣт, -ѣц'ѣа, крут'ѣтсѣа, -ѣлас' (В.Н., Палт., Куз., Падм., Сел.), НЭ: накруч'ѣ / крут'ѣт, -ѣт, НЭ: накрут'ѣт (Падм., Выр., Куз.); потпѣл'ѣт, оппѣл'ѣл'ѣ, -ѣт'ѣт' (Падм., Куз., В.Н., Палт., Сел.), НЭ: ѡппѣл'ѣ, -ѣт' (Куз., Падм., В.Н.) / запѣл'ѣт, пѣл'ѣт (В.Н., Сел.); опп'ѣр'ѣд'ѣт, опп'ѣр'ѣд'ѣл'ѣ (Падм., Куз.) / оп'ѣр'ѣжѣ, оп'ѣр'ѣд'ѣт, НЭ: ѡп'ѣр'ѣжѣ, ѡп'ѣр'ѣд'ѣт (Куз., В.Н.), ѡпп'ѣр'ѣд'ѣт (Тамб.); нап'ѣл'ѣ, нап'ѣл'ѣт, нап'ѣл'ѣт'ѣт, НЭ: рѣс'ѣл'ѣ, -ѣт, -ѣт' (Падм., Куз.) / п'ѣл'ѣт (Курич.), НЭ: нап'ѣл'ѣ, -ѣт (Куз.); запѣлѣт'ѣт, запѣлѣт'ѣт' (Куз., Сел., В.Н.), упѣлѣт'ѣт (Падм., Курич., В.Н., Як., Сел.) / запѣлѣт'ѣт (В.Н.); запорѣшѣт, запорѣшѣт, -ѣла (Падм., Куз., Сел.) / пѣрѣшѣт (Сел.); ѡсуд'ѣт, ѡсуд'ѣл'ѣ, НЭ: ѡсѣжу (Падм., Куз., В.Н., Палт.) / НЭ: ѡсуд'ѣт (В.Н.); прѣтѣшѣт'ѣц'ѣа 3 ед. / пр'ѣтѣшѣт'ѣц'ѣа 3 ед., инф. (Падм.); т'ѣр'ѣб'ѣт, т'ѣр'ѣб'ѣла, -ѣт' (Куз., В.Н., Янд.) / т'ѣр'ѣб'ѣт (Палт.); пѣхвѣл'ѣт, НЭ: хвѣл'ѣт' (Куз., В.Н.), пѣлхвѣл'ѣт' (Сел.) / пѣхвѣл'ѣт (Палт.); јѣт'ѣмс'ѣа / јѣт'ѣмс'ѣа (Куз., В.Н.), јѣт'ѣц'ѣа Тамб.).

Аналогичная картина наблюдается у глаголов а.п. с (и глаголов без точной реконструкции — b_2/c), с той разницей, что непереходные глаголы а.п. с в заонежских говорах относятся к а.п. γ, а глаголы с колебанием а.п. β и γ количественно преобладают над глаголами, у которых зафиксирована только а.п. β. Глаголы а.п. β (праслав. а.п. с, b_2/c): рѣзѣжѣ, рѣзѣд'ѣт, рѣзѣд'ѣла, НЭ: рѣлѣжѣжу (Каж.), рѣлѣжѣжу, -ѣт' (Падм., Выр., Куз.), рѣлѣд'ѣт'ѣт' (Куз.); пѣдрѣжѣт, -ѣц'ѣа, НЭ: пѣдрѣжѣт' (Падм., Палт., В.Н.); пѣгѣб'ѣт, загѣб'ѣла (Падм., Каж.), НЭ:

пблгуб'ит (Каж.); *кбр'иц'ца*, НЭ: *накор'ит*, -ит' (Куз.) 'обдирать кору'; *окруэ'иц'ца*, НЭ: *закруэл'ус'*, *окруэл'ус'*, -ит' (Падм., Куз.) 'заканчивать'; *опушш'у*, *опус'т'ит* (Падм., Каж., В.Н., Косм., Сел.), НЭ: *занышч'у* (В.Н.), *н'э прьпус'т'ит* (Сел.); *поруч'у*, *поруч'ит*, *поруч'ила*, НЭ: *поруч'у* (Падм., В.Н.); *нар'ад'иц'ца*, *обр'эд'ает*, *обр'эд'ит'*, -*илас'* (Падм., Палт.); *затун'ит*, НЭ: *затун'ит* (Куз., В.Н., Палт., Сел.); *потуш'ит*, *туш'ит* (Куз., Палт., В.Н., Сел.), НЭ: *пблтуш'ит*; *этуч'иш*, -*иц'ца* 3 ед., *уч'иц'ца* инф. (В.Н., Сел.), НЭ: *н'э уч'ит* (Падм.), *уч'ит* (Тип.); *пбевл'ус'*; *пбав'иц'ца*, *ев'итса*, НЭ: *пбавл'ус'* (В.Н.), *пблэвл'ус'* (Сел.);

глаголы с колебанием а.п. β и γ: *пвэл'ит*, -*иц'ца*, *вал'ил'и*, НЭ: *свал'ит* (Каж., Куз., В.Н., Сел.) / *пвал'ит* (В.Н.), *вал'иц'ца* (Каж.); *навар'ит*, *вар'иц'ца*, *вар'ил'и*, *вар'иц'ца* инф., НЭ: *свар'ит*, -*ит'* (Падм., Тип., Сел., Куз., В.Н.) / *вар'ит*, *навар'ит*, *вар'иц'ца* (Каж., Косм., Сел., В.Н., Куз.), НЭ: *навар'у*, -*ит* (Куз., Косм., Сел.), *вар'ат* (Каж.), *н'э свар'ит* (Сел.); *пбаш'у*, *пбас'ит*, *гас'ил'и*, -*ит'*; НЭ: *пбашу*, *пбас'ит'*; *гас'ит'* (Куз., Выр.), *пбгас'ит'* (В.Н.) / *гас'им*, *пбгас'ит*, -*ит'* (Каж., Сел., Палт.), НЭ: *пбггас'ит*, -*ит'* (Тип., Сел.); *горож'у*, *горбд'ит*, *вгерьд'ит*, -*ила*, -*ит'* (Падм., Каж., Куз., В.Н., Палт.), НЭ: *горожу*, *зэгерьд'ит'*; (Падм., Куз.) / *герьд'ит* (В.Н., Палт., Куз.); *погф'т'ит*, *гс'т'ит'*; -*ил'и*, НЭ: *пбосош'у*, *пбгс'т'ит* (Куз.) / *гс'т'ит*, *пзэс'т'ает* (Падм., Куз., Янд., Палт., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *пбгшч'у*, *пбгс'т'ит*, -*ит'*; -*ит'* (Падм., Куз.), *пблгшч'у* (Сел.); *погрбз'ит*, НЭ: *пбгрбжу* (Палт., В.Н.) / *грбж'у*, *грбз'ит*, *пбгрбз'ит*, -*ит'*, -*ила*, -*ит'*; НЭ: *грбжу*, *грбз'ит*, *пбгрбз'ит*, -*ит'* (Падм., Куз., В.Н., Палт.), *пр'игрбз'ит* (Каж.), *пблгрбз'ит* (Сел.); *рбзгр'мл'у*, *рбгр'мит*, *рбзгр'мит'*; НЭ: *рбзгр'мл'у* (Падм., В.Н., Палт.) / *рбзгр'мит*, -*ила*, -*ит'* (Каж., Куз., Сел., Палт., В.Н.), НЭ: *рбзгр'емл'у*, *рбзгр'ем'ит* (Куз.), *рбзгр'мит* (Куз., В.Н.); *погрз'ит*. *груз'ил'и* (Падм., В.Н., Палт., Сел., Тамб., Куз.), *погруз'ит'* / НЭ: *нагруз'ит* (Каж., Куз.); *подар'ит*, *пдар'ит'*, -*ила*, -*ит'* (Выр., Палт., Як., Тамб., Сел., В.Н.), НЭ: *пбдар'ит'* (Выр., Падм.) / *дар'ит*, *пдар'ит* (Выр., Палт., Як., Куз., Тамб.), НЭ: *дар'ат*, *пбдар'ит*, -*ит'* (Палт., Куз.), *пблдар'ит* (Тамб.); *дб'ит*, *лб'ја* 3 мн., *до'ит'* (Падм., В.Н.), *дбиш*, *дбиц'ца* (Каж.) / *одо'ит*, *д'ила*, *пбд'ит'* (Каж., Выр., В.Н., Палт., Куз., Сел., Тамб.), НЭ: *н'э д'иу*, *дб'ит*, -*ит'* (Выр., Палт., В.Н., Куз.), *бл'д'иу*, *дб'ит*, *дб'ит* (Сел.), *пбл'д'ит'* (Каж.); *пбдрбб'ит* (Палт., Сел.), НЭ: *пбдроб'ит'*; -*ит'* (Палт.) / *дроб'ит*, -*ит'* (Каж., Выр., Тамб., Куз.), *пбдрбб'ит* (Куз.), НЭ: *дрбб'ит* (Куз.), *дрбб'ит*, *пбдроб'ит* (В.Н.); *задур'ит*, *задур'ит'* (Палт., В.Н.) / *задур'ит*, -*ит'*, -*ила* (Выр., Куз., Палт., Сел., Тамб.); *надуш'ус'*, *надуш'иц'ца*, *задуш'ит*, *задуш'ит'*, -*ил'ис'* (Падм., Каж., Выр., Куз., Палт., Сел., Тамб.), *затуш'ит*, *затуш'ит'* (Сел.) / *задуш'ит*, -*ит'* (В.Н.); *жер'эб'иц'ца* (Падм.) / *жер'эб'иц'ца* (Каж., Куз., В.Н., Сел., Тамб.); *покад'ит*, *кад'ил'и*, -*ила* (Падм., Куз., В.Н., Сел.), НЭ: *покад'ит*, *покад'ит'*, -*ит'* (Падм., Куз., В.Н.) / *пбкад'ит* (Палт.), НЭ: *пбкад'ит* (В.Н.); *рбскал'у*, *накал'ит*, *рбскал'иц'ца*, *накал'илас'*; НЭ: *накал'у*, *ит'* (Куз.), *рбскал'у*, -*ит'* (В.Н.) / *накал'иц'ца* (Куз.), *рбскал'ит* (Косм., Сел., Палт.); *пкбр'ит*, -*иц'ца* 3 ед. (Куз., В.Н., Сел.) / *укр'ит* (Куз.), *кр'ит* (В.Н.), *покор'ит*, -*иц'ца* (Сел.) 'укорять; покорять'; *пкбр'ит*, (Куз., В.Н.) / НЭ: *пбкрп'л'у*, *пбкрп'ит*, -*ит'* (Куз., Палт., В.Н.); *л'ен'иц'ца*, *л'ен'итса*, -*иц'ца* инф. (Падм., Куз.,

В.Н., Сел.) / *л'ен'иц-ца* 3 ед., инф. (Куз., Палт., Тамб., В.Н.); *нал'ен'ит*, *л'ен'ила* (Куз., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *нал'епл'у*, *-и'* (Куз.), *л'ен'и'* (Тип.) / *зал'ип'ит* (Палт.); *л'ишыц-ца*, *л'ишы'са*, *-ыц-ца* инф. (Куз.) / *л'ишы'ц-ца* 3 ед., инф., *-ы'са*, *-ы'* (В.Н., Сел., Тамб.); *нал'ов'ит*, *лов'ил'и*, *-ит'* (Куз., Каж., В.Н., Сел., Косм., Тамб.), НЭ: *нал'вөл'у*, *-и'*, *-ит'* (Каж., Куз.) / *нал'в'ит* (Палт.), НЭ: *нал'в'ит* (Куз.); *заман'у*, *обман'ит*, *заман'ит'* (Куз., Падм., Палт., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *пó-*, *зá*, *обман'у*, *-и'* (Куз., Падм., В.Н.) / НЭ: *зámан'ит* (Тамб.); *отм'ен'ит*, *изм'ен'и'*, *-ила*, *-ит'* (Падм., Куз., В.Н., Тамб., Сел.), НЭ: *зтм'ен'у*, *-и'* (Куз.) / *изм'ен'ит* (Янд.), НЭ: *п'ер'ем'ен'ит* (Куз.); *умър'у*, *замбр'ит*, *умър'ила* (Падм., Куз., Палт.), НЭ: *зámър'у*, *-и'*, *-ит'* (Падм., Куз.) / *умър'ит*, *-ис'са*, *-иц'ца* (Каж., Сел., Күз., В.Н., Тамб.), НЭ: *умър'ит* (В.Н.); *снър'ов'ит*, *снър'ов'ит'* (Выр., Сел.), *понар'ов'ит* (Куз., Палт., Тамб.), НЭ: *понар'вөл'у*, *-ит'* (Куз., Палт.) / НЭ: *понар'вөл'у*, *пónър'в'ит*, *-и'*, *-ит'* (Падм., В.Н.), *снб'рл'в'ит* (Сел.) '(подо)ждать'; *изнур'иш*, НЭ: *изнур'у* (В.Н.) / НЭ: *изнур'ит*, *-и'* (Куз.); *нап'ю*, *нап'ит*, НЭ: *нап'ю*, *-ит'* (Падм., Куз., В.Н.) / *напо'ит*, *-ат*, *-ила* (Каж., Куз., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *пá'ю* (Каж.), *нап'ю*, *-ит*, *-и'* (Куз., В.Н., Тамб., Сел.); *запр'ет'ит* (Сел.) / *запр'ет'ит* (Падм.), НЭ: *зáпрешч'у*, *зáпр'ет'ит*, *-ит'* (Куз., В.Н.); *прошч'у*, *прóс'т'им'са*, *-иц-ца* 3 ед., *прэс'т'и'са*, *прóс'т'ит* (В.Н., Сел.), НЭ: *прóшш'у* (В.Н.) / *прэс'т'ит*, *-им'са*, *-ил'ис'* (Каж., В.Н., Сел.); *рсп'уш'ит*, *рсп'уш'и'* (Падм., В.Н., Палт.) / *рсп'уш'у*, *-ыт* (Палт.); *зарáz'ит* (Падм.), *пърáz'ит*, *пърáz'и'* (Сел.) / *пърáz'ит*, *-ила*, НЭ: *срáz'ит* (Палт.); *ос'в'ет'ит* (Куз., В.Н.) / *ос'в'ет'ит* (Палт.), НЭ: *пó-*, *ос'в'ет'ит*, *-и'* (Падм., В.Н.); *ос'в'еч'у*, *ос'в'ет'ит*, *ос'в'ет'и'* (Сел., Куз., В.Н., Палт.), НЭ: *ос'в'еч'у* (Куз.) / *с'в'ет'ит* (Об.), *-ила* (Куз.), НЭ: *ос'в'ет'ит*, *-и'*, *пос'в'ет'ит'* (Падм., Куз., В.Н.) 'святить' (по-видимому, контаминирован с *светить*, ср. корневой гласный); *насл'ед'ит* (Куз.) 'получить в наследство' / НЭ: *сл'эжу*, *сл'эд'ит*, *пос'л'эжу*, *пос'л'эд'ит* 'следить за' (Куз., В.Н.); *соч'иц-ца*, *-и'лас'* (Падм., Куз., В.Н., Сел.) / *сч'иц-ца* 3 ед. (В.Н., Палт.); *пос'н'еш'ит*, *с'н'еш'ил'и*, НЭ: *пос'н'еш'у*, *с'н'еш'ит'* (Падм.) / *пэс'н'еш'ит*, *-ыла*, НЭ: *пос'н'еш'ит*, *-ы'* (В.Н.); *посул'ит*, *сул'ила* (Падм., Куз., Сел.), НЭ: *посул'у*, *-и'* (Падм.) / *посу'ит* (Палт.), *сул'иц-ца* (Выр.). НЭ: *посул'ит* (В.Н.); *за-*, *насуш'ит*, *суш'ила*, НЭ: *засуш'у* (Падм., Выр., Куз.) / *суш'и'* (Каж.), *суш'ат* (Кост.), *насуш'ит* (В.Н.), НЭ: *насуш'ит* (Куз.); *проц'иж'у*, *проц'ид'ит*, *ц'ид'ила* (Каж., Куз., Тамб.), *проц'ид'ит* (Палт., В.Н., Куз., Сел.), НЭ: *прб'л'ц'иж'у* (Каж., Сел.), *ц'и'жу* (Сел.) / *проц'иж'у*, *проц'ид'ит* (Выр.), *проц'эд'ат* (Сел.); *зцэн'ит*, *зцэн'ил'и*, *-ит'* (Падм., Куз., Палт., Сел., Выр.), НЭ: *оцэн'у* (Куз.), *зцэн'и'*, *-ит'* (Выр.) / *зцэн'ит* (Выр.; информантка считает флекссионное ударение "новым"); *нач'ер'т'ит* (В.Н.) / *ч'ер'т'ат*, *-ит* (Каж.), *нач'ер'т'ат*, *-ит'* (Сел.); *поч'ин'ит*, *нач'ин'ит'* (Выр.), *пр'иц'ин'ит* (Куз.), *зач'ин'ит* (Палт., В.Н., Сел., Тамб.), НЭ: *пóч'ин'у*, *-и'* (Выр., Куз.) / *нач'ин'ит*, *-ит'* (Каж.), *соч'ин'ит* (Падм.);

глаголы а.п. γ (праслав. а.п. *b₂/c*): *вьр'жыт* (Сел.), *пр'ивьр'жыт*, *-ыла* (Куз.); *пожур'ит* (Куз.); *рээр'ешыт*, *р'ешыц'ца*, *-ыла*, *-ыл'ис'*, *-ы'* (Падм., В.Н., Сел.), НЭ: *р'ешы'* (Падм.), *р'эшыт'* (Сел.) 'принять решение; позволить; убить, разбить'; *пос'ет'ит*, *-ит'*, *-ила*, *пос'ет'и'* (Падм., Палт.); *утайт*, *-ила* (Куз.).

1.6.4. Особый статус а.п. δ и δ' в заонежских говорах проявляется в том, что эти акцентные парадигмы 1) встречаются только у глаголов со значением 'рождать' (за исключением *пороситься*, у которого зафиксированы а.п. β и γ) и у глагола *родить(ся)* и в силу этого имеют дефектный набор форм (глаголы, относящиеся к этим а.п., кроме *родить(ся)*, употребляются только с возвратной частицей *-ся*, не имеют форм 1 лица, м. и ср. рода); 2) выбор между а.п. δ и δ' подчиняется тем же правилам, что и выбор между а.п. β и γ . У глаголов а.п. b_2 с краткостным корнем а.п. δ и δ' распределены территориально: а.п. δ — в говорах Падм., Выр., Куз., В.Н., Палт., а.п. δ' — в говорах Каж., Косм., Сел., Тамб.; у глаголов а.п. b_2 с долготным корнем и а.п. c такого распределения не наблюдается (в одних говорах встречается а.п. δ , в других — δ' , в третьих а.п. δ и δ' варьируются). Глагол *ягниться* (праслав. а.п. a) под влиянием форм прошедшего времени с флексийным ударением получает флексийное ударение и в презенсе. 3) Флексийное ударение в прошедшем времени не является единственно возможной акцентовкой указанных глаголов: оно варьируется с насуффиксальным и даже с накоренным ударением.

Глаголы праслав. а.п. b_2 с краткостным корнем, заонежская а.п. δ : *кѳт'иц'ц'а*, *кѳт'илас'*, НЭ: *кѳт'илас'* (Куз.), также *кѳт'илас'* (Куз., В.Н., Палт.); *шч'ѳн'иц'ц'а*, *шч'ѳн'илас'*, НЭ: *шч'ѳн'илас'* (Куз., Палт.), также *шч'ѳн'илас'* (Куз., Палт., В.Н., Сел.); *т'ѳл'иц'ц'а*, *т'ѳл'илас'*, НЭ: *т'ѳл'ил'ас'* (Куз., В.Н., Палт. Сел., Тамб.), но также *т'ѳл'и'илас'* (В.Н., Сел., Тамб.); заонежская а.п. δ' : *кѳт'иц'ц'а* 3 ед., *кѳт'илас'*, но также *кѳт'илас'* (Сел., Тамб.); *шч'ѳн'иц'ц'а* 3 ед., *шч'ѳн'илас'*, но также *шч'ѳн'илас'* (Тамб., В.Н.); *т'ѳл'иц'ц'а* 3 ед., *от'ѳл'илас'*, но также *от'ѳл'илас'* (Сел., Тамб., Каж., Тип.).

Глаголы праслав. а.п. b_2 с долготным корнем и а.п. c , заонежская а.п. δ : *жер'ѳб'иц'ц'а*, *жер'ѳб'илас'* (Падм.); *рѳжѳ*, *нарѳд'ит*, *рѳд'иц'ц'а*, *род'илд*, *рѳд'илас'*, *рѳд'иц'са* (Сел., Тип.) (чаще этот глагол встречается с колонным накоренным ударением или с акцентным противопоставлением форм с возвратной частицей формам без нее: а.п. γ или δ — у первых, накоренное ударение — у вторых); заонежская а.п. δ' : *жер'ѳб'иц'ц'а*, *жер'ѳб'илас'*, НЭ: *жер'ѳбилас'* (Куз.), но также *жер'ѳбилас'* (Сел., Тамб., В.Н.), *рѳд'иц'ц'а*, *рѳд'илас'*, *рѳд'иц'са* (Куз., Сел., Тип.).

Глагол праслав. а.п. a *ягниться* имеет следующую акцентуацию в заонежских говорах: *јагн'иц'ц'а*, *јагн'иц'ц'а* инф., *јѳгн'илас'*, НЭ: *јагн'илас'* (Куз., Палт., В.Н., Тамб.), также *јѳгн'илас'* (Куз., Падм., В.Н., Палт.); *јѳгн'иц'ц'а*, *јѳгн'илас'*, НЭ: *јѳгн'илас'* (Сел.).

Акцентная кривая а.п. δ' в точности соответствует акцентной кривой, реконструируемой для глаголов подвижной акцентной парадигмы в праславянском. Появление а.п. δ в заонежских говорах, по-видимому, связано с закреплением флексийного ударения в прошедшем времени за глаголами данной семантической группы и перераспределением смежно-подвижного и флексийного ударения в презенсе i -глаголов, либо сохранением в презенсе смежно-подвижного ударения (краткостные глаголы а.п. b_2). О существовании в заонежских говорах системы подвижного ударения в прошедшем времени i -глаголов свидетельствуют следующие факты: 1) данные акцентуированных памятников

17 в. (из них один связывается непосредственно с Заонежьем) (Зализняк 1985, с. 327—331); 2) следующие формы, отмеченные в Заонежье в разное время, и объяснимые либо как "новые энклиномены", образовавшиеся из конечноударных форм, либо как случаи фиксации начальной интенсивности: *прóговорила* (Гринкова, с. 378), *дóсадила* (СРГК, Черкасы, Медв.), *зáцепилось* (Сказки, с. 176).

1.6.5. А.п. ϵ и ϵ' зафиксированы только как варианты наряду с а.п. β и γ у следующих глаголов праслав. а.п. b_2 и c : отыменные глаголы, а.п. ϵ — *гнѣиц'а* 3 ед., *гнѣилас'*, *загнѣилас'* (Куз., Палт.), *гнѣиц'а* инф. (Палт.); *оп'нер'ѣд'ит*, *-ит*, но также *оп'нер'ед'ила* (Сел.); *поруч'у*, *поруч'ит*, *-ит*, также инф. *поруч'ит'* (Падм.); *рѣс'с'ержус'*, *рѣс'с'ер'д'уц'а*, *-итса*, но также *рѣс'с'ер'д'илас'* (В.Н.); *цѣн'у*, *ли'ѣн'ит*, *-ит*, также *-ит'* (Каж.); *пр'ицѣл'у*, *пр'ицѣн'ит*, *-ила*, но также *пр'ицѣн'ила* (Куз.); а.п. ϵ' — *гноиц'а* 3 ед., *-илас'*, также *гнѣилас'* (Куз.); *опн'ер'ед'ит*, *оп'нер'ѣд'ит*, также инф. *оп'нер'ѣд'ит'* (Куз.); *рѣсхул'ит*, *рѣсхул'ит*, НЭ: *рѣсхул'ила*, НЭ: *ѣпал'у* (Куз.); *оч'ут'иц'а* 3 ед., *-итса*, *-илас'* (Куз.) (возможно, накоренное ударение вызвано контаминацией с *чудиться*); *закур'у*, *закур'ит*, *кур'ил'у* (Каж.), *пѣкур'ит'* (Каж., Сел.); *роскрѣју*, *рѣскрѣдит*, *-ил'у*, *-ит'*, *рѣскрѣдит* (Куз.).

У отыменных глаголов такое ударение может объясняться переходом в а.п. α , результаты которого подверглись в современных говорах разрушению (ср. акцентуацию приведенных выше отыменных i -глаголов либо по а.п. γ , либо по а.п. α , части слов — также по а.п. β). Однако обращает на себя внимание тот факт, что у некоторых глаголов а.п. ϵ и ϵ' отклонения от накоренного ударения в прошедшем времени имеются только в формах женского рода; аналогичным образом в инфинитиве выступает либо накоренное, либо на суфиксальное ударение. Это наводит на мысль, что акцентные парадигмы с накоренным ударением в прошедшем времени и ненакоренным в презенсе являются результатом преобразования подвижной акцентной парадигмы с подвижностью в прошедшем времени и возникают вследствие генерализации ударения "баритонированных" форм прошедшего времени подвижной акцентной парадигмы. Ударение форм женского рода и связанных с формами прошедшего времени характером основы форм инфинитива, не являвшихся "баритонированными" формами подвижной акцентной парадигмы, возможно, подвергалось генерализации менее последовательно.

1.6.6. Рассмотрение акцентуации i -глаголов в заонежских говорах показывает, что, несмотря на огромное число инноваций (а.п. α и γ у отыменных глаголов, имеющих стандартное семантическое соотношение с производящим именем, а.п. γ глаголов с неодносложным или неслоговым корнем и глаголов речи, массовый переход к смежно-подвижному ударению в презенсе глаголов с корневым [у], полногласными сочетаниями, а также, по-видимому, переходных глаголов), в ней просматривается связь с праславянской акцентуацией. По ударению краткосложных глаголов а.п. b_2 говоры Заонежья делятся на 2 типа: первый (юг, запад, северо-восток) характеризуется флексийным, второй — смежно-подвижным ударением в презенсе этих глаго-

лов. Первый в свою очередь делится на юго-западный подтип с последовательным сохранением флексиионного ударения и северо-восточный, где оно сохраняется лишь у нескольких глаголов. Гораздо менее показательно членение заонежских говоров на основании ударения долготных глаголов а.п. b_2 , которые по большей части переходят в а.п. β , и лишь у тех немногих, у которых встречается и а.п. γ , и а.п. β , в говорах юга и запада преобладает флексиионное, а в говорах севера и северо-востока — смежно-подвижное ударение. Отождествляя заонежскую акцентуацию i -глаголов с типами акцентуации i -глаголов а.п. b_2 , выделенными в докладе Р.В. Булатовой, В.А. Дыбо и С.Л. Николаева, говоры юга и запада можно относить к "восточной" системе (и долготные, и краткостные i -глаголы а.п. b_2 имеют флексиионное ударение в презенсе), а говоры севера, по-видимому, — к системе, отраженной в великорусских говорах, восходящих к кривичскому племенному диалекту, западно-болгарских памятниках и в современных западноукраинских галицких говорах (флексиионное ударение в презенсе долготных i -глаголов а.п. b_2 , смежно-подвижное — краткостных). Говор северо-востока имеет, по-видимому, переходный характер даже на фоне зыбкости акцентуации i -глаголов в двух других говорах.

Акцентные парадигмы δ и δ' , а также, по-видимому, ϵ и ϵ' , являются — первые — остатком, а вторые — результатом преобразования (под влиянием аналогии?) подвижной акцентной парадигмы с подвижностью в прошедшем времени.

* * *

"Новые энклиномены" в заонежских говорах, таким образом, возникают из конечноударных форм в результате переноса ударения на начальный слог фонетического слова. Перенос ударения на проклитики практически не имеет ограничений; энклитики делятся на две группы по отношению к переносу ударения с конечного слога: одни препятствуют ему, другие — нет. Ударение также может переноситься на предшествующие словоформы с неперенесенным ударением. Устройство вокализма под перенесенным и неперенесенным ударением различно; различны и реализации фонем неверхнего и ненижнего подъёмов в этих позициях: в первом случае они располагаются в области средне-нижнего подъёма (за исключением огубленной фонемы в северном говоре и реализаций фонем между мягкими согласными во всех говорах Заонежья), во втором — в области среднего и верхне-среднего подъёмов; при этом в точности совпадают устройство вокализма и реализации фонем под перенесенным ударением и в безударной позиции. Все перечисленные явления, связанные с "новыми энклиноменами", указывают на прямую аналогию их со "старыми" энклиноменами в системе великорусских диалектов. То, что и в тех, и в других под ударением фактически имеет место система безударного вокализма, свидетельствует о некогда существовавшем фонетическом отличии их ударения от ударения противоположного им класса словоформ (для "старых" энклиноменов это ортотонические слово-

формы, для "новых" — словоформы с неперенесенным ударением (старые ортотонические словоформы и формы-энклиномены)).

Специфика тональных и "силовых" контуров "новых энклиноменов" и слов с неперенесенным ударением указывает на то, что заонежским говорам могла быть свойственна начальная интенсивность и повышение тона на первом слоге, что явилось одной из причин возникновения системы, в которой конечное ударение является вариантом начального.

2.0. Описание посавской акцентной системы содержится в серии небольших статей Й. Гопича, вышедших с 1907 по 1912 г. в журнале *Nastavni vjesnik*. Взгляды автора на устройство посавской акцентуации менялись по мере появления статей, благодаря чему явление "новых энклиноменов" в посавских говорах не получило у него единой интерпретации и названия. Так, перенос ударения с конечного слога на начальный в двусложных словах с кратким гласным в первом слоге, по его мнению, аналогичен штокавской ретракции ударения и обозначается термином *dvoslovčani zakon*, тот же перенос в трехсложных словах и двусложных с долгим гласным в начальном слоге подчиняется "трехсложному закону" (*troslavčani zakon*) (статьи 1907-1909 гг.). Уже в 1910 г. аналогичное поведение четырех- и пятисложных слов убеждает Й. Гопича в том, что предложенные им "трехсложный", "четырёхсложный" и "пятисложный" законы описывают одно и то же явление переноса ударения с конечного слога на начальный и представляют собой единый "многосложный закон" — *višeslavčani zakon* (в который "двусложный закон" так и не был включен).

Примеры, приводимые Й. Гопичем, показывают, что в описываемом им посавском говоре Церны представлена система с "новыми энклиноменами" на месте конечноударных словоформ (и фонетических слов). Ударение "новых энклиноменов" фонетически отличается от неперенесенного ударения; чтобы показать это различие, рассмотрим типы ударения в говоре Церны.

В говоре Церны различается 5 типов ударения и долготы-краткости предударного и заударных слогов.

1. ^а Кратко-нисходящее ударение (*brzi akcenat*, "быстрый") соответствует праславянскому акуту: *mīla, mīlo, čīst, čīsta, zdrāv, zdrāva, brātov* (Гопич, 17, I, с. 25); *travā je, vodā je, sudd se* (Гопич, 18, IV, сс. 335); *jěst, tkāt, slāt, znāt, trī, prēt* (Гопич, 20, V, с. 330); праславянскому новому акуту краткости: *pōp, rōb, krēst, strōp, māč* (Гопич, 17, IX, с. 765); праславянскому циркумфлексу краткости и ударению, оттянутому с циркумфлектированного слога на проклитику: *ōte, pōpe, sāže, prōkle* аор., 3 ед. (Гопич, 20, V, с. 333).

2. ^б Долго-нисходящее ударение (*silazni akcenat*, "нисходящий") соответствует праславянскому циркумфлексу долготы: *blāg, bēsan, glādan, tūđ, glūv, krīv, gūst, ljūt* (Гопич, 17, I, с. 27), *zlātu, tīlu, grādu* (Гопич, 17, VIII, с. 509), в виде кратко-нисходящего ударения переносится на проклитику: *ī dāru, ū rūci* и т.д. (там же); акуту и новому акуту краткости в позиции удлинения (перед сонантами): *vōl, kotōv, lōv, krōv, kōnj, posōv, ječām* (Гопич, 20, V, с. 330), *mudār, mriāv, zemljān, sanjān, govorljīv, gvozdēn, drvēn* (Гопич, 17, I, сс. 26—27).

3. ~ Новый акут (*razvučeni akcenat*, "растянутый"), соответствует праславянскому новому акуту долготы: *črń, běl, cěl, rědak, māl, brź, bŕŕzak, krŕatak* (Гопич, 17, I, с. 28), *žgēm, žgēmo, žgŭ, prēm, prēmo, prŭ* (Гопич, 20, V, с. 331).

4. Кратко-восходящее ударение (*sprogi akcenat*, "медленный") — ударение, перенесенное с последнего слога на первый слог двусложного слова с кратким гласным или на первый слог слова с бóльшим количеством слогов (в говоре Церны долготу гласного из предударных слогов сохраняет только I предударный). Двусложные слова: *mŕiva*, (Гопич, 17, I, с. 28), *bŕza* (там же, с. 28) (им. ед. ж. рода прилагательных); *sèlu, srèbru, rèbru, sèdlu, zèmlje, lòze, mètŕle, ĩgre, žène, pàklu, làšcu* (Гопич, 17, VII, с. 508) (дат. и местн. ед. существительных а.п. Б и с); *òtac, jàmac, làžac, òkno, stàklo, sèlo, čèlo, čislo, sèdlo, trbu, Uskrs, Bòžić* (Гопич, 17, IX, сс. 765—766); *màča, kònja, stòla, kròva, gròba, lòva* (там же); *sèstra, snàja* (Гопич, 18, II, с. 118). Трехсложные слова: *ù oganj, òd ognja, pò osu, òd jamca, pò lašcu, ù okno, ù staklo, ù sèlo, ù čelo, ù paklu, ĩz kotla* (Гопич, 17, IX, сс. 765—766); *ù trbu, za snaju, nà jablam, nà Bòžić, zà Uskrs, nà sestru* (Гопич, 18, II, с. 118); *stròta, vŕsina, dàljina, tègoba, dùbljina, ĩpota, mĭlina, gròzota, tànkoća, vrùćina, gospođa, òdbrota, làkoća, dùboka* (Гопич, 18, III, с. 357). Четырехсложные слова: *vèlikoća, màlenkoća, crvenoća, zelenoća, jèstinoća, nèmirnoća* (Гопич, 18, IV, с. 365); *mĭmo lovca, mèđu kupus, ĩza konca, prèko rebra* (там же.). Пятисложные слова: *zà nemirnoću, zà potreboću, nà velikoću* (Гопич, 18, IV, с. 366).

5. Долго-восходящее ударение (*razvlačeni akcenat*, "растягиваемый") — ударение, перенесенное с последнего слога на первый слог двусложного слова с долгим гласным: *glāve, rŭke, ĩlu* (Гопич, 17, VII, с. 509) (дат. и местн. ед.); *blāga, bĕsna, glādna, tŭđa, glŭva, sŭva, krŭva, gŭsta* (Гопич, 17, I, с. 27) (им. ед. ж. рода прилагательных).

Приведенные примеры показывают, что в говоре Церны перенесенному ударению свойственна восходящая интонация (ā, ā-āa), тогда как неперенесенному — нисходящая (à, à-àa, ā-aā, см. Гопич, 19, IX, с. 683).

Поскольку долго-восходящее ударение в экспликации Й. Гопича есть кратко-восходящее на первой мере долгого гласного, можно считать, что в посавском говоре ударение переносится на начальную меру фонетического слова.

По-видимому, в говоре Церны ударение переносится только с конечного краткого слога, поскольку конечное долго-нисходящее ударение, как правило, сохраняется на последнем слоге: *kotòv, mudâr, mŕtòv* (Гопич, 17 I, с. 26), *gospodĭn* (Гопич, 20, V, с. 326); то же касается и нового акута (в примерах Й. Гопича имеется только *divān*; однако, наличие односложных слов с новым акутом (см. примеры к типу 3) свидетельствует о том, что конечное кратко-нисходящее ударение не подвергается переносу, если оно стоит на второй мере долгого гласного). При этом в качестве исключительно редких Й. Гопич приводит примеры переноса ударения с конечного долгого слога на начальную меру: *orāj~nà orāj, ječâm, u ječâm~ ù ječâm, divān, na divān~ nà divān* (Гопич, 18, II, с. 118). Примечательно, что перенос ударения в этих примерах имеет место только при наличии проклитики (т.е.

только в трехсложных фонетических словах), а в двусложных его не происходит.

Пример *ù ječât* может свидетельствовать о наличии в говоре Черны двух "обрамляющих" ударений у исконно конечнударных словоформ.

Приведенные примеры показывают, что в говоре Черны ударение переносится с конечного краткого слога на начальную мору в словоформах (фонетических словах) практически любой длины. Что касается переноса ударения на проклитики, то такой перенос вполне регулярен 1) на приставки: *pòkamenčić, ùvalović, pòkomadić, zàkrompiriç, ùtukvanić, pòšarenit, pòzelenit, ràžalostit;*) на предлоги: *ù duboko, zà gospoçtvo, ìza konca, međù potreboçu, ù jeftinoçu.* (Гопич, 18, V, с. 364—366). Однако, перенесенное ударение при наличии приставок и предлогов может ставиться на слог, следующий за ними: *pošàrenit, poçrvenit, za gòspocìtvo, preko lòvca, međù pòtreboçu* (там же). На союзы ударение не переносится (Гопич, 18, V, с. 364).

Энклитики — безударные формы глагола-связки, местоимений — препятствуют переносу ударения (см. примеры к I типу ударения).

2.1. Система ударения подравского валповского говора охарактеризована А. Клаичем в порядке внесения поправок в акцентологическое описание Й. Хамма (см. Клаич, с. 181). Этой системе присущи следующие черты. 1. Перенос ударения осуществляется с конечной моры словоформы (фонетического слова), т.е. в случае конечного кратко-нисходящего ударения: *pîsi* (Клаич, с. 182), *ù ministarstvo* (Клаич, с. 183), — и конечного нового акута (имеется только пример с "обрамляющими" ударениями у неодносложной словоформы: *ìmburãš* (Клаич, с. 183)); в односложных словах перед паузой новый акцент заменяется на долгий циркумфлекс ($\grave{a} > \tilde{a}$, или $a\grave{a} > \tilde{a}\tilde{a}$), что равнозначно переносу ударения с конечной моры на начальную: *krãlj* (Клаич, с. 182)⁹. Конечное долго-нисходящее ударение (равное кратко-нисходящему на предпоследней море словоформы) в валповском говоре переносу не подвергается: *željòv, kudròv, danàs, noçàs, ñjimê, ñjomê* (Клаич, с. 183).

2. Перенесенное ударение в валповском говоре имеет нисходящий характер. В двусложных словах с долгим гласным первого слога перенесенное ударение является долго-нисходящим: *pîsi, krãdi, pîsmo* (Клаич, с. 182), — которое, по мнению А. Клаича, отличается от неперенесенного долгого циркумфлекса (например, *grãd*, там же) бóльшим диапазоном движения тона (ср.: "Taj akcenat pada kudikamo dublje nego književni dugosilazni" (Клаич, с. 183))¹⁰. В остальных случаях в качестве перенесенного выступает кратко-нисходящее ударение, не отличающееся от неперенесенного кратко-нисходящего: *šimãnjak, ìmburãš, muškarac, Veničãnci, ù Veničãnci* (Клаич, с. 183) (примеров двусложных слов с кратким гласным первого слога и перенесенным ударением у А. Клаича нет). Очевидно, в подравском говоре, как и в посавском, ударение переносится на начальную мору слова.

3. Исконно конечнударные словоформы и фонетические слова

в валповском говоре могут иметь 2 "обрамляющих" ударения: *mùškārđc, tãmburãš* (Клаич, с. 183), *pîši* (Клаич, с. 182).

4. Перенос ударения на проклитики в "новых энклиноменах", по крайней мере на приставки и предлоги, по-видимому, не имеет ограничений (примеры см. выше). Присоединение энклитик препятствует образованию "новых энклиноменов": *rũkã me boli, tamburãš ce svirãti, muškārđc je đđšo, krãlj je đđšo* (там же.).

5. В словоформах и фонетических словах с перенесенным ударением, по мнению Клаича, заударный долгий слог имеет интонацию "перенесенного циркумфлекса", а в словоформах и фонетических словах с неперенесенным ударением — интонацию "неперенесенного циркумфлекса": *Beničãnci, ù Beničãnce — Šlivoševci, u Šlivoševce, cigãnka* (Клаич, с. 183).

* * *

Сравнение "новых энклиноменов" в заонежских и славонских говорах выявляет у них следующие черты сходства и различия.

1. "Новые энклиномены" образуются в результате переноса ударения с конечного слога — в заонежских говорах, с конечного краткого слога (в редких случаях — также и с конечного долгого) в посавском говоре Церны, с конечной моры — в подравском валповском говоре.

2. Перенесенное ударение ставится на начальный слог в заонежских говорах, на начальную мору — в славонских. Обычно это начальное слог и мора фонетического слова.

3. И в тех, и в других говорах имеются случаи, когда перенос с конечного слога (моры) осуществляется не в пределах фонетического слова, а в пределах словоформы, т.е. перенесенное ударение ставится не на проклитику, а на слог, следующий за ней. Проклитиками, на которые ударение никогда не переносится, являются в заонежских и славонских говорах союзы, а в заонежских говорах — также частица *ни*. К проклитикам, на которые ударение переносится факультативно (а в других случаях ставится на слог, следующий за ними) в заонежских говорах относится частица *не*, в посавском говоре — приставки и предлоги; для подравского говора соответствующих материалов нет.

4. Образованию "новых энклиноменов" препятствуют следующие энклитики: в заонежских говорах — частица *-ся* при глаголах и частицы *-ка, -кава, -ни, -нибудь, -нибудь, -си* при местоимениях, в славонских говорах — безударные формы глаголов *biti (jesam)* и *hteti* и местоимений.

5. Исконно конечноударные словоформы и фонетические слова в заонежских и подравском говоре могут иметь два "обрамляющих" ударения: на начальном и конечном слогах (морах). О наличии этого явления в посавском говоре практически нет данных.

6. Перенесенное ударение в славонских говорах обладает интонацией, отличной от интонаций, характерных для неперенесенного ударения. В посавском говоре это восходящая интонация, в отли-

чие от нисходящей под перенесенным ударением; в подравском говоре особую интонацию под неперенесенным ударением сохраняет только долгий слог (специфическая долго-нисходящая интонация). По-видимому, в отдельных случаях (довольно редких) интонационное различие перенесенного и неперенесенного ударений имеется и в заонежских говорах: в них "новым энклиноменам" присущи особые типы "тональных контуров", не встречающиеся у словоформ (фонетических слов) с неперенесенным ударением.

7. В подравском говоре заударные долгие слоги "новых энклиноменов" имеют специфическую нисходящую интонацию, отличную от интонации заударных долгих слогов словоформ (фонетических слов) с неперенесенным ударением. В заонежских и посавском говорах такого явления не наблюдается.

8. В заонежских говорах под перенесенным ударением возникают особые фонемы средне-нижнего подъема, не встречающиеся под неперенесенным ударением. В славонских говорах этого явления не наблюдается.

9. Перенос ударения с конечного слога (моры) на начальный слог (мору) в славонских говорах регулярен, в заонежских говорах — нерегулярен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В изученных Е.А. Морозовой рукописях 16—17 вв. Пинежского собрания ИРЛИ существенные праслав. а.п. *b* и "окситонированные" формы существительных а.п. с в большинстве случаев имеют ударение на начальном слоге, а также ударение, оттянутое за пределы словоформы на предлог: *kъ grъhu, pо sоудбу, pо лицу, с kораблѧ* (Морозова, с. 91—92), *дб горы, пб земли* (с. 146) и др. Е.А. Морозова сопоставляет это явление с переносом ударения с конечного слога на начальный в современных заонежских и пинежских говорах (Морозова, с. 138); однако часть акцентных знаков в этих рукописях, по-видимому, может не иметь акцентного значения и выставляется либо из орфографических соображений, либо в соответствии с другими просодическими признаками (например, долготой гласного). Указанная А.А. Зализняком система оттяжки ударения с конечного слога на начальный в двусложных и трехсложных словах, отраженная в записях Ричарда Джемса, также очень напоминает ударение заонежских говоров. Специально отметим пример, на который нам указал А.А. Зализняк: *málatok* (молоток) (Ларин, с. 347), а также возможно, *sъázda* (звезда, там же), *svéatki* (цветки), *séatana* (семенной) (с. 348); в них могут быть отражены гласные средне-нижнего подъема под перенесенным ударением, подобные тем, которые в аналогичных случаях наблюдаются в заонежских говорах.
2. Ниже под рефлексами гласных подразумеваются звуки, которые произносятся в заонежских говорах на месте тех или иных праславянских гласных. Термином "вокализм" обозначается система фонем. Репрезентанты фонем независимо от их различительной функции называются реализациями фонем. Мы придерживаемся фонологической теории, изложенной Р.И. Аванесовым в книге "Фонетика современного русского литературного языка" (М., 1956), и в более поздних работах. При этом фонемами ниже называются как "сильные", так и "слабые" фонемы в терминологии Р.И. Аванесова. Рассуждения о дистрибуции аллофонов и фонемных противопоставлений опущены в целях сокращения размеров работы.

Фонетический материал подается по смешанному "этимологическо-фонологическому" принципу. Отдельно рассматриваются единицы, имеющиеся под неперенесенным, перенесенным ударениями и в безударной позиции. В каждой из этих позиций рассматриваются рефлексы праславянских гласных также по позициям: после твердых, после мягких согласных (различие между этими позициями заложено уже в этимологическом различии гласных), а для *e, *ь, *ě — перед твердыми и перед мягкими соглас-

- ными, и др. Этот принцип позволяет, с одной стороны, классифицировать рефлексы праслав. гласных, а с другой — легко перейти к чисто синхронному фонологическому анализу. Выделение позиции под перенесенным ударением, в отличие от перечисленных выше позиций, не фонетической (поскольку перенесенное ударение в подавляющем большинстве случаев фонетически не отличается от перенесенного) также является данью "этимологическому" принципу.
3. С обозначает любой твердый согласный, С' — любой мягкий.
 4. В северном говоре противопоставлению фонемы /ǫ/ и /o/ соответствует противопоставление /ǫ̂/ и /ǫ̃/, причем последняя имеет периферийный характер.
 5. Наблюдения, изложенные в этом разделе носят предварительный характер. Термины "тональный контур словоформы" и "силовой контур словоформы" предложены по аналогии с термином "акцентный контур словоформы".
 6. Отсутствие указания населенных пунктов означает, что данное слово встречается во всех обследованных населенных пунктах с одинаковой акцентуацией.
 7. Ниже различные способы акцентуации глаголов, распределенные территориально, даются через косую черту; нехарактерность той или иной акцентовки для данной местности сигнализируется словами 'а также' перед названием нас. пункта, например: *poselut* (Падм., В.Н., Куз., а также Каж.) / *poselut* (Сел., Косм., Тип., а также Куз.).
 8. Ударение последних шести слоформ имеет не праславянский характер, а является результатом оттяжки ударения на раннем этапе развития диалекта.
 9. Знак ≈ А. Клаич использует для долго-нисходящего ударения, возникающего на месте ~ (нового акута) перед паузой.
 10. "Перенесенный" циркумфлекс в валповском говоре, по мнению А. Клаича, звучит так же, как и долго-нисходящее ударение в литературном сербохорватском.
- Населенные пункты: Великая Нива, Волкостров, Вырозеро, Есино, Кажма, Космозеро, Костино, Кузаранда, Куричины, Обод, Падмозеро, Палтега, Паяницы, Селецкое, Сенная Губа, Тамбицы, Типиницы, Якорледица, Яндомизеро (села и деревни Медвежьегорского р-на КАССР).

ЛИТЕРАТУРА

- Ардентов — Ардентов Б.П. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ГУ, Кишинев, 1955, т. XV.
- Булатова, Дыбо, Николаев — Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
- Высотский — Магнитофонные записи заонежских говоров, сделанные экспедицией ИРЯ АН СССР под руководством С.С. Высотского в 1959 г. Фонотека ИРЯ АН СССР.
- Высотский 1967 — Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством гласных звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Гильфердинг — Гильфердинг А.Ф. Онежская губерния и ее рапсоды // Онежские былины, собранные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск., 1983.
- Гопич — Gopić J. Novi prilozi akcentskoj teoriji mažuranićeve // Nastavni vjesnik, knj. 16, sv. 1, 1907; *Idem.* Akcenat u pridevá // *Ibidem.* knj. 17, sv. 1, 1908; *Idem.* Akcenat u dativu i akuzativu singulara // *Ibidem.* knj. 17, sv.7, 1909; *Idem.* Osobiti pojavi uzmačni u imeničâ // *Ibidem.* knj. 17, sv. 9, 1909; *Idem.* Akcenat u nominativu i akuzativu singulara // *Ibidem.* knj. 18, sv. 2, 1909. *Idem.* Troslovčani zakon // *Ibidem.* knj. 18, sv. 4, 1909. *Idem.* Četvoroslovčani zakon // *Ibidem.* knj. 18, sv. 5, 1910, *Idem.* Glagolski akcenat u jeziku hrvatskome // *Ibidem.* knj. 20, sv. 5, 1912.
- Гринкова — Гринкова Н.П. К изучению олонекских диалектов // Академик А.А. Шахматов. М., 1947.
- Дыбо СА — Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Зализняк 1985 — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Клаич — Klaić A. . O podravskom akcentu i kvantitetu. // Јужнословенски филолог. 1936. XV.

- Колесов 1975 — *Колесов В.В.* Фонетические условия заонежского "яканья" // Русские говоры. М., 1975.
- Ларин — *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг. Л., 1959.
- Лаучюте — *Лаучюте Ю.А.* Акцентуационные особенности имен существительных в жемайтском диалекте литовского языка // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
- Морозова — *Морозова Е.А.* Именная акцентуация в древнерусском языке 16—17 вв. (на материале рукописей 16—17 вв. из Пинежского собрания ИРЛИ): Дис...канд. филол. наук, Л., 1978.
- Николаев — *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988.
- Рыбников — *Рыбников П.Н.* Об особенностях заонежского наречия // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, вып. IV. СПб., 1867.
- Сказки — Сказки Заонежья. Петрозаводск., 1986.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии (материалы картотеки).
- Тер-Аванесова — *Тер-Аванесова А.В.* Системы вокализма в заонежских говорах // Современные русские говоры (в печати)

СОДЕРЖАНИЕ

Т.М. Николаева. Об одном сходстве славянской и финно-угорской фразовой интонации	3
Л.В. Бондарко, Е.С. Маслова. Слоговая структура текста и информационная характеристика слога	16
С.В. Кодзасов. О просодии русского слова	26
О.В. Беспалова. Некоторые особенности речевого ритма и словесного ударения в чешском и русском языках	40
Р.Ф. Пауфощима. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров)	53
М.И. Лекомцева. Метрический перевод с фонологической точки зрения	64
М.Ю. Лотман. К семантической типологии русского стихосложения	76
Вяч.Вс. Иванов. Новые наблюдения над индоевропейской акцентологией	98
В.А. Дыбо. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии	106
А.А. Зализняк. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных	148
Р.В. Булатова. Особенности акцентуации δ -основ среднего рода в сербохорватском	164
И.А. Корнилаева. Из истории русской акцентуации XVIII в.	192
К.К. Богатырев. Акцентуация поморских прилагательных с исторической точки зрения	200
А.В. Тер-Аванесова. Об одной славянской акцентной инновации	216